

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

4

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2004

УДК 94"04/14"

С 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-01-16127д)*

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. А. Горский (ответственный редактор)

чл.-корр. РАН С. М. Каштанов

к. и. н. И. Г. Коновалова (зам. отв. ред.)

д. и. н. В. А. Кучкин

д. и. н. А. В. Назаренко

д. и. н. Л. В. Столярова (отв. секр.)

чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря

чл.-корр. РАН Я. Н. Щапов

Средневековая Русь. Вып. 4 / Отв. редактор А. А. Горский. — М.: Издательство «Индрик», 2004. — 336 с.: ил.

ISBN 5-85759-266-6

Очередной выпуск ежегодника «Средневековая Русь» посвящен проблемам истории и источниковедения X–XV вв. Он включает работы исследователей из России, Украины и Германии. В публикуемых материалах рассматриваются проблемы становления древнерусского права, древнейшего русского летописания, эволюции веча, истории почитания в Византии и на Руси св. Афанасия Великого. Здесь же помещены исследования, посвященные истории включения во владения московских князей Нижегородского и Суздальского княжеств, процессу формирования института десятских в средневековой Руси, происхождению и датировке так называемого «Сийского» евангелия, а также вопросу о происхождении городских князей.

Для историков, источниковедов, филологов, специалистов в области специальных исторических дисциплин и всех, интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-85759-266-6

© Коллектив авторов, 2004

© Издательство «Индрик», 2004

Предисловие

Очередной, четвертый выпуск сборника «Средневековая Русь», выходящий в новом оформлении, включает в себя исследования по истории и источниковедению X–XV вв. Различные аспекты древнерусского права и социального строя Руси рассматриваются в статьях С. Л. Никольского о дружинном праве, П. В. Лукина о древнерусском вече, В. А. Кучкина об институте десятских. О. В. Лосева изучает историю почитания в Византии и в Древней Руси св. Афанасия Великого. А. А. Горским исследуется процесс включения в Московское государство Нижегородско-Суздальского княжества. Исследование С. М. Каптанова и Л. В. Столяровой посвящено происхождению древнейшего датированного памятника книгописания Москвы — «Сийского» евангелия первой половины XIV в. А. Г. Плахонин изучает «Историю Российскойскую» В. Н. Татищева в связи с реконструкцией генеалогии Рюриковичей. В сборнике помещена статья видного немецкого специалиста по русскому средневековью Л. Мюллера, отметившего в 2002 г. свое 85-летие. Публикация Мюллера представляет собой введение к выполненному им переводу Повести временных лет на немецкий язык и подводит итоги его многолетним исследованиям Начальной летописи.

С. Л. Никольский

О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси

В настоящей работе мне хотелось бы задаться вопросом о специфическом характере правовой системы, функционировавшей в Древней Руси времени сложения государственности, т. е. в X — начале XI в. Постановка этой проблемы обусловлена, в первую очередь, тем, что в отечественной науке долгое время господствовала формационная схема исторического процесса, в рамках которой Древнерусское государство признавалось феодальным уже с самого момента его зарождения. Этот постулат заставлял исследователей древнерусского права искать — и находить — в древнейших его письменных фиксациях отражение процессов феодализации древнерусского общества. Вместе с тем, жесткая схема, подразумевавшая непосредственную смену одной формации другой, в данном случае патриархально-общинной — феодальной, предполагала возможность существования двух форм права: обычного, или устного, присущего родоплеменному строю, и государственного письменного законодательства феодальной эпохи. Взаимоотношения между первым и вторым следовало рассматривать как прямое инкорпорирование (с необходимыми модификациями) обычного права в государственное.

Существенные изменения в оценке процессов образования государства в отечественной этнологии и медиевистике позволяют непредвзято рассмотреть взаимоотношения обычного и государственного права в условиях формирования государства — длительного и неоднозначного процесса, в ходе которого возникали многочисленные промежуточные, переходные формы, не имеющие четких формационных признаков¹.

Предметом нашего внимания, таким образом, становится право, которое складывается на территории формирующегося Древнерусского государства, та система правовых отношений, которая в условиях становления государственности, с одной стороны, синтезирует в себе обычай и закон, а с другой — служит некой промежуточной ступенью.

¹ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классов. М., 1988. С. 226–251.

При переходе от устного права, основанного на обычае, к государственному законодательству, санкционированному верховной властью, грань между ними оказывается весьма размытой. Применительно к периоду становления государства указать, где кончается обычай и начинается закон, крайне затруднительно. При всем многообразии суждений по данному вопросу и отсутствии в исторической литературе устоявшихся определений² особо подчеркну мнение А. Я. Гуревича касательно главного различия между этими понятиями: «Нормы, зафиксированные в законе, становились неизменными... Самое существенное то, что запись права вела к своего рода „отчуждению“ его от его творцов... Между тем обычаи, не будучи записаны, сохраняли „дуповину“, связывающую их с обществом... при сохранении иллюзии неизменности, изменялись, приспособляясь к новым потребностям»³. Отмечу два принципиально важных момента. Во-первых — письменную фиксацию как условие перехода от обычая к закону. Во-вторых — то, что обычное право при всей своей консервативности претерпевало постоянные изменения, приспособляясь к конкретным историческим условиям.

В процессе становления государства и на раннем этапе его развития во всех обществах (в том числе и в Древней Руси) возникает письменное законодательство — один из важнейших атрибутов государственной власти. Тем не менее правящая верхушка, независимо от своего происхождения, не могла не считаться с правовыми обычаями и многовековой традицией, бытовавшими в этих регионах в догосударственный период. Процесс возникновения государства весьма длителен и, поскольку в это время государственная власть воплощалась в лице вождей и ближайшего их окружения — т. е. представителей эпохи, которые сами были подвержены серьезному влиянию обычая, — резонно утверждать, что обычное право не просто нашло свое место в рамках государственного законодательства, но что последнее преимущественно строилось именно на обычном праве.

Конечно, возникновение противоречий между государственным законодательством, исходившим из нового порядка общественной организации, с одной стороны, и обычным правом, прежней системой отношений, базировавшихся на родовых принципах, с другой, было неизбежно. Общинные институты неминуемо должны были вытес-

² Петрухин В. Я. Эволюция общественного сознания // Там же. С. 448–452.

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 167–168.

няться государственными. Замена старой правовой системы на новую могла осуществляться несколькими способами:

а) законодательной отменой прежних норм и введением новых, что, с одной стороны, подразумевает предварительную фиксацию или, по крайней мере, ссылку на отменяемый обычай, а с другой — сдвиг в правосознании определенной общности, наличие условий для подобной отмены;

б) занесением норм обычного права в законодательство, что на первых порах не меняет смысла этих норм, но благодаря государственной санкции изменяет правовое положение людей, руководствующихся ими в своих взаимоотношениях;

в) активным законотворчеством, тем не менее принимающим за основу нормы обычного права, по-новому интерпретируя их и внося определенные изменения, отвечающие интересам государственной власти;

г) наконец, вытеснением прежних норм в те области правовых отношений, которые пока либо не представляют для властей интереса, либо не поддаются контролю (например, отдельные элементы семейного или брачного права), но рано или поздно также включаются в княжескую или церковную юрисдикцию.

Следует также учитывать, что все перечисленные варианты отнюдь не исключают существования обычного права независимо от государственного хотя бы в силу географической удаленности отдельных индивидуумов и общностей от центра формировавшегося государства, а следовательно — от князя и его окружения, гарантировавших исправное выполнение новых правовых норм.

Указанные выше возможные пути взаимодействия обычного и государственного права демонстрируют, как обычное право, по природе своей «неписаное», в процессе формирования государства проникает в письменные правовые источники и таким образом обретает вторую жизнь. Так, первые письменные источники права средневековой Европы, так называемые «варварские Правды», в сущности являлись записями обычного права, а «те немногие нововведения, которые были в них внесены», также осмысливались в качестве обычая⁴.

Таким образом, обычай становится законом, а последний нередко выдается за обычай предков. На смену устной традиции приходит письменная, однако между устным обычаем и письменным законом этого периода

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 160.

не существует четких границ. Скорее, это сложное взаимодействие, отголоски которого и дошли до нас в первых письменных источниках правового характера. Поскольку подобное развитие права — явление универсальное для средневековой Европы, привлечение данных разных регионов позволяет увидеть этот процесс в многообразии его конкретных проявлений. Чрезвычайно важно в этом отношении древнерусское право, которое в раннегосударственный период (вплоть до начала XI в.) представлено «законом русским», известным лишь благодаря ссылкам на него в тексте русско-византийских договоров X в., а также памятником законодательного характера, коим является Древнейшая Правда, дошедшая до нас в составе Русской Правды краткой редакции.

* * *

Начиная с XVIII в. отечественные и зарубежные исследователи предпринимали попытки проследить наличие прямых или косвенных влияний, привнесенных в первые древнерусские правовые памятники из иностранного права — скандинавского, византийского, западноевропейского. На первый план, таким образом, выступал метод сравнительно-исторического анализа и поиск смысловых (реже — текстуальных) пересечений между отдельными нормами древнерусского и иностранного права.

Параллельно существует давняя традиция усматривать наличие в IX–X вв. некоей правовой системы (обычного права восточного славянства), откуда по мере надобности черпались разнохарактерные нормы, пока не произошла их кодификация в виде целостного законодательного памятника — Русской Правды. Предпринимались попытки реконструировать это право на основе известных источников. В данном случае, в соответствии с формулировкой М. Б. Свердлова, действовал «проверенный научный принцип: от известного — к неизвестному»⁵, или ретроспективный метод. В рамках этого направления иностранные источники служат не для выявления конкретных заимствований или косвенного влияния, а как вспомогательный материал при построении общей модели становления раннегосударственного права.

Богатый опыт, накопленный в отечественной и зарубежной историографии, позволяет не только приблизиться к разрешению ряда проблем,

⁵ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 12.

но и ставит перед исследователем новые задачи, заставляя искать новые подходы к источникам и к самой теме права в период становления государственности.

Несомненно, и до, и после образования государства территории, вошедшие в состав Древней Руси, не существовали изолированно. Их население вступало в контакт с соседями и, следовательно, как старые, так и новые общественные институты могли испытывать внешнее воздействие. Тем более если, как в случае с Византийской империей, сосед находился на более высокой стадии общественного и государственного развития. Между тем скандинавское происхождение правящей верхушки древнерусского государства позволяет говорить и о возможном северо-европейском влиянии с существенной поправкой на то, что в IX–X вв. в Скандинавии не было еще ни письменного права, ни централизованных государств. В данном случае речь может идти только о взаимном влиянии устного права обоих регионов, которое могло происходить в условиях тесных этнокультурных контактов.

Стремление реконструировать древнерусское право на основе общей с другими регионами модели развития не в последнюю очередь объясняется отрывочностью и очевидной неполнотой местных сведений вплоть до появления Пространной редакции Русской Правды. Это позволило бы воссоздавать картину древнерусской системы раннего государственного права в ее развитии на основе типологического сходства с историей образования более полных комплексов правовых норм — например, с германскими «варварскими Правдами», «в меньшей степени отражавшими синтезные романо-германские отношения и рецепции римского права»⁶.

Особый интерес вызывает скандинавский материал, поскольку, в отличие от большинства латиноязычных «варварских Правд», областные законы Норвегии и Швеции, как и Древнейшая Правда, записаны на родном для составителей языке и используют местную правовую и социальную терминологию. В таком случае логично было бы предположить, что в Древней Руси и в Северной Европе, обнаруживающих сходство процессов исторического развития в предгосударственный и раннегосударственный период⁷, существовали некие общие тенденции развития

⁶ Соердлоу М. Б. Правовой обычай и закон в формировании системы феодального права в Киевской Руси // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1987 г. М., 1989. С. 21.

⁷ Шаскольский И. П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты

дописменного обычного права, а также качественно близкий, хоть и разновременной порядок включения старых норм в государственную правовую сферу.

С учетом предложенных выше вариантов взаимодействия обычного права и законодательства можно предполагать, что на Руси, как и в Скандинавии, письменное право на первых порах включает минимум нововведений, в основном фиксируя нормы древнего устного права, легитимизируя обычаи предков. Таким образом, княжеская «Правда» Древней Руси не столько устанавливает новые нормы, сколько включает в свою орбиту уже готовые традиции, придает старым нормам новый государственно-правовой смысл. Государство в лице князя на Руси или конунга в Скандинавии вклинивается между субъектами прежнего устного права, выступая в качестве своеобразного «третейского судьи» и в то же время являясь еще одной заинтересованной стороной в тех делах, где прежде механизмы регуляции отношений между обособленными коллективами, кровнородственными группами, действовали напрямую.

Однако эта модель не учитывает изменчивой природы устного права, того, что, несмотря на внешнее стремление к сохранению старины, обычное право являлось «одним из самых гибких в истории»⁸, имея тенденцию приспосабливаться к новым обстоятельствам. Действительно, если отвлечься от общей модели и обратиться к конкретным проявлениям раннего государственного права, становится очевидным, что к моменту письменной фиксации древнерусские и скандинавские правовые обычаи уже имели расхождения принципиального характера.

Так, в Скандинавии многовековая устная традиция, поддерживаемая благодаря институту законоговорителей, сначала оформляется в виде отдельных областных судебников с вкраплениями постановлений, приписываемых тому или иному конунгу, и лишь затем перерабатывается в общегосударственное законодательство. Применительно к Древней Руси нет ясной картины перехода от сложной, проникающей во все сферы человеческой жизни системы обычного права к государственному законодательству. Древнейшая Правда — в сущности, первый письменный источник, фиксирующий эту трансформацию, — даже в тех статьях, происхождение которых из обычного права не вы-

сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1985 г. М., 1986. С. 95–99.

⁸ Блок М. Феодальное общество // Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 163.

зывает сомнений, свидетельствует о том, что старые устные нормы еще до записания на пергамен были приспособлены к новым общественным условиям.

Приведу конкретный пример. В эпоху родового строя тесные связи внутри рода заставляли индивида постоянно осознавать свое место в родственном коллективе. Поэтому в большинстве западно- и северо-европейских записей обычного права кровнородственным отношениям субъекта уделяется самое серьезное внимание. Между тем, древнерусские источники учитывают гораздо более узкий круг родственников субъекта права. Тому есть целый комплекс возможных объяснений:

а) княжеская власть уже достаточно окрепла, чтобы защищать субъекты права Древнейшей Правды, в определенной мере взяв на себя функции родственного коллектива, или же эту роль играла другая общность, отличная от кровнородственной;

б) подобная ситуация отражает интенсивно протекающий процесс разложения кровнородственных отношений на ограниченной территории или в определенной этносоциальной среде, составляющей правовое пространство Древнейшей Правды;

в) Древнейшая Правда имеет особый (по-видимому, отнюдь не случайный) принцип подбора норм.

Древнейшая Правда как законодательный памятник по своей тематике и оформлению не похожа на стандартную фиксацию норм обычного права, претерпевших определенные изменения и соседствующих с новациями, привнесенными государственной властью. В ней имеются и другие принципиальные отличия от большинства европейских «варварских Правд»:

— в Древнейшей Правде зафиксированы лишь уголовные или, реже, уголовно-процессуальные нормы права, тогда как «варварские Правды» отличаются гораздо более широким тематическим охватом;

— в ней нет упоминаний о хозяйственной деятельности субъектов права, что обуславливает и специфический характер очерченных в памятнике преступлений;

— принципиальное отличие от большинства «варварских Правд» и особенно от правовой системы, зафиксированной в скандинавских областных судебныхниках, — это отсутствие каких-либо сведений о земельных наследственных владениях, являвшихся в Северной и Западной Европе неотъемлемой собственностью родового коллектива и определявших социальный и правовой статус субъектов права;

— среди упомянутого в Древнейшей Правде имущества фигурирует главным образом движимость специфического характера (коня, оружие, одежда);

— Древнейшая Правда практически полностью обходит вниманием женскую часть свободного населения (их права и обязанности, их ответственность за преступления, а также наказания за преступления уголовного и иного характера, совершенные против них)⁹.

Таким образом, взаимодействие обычного права и государственного законодательства Древней Руси в интересующий нас период имеет свою специфику, которая может объясняться как местными условиями, так и своеобразием источников. Было бы опрометчиво искать какие-либо заимствования одной правовой системы из другой или же механически накладывать общепринятую модель развития права на изучаемый материал.

С другой стороны, стремление использовать все возможные средства для реконструкции общерусского права зачастую приводят к тому, что немногие дошедшие до нас правовые памятники Древней Руси изучаются как нечто целостное. Разумеется, комплексный анализ источников имеет явные преимущества, но при этом нередко недостаточно учитывается специфика каждого из памятников, а также динамика развития права. Иными словами — внешне схожие нормы «закона русского» и Пространной Правды при временном разрыве, по крайней мере, в двести лет могут иметь различное применение, действовать в разном правовом пространстве, быть обращены к различным субъектам.

Русская Правда краткой редакции также включает в себя комплексы норм, оформившихся с разрывом в несколько десятилетий. Как писал М. А. Дьяконов, «первая и вторая часть Краткой Правды говорят вовсе не об одном и том же, они различаются содержанием, а не изложением; это скорее два памятника, соединенные, однако, между собою потому, что один служит дополнением другого... Между частями краткой редакции Правды необходимо проводить различие...»¹⁰. Две основные части Краткой Правды изначально имели самостоятельный характер и назначение.

⁹ Об исключении косвенного характера см.: Никольский С. Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 160.

¹⁰ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 36.

Таким образом, я намеренно рассматриваю отдельно нормы русско-византийских договоров X в. и Древнейшую Правду, абстрагируясь на данном этапе от Пространной Правды и даже Правды Ярославичей. В первую очередь это объясняется тем, что именно первые два памятника создавались в период формирования Древнерусского государства и в наибольшей степени отражают связанные со становлением государственности процессы и явления. Эти памятники появлялись в атмосфере бурно расцветавшей государственности, когда само обычное право не могло не развиваться весьма интенсивно, и даже схожие, но разновременные нормы одного региона могли наполняться различным смыслом, играть особую роль в преобразовавшихся исторических условиях.

Выбранный метод исследования отличается дифференцированным подходом к первым древнерусским источникам права. Главное — выяснить, что представляет собой отдельно взятый памятник с точки зрения отраженной в нем системы права, осмыслить принципы отбора заключенных в нем правовых норм (отбора не искусственного, а отвечающего определенным требованиям конкретного исторического момента) и его функциональность.

Думается, что предлагаемый подход в перспективе может помочь и при формировании комплексной картины становления древнерусского права, где переход от обычая к государственному законодательству не скачкообразен, но подразумевает постепенное качественное изменение обычного права.

В историографии XIX — начала XX в. большинством ученых признавалось параллельное существование обычного права и государственного законодательства. Ими также исследовались взаимоотношение и влияние первого на второе (Н. И. Ланге, Н. Л. Дювернуа, В. И. Сергеевич, С. М. Шпилевский и др.). Тем не менее дискуссия часто сводилась к спорам касательно частных сторон регламентации обычного права в рамках государственного законодательства без выхода на какие-либо обобщения. По-видимому, об этих частных спорах и изысканиях в тексте Древнейшей Правды различных ограничений кровнородственных институтов пишет Л. В. Милов, когда обращает внимание на постоянные попытки «хоть как-то примирить в Древнейшей Правде глубокую архаику и новации», что, по мнению исследователя, свойст-

венно как для дореволюционной, так и для советской историографии¹¹. Принципиально важным, однако, представляется давно высказанное соображение о том, что, несмотря на очевидный консерватизм обычного права, оно могло претерпевать и претерпевало существенные изменения в догосударственный период, до фиксации его институтов в письменном законодательстве¹².

Еще А. Е. Пресняков, пользуясь определением «союз княжеской защиты», которое ранее предложил А. Хальбан, одним из первых в отечественной историографии выдвинул гипотезу о существовании некой переходной правовой системы, сформулировав понятие «княжого права». Причем княжое право — это не право, создаваемое уставной деятельностью князей. «Дополняя, преобразовывая и видоизменяя действующее право, княжая власть не создает из творимых ею норм особой системы права, отличного от права народного и построенного на иных началах». Вслед за историками германского права А. Е. Пресняков различает среди функций князя общую (распространяющуюся на все подвластное население) и специальную (для отдельных лиц или групп) охрану мира. Первая развивается в рамках общего права. Вторая же закладывает фундамент нового общественно-политического строя, идущего на смену строю «вечевых общин»; организуется «по началам, независимым от народного права». Таким образом, помимо обычного права и государственного законодательства существует система права, некий «правовой союз», построенный на качественно иной основе¹³.

С. В. Юшков подобную переходную систему видел в праве, возникавшем в основных центрах Руси и защищавшем интересы представителей господствующих классов. По его мнению, в это время формировалось право социальных групп, которые возникли в результате разложения первобытнообщинного строя восточного славянства и осели в городах, — т. е. право основных городских центров. Между тем С. В. Юшков признает, что эти «группы руси» стали возникать еще до образования Киевского государства¹⁴.

¹¹ Милов Л. В. Легенда или реальность? О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава // Древнее право. *Jus Anticvum*. 1996. № 1. С. 211.

¹² Косоен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.; Л., 1925.

¹³ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 183–185.

¹⁴ Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники и ее значение. М., 1950. С. 341.

Л. В. Черепнин пошел по пути реконструкции этапов становления государственного законодательства, возникновение которого он относил уже к концу IX в. По его мнению, эволюция права в этот период заключалась в поэтапном переосмыслении норм обычного права, оформлении комплекса юридических норм, которыми в суде и управлении руководствовалась прежде всего киевская знать и которые представители правящей верхушки старались насадить в других землях¹⁵.

А. А. Зимин полагал, что вплоть до начала XI в. в древнерусском праве были сильны черты военной демократии, а обычное право сосуществовало с нормами международного права, а также отдельными распоряжениями, относившимися к жизни княжеской вотчины. По его мнению, лишь с появлением Древнейшей Правды Ярослава княжеская юрисдикция распространилась на все восточнославянское общество, а не только на «полуразбойную дружину», о которой по преимуществу заботились прежние князья. Если раньше «правовые нормы для киевской дружины вырабатывались на основе обычного права, то уже теперь развитие феодальных отношений зашло настолько далеко, что начинает происходить обратный процесс: новое феодальное право, вырабатывавшееся в княжеской и дружинной среде, начинает воздействовать на обычаи, разлагая и приспособлявая его к изменившимся социальным отношениям»¹⁶.

М. Б. Свердлов рисует картину постепенного «перетекания» обычного права в государственное законодательство на основе своеобразной унификации обычно-правовых систем отдельных племенных союзов («племенных правд») и постепенного распространения этой новой унифицированной правовой системы на территорию южного государственного образования восточных славян с центром в Киеве. Таким образом исследователь выделяет качественно новый этап развития устного права в условиях формирования государства. Далее, во второй половине X — начале XI в. эта сложная правовая система в результате тесного взаимодействия с княжеским законодательством преобразуется в устную Правду Русскую — «основной закон великих киевских князей». М. Б. Свердлов особо подчеркивает преемственность развития права раннефеодального государства из предшествующих племенных обычаев, при этом отмечая их «качественное отличие»¹⁷.

¹⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 140, 146.

¹⁶ Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 96.

¹⁷ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 171–173.

Представленный выше краткий обзор показывает, что крупнейшие исследователи так или иначе подразумевали существование неких переходных систем права на Руси в до- и раннегосударственный период. В связи с этим важнейшим правовым источником, дающим возможность проследить развитие древнерусского права на более раннем этапе, чем оно было отражено в Древнейшей Правде, являются русско-византийские договоры X в.

* * *

Традиционно разграничивая обычай и закон (понимаемый как законодательство), исследователи древнерусского права долгое время не уточняли характера правовой системы, именуемой «законом русским», лишь сопоставляя отдельные нормы русско-греческих соглашений со статьями позднейшей Русской Правды. Как правило, не рассматривались и вопросы происхождения и социоэтнической принадлежности «закона русского». Лишь В. О. Ключевский писал об особом его характере и определял его как «право городской Руси, сложившееся из довольно разнообразных элементов в IX–XI вв.»¹⁸.

Одним из первых попытался внести ясность в происхождение и природу «закона русского» С. В. Юшков. По его мнению, «закон русский» — это система права варварского дофеодального государства. Оно не являлось ни общеславянским правом («некой абстракцией»), ни правом восточного славянства в целом, так как славяне вообще и восточнославянские племена в частности находились на разных ступенях общественно-экономического развития и не могли иметь общей для всех правовой системы. Поэтому С. В. Юшков отрицает существование какой-то системы права, единой для всех восточнославянских племен. В отличие от своих предшественников и в определенной степени следуя В. О. Ключевскому, он сужает понятие «закона русского», характеризуя его как систему права, сложившуюся «в основных центрах Руси» и в социальной среде, которая «возникла в результате разложения первобытнообщинного строя восточного славянства». Крупных различий между отдельными центрами Руси не существовало, и, следовательно, здесь могла возникнуть единая система русского права¹⁹. Несмотря на преобладаю-

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1987. Т. 1. С. 219–222.

¹⁹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 85.

шую в историографии концепцию «закона русского» как единой правовой системы восточного славянства, отражающей нормы обычного права, именно точка зрения С. В. Юшкова представляется мне наиболее плодотворной.

Что являло собой «собирательное» право разноплеменного социума, значительная часть которого в X столетии в качестве дружинников и торговцев имела более или менее регулярные сношения с Византией?

Думается, что при определении характера «закона русского» прежде необходимо выяснить, какую смысловую нагрузку несет слово «закон» в древнерусских письменных источниках и в первую очередь в Повести временных лет (далее ПВЛ), поскольку перевод договоров на русский язык, судя по последним исследованиям, осуществлялся в период, непосредственно предшествующий ее составлению²⁰.

Терминологический анализ показывает, что слово «закон» в ПВЛ ни разу не соотносится с государством или государственной санкцией, что делает весьма маловероятным возможность его интерпретации как «закона» в современном понимании термина. Всего в ПВЛ он встречается 52 раза.

В ряде случаев слово «закон» выступает синонимом слов «вера, вероисповедание» и «закон Божий». То же значение слова «закон» как основное отмечает Словарь русского языка XI–XVII вв.²¹ В ПВЛ это словоупотребление характерно для фрагментов, основанных на библейских текстах, посвященных вероисповедной или церковной тематике или связанных с вопросами богослужения.

Так, слова «закон» и «вера» взаимозаменяемы в рассказе, помещенном под 986 г., о выборе вероисповедания князем Владимиром: «В лето 6494. Придоша болгары вѣры бохъмичѣ, глаголюще, яко „Ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси **закона**“²²; но вѣруй в **законъ нашъ** и поклонися Бохъмиту“. И рече Володимеръ: „Како есть **вѣра** ваша?“» (ПВЛ. С. 39)²³. К хазарским иудеям Владимир обращается с вопросом

²⁰ Капитанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1996. С. 40–41.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 5. М., 1978. С. 217–218.

²² Здесь и далее выделения в цитируемом тексте предложены автором статьи.

²³ Здесь и далее цит. по: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. / Подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. (Далее — ПВЛ).

«Что есть *законъ вашъ*?» и «рече: „Аще бы Богъ любилъ васъ и *законъ вашъ*, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ“» (ПВЛ. С. 40). Далее, под 987 годом: «Созва Володимеръ боляры своя и старцы градъскыи, и рече имъ: „Се приходиша ко мнѣ болгаре, рѣкуще: „Прими *законъ нашъ*“. Посемъ же приходиша нѣмци, и ти хваляху *законъ свой*... Се же послѣже придоша грѣци, хуляще *вси законы*, свой же хваляще... аще ли в-ынъ *законъ* ступить, та на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти“» (ПВЛ. С. 48).

Аналогичное употребление слова встречается и в других случаях: «Аще бы лихъ *законъ гречьскый*, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ» (под 987 г.; ПВЛ. С. 49); или «Како азъ хочю инъ *законъ* прияти единъ? А дружина моа сему смѣятися начнуть» (под 955 г.; ПВЛ. С. 30).

Вместе с тем, «закон» — это не только абстрактное обозначение веры, но и определение ее внешних проявлений, заключающихся в отправлении службы и иных обрядах. Дабы принять окончательное решение о выборе вероисповедания, бояре и старцы советуют Владимиру: «Аще хоцещи испытати гораздо, то имашу у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и кто како служить Богу» (под 987 г.; ПВЛ. С. 48). Владимир направляет своих мужей познакомиться с богослужением в каждом из предложенных вероисповеданий, которое затем — в отчетах посланных — обозначается словом «закон». Именно внешние проявления веры в конечном счете влияют на суждение посланников. В этом смысле характерен их отзыв о мусульманском вероисповедании: «Ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадь великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ»²⁴. Богослужебная обрядность в итоге влияет и на решение Владимира: «Яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний *законъ вашъ*, и есть ми лоба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи» (под 988 г.)²⁵.

В рассматриваемом значении слово «закон» может иметь ряд определений. В первую очередь к ним относятся притяжательные местоимения «наш», «ваш» и т. п., которые определяют соотношенность закона-веры с некой группой людей. Вторая категория определений носит уточняющий характер и выделяет православное вероисповедание среди других

²⁴ ПВЛ. С. 49.

²⁵ Там же. С. 50.

«законов»: к ним принадлежат определения «Божий», «христианский», «греческий» (как восточнохристианский). Показательно противопоставление христианства язычеству как двух вер в описании уклада жизни восточнославянских племен: «Си же творяху обычаи кривичи и прочии погани, не вѣдуще **закона Божия**, но творяще сами собѣ **законъ**»²⁶.

Второе значение слова «закон», устанавливаемое по тексту ПВЛ, связано с обозначением традиционных норм поведения, освященных предками. В этом значении оно встречается, например, применительно к укладу жизни восточнославянских племен: «Имяху бо обычаи свои, и **законъ отецъ своих** и преданья, кождо свой нравъ»²⁷. При описании половцев: «Якоже се и при насъ нынѣ половци **законъ** держать **отецъ своих**...» (далее следует описание этого «закона» — половцы проливают кровь, едят мертвечину и нечистую пищу, занимаются кровосмесительством и т. п.)²⁸. В переводе фрагмента из Хроники Георгия Амартола: «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ **законъ** есть, другимъ же обычаи, зане **законъ** безаконьникомъ отечество мнится...»²⁹. Отметим двойственность этого отрывка: с одной стороны, закон здесь явно противопоставляется обычаю, с другой — у «безаконников» закон подменен обычаем. У Георгия Амартола использован термин νόμος.

Показательно, что в этом значении слово «закон» сочетается, как правило, с определением «отцов своих», что прямо указывает на его отнесение к традиционным, сохраняемым издавна обычаям и нормам поведения.

Таким образом, слово «закон» в тексте ПВЛ повсеместно обозначает, во-первых, вероисповедание, соответствующую ему обрядность и обязательные для верующих нормы поведения, во-вторых, широкий круг традиционных обычаев и норм поведения, присущих определенному народу. В первом случае «закон» санкционируется Богом, во втором — предками и традицией. Ни то, ни другое летописец не связывает ни с письменным законодательством, ни с судопроизводством. Это — обычаи, принятые нормы поведения, вера (причем чаще всего ее обрядовый аспект), не зависящие от государства и государственной власти³⁰.

²⁶ ПВЛ. С. 11.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Там же.

³⁰ Отмеченное Словарем русского языка XI–XVII вв. значение слова *закон* — «установле-

С понятиями верховной власти, суда и судопроизводства (в том числе Божьего суда) в ПВЛ сопрягается иной термин — «правда». Он встречается 17 раз в самых различных контекстах. Например:

«Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ *правды*, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: „Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и *судиль по праву*“» (под 862 г.)³¹;

Из уст Ярослава: «Не я почяхъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмстникъ Богъ крове братья моя, зане без вины проля кровь Борисову и Глѣбову праведную. Еда и мнѣ сице же створить? Но *суди* ми, Господи, *по правдѣ*...» (под 1015 г.)³²;

«Его же *по правдѣ*, яко неправедна, *суду* напешю на нь...» (под 1019 г.)³³;

«Мною цесареве царствуютъ, а *силнии* пишють *правду*...» (под 1037 г.)³⁴;

«Он же рече имъ: „Мѣстите своихъ“. Они же поимше, убиша я и повесиса я на дубѣ: отмѣстье приимша от Бога *по правдѣ*» (под 1071 г.)³⁵;

«Аще ти подасть Богъ *прияти* власть стола моего, по братьи своей, *с правдою*, а не с насильемъ...» (под 1093 г.)³⁶;

«И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своя первыя и людем не доходити *князе правды*, начаша ти унии грабити, людии продавали, сему не вѣдущу в болѣзнях своихъ» (под 1093 г.)³⁷.

Именно «правда», как видно из вышеприведенных контекстов, может иметь значение справедливого суда, закона, санкционированного государственной властью. Не случайно с ним сопрягается определение «княжая», отмечающее государственный, общественный характер «правды».

ние, предписание светской власти, закон», подтверждается лишь одним примером домонгольского времени — текстом из Жития Саввы Освященного, переведенного с греческого языка и известного на Руси не позднее середины XI в.

³¹ ПВЛ. С. 13.

³² Там же. С. 62.

³³ Там же. С. 64.

³⁴ Там же. С. 66–67.

³⁵ Там же. С. 77.

³⁶ Там же. С. 91.

³⁷ Там же. С. 92.

Если летописец вкладывал в понятия «правда» и «закон» разные значения, то же самое можно, по-видимому, сказать и о переводчике русско-византийских договоров X в. Показательно, что слово «правда» встречается в тексте соглашений, но всего один раз (911 г., ст. 12) — «да погубить правду свою»³⁸ — применительно к греку, мешавшему в розыске бежавшего или украденного русского челядина.

К определениям нормативного права в ПВЛ может относиться и термин «устав», встречающийся в тексте 8 раз, причем в основном данному термину сопутствуют определения «церковный» или «монастырский». Однако два упоминания связаны с княжеской деятельностью:

«И иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи **уставы** и уроки...» (под 946 г.); «Бѣ бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи землѣмъ, и о ратехъ, и о **уставѣ** землѣмъ» (под 996 г.)³⁹.

Оба отрывка объединены упоминанием дружины, присутствующей при княгине либо «думающей» вместе с князем. Не случайным может быть и определение «земельный» под 996 г., поскольку в 946 г. Ольга также «уставляет уставы» по Древлянской земле⁴⁰.

В русско-византийских договорах термин «устав» встречается единожды (944 г., ст. 6) в норме, определяющей наказание за кражу («...и тѣ показнень будеть по закону гречьскому, и по **уставу** и по закону рускому»⁴¹). Поскольку предлог *по* появляется в данной формуле трижды, определение «русский» вовсе не обязательно относится и к слову «устав», что служит дополнительным аргументом в пользу «закона русского» как единственного обозначения правовых норм, привнесенных в договоры русской стороной.

Интерпретация определения «русский» второй части словосочетания «закон русский» в договорах 911 и 944 гг. в значительной степени связана с пониманием слова «русь». В настоящее время наиболее обоснованным представляется мнение о скандинавской этимологии данного термина, которое предполагает три основных этапа в проникновении слова из древнескандинавского в древнерусский язык: самоназвание появлявшихся на финских землях скандинавов *görs(menn)* — западно-

³⁸ Постатейная разбивка дается по: Памятники права Киевского государства // Памятники русского права, М., 1952. Вып. 1.

³⁹ ПВЛ. С. 29, 56.

⁴⁰ Там же. С. 29.

⁴¹ Там же. С. 25.

финское название этих пришельцев, имевшее этносоциальное содержание Ruotsi/Rootsi — древнерусский термин «русь», двойственный в своем исходном этносоциальном значении⁴². По мнению Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, основные преобразования в семантике, употреблении и форме названия «русь» на русской почве завершились лишь с консолидацией государства (к концу X века)⁴³. В первой же половине X в., когда были составлены тексты договоров с Византией Олега и Игоря, понятия «русь» и «русский» продолжали претерпевать радикальные смысловые изменения. В конце IX — первой половине X в. на передний план выступает социальное значение термина «русь»⁴⁴. Размывание первоначальной этнической соотнесенности понятия «русь» отражало процесс перенесения названия скандинавского костяка княжеской дружины на полиэтническую по своему составу дружинную среду в целом. В середине X в. в сочинении Константина Багрянородного прослеживаются три основных значения названия «рос» (ῥῶς — греч. передача слова *русь*). Во-первых, «росские» названия днепровских порогов являются древнескандинавскими (древнешведскими), и, следовательно, под «росами» Константин подразумевает скандинавов (этническое значение). Во-вторых, «росы» — это великокняжеская дружина, осуществлявшая полюдье и занимавшаяся его сбытом в Константинополе (социальное значение). В-третьих, Константин употребляет термин «Росия», обозначавший, по-видимому, территорию, подвластную киевскому князю (расширительное географическое значение). Это же расширительное географическое понятие «Русь», а также наименование «русская земля» присутствуют и в тексте русско-византийских договоров как ссылки на территорию, включенную в сферу действия великокняжеской дружины и подвластную русскому великому князю.

С учетом того, что тексты русско-византийских договоров являются переводами с греческих оригиналов, появившихся даже раньше, чем сочинение Константина Багрянородного, риску предположить, что и в них определение «русский» не имеет однозначной этнической атрибуции.

⁴² Подробней об этимологии и эволюции значения слова «русь» см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. [Комментарий к главе 9] // *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Текст, перевод, комментарий: Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1991. (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 293–307.

⁴³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название *русь* в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // *Вопросы истории*. 1989. № 8. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 30.

Разумеется, киевский книжник конца XI в. оперировал им уже в широком смысле, однако в первой половине X в. в строго определенном контексте договоров термины «русь», «русский» скорее всего подразумевали военно-торговую верхушку древнерусского общества, т. е. полиэтнические великокняжеские дружины во главе с «русским» великим князем.

«Закон русский», каким он предстает в единственном источнике, отразившем его существование, — это принятые нормы поведения и взаимоотношений внутри великокняжеской дружины, нормы фиксированные, но не кодифицированные. Ссылки же на «закон русский», присутствующие в русско-византийских договорах в статьях уголовного и процессуального характера, указывают на активное применение норм, актуальных для членов этнически неоднородного дружинного социума. Ведь именно представители этой социальной общности регулярно посещали Византию в составе посольств и торговых экспедиций. Именно их, но еще находящихся в Киеве и отправляющихся в полюдье за данью, которую затем они повезут в Византию, Константин Багрянородный называет «росами»⁴⁵.

По всей видимости, основным занятием руси в Византии была торговля, но грань между купцом и воином-дружинником часто была сильно размыта. Одни и те же лица нередко выполняли как торговые, так и — в иных условиях — военные и другие функции⁴⁶. Поэтому не исключались и другие виды их деятельности в Византии, что также нашло отражение в условиях договора: «Аще придуть русь бес купли, да не взимають мѣсячна...» (944 г., ст. 2а).

Русы могли прибывать в Константинополь в качестве послов (*сѣли*), которые упоминаются в преамбуле к договору 944 г. и положение которых специально оговорено в ст. 2. Кроме того, приезжало некоторое число дружинников, охранявших посольства и торговцев с их товарами. Наконец, в договоре 911 г. имеются две статьи, прямо указывающие на присутствие в Византии русов, состоявших на службе у византийского императора (911 г., ст. 10, 13). Причем из статьи 13 видно, что русские наемники не теряли имущественной связи со своими «малыми ближиками» на Руси: «О работающих во Грецех Руси у хрестьяньскаго цѣсаря. Аще кто умреть не уря[ди]въ своего имѣнья, ци [и] своих не имать, да възвратитъ имѣние к малым ближикам в Русь...»

⁴⁵ Константин Багрянородный Об управлении империей. С. 51.

⁴⁶ См., например: Перхаско В. Б. Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1998. С. 86–91.

Таким образом, византийская сторона подразумевала под «русами» («русинами») вообще всех пришельцев, являвшихся из «страны Руския» и имевших при себе «печати», а по договору 944 г. — грамоты от «великаго князя рускаго». Это могли быть послы, купцы, сопровождавшая их охрана и, наконец, воины, нанимавшиеся на византийскую военную службу. Легитимность их пребывания в Византии удостоверялась русским великим князем. Именно их права и их поведение в Византии могло и должно было регламентироваться заключаемыми с русскими князьями договорами. Прибывавшие из Руси без княжеских грамот оказывались практически вне закона: «Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будутъ, да не изищется смерть ихъ от князя вашего» (944 г., ст. 2), причем наказание за «незаконный» приезд в Византию должно было последовать и от руки великого князя в случае их благополучного возвращения на Русь. На них не распространялись нормы договора, они не находились под защитой византийских властей. Напротив, византийские власти, согласно этой статье, имели право задерживать их до выяснения обстоятельств их приезда и даже убить в случае сопротивления.

Правовые нормы договоров распространяются тем самым только на ту «русь», которая могла получить разрешение русского великого князя на поездку в Византию. В первую очередь к числу таких лиц принадлежали великокняжеские дружинники (или дружинники других русских князей, находившихся «под рукой» великого князя), функции которых выходили далеко за рамки сугубо военных. В период заключения договоров они осуществляли сбор даней (фискальную функцию), управление (административную функцию), возможно, вершили суд (судебная функция). Из их числа, очевидно, избирались послы киевского князя, направляемые в Византию, а также те русские «купцы», которые осуществляли сбыт даней. Именно они прежде всего и выступают субъектами «закона русского» и права русско-византийских договоров с русской стороны.

В период формирования древнерусского государства, как убедительно показал А. А. Горский⁴⁷, дружинная организация отвечала корпоративному характеру общества и дружина строилась не по родственному принципу. Дружинники были оторваны от собственных родовых коллективов.

⁴⁷ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Их связывало в единое целое чувство верности князю и соратникам. Они вели обособленный и отличный от остального общества образ жизни. Еще раньше в отечественной историографии отмечалось, что князь мог принимать в дружину представителей разных племен⁴⁸. Дружинные связи противопоставлялись общинным, кровнородственным. Поэтому возникала необходимость формирования права, специфичного для данной корпоративной общности, его соотношения и противоположения с правовой системой кровнородственных коллективов.

Древнерусская дружина по основным своим характеристикам является разновидностью средневековой «живой общности». По определению А. А. Сванидзе, характерной чертой такой общности была «групповая солидарность, которая опиралась на совместную собственность и совместную деятельность, но и закреплялась через право и ритуалы»⁴⁹. Право такой общности выступало в виде устного договора, обычая или, позднее, в виде «письменного устава-регламента, чаще всего утвержденного властями». При этом моделью для развивающихся в живой общности межличностных отношений служили родственные связи, бытовавшие в большесемейной общине⁵⁰.

Эти же черты прослеживаются и в древнерусской дружине, являвшейся своего рода военно-торговой общностью, где межличностные отношения имитировали кровнородственные. «Закон русский», таким образом, являлся модификацией обычного права в дружинном социуме, которую можно условно назвать «дружинным» правом. Важнейшим условием при переходе к государственному законодательству на Руси мне представляется именно такая трансформация сущности права, в котором кровнородственный акцент сменяется этносоциальным.

* * *

Термин «правда» может обозначать также и свод установлений, вводимых верховной властью. Это наиболее наглядно отразилось в названии древнейшего русского правового кодекса — Русской Правды: «Правда Роськая».

⁴⁸ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 111.

⁴⁹ Сванидзе А. А. Живые общности, общества и человек в средневековом мире Европы // Община и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992. С. 15.

⁵⁰ Там же. С. 14.

В историографии давно подмечен специфический характер Древнейшей Правды, который объяснялся специальной подборкой зафиксированных в ней юридических норм и целенаправленным редактированием данного письменного нормативного акта⁵¹. Вышеперечисленные особенности Древнейшей Правды должны объясняться предполагаемой целью ее издания — урегулированием социальных конфликтов, попыткой княжеской власти избежать повторных столкновений новгородцев с наемниками, стабилизирующими мерами в Новгороде после завоевания Ярославом с помощью новгородцев и варягов киевского великокняжеского престола. Однако, как представляется, такая интерпретация не вполне объясняет неоднократно отмечавшуюся исследователями не просто избирательность норм Древнейшей Правды, но и отнесенность их к определенной стороне жизни дружинников или состоятельного городского населения⁵².

Принципиально важным становится выявление состава субъектов права Древнейшей Правды, который реконструируется на основе перечня в первой статье документа: «Убьеть мужь мужа, то мсьтити брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще будеть русинъ, либо гридинъ, либо купчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изьгой будеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положити за нь»⁵³.

Выделяются восемь терминов, обозначающих те категории лиц, чье правовое положение регламентирует данная статья.

а) «муж» — термин с широким семантическим полем. Словарь древнерусского языка приводит ряд его значений — от мужчины, человека вообще до воина и представителя княжеской дружины, также неоднородной по своему составу⁵⁴ (анализ употребления термина «муж» в ПВЛ см. ниже).

б) «русин» — 13 случаев употребления в ПВЛ. 12 раз встречается в тексте русско-византийских договоров, где противопоставляется «хри-

⁵¹ Саердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 81.

⁵² Характерно определение Т. Е. Новицкой, по мнению которой Древнейшая Правда регулировала «отношения лично свободных и вооруженных „мужей“ внутри „мира“, дружины или другого социального коллектива», а ее нормы «выросли из старинного обычая, а затем были закреплены в качестве правовых норм раннефеодального государства» (Российское законодательство X–XX вв. / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. Т. 1. С. 36).

⁵³ Здесь и далее нумерация статей Русской Правды дана по А. А. Зимину (Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1).

⁵⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 300–301.

стианину», «грѣчину» (ПВЛ. С. 18–19, 25). Обозначает, по-видимому, члена военно-торговой корпорации, посещавшего территорию Византии и являвшегося субъектом права русско-византийских соглашений и «закона русского». Один раз упомянут под 1051 г.: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина в святой Софѣи, собравъ епископы» (ПВЛ. 68). Примечательно подразумевающееся здесь противопоставление митрополита-«русина» византийским ставленникам — митрополитам-«грѣчинам».

В историографии существуют две трактовки данного термина в Древнейшей Правде и ПВЛ: «русин» как киевлянин, житель Киевской Руси (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Горский) и «русин» как дружинник, т. е. обозначение социальной категории (А. А. Зимин, Г. С. Лебедев, В. Я. Петрухин). Х. Ловмянский считал «русина» Древнейшей Правды феодалом, представителем высшей из поименованных социальных категорий⁵⁵.

в) «гридин» (или «гридь») — два случая употребления в ПВЛ: Владимир «устави на дворѣ въ гридьницѣ пирѣ творити и приходити болярмъ, и гридемъ, и съѣскимъ, и деѣяцкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя» (под 996 г.)⁵⁶; «Ярославу же сущю в Новѣгородѣ, и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривень от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху» (под 1014 г.)⁵⁷. В историографии «гридин» единодушно идентифицируется с воином, княжеским телохранителем, рядовым дружинником. Термин имеет скандинавское происхождение⁵⁸.

г) «купчина» (или «купец») — два случая употребления в ПВЛ: под 945 г. среди «слов и гостей», «мужей» Игоревых, отправленных к Роману для заключения русско-византийского соглашения. По-видимому, входит в понятие «русин» договоров 911 и 944 гг., т. е. в число «мужей», «творящих куплю» в Константинополе. Упоминается также при определении бывшего занятия и некогда высокого материального положения черноризца Исакия: «якоже и еще сущю ему в мирѣ, в житѣи мирѣстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ...» (под 1074 г.)⁵⁹. В историографии профессиональное занятие «купчины» Древнейшей Правды

⁵⁵ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 203.

⁵⁶ ПВЛ. С. 56.

⁵⁷ Там же. С. 58.

⁵⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 458.

⁵⁹ ПВЛ. С. 82.

не подвергается сомнению. Г. С. Лебедев, уточняя положение «купчины», определяет его как торгового агента князя⁶⁰.

д) «ябетник» — термин в ПВЛ не встречается. Идентифицируется с представителем хозяйственной администрации князя (А. А. Зимин, Г. С. Лебедев). Обычно принимается скандинавское происхождение термина (М. Фасмер). А. А. Горский, настаивая на новгородском происхождении термина, считает «ябетника» новгородским судебным чиновником⁶¹.

е) «мечник» — термин в ПВЛ не встречается. Словарь древнерусского языка определяет его как дружинника, оруженосца, воина⁶². В историографии понятие мечник конкретизируется и ассоциируется с представителем судебного, военно-административного аппарата князя из числа его дружинников. В. Л. Янин видит в мечнике «сборщика причитающихся князю всевозможных поступлений», однако применительно к ст. 1 Русской Правды краткой редакции характеризует его как «рядового дружинника»⁶³.

ж) «изгой» — термин в ПВЛ не встречается. Составители словаря древнерусского языка подчеркивают оторванность «изгоя» от своего состояния (выкупившийся холоп, разорившийся купец, потерявший княжество князь)⁶⁴. А. А. Зимин считает изгоя Древнейшей Правды человеком, вышедшим из общины⁶⁵. Г. С. Лебедев, определяя «изгоя» в качестве категории русина, акцентирует внимание на его оторванности, «изгойстве» по отношению ко всякому прежнему социальному коллективу⁶⁶.

з) «словенин» (мн. ч. «словене») — 33 случая употребления в ПВЛ (последний раз — под 1036 г.). В качестве обобщающего названия славян термин употребляется лишь во вступительной части ПВЛ (ср. также: «словенескъ языкъ»: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане...»; ПВЛ. С. 10). В ПВЛ хорошо прослеживается конкретизация данного этнони-

⁶⁰ Лебедев Г. С. Комментарий к статье 1 Русской Правды краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. С. 82.

⁶¹ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 69.

⁶² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 134.

⁶³ Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 143.

⁶⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 138.

⁶⁵ Памятники русского права. Вып. 1. С. 87.

⁶⁶ Лебедев Г. С. Комментарий к статье 1 Русской Правды краткой редакции. С. 83.

ма и соотнесение его с новгородцами («Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ»; ПВЛ. С. 8). Далее термин ассоциируется с Новгородом и постепенно подменяется топографическим обозначением «новгородци». Например, в последнем упоминании словен под 1036 г. читаем: «Ярославу же сущю в Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоятъ Кыевъ. Ярославъ събра вои многы, варягы и словѣни, приде Кыеву, и вниде в городъ свой». Далее выясняется состав войска Ярослава, «исполчившегося» против печенегов: в центре — «варяги», на правом крыле — «кыяне», на левом крыле — «новгородци» (ПВЛ. С. 66). Таким образом, вполне справедливо традиционное мнение, что под «словенином» Древнейшей Правды подразумевается новгородец, свободный житель новгородских земель (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Горский и др.). Отметим, что Г. С. Лебедев считает его словенским выходцем в составе «руси» (как социального коллектива), человеком, уже освобожденным от родоплеменных обязательств⁶⁷.

Соотношение вышеперечисленных категорий субъектов права требует отдельного рассмотрения. В дальнейшем в тексте Древнейшей Правды встречается лишь одна из вышеназванных категорий — «мужи». Они появляются в тексте трижды в двух разнохарактерных нормах: «Аще ли ринеть мужъ мужа любо от себе, любо к себѣ, 3 гривнѣ...» (ст. 7); «Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить в хоромъ... да платитъ господинъ за нь 12 гривнѣ; а за тым, гдѣ его налезутъ ударении тои мужъ, да быють его» (ст. 17). Однако, по-видимому, в остальных случаях термин «муж» как субъект права подменяется нейтральным обозначением «кто» в стандартной формуле «аще кто...».

Напрашиваются два возможных вывода:

а) либо остальные термины в перечне упоминаются только в связи с убийством, и на них не распространяются последующие нормы Древнейшей Правды;

б) либо термин «муж» позволительно принять в качестве обобщенного понятия, в дальнейшем включающего в себя и остальные упомянутые категории.

Некоторую ясность может внести анализ структуры текста статьи 1. В связи с этим нельзя обойти вниманием варианты членения ее текста.

В историографии наиболее распространено условное деление ст. 1 на две части (параграфа), основанное на двукратном упоминании 40-гривен-

⁶⁷ Лебедев Г. С. Комментарий к статье 1 Русской Правды краткой редакции. С. 82–83.

ного возмещения. Первую часть («Убьеть мужь мужа... 40 гривен за голову») считают «архаичной» общей нормой, которая в дальнейшем уточняется применительно к разным категориям перечисленных во второй части лиц. «Муж» Древнейшей Правды в таком случае является безличным термином, может подразумевать как дружинника, так и всякого свободного человека, члена новгородской или другой общины. Таким образом, вторая часть ст. 1, «аще будеть русинь... то 40 гривен положить за нь», рассматривается как конкретизация термина «муж» и более детальное определение субъектов права. Особые расхождения вызывает интерпретация соотношения терминов «русин» и «словенин». Поэтому необходимо определить, какую роль играет перечень, помещенный между этими двумя категориями субъектов права, уравнивающимися в правах одинаковой суммой возмещения за их жизнь.

Те исследователи, кто считает слово «русин» дружинным термином, предполагают единовременное оформление перечня статьи 1 Древнейшей Правды (М. Б. Свердлов) и утверждают, что приведенный список имел характер детализации понятия «русин» — то есть поименования конкретных категорий дружинников, княжеской администрации и агентов (А. А. Зимин, Г. С. Лебедев, В. Я. Петрухин). По их мнению, в Древнейшей Правде нет этнического, территориального или же социального противопоставления. Напротив, их «композиционное сопоставление» означает уравнивание в правах названных социальных групп⁶⁸. Подробное перечисление может свидетельствовать именно о необходимой конкретизации субъектов права при даровании Русской Правды Новгороду.

Те же, кто исходил из первоначальной этнической или территориальной оппозиции «русь» («русин»), выходец из Киевской Руси — «словене» («словенин»), новгородец независимо от его социального положения, рассматривали остальные термины как позднейшие вставки, т. е. дополнительно внесенные социальные разряды, относящиеся как к первой, так и ко второй группе. В соответствии с точкой зрения А. А. Горского это были «категории, наиболее подверженные опасности в случае волнения в Новгороде»⁶⁹.

Представляется, что при анализе структуры текста статьи 1 следует обратить особое внимание на употребление союза «аще», который открывает большинство последующих норм Древнейшей Правды и, по справедливому замечанию А. А. Зимина, свидетельствует о новой мысли

⁶⁸ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 34.

⁶⁹ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 72.

составителя закона⁷⁰. Он употребляется в статье 1 три раза, вводя новые смысловые ситуации. Соответственно, таких ситуаций в статье предусмотрено четыре, что говорит в пользу четырехчастного членения статьи: а) «Убить мужь мужа...»; б) «аще не будет кто мстыа...»; в) «аще будет русинь...»; г) «аще изгой будет...».

Не следует забывать, что ст. 1 помимо перечисления субъектов права регламентирует наказание за конкретную разновидность преступлений — убийство. Таким образом, в четырех выделенных по смыслу частях разбирается соответствующее количество вариантов преступления: при убийстве «мужем» «мужа» предусматривается месть определенного круга родичей; при отсутствии мстителя предусматривается 40 гривен возмещения; при убийстве лица, приведенного в перечне «русин... мечник», очевидно, предусматривается выплата тех же 40 гривен; при убийстве «изгой» или «словенина» также предусматривается выплата 40 гривен.

Все четыре части объединены единой тематикой — регламентацией наказания за убийство и единым штрафом/выкупом. Введение общей суммы возмещения в 40 гривен означает принципиальное равенство статуса всех перечисленных в статье категорий. Но к кому из перечисленных лиц относится первое упоминание 40 гривен, а к кому — второе? Ведь повторно приведенная сумма может означать как конкретизацию субъектов права, так и указание на то, что одна (или несколько) из приведенных в перечне категорий ранее сюда не входила.

Не пытаясь сравнивать содержание норм Краткой и позднейшей Пространной Правды в целом, отметим лишь любопытные параллели в структуре обоих текстов, где речь идет о наказании за убийство. В ст. 1 Пространной Правды субъекты права, за которых платилось 80-гривенное возмещение («княжь мужь» и «тиун княжий») названы не до, а после суммы возмещения («...оже ли не будет кто его мсти, то положити за голову 80 гривен, аче ли будет княжь мужь или тиуна княжа...»), а далее приводится следующая группа — «аче ли будет русин... то 40 гривен».

Перечень Древнейшей Правды от «русина» до «мечника», по-видимому, также соотносится с первым упоминанием 40-гривенного возмещения; второе же упоминание 40 гривен относится лишь к «изгою» и «словенину», которые выделены отдельно. Таким образом, появляется еще одно (трехчастное) деление, где первая и вторая части наиболее сближены:

⁷⁰ Памятники русского права. Вып. 1. С. 86.

1) «Убьеть мужь мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови»;

2) «аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову, аще будетъ русинъ, либо гридинъ, либо купчина, либо ябетникъ, либо мечникъ» — отметим характерную для текста Правды в целом подмену термина «муж» на «аще кто».

3) «аще изъгой будетъ, либо словенин, то 40 гривенъ положити за нь» — композиционно часть отличается и нехарактерным для всей статьи переносом глагола «будетъ» на место после существительного (в отличие от «аще не будетъ кто мстя...», «аще будетъ русин...»).

Тем самым композиция статьи 1 Русской Правды краткой редакцией представляет собой последовательную детализацию терминов:

МУЖИ

РУСИН (=ДРУЖИННИК)

ИЗГОЙ И СЛОВЕНИН (=НОВГОРОДЕЦ)

ГРИДИН

КУПЧИНА

ЯБЕТНИК

МЕЧНИК

Напрашивается вывод, что появляющиеся одновременно в тексте «изгой» и «словенин» приравниваются к «мужам», а именно к «руси-нам», которые могут быть «гридями», «купцами», «ябетниками» и «мечниками».

Противопоставление «мужа» всем остальным категориям в таком случае исключается, ибо это слово является собирательным и охватывает все остальные категории. Но мы не находим и признаков противопоставления «руси-на» «словенину», поскольку в ст. 1 по сути дела оговаривается лишь преступление «мужа» против «мужа». Если под «мужем» действительно подразумеваются все нижеследующие категории, то статья учитывает по крайней мере шесть вариантов конфликта (русин-словенин, русин-изгой, русин-русин, словенин-изгой, словенин-словенин, изгой-изгой), где каждый мог оказаться как виновником, так и виноватым, и за жизнь каждого полагалась либо кровная месть, либо 40-гривенное возмещение. Таким образом, субъектами права Древнейшей Правды являются лица, обозначаемые собирательным термином «муж». Для уточнения, какое именно содержание вкладывается в этот термин, обратимся к его использованию в летописном тексте.

Характер использования в Древнейшей Правде слова «муж» как собирательного термина не позволяет видеть в нем любого лично свободного человека: то, что законодатель посчитал нужным далее обозначить включаемые в него социальные категории, подразумевает некий критерий при их отборе.

Показательным в данном случае являются семантика и словоупотребление термина «муж» в летописном контексте. Несмотря на крайнюю неустойчивость терминологического аппарата раннего летописания, все же можно выяснить его семантическое поле и даже проследить некоторые смысловые изменения в летописных рассказах разного происхождения и применительно к разным периодам времени.

В ПВЛ термин «муж» имеет очень широкое значение. В каждом случае его использования требуется особо учитывать контекст и специфическое летописное обрамление. Тем не менее можно выделить несколько основных его значений:

а) слово «муж» в смысле «человек» употребляется в цитатах библейского характера и не сопоставимо с «мужами» Древнейшей Правды ни тематически, ни жанрово;

б) в случаях противопоставления мужского и женского населения (муж–жена) этот термин не сопоставим с «мужами» Древнейшей Правды, поскольку в последней нет ни единого упоминания женщин;

в) в значении 'супруг' слово несопоставимо с «мужами» Древнейшей Правды в силу отсутствия интереса последней к семейному положению своих субъектов права;

г) при положительной характеристике отдельных летописных персонажей «муж» имеет оценочный оттенок и, как правило, относится к людям высокого социального положения, которые в глазах летописца достойны особого уважения. Единственный случай употребления термина «мужи» применительно к этнической группе, полянам, по существу не является исключением, поскольку резко выделяет их на фоне племенных объединений и народов, чьи «законы» чуть далее разбирает летопись: «...бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дни»⁷¹.

д) наконец, к последней самой обширной группе относятся употребления термина «муж», которые, по-видимому, имеют социальный характер и применяются к княжескому окружению, дружине или (в более широком смысле) служилым людям, войску. На основе летописных

⁷¹ ПВЛ. С. 9.

текстов чрезвычайно трудно конкретизировать понятие «мужи» применительно к социальной иерархии древнерусского общества. Однако возможно выделить несколько основных сюжетов, в которых прослеживаются главные функции мужей и их социальный статус.

Мужи, рассаживаемые по градам. Так, первое упоминание в ПВЛ «мужей» в социальном значении помещено в сказании о призвании варягов под 862 г.: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро...». Перед этим ПВЛ сообщает: «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша» (по Новгородской I летописи (далее НПЛ): «пояша с собою дружину многу»). Из состава «руси» (по НПЛ, «дружинны» Рюрика) и распределяются по городам «свои мужи».

Еще трижды, под 882, 980 и 988 гг., в летописной трактовке некие избранные, «лучшие», «добрые», «смысленные», «свои» для князя «мужи» (варяжского или иного происхождения) распределяются князем (в качестве посадников или же воинского контингента) по градам, захваченным или только что отстроенным. Лишь в случае с Аскольдом и Диром, которые сами садятся в Киеве, под 862 г. упоминается их боярский, по мнению летописца, статус. Тем не менее очевидно, что социальный статус остальных «мужей», хотя и не обязательно «боярский», либо уже был, либо стал достаточно высок, поскольку их, как правило, «избирают», «нарубают» из их прежней среды.

Мужи — добрые и злые советчики. Мотив совета, который держит князь со своим окружением, дружиной, проходит через всю ПВЛ (например, «Бѣ бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...», под 996 г.).

Непосредственно о советующих, а точнее, требующих «мужах» ПВЛ упоминает еще под 945 г.: «В се же лѣто рекоша дружина Игореві: „Отроки Свѣнльжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази. Пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь, иде в Деревы в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его» (здесь «мужи» — это дружина).

И вплоть до конца XI в. «мужи» как представители старшей дружины остаются в глазах летописца основными советчиками князя. Однако в это период серьезную конкуренцию им начинает составлять «уные» «несмысленные» советчики, окружение отдельных княжичей, независимое от «дружины отней». Отметим, что определение «смысленные»

не уточняет социальный статус или занятие «мужей», являясь лишь одним из хвалебных эпитетов, которыми пользовался летописец. Под 980 г. «смысленными» названы варяги, избранные Владимиром и рассаженные им по городам. То же прилагательное употребляется применительно к полянам, княгине Ольге (под 955 г.), Владимиру (под 986 г.) и Болеславу (под 1018 г.).

Мужи — «слы» и служилые люди. Тексты русско-византийских договоров 907, 911, 944 и 971 гг., а также их летописное обрамление позволяют выделить спектр занятий мужей, «руси», приходящих в Византию с торговыми целями или в качестве княжеских послов. В Константинополе среди прочих византийских подданных русские «мужи» пересекались с «царевыми» мужами, которые идентифицируются с императорскими чиновниками⁷². По-видимому, такие чиновники активно участвовали и в переговорах с «русью» в процессе заключения известных мирных соглашений. Очевидно, что термин «муж» в его социальном значении применим в договорах и в самой летописи не только к окружению киевского князя.

Подобное употребление термина «муж» косвенным образом подтверждается его появлением применительно к древлянским и даже к печенежским посланникам. Так, под 945 г. читаем: «И пославши Ольга къ древлянѣмъ, рече имъ: „Да аще мя просите право, то приплите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людѣ киевьстии“. Се слышавше древляне избраша лучьшии мужи, иже дерьжаху Деревьску земло, и послаша по ню». Принадлежность таких «мужей» к военной элите видна также благодаря вопросу, который древляне задают Ольге: «И реша древляне к Ользѣ: „Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“» (под 945 г.);

Тема мужей-посланников, выполняющих особые миссии и наделенных особыми полномочиями, прослеживается и в дальнейшем. Однако служебная деятельность «мужей» не ограничивается участием в посольствах. Княжеские «мужи», исполняющие административные или иные функции, являются представителями князя в иных городах: «И не смяша Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смиристася. И съдѣаше Мьстиславъ

⁷² Литаовин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 86; Никольский С. Л. Византийские чиновники и субъекты права русско-византийского договора 944 г. // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 289–296.

Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Киевѣ мужи Ярославли» (под 1024 г.); «Путята же с вои пришедѣ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: „Аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти“. И не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам поиде на Давыда» (под 1097 г.)

Таким образом, в ПВЛ «мужи» выступают представителями, посланниками князя, агентами верховной власти, всегда ассоциируются с военно-административным аппаратом, но не всегда отождествляются со старшей дружиной. Среди всех определений, сопутствующих термину «муж», особо значимым для нас представляется наиболее часто встречающееся местоимение «свои» как прямое указание на принадлежность к княжескому окружению.

«Мужи» — расширенное понятие дружины или «вои» вообще. В ПВЛ термин «мужи» довольно рано начинает приобретать и расширительное значение, охватывая все войско при князе, зачастую применяясь просто к вооруженному человеку, воину.

Впервые подобная тенденция прослеживается в рассказе под 907 г. в связи с описанием победоносного похода Олега на Византию: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на челоуѣкъ, а въ корабли по 40 мужъ». Вероятно, в данном случае термин «муж» относится ко всем участникам Олегова войска, в составе которого, судя по сведениям ПВЛ, были представители многих племен, т. е. к «воям», не входящим в княжескую дружину в узком смысле этого слова. Однако летопись сообщает, что Олег «поиде... на конех и на кораблех», а далее в рассказе об отплытии домой и неравноправии при распределении парусов упоминаются лишь «русь» и «словене». Не вполне ясно в связи с этим и сообщение о клятве, приносимой «мужами» Олега при утверждении договора: «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориша со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ». Однако, учитывая предложенную интерпретацию «закона русского» как системы права военно-торговой корпорации, дружинного права, можно предположить, что под «мужами» понималось отнюдь не все разноплеменное войско князя, но лишь какая-то его часть, на принадлежность к которой тщетно претендовали в это время «словене».

Любопытная ситуация отражена в летописи под 946 г. в рассказе о последней мести Ольги: «И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а, яко взя градъ и пожже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань». Ранее сообщалось, что она собрала «вои много и храбры», в связи с битвой, которую начал малолетний Святослав; а также с осадой Искоростеня попеременно упоминаются «вои» и «дружина». Более конкретное понятие «отроки» Ольги фигурирует лишь годом раньше, также чередуясь по смыслу с «дружиной». Таким образом, вполне вероятно, что под «мужами» Ольги подразумевается довольно широкий воинский контингент, дружинники разных рангов, принимавшие участие в осаде Искоростеня.

Уже под 992 г. (рассказ о поединке русского и печенежского мужей), где термин «муж» встречается девять раз, он прямо выступает синонимом «воемъ». Приведем наиболее яркий пример: «И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: „Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми есмь вышель, а онъ дома“». Среди «воев» Владимир ищет мужа для поединка с печенегом. Любопытно и упоминание о повышении статуса отличившегося мужа: «Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его», что, впрочем, не указывает на существование отдельной категории «великих мужей» в дружине князя.

В дальнейшем в ПВЛ еще не раз встречается «муж» как обобщенное понятие дружинника или воина. Однако наиболее важными для нас летописными свидетельствами, раскрывающими состав княжеской дружины и процесс трансформации этого круга лиц, так или иначе приближенных к князю, являются рассказы ПВЛ, помещенные под 996 и 1015–1018 гг. Последний большинство исследователей непосредственно связывают с появлением Древнейшей Правды. В статье же 996 г. говорится: «Се же пакы творяше людемъ своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десятицкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя». Именно эти люди, далее названные дружиной, собираются в княжеской гриднице на пиры, и для них Владимир «повелѣ исковати лжицѣ сребрены», мотивируя это следующим образом: «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато...» В перечне дружины «нарочитые мужи» выделены в отдельную категорию наряду со старшими (бояре) и младшими (гриди) дружинниками, и, следовательно, они не входят ни в одно из этих понятий. При

этом наличие в перечне специальных терминов («сотские» и «десятские» единственный раз упомянуты в ПВЛ) позволяет говорить о сложной дружинной иерархии, разнообразии функций, которые выполняют ее представители.

Анализ употребления термина «муж» в ПВЛ указывает на то, что он охватывает максимально большое количество проявлений повышенного социального статуса индивидуума или группы лиц, как правило находящихся на службе у князя. Летописные «мужи», как и мужи Древнейшей Правды, выражают расширительное понятие дружины, которая по своему составу и характеру претерпевает следующие изменения:

а) распределение по городам и, следовательно, удаление из непосредственного окружения князя;

б) увеличение численности;

в) включение новых этнических элементов;

г) продолжающийся процесс «качественного» расслоения дружинной среды, отраженный в виде появления все новых терминов, относящихся к военным, административным и фискальным агентам князя, выполняющим различные функции;

д) наконец, понятие «дружина» все больше утрачивает значение ближайшего княжеского окружения, включая в свою орбиту все новые социальные элементы, находящиеся на службе у князя.

Данная новгородцам после захвата Киева «правда» могла повышать социальный статус новгородских мужей, распространяя на них действие дружинного права.

Обратимся теперь к летописному рассказу 1015–1016 гг. Как мне кажется, описанные в нем события, а соответственно и характер Древнейшей Правды допускают толкование, отличное от общепринятого. ПВЛ сообщает, что Ярослав, разгневавшись на новгородцев, призывает их к себе и, обманув, убивает: «И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху исѣкли варягы, и обльстивъ я исѣче». По НПЛ, упомянутые «нарочитые мужи» — это «вои славны». Именно их, а не варягов Ярослав затем называет своей дружиной: «печалень бысть о отци, и о братьи, и о дружинѣ», «О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе» (по формулировке НПЛ: «любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не тогѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ»). Таким образом, определенная часть новгородцев рассматривается Ярославом в качестве дружины. Однако статус новгородской дружины представляется нестабильным. Обращает на себя внимание то,

каким образом «укоряет» новгородцев воевода Святополка перед любечской битвой: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще? А приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ»⁷³. В традиционной «перебранке» перед боем подвергается сомнению именно социальное положение новгородцев, тогда как у князя высмеиваются физические недостатки (ср., как «укоряют» польского князя Болеслава под 1018 г.: «Да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое»⁷⁴). Вполне вероятно, что в глазах киевского воеводы новгородские мужи занимали более низкое социальное положение.

Под 1014 г. сообщается: «Ярославу же сущю в Новѣгородѣ, и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. И тако даяху вси посадници новгородьстии, а Ярославъ сего не даяше к Киеву отцю своему...»⁷⁵ Данный летописный отрывок не просто свидетельствует о попытке Ярослава обособиться от отца, но и о складывании в новгородском окружении Ярослава местной дружинно-административной организации.

Сыновья Владимира вплоть до смерти последнего не имели при себе старшей дружины (ср., например, «гридей» Ярослава и «отроков» Бориса и Глеба, упомянутых под 1015 г.). Дружина Владимира («дружина отня»), верхушка киевской служилой знати, выступает как отдельная политическая сила. Примечательно, что Древнейшая Правда не знает старшей дружины, и поименованные в ней категории дружинников уравниены в праве на одинаковый выкуп.

Заняв великокняжеский престол, Ярослав в 1016 г. впервые пытается перебраться в Киев, но, согласно НПЛ, дает Новгороду «правду» и, по-видимому, не столько приравнивает новгородцев в статусе к киевским старшим дружинникам, сколько законодательно закрепляет отношения, которые сложились в дружинной среде в новгородских условиях (среди «гридей», других служилых «мужей» и новгородских «славных воев»).

Судя по ПВЛ, новгородцы с этих пор становятся главной опорой Ярослава, дважды укрывая его (от Святополка, а затем от Мстислава) и проявляя в этом беспримерное рвение: «Ярославу же прибѣгши Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадник Коснятинъ, сын Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодѣъ Ярославлѣ, рекуще: „Хочемъ ся и еще

⁷³ ПВЛ. С. 62.

⁷⁴ Там же. С. 63.

⁷⁵ Там же. С. 58.

бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен» (под 1018 г.). Отметим, что в 977 г., когда Владимир вынужден бежать «за море», новгородцы не изъявляют желания его удержать.

В дальнейшем, вплоть до 1026 г., когда закончились междоусобные войны, в летописи описывается череда взаимных услуг, которые оказывают друг другу Ярослав и новгородцы, — последние, по-видимому, оправдывая свое особое положение, оформившееся при Ярославе. Таким образом, предназначение Древнейшей Правды мне видится не в том, что она должна была регулировать отношения между новгородцами, с одной стороны, и княжескими дружинниками — с другой. Давая «правду» новгородцам, Ярослав подтвердил социальный статус новгородских «мужей», причем не просто уравнив их в правах с перечисленными категориями дружинников, но в некотором смысле сделав новгородских «мужей» одной из таких категорий.

В связи с этим нелишне напомнить о точке зрения А. Е. Преснякова, который говорил о сближении дружины и «городских полков», и, как следствие, о «постепенной выработке характерных черт нового уклада жизни». Ко времени Владимира и Ярослава он относил «первое значительное воздействие княжеско-дружинного права на обычное право восточного славянства, или, точнее, распространение некоторых норм первого на примкнувшие к городскому строю княжеских городов элементы второго»⁷⁶.

Таким образом, состав субъектов права Древнейшей Правды и условия ее возникновения позволяют говорить об этом законодательном памятнике как о комплексе норм дружинного права. Между тем в орбиту дружинного права постепенно включались те социальные и этнические слои, чьи связи с дружинной корпорацией и князем прежде являлись эпизодическими, ограничиваясь данническими отношениями или участием в крупных военных предприятиях.

Древнейшая Правда представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения в корпоративной среде «мужей» Ярослава, т. е. довольно широкого круга лиц, находящихся на княжеской службе. Субъекты права Древнейшей Правды — это прежде всего представители дружины, военно-административной среды, формировавшейся в период княжения Ярослава Владимировича в Новгороде. Однако Правда Ярослава является законодательным памятником, от-

⁷⁶ Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси. М., 1993. С. 223.

ражающим право дружинной корпорации в его развитии, что обусловлено постепенной трансформацией самой дружины. В условиях становления и укрепления государственности состав и функции дружины претерпевают существенные изменения. Дружинники оседают на местах, заводят новые связи, расширяется круг их деятельности. Наконец, в дружину в широком понимании этого термина включаются всё новые общественные слои. Таким образом, отвечая требованиям корпоративной общности, являвшейся в X в. коллективным субъектом права «закона русского», право Древнейшей Правды уже не является сугубо дружинным, распространяясь на всё новые слои населения, ложится в основу оформляющегося общегосударственного законодательства.

* * *

Предложенные выше наблюдения носят предварительный характер и требуют значительно более подробного раскрытия на основе как отечественного материала, так и в сравнительно-историческом аспекте, что невозможно в рамках одной статьи. Однако уже сейчас можно поставить вопрос о существовании дружинного права, отразившегося в письменных источниках в большей степени, чем предполагалось ранее. Этот тезис перекликается с недавно возникшей теорией о существовании на Руси в X в. дружинной формы государства, чьи отголоски напоминали о себе и в первой половине следующего столетия ⁷⁷.

Мне представляется, что наряду с обычным правом, существование которого реконструируется путем интерпретации отдельных зафиксированных норм, а также типологически, в условиях формирования государственности возникает — также на основе обычного права — правовая система, действующая внутри корпоративной общности — древнерусской дружины. Как «закон русский» русско-византийских договоров, так и нормы Древнейшей Правды имеют, в большей или меньшей степени, дружинный характер и фиксируют нормы, определяющие взаимоотношения внутри дружины или ее связи с внешним окружением. Несмотря на пристальное внимание отечественной историографии к вопросам возникновения дружины, ее социальному и этническому составу, к роли дружинников в аппарате управления древнерусского государства, посте-

⁷⁷ Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 38–41; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 54, 129.

пенной дифференциации внутри дружинной среды и формированию на ее основе господствующего класса, правовые отношения внутри самой дружины и роль дружинного права при переходе от догосударственного права к государственному практически не рассматривались.

Дружина — это общность, имеющая особое значение как в догосударственный, так и в раннегосударственный периоды истории. По определению А. А. Горского, она «представляла собой организацию военно-служилой знати на последнем этапе родоплеменного строя и в раннефеодальном обществе»⁷⁸. Дружина играет первостепенную роль в ходе политогенеза (если речь идет о его наиболее распространенном «военном» варианте) и является основной составляющей военно-иерархической формы организации власти, к разновидностям которой, по-видимому, и следует отнести структуру власти зарождавшегося Древнерусского государства. Смысл предшествовавшей государству военно-иерархической организации власти, как определяет его Л. Е. Куббель, состоит в том, что власть военного предводителя все больше опирается не столько на авторитет традиции, сколько на социальное могущество самого предводителя, которое не в последнюю очередь основано на мощи его дружины, а «дружина с самого начала создавалась вне рамок традиции, ее членов объединяли не родственные и не общинные связи, а специализация на военной деятельности... преданность удачливому военному предводителю»⁷⁹.

Это определение полностью применимо и к древнерусской дружине, которая, однако, имеет и ряд специфических черт, обусловленных конкретно-историческими обстоятельствами ее формирования и функционирования. Эта специфика в значительной степени определяет и особенности дружинного права на Руси.

Во-первых, полиэтничная дружина находится под началом князей, которые не были выходцами из местной среды (по-видимому, имели скандинавское происхождение) и чья власть над местным населением изначально не была основана на «авторитете традиции». Эта традиция формируется уже позднее, под пером древнерусских книжников. Сам князь также не был подвержен влиянию обычного права того или иного подвластного ему племени или региона.

Во-вторых, на членов полиэтничной дружины, которая действовала на обширной территории формирующегося Древнерусского государства,

⁷⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 86.

⁷⁹ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства. С. 233–234.

не распространялись ограничения, накладываемые в традиционном обществе на лиц разного происхождения и разного исходного социального статуса. С одной стороны, дружинники славянского, скандинавского или финно-угорского происхождения были поставлены вне определенного племени или союза племен, они не подчинялись племенным правовым обычаям, т. е. нормам обычного права. Для дружинников характерна малая степень оседлости, они не имеют сколько-либо глубоких корней в местной родоплеменной организации и на первых порах равны между собой с точки зрения их «изгойства». С другой стороны, благодаря системе полудья и стремлению князя подчинить себе новые территории дружина находится в постоянном контакте с различными племенами и за счет выходцев из этих племен пополняет свои ряды.

В-третьих, военная добыча, а также доходы от полудья распределяются непосредственно в дружинной среде. Их доход, по определению А. А. Горского, получается «корпоративным путем... от системы корпоративной эксплуатации населения»⁸⁰. Таким образом, у дружинников нет конкурентов в лице родоплеменной знати и широкой массы свободных общинников, их доходы прямо зависят от степени расслоения дружины и, следовательно, от положения в дружинной иерархии.

В-четвертых, политическое подчинение общинных масс князю как главе дружинной корпорации достигается либо силовыми методами, либо благодаря договорным отношениям.

Наконец, классическая потестарная структура (военный вождь, родоплеменная знать, народное собрание), свойственная общественному строю, определяемому как «военная демократия», распространена скорее в племенных союзах, связанных с князем и дружиной данническими отношениями.

Таким образом, дружинная корпорация выступает как своего рода промежуточное звено между родоплеменным строем и государственным. Формируясь в догосударственный период на принципах, радикально отличных от кровнородственных, она продолжает жить по ним и в раннегосударственный период. Это делает особенно важным изучение принципов организации и взаимодействия внутри дружины, позволяющих нивелировать противоречия между старым и новым общественным укладом.

Очевидно, что членство в дружине обладало притягательностью в глазах общинника. С одной стороны, существовала экономическая заинте-

⁸⁰ Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 86.

ресованность, поскольку военная и торговая деятельность обеспечивали высокие и относительно стабильные источники дохода. С другой — еще более мощным фактором был социальный: приобретение могущественных покровителей в лице князя и военной корпорации; возможность благодаря личным качествам, а не только происхождению резко повысить свой социальный и правовой статус.

Вместе с тем, попадая в дружину и, как правило, утрачивая связь с прежним родственным коллективом, индивид становится частью некой новой системы отношений, наделяется новыми правами и обязанностями. В родоплеменном обществе залогом стабильности и гарантом безопасности индивида выступал родственный коллектив. При смене кровнородственной общности социальной возникает необходимость в формировании новой, специфичной для данной общности системы правовых отношений — дружинного права. При этом дружинное право имеет «собираательный» характер, аккумулируя и приспособлявая к новым условиям элементы обычного (или родового) права, привнесенные представителями разных социальных и этнических общностей.

Таким образом, дружинное право — это право корпоративное, т. е. действующее в рамках только одной, при этом имеющей повышенный социальный статус общности. Поэтому включение человека в сферу его действия, знаменующее принадлежность к дружине, являлось своего рода привилегией, маркирующей повышенный социальный статус данного человека.

Между тем представление о том, что в условиях становления государственности право развивалось по схеме «обычное (родовое) → дружинное → государственное», было бы упрощением. Все три правовые системы не сменяли друг друга поэтапно, но существовали параллельно, причем и в более поздний период. Однако возникновение и развитие дружинного права являлось одним из решающих факторов в ходе распространения княжеской власти на территории, входившие в состав формирующегося Древнерусского государства, и создавало условия для относительно мирного включения родоплеменных общностей в государственную правовую структуру.

Структура дружины, состоящей из предводителя (князя) и массы профессиональных воинов (дружинников), определяет существование в дружинном праве двух плоскостей правовых отношений: горизонтальной (дружинник — дружинник) и вертикальной (князь — дружинник). Если последней посвящена обширная литература, то правовым отношениям внутри самой дружины, горизонтальному срезу, уделялось гораздо

меньше внимания. Между тем взаимоотношения между князем и дружинниками не нашли отражения в древнейших записях правовых норм (в противоположность ранним судебникам англо-саксонской Англии, Дании, Норвегии и Швеции). И русско-византийские договоры, и Древнейшая Правда фиксируют нормы, регламентирующие отношения между дружинниками. Это дает возможность обратиться к характеристике дружинного права в той его части, которая нашла отражение в этих памятниках права.

Характер дружинного права в значительной степени обусловлен двойственностью его функций: оградительной и регламентирующей.

Как и любая правовая система, дружинное право имеет оградительный характер, т. е. оно, исходя из оппозиции «свой–чужой», где свои — это члены княжеской дружины, а чужие — все остальные, направлено на защиту любого и взятых всех вместе представителей дружинной среды. Взаимоотношения с «чужими» могут строиться различным образом в зависимости от того, кто в данном конкретном случае выступает как «чужой». К этой категории относятся и прямые враги («греки» во время походов на Византию, хазары или непокорные восточнославянские племена), с которыми дружина вступает в военный конфликт или договорные отношения (через своего князя), и местное население, субъекты параллельно существующего родового права, с которого дружинники собирают дань, среди которого живут и с которым вступают в различные отношения. При этом город с его смешанным населением являлся местом наиболее активных контактов представителей разных социальных и этнических групп, где создавались благоприятные условия для включения новых элементов в дружинную среду, способствуя трансформации их правовых представлений.

Дружина, особенно на первых порах, более открыта, чем род — хотя бы уже потому, что введение в род подразумевало передачу новоявленному родственнику таких важных прав, как право наследования. В случае с дружиной чужак, приняв на себя определенные обязательства (возможно, дав клятву верности князю, т. е. установив вертикальную связь), становится «своим», т. е. включается в систему горизонтальных связей. Однако степень солидарности (взаимосвязи) дружинников вне их профессиональных занятий остается неясной.

Оградительные нормы дружинного права нашли отражение лишь в русско-византийских договорах, поскольку только в них рассматривалась ситуация взаимодействия русских дружинников с «чужими» (греками). В Древнейшей Правде соответствующие нормы не предусмотре-

ны, хотя некоторые статьи и рассматривают случаи, в которых участвуют «чужие» (варяги и колбяги).

Вторая, регламентирующая, функция права распространяется на регулирование отношений непосредственно внутри дружины (определяет связи по горизонтали). Нормы, отражающие именно эту функцию, наиболее подробно разработаны как в договорах («закон русский»), так и в Древнейшей Правде, где они составляют ее основную часть.

Регламентирующие нормы распространяются в первую очередь на уголовное право — преступления против личности и имущества. Нормы, определяющие наказания за убийство и телесные повреждения, а также кражу имущества, вошли в договоры, где они обнаруживают влияние «закона русского», и им посвящена большая часть статей Древнейшей Правды. Второй важнейшей сферой является процессуальное право — судопроизводство внутри дружины. Несравненно меньше отражено в дошедших до нас памятниках торговое право, которое в силу военно-торгового характера дружинной корпорации должно было быть достаточно развито: о торговле «росов» с местным населением упоминает Константин Багрянородный⁸¹, случаи торговых сделок между дружинниками отмечены и в договоре 911 г. (ст. 14), и в Древнейшей Правде (ст. 16). В Древнейшей Правде купец — лишь один из субъектов права, что может говорить о значительно продвинувшемся процессе профессиональной специализации в дружинной среде. Случайность и косвенность этих упоминаний, возможно, объясняется несравненно более важной ролью внешней торговли, которая регламентировалась уже на другом уровне — в первую очередь с помощью международных договоров.

Возможно, дружинное право включало и некоторые элементы права наследственного. Оно не нашло никакого отражения в Древнейшей Правде, но в договоре 911 г. оговорена переправка имущества скончавшегося наемника из Византии на Русь (ст. 13).

Вместе с тем, дружинное право в той форме, как оно отразилось в договорах и Древнейшей Правде, полностью игнорировало хозяйственные и семейные отношения. Нигде ни разу не отмечаются земельные или иные владения дружинников. Лишь единожды в 911 г. упоминается жена прибывшего в Византию русского (по мнению Я. Малингуди, это упоминание сделано под воздействием византийского права⁸²). Отсут-

⁸¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 47.*

⁸² *Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров // Славяне*

ствие регулирования отношений в этих двух сферах, очевидно, связано в первую очередь с самим укладом жизни дружинников в X — начале XI в. В это время дружинник не мог иметь земельные владения, далеко не всякий дружинник мог иметь и собственное постоянное хозяйство: этому препятствовала подвижность дружины, частые перемещения с места на место, размещение княжеских дружин на погостах типа Гнездова или Тимерева. Наконец, порвавший изначально со своим кровнородственным коллективом дружинник еще не мог успеть обзавестись прочными семейными связями, устойчивость которых потребовала бы их юридического закрепления.

Зафиксированное в договорах и Древнейшей Правде дружинное право не знает градации статусов внутри дружины: установление единых для всех норм, в том числе и штрафов, подразумевает равноправие дружинников. Однако летописный материал, равно как и археологические данные свидетельствуют об интенсивном процессе расслоения в дружинной среде. «Большие» курганы Гнездова и Чернигова атрибутируются представителям дружинной знати. По летописным сообщениям известно о существовании по крайней мере двух высших дружинных должностей: воеводы и кормильца, обладавших особым статусом. В соответствии с положением, определяемым близостью к княгине Ольге, распределяются «подарки» Константина VII ее спутникам во время приемов в Константинополе⁸³. Различным было и имущественное положение дружинников, о чем говорит разделение субъектов права русско-византийских договоров на «имовитых» и «неимовитых» (однако оно отсутствует в Древнейшей Правде), упоминание о «состязании в богатстве» дружинников Свенельда и князя Игоря⁸⁴. Возможно, что в рассматриваемое время статусная и имущественная дифференциация внутри дружины еще не нашла отражения в праве и не была закреплена соответствующими правовыми нормами.

Таким образом, дружинное право включает в себя, в первую очередь, процессуальное и уголовное право, которые определяют порядок судопроизводства для членов дружины и регламентируют отношения между членами дружины. Все остальные сферы права фиксируются

и их соседи. М., 1996. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время. С. 64.

⁸³ *Константин Багрянородный. О церемониях* / Пер. фрагмента М. В. Бибикова // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 119–120.

⁸⁴ ПВЛ. С. 26.

нерегулярно, эпизодически или не отражаются вовсе в силу специфики дружины того времени.

Регламентируя отношения в среде, отличающейся наибольшей социальной мобильностью, дружинное право со временем претерпевало существенные изменения. В рассмотренную эпоху — период с начала X в. до начала XI в. — в письменных источниках прослеживаются различные этапы развития дружинного права. Качественные изменения в правовой системе корпоративной общности, каковой являлась древнерусская дружина, сыграли ключевую роль в ходе становления правовых основ государства. Подобную роль дружинное право могло сыграть лишь потому, что оно при очевидном своеобразии несло в себе черты как обычного (родового) права, так и будущего государственного законодательства. В конечном счете, именно это позволило дружинному праву лечь в основу общегосударственного законодательства и раствориться в нем.

Л. Мюллер

О принципах реконструкции и перевода Несторовой летописи

В серии «Руководство к Несторовой летописи» (*Handbuch zur Nestorchronik*), включающей уже несколько томов, в 2001 г. вышел четвертый том, который содержит немецкий перевод великого исторического произведения русского Средневековья, о котором историк Хильдегард Шедер в разговоре с Дмитрием Чижевским однажды сказала: «Почти так же прекрасно, как Одиссея». В 1977 г. к 600-летию юбилею Лаврентьевской рукописи в указанной серии был издан древнерусский текст летописи (как репринт первого тома «Полного собрания русских летописей») ¹. В том же году увидел свет и второй том «Руководства...» — «Критико-текстологический аппарат к Несторовой летописи» Леоноры Шеффлер ², а в 1977–1986 гг. — четырьмя выпусками — третий том этого издания: «Полный словоуказатель» ³.

Поскольку в основу нового перевода положены иные принципы, нежели те, из которых исходили мои предшественники, целесообразно изложить, как я представляю себе рукописную традицию этого текста и понимаю свою задачу переводчика.

1. «Несторова летопись» или «Повесть временных лет»? Прежде всего, несколько слов о термине «Несторова летопись». Хотя в последние десятилетия не только в России, но и у нас на эту летопись в научной литературе обычно ссылаются как на «Повесть временных лет», или (сокращенно) ПВЛ, для всей серии «Руководства» мы сознательно сохранили давно уже укоренившееся у нас название «Несторова летопись» по следующим соображениям.

¹ *Handbuch zur Nestorchronik* / Hrsg. von Ludolf Müller. Bd. 1. Die Nestorchronik. Nachdruck der 2. Auflage des ersten Bandes der «Vollständigen Sammlung russischer Chroniken». Ленинград, 1926–1928. München, 1977.

² *Scheffler L. Textkritischer Apparat zur Nestorchronik* / Mit einem Vorwort von Ludolf Müller. München, 1977.

³ *Gröber B., Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik*. Lief. 1–4. München, 1977–1986.

Во-первых, немецкому читателю, даже если он знает язык, заголовок «Повесть временных лет» и особенно в сокращении «ПВЛ» — совершенно непонятен. Во-вторых, одно из трех слов этого заголовка, и важнейшее, — «временных» — непонятно и русскому читателю; о его значении спорят специалисты⁴. И, в третьих, неясно, мыслились ли эти слова, стоящие в начале текста, как заголовок всего произведения, или они должны были передать содержание одной только вступительной части, повествующей о том, как возникло Русское государство и кто сначала правил в Киеве («откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити»).

Сам хронист называет свой труд просто «летописцем» или «летописанием»⁵, т. е. «погодными записями», «хроникой», «анналами». Имя летописца — Нестор — упомянуто только в одном из основных списков, притом наиболее позднем, и его явно не было в первоначальном⁶. Писец вставил его, поскольку в его время (в XVI в.) все верили, что агиограф Нестор, который в XII в. написал жития первых русских святых Бориса и Глеба и Феодосия, был также и автором летописи, в которой содержались подробные рассказы о Борисе и Глебе и Феодосии⁷. Несмотря на сильные контраргументы, в России многие до сих пор придерживаются этого убеждения, но не называют летопись именем ее предполагаемого автора, потому что, как говорят, его авторство неопровержимо не доказано. Мы же, напротив, останемся при названии «Несторова летопись», хотя нам кажется в высшей степени невероятным, чтобы агиограф Нестор был автором Повести временных лет.

Почему мы придерживаемся этого названия? Главным образом потому, что оно прочно укоренилось в России со времен Средневековья

⁴ Определение «временных» обычно переводится как «прошедших». Но в этом нет смысла: о чем еще говорить историку, как не о «прошлом»? По контексту оно могло значить «давно прошедшие», имея в виду первоначальный период в истории Русской земли, когда княжили первые ее князья. Но тогда это заголовок не всей Несторовой летописи, а лишь начальной ее части, повествующей о происхождении Русской земли и ее первых правителях (возможно, до призвания варягов или до крещения Руси).

⁵ Как в заглавии и в статье 1106 г. (предложение 5). Далее я цитирую летопись по годовым статьям, а внутри них — по предложениям, которые в моем переводе пронумерованы: в каждой статье от 1-го и далее; а также по столбцам и строкам.

⁶ Имя Нестора названо только в Хлебниковском списке, т. е. засвидетельствовано слабо.

⁷ См. об этом: *Porpe A. Chronologia utrworów Nestora Hagiografa // Slavia Orientalis. 1965. Т. 14. С. 287–305*; а также статью О. В. Творогова в кн.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси XI — первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 274–278 (далее — СККДР).*

и у нас с XVIII столетия. Может быть, было бы разумнее назвать ее по имени Сильвестра, согласно его приписке. Но Сильвестр был редактором, возможно, только переписчиком летописи; в основном она создана не им, игуменом Выдубицкого монастыря, а монахами Печерского монастыря. Не исключено, что один из этих монахов и есть тот самый, который выполнил заключительную работу и носил имя Нестора, хотя и не был автором Житий Бориса и Глеба и Феодосия.

Таким образом, можно по-прежнему оставить в силе атрибуцию летописи Нестору, державшуюся уже в течение 750 лет. Называем же мы «Одиссею» по-прежнему творением Гомера, «Пятикнижие» — «Пятикнижием Моисея», а ветхозаветные книги «Притч» и «Премудрости» — произведениями Соломона.

2. Рукописи. В основу перевода положены шесть рукописей, которые (в силу их важности) указаны в подзаголовке титула. Предшествующие переводчики обычно использовали только одну рукопись Несторовой летописи: С. Кросс в 1930 и 1953 гг. — Лаврентьевскую⁸, как и Д. С. Лихачев во всех изданиях своего перевода с 1950 по 1996 г.⁹, ему следует Ф. Селицкий¹⁰; Г. Штурм — Радзивилловскую¹¹, Л. Махновец — Ипатьевскую¹². Р. Траутманн также «принципиально кладет Лаврентьевскую в основу» перевода, «привлекает Радзивилловскую и Академическую» и, «естественно, учитывает также Ипатьевскую»¹³.

Все переводчики для восполнения пропусков и исправлений очевидных ошибок в рукописях, взятых ими за основу, должны были привлекать и другие списки. Однако то, что они делают лишь иногда, так сказать в крайнем случае, я делаю последовательно и повсеместно. Я полагаю, что благодаря сравнительно благоприятному состоянию рукописной базы не только возможно, но и необходимо с помощью шести важнейших списков XIV–XVI вв. восстановить текст оригинала игумена Сильвестра 1116 г.

⁸ The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text / Transl. and ed. by S. H. Cross and O. T. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge (Mass.), 1973.

⁹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1996 (2-е изд.).

¹⁰ Powieść minionych lat / Przekład i komentarz F. Sielicki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

¹¹ Rauchspur der Tauben. Radziwill-Chronik / Aus dem Altrussischen übertragen und hrsg. von H. Grasshoff, D. Freydank und G. Sturm. Leipzig; Weimar, 1986.

¹² Літопис руський. Київ, 1989.

¹³ Die altrussische Nestorchronik Povest' vremennykh let / In Übersetzung hrsg. von R. Trautmann. Leipzig, 1931.

В этом же были убеждены уже такие выдающиеся историки и филологи, как А. Шлецер¹⁴, Ф. Миклошич¹⁵ и А. А. Шахматов¹⁶. Они хотели воссоздать первоначальный текст Несторовой летописи вплоть до каждого слова и букв в этом слове. У меня, как у переводчика, менее сложная задача. Я мог оставить в стороне орфографические и грамматические вопросы, в известной мере даже лексику и синтаксис оригинала и ограничиться тем, что важно для перевода.

И все-таки работы осталось довольно много. При этом я не мог просто опереться на последнюю великую попытку решения проблемы — на реконструкцию первоначального текста, предложенную А. А. Шахматовым в 1916 г.¹⁷ Не мог, так как придерживаюсь иного мнения относительно общетекстологических методов и по-иному вижу раннюю историю текста летописи. Метод Шахматова более «конъектурный», он слишком часто конструирует текст не по свидетельствам, а «по смыслу». Его представление об истории текста и взаимозависимости рукописей основывается на его теории о «третьей редакции» и потому сомнительно; возможно, после 1916 г. он сам отчасти отказался от нее или изменил ее¹⁸. Таким образом, его текстологические решения проблематичны, а их обоснование по большей части слишком кратко или совершенно отсутствует¹⁹.

Апелляция к засвидетельствованности того или иного чтения (*Bezeugung*), из которой я исхожу при критике текста, возможна только тогда, когда имеется ясное представление о взаимной зависимости рукописей. От точности стеммы зависит правильность текстологических выводов. Во втором томе «Руководства» на с. IV я дал стемму, которая исходит только из текстологического анализа указанных там рукописей. Теперь я хотел бы расширить эту стемму еще одной позицией.

¹⁴ *Schlözer A. L. Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, von Schreibfehlern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt und übersetzt. Göttingen, 1802–1809. Bd. 1–5.*

¹⁵ *Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum, versionem latinam, glossarium edidit Fr. Miklosich. Volumen primum, textum continens. Vindobonae, 1860 (Nachdruck: München, 1970).*

¹⁶ *Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.*

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Müller L. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171–186 (в русском переводе: Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 165–182).*

¹⁹ Уже относительно текста заглавия я придерживаюсь совершенно иного мнения, нежели А. А. Шахматов. Р. Траутманн и Д. С. Лихачев также никак не обосновывают (или делают это слишком кратко) своих текстологических предпочтений.

После оригинала 1116 г. я вставил «архетип» (обозначенный буквой α , от которого происходят все сохранившиеся рукописи. Общий протограф Ипатьевской и Хлебниковской я обозначаю теперь не буквой «у», а (по аналогии с другими сиглами) сиглом ИпХ.

Эта абстрактная стемма приобретает конкретное содержание, если выйти за пределы текстологического анализа погрешностей и задаться вопросом об исторических обстоятельствах, приведших к созданию гипотетических протографов существующих рукописей и самих этих рукописей.

Принадлежность списков к одной группе и их зависимость от общего протографа обнаруживаются по их общим отклонениям от более раннего текста, а также из контекста, в котором сохранились списки. Ни один из списков Несторовой летописи не дошел до нас сам по себе, отдельно, а каждый раз в связи с теми или иными летописными продолжениями. Летопись Нестора — всегда лишь начальная часть, поэтому она часто именуется «Начальной летописью», по-английски — «Primary Chronicle»²⁰. Так, рукописи Р и А имеют общее продолжение до 1206 г. Из этого вытекает их бесспорная общая принадлежность к одной группе. Текстуальные совпадения в их начальной части, летописи Нестора, подтверждают близкое родство этих двух рукописей. Тот факт, что продолжение доходит до 1206 г., дает важный исходный пункт для датировки общего протографа Р и А, который я обозначаю РА²¹. Некоторые сообщения, добавленные в отдельных списках летописи Нестора и в моем переводе выделенные курсивом, принадлежат редакторам сводов, которые имели в своем распоряжении помимо летописи Нестора еще и соответствующие ее продолжения, а во многих случаях — и другие источники²².

В результате двухсотлетней исследовательской работы история рукописной традиции Несторовой летописи реконструируется, в основном русскими историками²³, следующим образом. К 1116 г., когда сде-

²⁰ «Начальную летопись» следует отличать от свода, получившего в науке название «Начального» — гипотетического предшественника Несторовой летописи или ее ранней редакции.

²¹ Т. е. сокращение РА в текстологическом аппарате моего перевода обозначает не две рукописи Р и А, а их общий протограф.

²² Так объясняются прежде всего известия Ип и Х, лишние по сравнению с текстом ЛТРА. По таблице в томе со словуказателем (S. XVIII–XX) соответствующие места можно без труда найти. См. также: *Творогова О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // *In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997.

²³ После почина, положенного А. Л. Шлецером и Н. М. Карамзиным в начале XIX в., то были, уже в XX в., прежде всего труды А. А. Шахматова, В. М. Истрина, М. Д. Прислелкова,

дал свою приписку игумен Сильвестр, летопись Нестора имела уже долгую и сложную предысторию, которая гипотетически восстанавливается на основе тщательного анализа летописного текста. Она будет представлена мной в томе, посвященном комментариям к Несторовой летописи. Гораздо надежнее реконструируется история ее текста начиная с 1116 г. Дата оригинала (1116 г.) явствует из приписки Сильвестра, имеющейся в списках Л, Р и А²⁴.

Однако сохранившиеся рукописи восходят, очевидно, к этому оригиналу не непосредственно, а через общий протограф, который я называю архетипом. Предположение об архетипе вытекает из наблюдения, что в тексте имеются места, хотя и тождественные во всех списках, но, тем не менее, явно ошибочные или по каким-либо другим причинам не могущие в их нынешнем виде восходить к произведению, завершённому в 1116 г.²⁵

В 1119 г. игумен Сильвестр стал переяславским епископом. Возможно, он, а возможно, кто-то другой продолжил вести там летописные записи. То же происходило и в Киеве, на родине летописания. Первоначально происходил обмен записями, сделанными в Киеве и Переяславле, вследствие чего летописные тексты за следующие годы были еще близки, но в дальнейшем на протяжении XII в. летописание развивалось в русле двух различных традиций: южной — в Киеве и северной — в Суздале и Владимире на Клязьме. На север оно было перенесено из Переяславля Южного, поскольку оба эти княжества принадлежали к «отчине» потомков Владимира Мономаха. Здесь в княжение Всеволода III Большое Гнездо (1153–1212) между 1177 и 1193 гг. возник летописный свод, в своей начальной части — Несторовой летописи — являвшийся общим протографом списков Р, А, Л и Т. Уже в этом своде ЛТРА конец Несторовой летописи от 21-го предложения статьи 1110 г. до начала приписки игумена Сильвестра определенно отсутствовал. В. М. Истрин убедительно объясняет этот пропуск тем, что в протографе, которому следовал ЛТРА, была потеряна последняя тетрадь,

Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова и Я. С. Лурье. Статьи Лурье о Лаврентьевской, Радзивилловской, Московско-Академической и Троицкой летописях в СККДР (Вып. 1, 2) в сжатой форме подытоживают результаты этих 200-летних исследований.

²⁴ Шахматов считал, что Ипатьевская летопись (списки Ип и Х) восходит не к редакции Сильвестра, а к редакции, которую он именовал «третьей» и датировал 1118 г.; см. примеч. 18.

²⁵ См., например, статью 1111 г., предложение 35: «полки» вместо правильного «попы»; под 1114 г. (предложение 4) «Смоленск» вместо правильного «Минск».

но приписка Сильвестра сохранилась. Возможно, она находилась на внутренней стороне нижней крышки переплета ²⁶.

Эта летопись была продолжена до 1206 г. и затем (по М. Д. Приселкову, в 1212 г.) была завершена во Владимире или Переяславле Залесском в виде богато иллюминированного свода, который сам не сохранился, но отразился в двух восходящих к нему и весьма близких друг к другу рукописях — Р и А ²⁷.

Р была названа «Радзивилловской летописью» по бывшему ее владельцу, принадлежавшему к семье литовско-польских магнатов, князю Янушу Радзивилу ²⁸. Член той же семьи князь Богуслав Радзивил, генерал-губернатор бранденбургского курфюрста в Пруссии, в 1668 г. подарил рукопись Кенигсбергской замковой библиотеке. Поэтому ее часто называют «Кенигсбергской летописью» ²⁹. В 1713 г., когда Петр Великий проезжал через Кенигсберг, он с огромным интересом ознакомился с рукописью и повелел изготовить с нее копию (вместе с миниатюрами). По этой копии в XVIII в. и начали свои занятия древнерусской историей В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов. После захвата Кенигсберга русскими войсками во время Семилетней войны летопись как военный трофей была привезена в Петербург, где с тех пор и хранится в Библиотеке Академии наук ³⁰. По водяным знакам и почерку рукопись датируется последним десятилетием XV в. Содержащиеся в ней многочисленные миниатюры обусловили ее особую художественную ценность. 35 из них воспроизведены в переводе Штурма ³¹.

Вторая сохранившаяся рукопись, которая воспроизводит свод РА около 1212 г., обозначенная сиглом А, называется «Академической»,

²⁶ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. Л., 1924. Т. 27. С. 251.

²⁷ Р и А восходят к своду 1206–1212 гг. (РА1) не прямо, а через промежуточную ступень (РА2). Дело в том, что в Р и А есть общее ошибочное чтение, которое вряд ли возводимо к оригиналу РА: рассказ о событиях 1203–1205 гг. (до предложения 14) в этих списках следует за рассказом о 1206 г. Видимо, из РА1 выпал лист, который затем был вложен не на место; в таком виде текст, вероятно, был скопирован в РА2 и воспроизведен в Р и А.

²⁸ В русской науке различаются Радзивилловский список и Радзивилловская летопись. Под последней понимается несохранившийся протограф Р и А.

²⁹ Rauchspur der Tauben. Radziwill-Chronik. (см. примеч. 11). S. 11.

³⁰ Дальнейшие сведения об этом списке см.: Ibid. S. 11ff., а также статью Я. С. Лурье (см. примеч. 23).

³¹ См. примеч. 11.

потому что раньше она принадлежала Московской духовной академии. В части до 1206 г. она в целом идентична Р, но часто дает лучшие чтения, нежели Р в тех местах, где в последней есть пропуски. Отдельно она не издавалась, но ее отличия от текста Л и Р указаны в текстологических разночтениях 1-го и 38-го томов ПСРЛ. Для работы над словоуказателем и текстологическим аппаратом Несторовой летописи (2-й и 3-й тома «Руководства») нам был любезно предоставлен микрофильм из Российской государственной библиотеки, который теперь хранится в библиотеке факультета современной филологии Тюбингенского университета. Судя по почерку, и эта рукопись относится приблизительно к тому же времени, что и Р, т. е. к концу XV в.³²

Иным путем, чем Р и А, от ЛТРА — Владимиро-Суздальской летописи XII в. (1177–1193 гг.) — произошли рукописи Л и Т³³. Их общий протограф — свод 1305 г., созданный по заказу тверского и владимирского великого князя Михаила Ярославича. В продолжение к Несторовой летописи и древней Владимирской летописи (ЛТРА) этот свод содержит известия об истории XIII в. и, в частности, потрясающее описание захвата Владимира татарами в феврале 1238 г.

После разрушения Владимира в дальнейшем летописание велось в Ростове, который стал церковным центром Северо-Восточной Руси, а затем — с 1284 г. — в Твери. Князь Михаил Ярославич (1272 — 1318), заказчик свода 1305 г., добивался титула великого князя владимирского, чего и достиг в 1306 г.; поэтому он проявлял особый интерес к истории владимирских великих князей и их предшественников, киевских князей. Кроме того, по его поручению был изготовлен древнейший сохранившийся список славянского перевода хроники Георгия Амартола³⁴. 22 ноября 1318 г. он был казнен в Золотой орде и вскоре причислен к лику святых как мученик.

Созданный по его заказу свод 1305 г. (ЛТ) двумя поколениями позднее, в 1377 г., был переписан по приказу князя Дмитрия Константиновича Суздальского и Нижегородского (1323–1383)³⁵ монахом по имени Лаврентий и его помощниками. Лаврентий снабдил свой труд

³² Об этом списке см. статью Я. С. Лурье в СККДР (Вып. 2. С. 47–47).

³³ Там же. Вып. 1. С. 241 и сл.; Вып. 2. С. 64 и сл.

³⁴ *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XIV вв. Л., 1978. С. 72.

³⁵ Этот князь также добивался титула владимирского великого князя, но был обои́ден московским князем Дмитрием Донским.

следующей припиской ³⁶: «Радуется купецъ, прикупъ створивъ, и кормъ-чии, въ отишье приставъ, и странник, въ отечество свое пришед; тако ж радуется и книжный писатель, дошед конца книгам, тако ж и азъ, худый недостойный и многогрѣшный рабъ Божии Лаврентей мних. Началь есмъ писати книги сия, глаголемыи Лѣтописецъ, месяца генваря въ 14 на память святыхъ отецъ нашихъ аввад, в Синаи и в Раифѣ избѣныхъ ³⁷, князю великому Дмитрию Костянтиновичю. А по благословенью священнаго епископа Дионисья ³⁸. И кончалъ есмъ месяца марта въ 20 на память святыхъ отецъ нашихъ, иже в монастыри святаго Савы избѣныхъ от срацинь ³⁹, в лѣто 6885 ⁴⁰, при благоверном и хри-столубивом князи великом Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашем христолубивѣм священном Діо[ни]сѣ суждальском и новго-родьском и городьском. И нынѣ, господа, отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а оумъ молодъ, не до-шелъ. Слышите Павла апостола, глаголюща: „Не клените, но благо-словите“ ⁴¹, а со всѣми нами, христьяны, Христось Богъ наш, Сынъ Бога живаго, емуже слава и держава и честь и поклонянье со Отцемъ и с Святымъ Духомъ и ныня и присно въ вѣки, аминь».

Приписка содержит интересные данные о том, как князь поручает изготовить список летописи, епископ благословляет этот труд, а монахи осуществляют его; как долго длилась работа, разделенная между несколькими писцами; какого рода ошибки предполагал писец, чем извинял их, какой реакции опасался со стороны иных читателей при столкновении с испорченным текстом, причем он отнюдь не возражал

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 487–488.

³⁷ 14 января церковь поминает монахов, которые жили на Синайском полуострове до основания здесь монастыря св. Екатерины, вне защиты монастырских стен, особенно близ портового города Раиф на западном побережье полуострова; здесь они не раз подвергались разбойничьим нападениям кочевников.

³⁸ Дионисий (ум. в 1385 г.), епископ суздальский, нижегородский и городецкий (Городца на Волге), почитается русской церковью как святой (память 26 июня). Он был значительной фигурой в церковной истории XIV в., будучи некоторое время близок к преподобному Сергию Радонежскому.

³⁹ Монастырь св. Саввы (439–532) располагался на крутом склоне Кидронского оврага, к юго-востоку от Иерусалима. 20 марта 796 г. монастырь подвергся нападению «сарацин» (арабов), при котором многие монахи были убиты.

⁴⁰ Сентябрьский год = 1 сентября 1376 г. — 31 августа 1377 г.

⁴¹ Рим. 12, 14.

против того, чтобы такие читатели улучшали неправильный текст или дополняли его.

Оригинал, с которого Лаврентий списывал летописный текст, не был, собственно говоря, слишком стар — не старше 72 лет, но, возможно, его слова «книги ветшаны» относятся больше к тому драгоценному тексту, который он вставил в летопись, правда, на мало подходящем для этого месте — к «собранию сочинений» Владимира Мономаха, сохранившемуся здесь в единственном списке. И в самом деле, именно в этом тексте приходится с сожалением констатировать наличие многих ошибок и пропусков: один такой пропуск есть уже после первого предложения. Но и в других местах Л обнаруживает шесть крупных пропусков, два из них в пределах Несторовой летописи: первый — от 29-го предложения статьи 898 г. до 922 г.; другой — от 2-го предложения статьи 1088 г. до 2-го — статьи 1089 г. Первый пропуск можно объяснить позднейшей утратой нескольких листов Лаврентьевского списка, второй — видимо, невнимательностью писца⁴². И в других многочисленных случаях Л отклоняется от первоначального текста Несторовой летописи, как это видно из текстологического аппарата к нашему переводу; хотя иногда бывает и наоборот — Л, в противоположность остальным спискам, сохранила первоначальный текст. Только на том основании, что Л является древнейшим списком Несторовой летописи, его нельзя считать также и лучшим, как это часто делается.

Весьма близка к Л Троицкая летопись, названная так потому, что она хранилась в библиотеке Троицкой лавры в Сергиевом Посаде, пока в конце XVIII в. не была перевезена в Москву, где сгорела в 1812 г. Однако до этого Н. М. Карамзин сделал выписки из нее; она была использована также при подготовке незавершенной публикации Лаврентьевской летописи 1804 г. Издатели отметили отклонения Т от Л в текстологическом аппарате своей публикации, которая, к сожалению, была доведена лишь до 33 предложения статьи 907 г. Т, из-за ее близости к Л, случалось, считали списком с Лаврентьевской летописи, но Я. С. Лурье показал, что многочисленные индивидуальные погрешности Л в Т отсутствуют. Таким образом, Т восходит не к Л, а к ее протографу — своду 1305 г. (ЛТ). В той мере, в какой чтения Т совпадают с чтениями РА, хотя и разнятся с Л, они могут считаться лучше засвидетельствованными.

⁴² Ср.: СККДР. Вып. 1. С. 241 (Я. С. Лурье).

Все вышеназванные рукописи связаны с северо-востоком Руси, вторая же очень важная группа рукописей (Ип и Х) возникла на юго-западе⁴³. Она восходит к (не сохранившемуся в оригинале) своду, который сложился в Киеве вскоре после 1200 г. Он содержал Несторову летопись, текст которой в нем, однако, не обрывался на 21-м предложении статьи 1110 г., а был продолжен размышлениями об ангелах. Зато здесь отсутствует приписка Сильвестра. Тем самым в этом свode 1200 г. конец Несторовой летописи не обозначен, и нельзя с уверенностью сказать, в какой степени редактор этого свода подверг обработке финальную часть Несторовой летописи. В особенности сомнительно, принадлежала ли к ней статья 1116 г.: статьи же 1117 и 1118 гг. — определенно нет. Приписка Сильвестра могла быть опущена редактором 1200 г., потому что она, с его точки зрения, не содержала никакой исторически ценной информации (ведь он не называет и своего собственного имени).

Дублирование сведений 1103 г. (предложения 2–20) в статье 1111 г. (предложения 2–21), возможно, возникло в результате обработки окончания Несторовой летописи в свode 1200 г.

Часть свода 1200 г., продолжающую Несторову летопись, в науке обычно называют «Киевской летописью» — обозначение не очень удачное, поскольку Несторова летопись также является «киевской летописью». Эта Киевская летопись XII в. представляет собой компиляцию из различных летописных произведений юга России (Киева, Переяславля, Чернигова)⁴⁴.

В результате разрушения Киева в 1240 г. он потерял и роль летописного центра. Напротив, на приобретавшем все большее значение юго-западе Руси со стольными городами Владимиром-Волынским и Галичем возник новый вид летописания⁴⁵. Повествование отныне не было разбито на годовые статьи, а последовательно излагало жизнеописания выдающихся князей. Ряд таких летописных источников XIII в., сообщения которых доходили до 1293 г., около 1300 г. были объединены в один свод с Несторовой летописью и Киевской летописью XII в. С этого (несохранившегося) свода в первой четверти XV в. была снята (сохра-

⁴³ О группе списков ИпХ см. статью О. П. Лихачевой в: СККДР. Вып. 1. С. 235–241.

⁴⁴ О литературном характере Киевской летописи см.: *Tschizewskij D. Geschichte der alt-russischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche. Frankfurt a. M., 1948. S. 293–305.*

⁴⁵ О литературном своеобразии Галицко-Волынской летописи см.: *Ibid. S. 305–317.*

нившаяся) копия. Н. М. Карамзин обнаружил ее в Ипатьевском монастыре в Костроме, и потому она была названа Ипатьевской летописью; нами она обозначена сиглом Ип. В 1908 г. А. А. Шахматов издал ее во 2-м томе ПСРЛ. В 1923 г. появился первый выпуск переработанной новой публикации (до 1146 г.), а в 1962 г. — фотомеханическое переиздание тома 1908 г. В 1989 г. в Киеве увидел свет снабженный добротным комментарием и богато иллюстрированный украинский перевод Л. Махновца ⁴⁶.

Деление на статьи по годам, первоначально отсутствовавшее в Галицко-Волынской летописи, третьей части этого свода, было привнесено в Ипатьевскую летопись дополнительно, однако при этом возникло множество хронологических ошибок.

Второй список со свода ИпХ, очень близкий к Ип — так называемая Хлебниковская летопись (сигл — Х), — на сто лет моложе Ипатьевской; она была названа по имени ее прежнего владельца — коломенского купца Хлебникова. Ныне она хранится в Российской национальной библиотеке (бывшей Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) в Петербурге. Хотя она моложе Ипатьевской летописи, ее текст во многих случаях исправнее. В ней отсутствует также дополнительно внесенное в третью часть Ипатьевской летописи ошибочное разбиение на годовые статьи.

Хлебниковская летопись отдельно не издавалась. Для нашей работы над словоуказателем и текстологическим аппаратом Библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина был любезно предоставлен микрофильм с нее, теперь хранящийся в библиотеке факультета современной филологии Тюбингенского университета ⁴⁷.

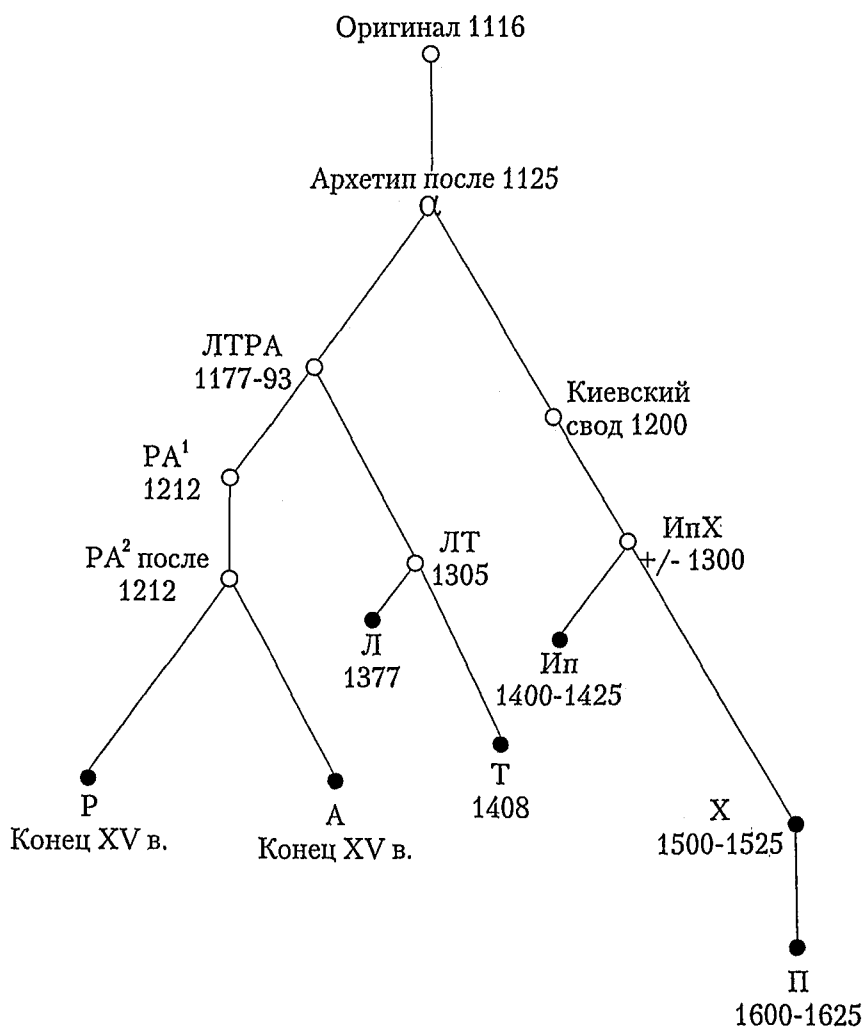
В начале XVII в. с Хлебниковской летописи была снята копия. Она принадлежала историку М. П. Погодину (1800–1875) и поэтому названа Погодинской (сигл П). Как список с сохранившегося оригинала она не представляет интереса с точки зрения истории текста. Но она все-таки имеет значение, поскольку сохранила текст Х в тех местах, где в последней потеряны листы.

Стемма, представленная в т. 2 «Руководства» только на основе анализа текста Несторовой летописи, теперь, будучи сопряжена с историей русского летописания, выглядит так ⁴⁸:

⁴⁶ См. примеч. 12.

⁴⁷ Об этой рукописи см. введение А. А. Шахматова: ПСРЛ. Т. 2. С. XII.

⁴⁸ Кружки обозначают недошедшие, точки — сохранившиеся рукописи.

3. Критика текста. Как уже говорилось, в основу своего перевода я положил не одну какую-либо из основных рукописей, донесших до нас Несторову летопись, а попытался восстановить текст оригинала путем сравнения всех основных рукописей и его-то и перевести. Текстологическую работу я всегда начинаю с вопроса о засвидетельствованности того или иного чтения. Я знаю, что подобная засвидетельствованность не всегда решает проблему. Но вопрос о ней должен стоять не в конце, а непременно в начале текстологических размышлений. В большинстве случаев первоначальное чтение легко и сравнительно уверенно можно обнаружить путем анализа засвидетельствованности: так, например, когда все списки имеют одинаковые чтения в отличие от чтения какого-либо одного, или когда чтение ИпХ вместе с Л противостоит чтению РА. Засвидетельствованность остается неопределенной (1:1), когда чтение ИпХ расходится с чтением, общим для ЛТРА ⁴⁹.

Конечно, имеются также случаи, когда первоначальное чтение присутствует только в одном списке — когда устаревшее слово оказалось изменено во всех рукописях (будучи неверно понято или модернизировано) и сохранилось лишь в одной из них ⁵⁰.

Во всех случаях, когда я решаюсь выступить против аргумента засвидетельствованности, я пытаюсь обосновать это или, по крайней мере, отмечаю, что засвидетельствованность сомнительна.

Случается и так, что приходится предпочитать чтение, которого нет ни в одном списке: тогда, когда невозможно представить, чтобы автор написал что-то бессмысленное или неправильное, и одновременно можно представить, каким образом мог быть искажен осмысленный текст оригинала ⁵¹. В таких случаях я выделяю предполагаемый мной текст курсивом и в примечании даю обоснование своей конъектуре.

И напротив, я оставляю в переводе рукописный текст без изменений, если вынужден думать, что ошибка в тексте летописи восходит к самому автору. Это особенно часто случается тогда, когда летописец цитирует. Эти

⁴⁹ Примеры такой неопределенности: в статье 1097 г. (предлож. 183) в ЛРА отсутствует засвидетельствованная в ИпХ часть предложения «иже поидоша берендичи ко мне и веселяся сердце мое» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 266); под 1098 г. (предлож. 2) в ИпХ нет присутствующих в ЛРА слов «якоже и в прежнее лѣто сказахъ».

⁵⁰ Под 1097 г. (предлож. 47), где первоначальный текст «и съдоша в истобѣхъ» сохранился только в Х (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259. С. 7; Т. 2. Стб. 233. С. 9–10. Примеч. 12).

⁵¹ Под 1111 г. (предлож. 57) «Святопѣльчѣмъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267. С. 21) отсутствует во всех списках (конъектура А. А. Шахматова); под 1116 г. (предлож. 4 и 5) — в рукописях «Смоленск», тогда как должно быть «Минск».

цитаты по большей части являются переводами с греческого. Часто ошибочно уже сами переводы, которыми пользуется летописец⁵², порой и летописец не понимает и потому искажает синтаксически зачастую сложный текст⁵³. В таких случаях я оставляю в переводе ошибку оригинала и только в примечании привожу «правильный» текст цитируемого фрагмента⁵⁴.

В отличие от А. А. Шахматова, Р. Траутманна и Д. С. Лихачева, когда это необходимо, я обосновываю свои текстологические решения, однако в большинстве случаев только в виде краткой реплики.

Наиболее часто встречаются следующие причины искажений текста переписчиком.

1. Непроизвольные искажения:

1) гаплография (единократное написание): буква, слово, словосочетание, которые в тексте встречаются дважды, следуя друг за другом, написаны только единожды⁵⁵;

2) диттография (двукратное написание): то же самое, но наоборот⁵⁶;

3) пропуск: когда слово встречается в тексте неоднократно, писец «перепрыгивает» от первого слова к последующему такому же, пропуская стоящий между ними текст⁵⁷;

4) то же самое происходит, если два близко стоящие слова имеют либо одно и то же или сходное окончание, либо одно и то же или сходное начало («гомеотелевтон» или «гомеоархон»)⁵⁸;

⁵² Так, например, в статье 1019 г. (предлож. 26) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 145. С. 25), где неверный перевод в сведениях о Ламехе восходит еще к Септуагинте.

⁵³ Примером может служить статья 1111 г. (предлож. 89) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 270. С. 20), где летописец из имени Родн (греческое «Rhodē») сделал предлог «ради». Под 1114 г. (предлож. 14) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 278. С. 4) летописец не понял оборота «во царство Прова» и написал «во царство право».

⁵⁴ Особенно много в статье 1111 г.

⁵⁵ В «Поучении» Владимира Мономаха (предлож. 354) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 255. Стр. 12) в латинском тексте, здесь использованном, два раза подряд стоит слово «слово». Переписчик воспроизвел его только один раз.

⁵⁶ Писец Р дважды написал последнее предложение статьи 1103 г. Диттография группы букв встречается в «Поучении» (предлож. 296) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252. С. 27): «сваживаживает».

⁵⁷ Это является одной из наиболее частых погрешностей. Так, в статье 1096 г. (предлож. 112) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237. С. 14) в Ии нет слов «Оле́г же вниде в городъ», пропущенных после «городъ»; в статье 1103 г. (предлож. 35–37) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278. С. 15–16) — пропуск в А между двукратным «Алтунопу».

⁵⁸ Писец Л «перепрыгнул» при гомеотелевтоне под 1097 г. (предлож. 140) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 264. Стр. 22) от «прекладаше» к «утешаше». Гомеоархон: в статье 907 г. (предлож. 140) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30. С. 21) писец РА в выражении «данъ дати» пропустил первое слово.

5) ошибки в чтении или произвольные описки ⁵⁹.

2. Сознательные искажения:

1) вставки в текст оригинала — в моем переводе выделены курсивом в угловых скобках (< >) ⁶⁰;

2) сознательные пропуски ⁶¹;

3) смысловые исправления ⁶²;

4) грамматические исправления ⁶³;

5) лексические исправления ⁶⁴;

6) стилистические исправления ⁶⁵.

Такие изменения я отмечаю (обычно очень кратко), но в очевидных случаях (например, при пропуске частиц или союзов) не считаю нужным давать какие-либо пояснения, ограничиваясь примечаниями типа: «отсутствует в Л». Какое чтение я считаю правильным, в общем бывает ясно из моего перевода.

В текстологическом аппарате я отмечаю отнюдь не все разночтения и даже не все, что указаны во 2-м томе «Руководства», текстологическом аппарате Леоноры Шеффлер, а лишь те, которые существенны для перевода, т. е. не учитываются разночтения чисто орфографические, а во многих случаях — лексические (если слова близки по звучанию и по значению); синонимы, представленные в разных списках, полностью перечислены в 3-м томе «Руководства» — в словуказателе.

⁵⁹ Примеры ошибок прочтения: под 1096 г. (предлож. 100) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 236. С. 24) в РА вместо «Ростовъ» читается — «Ростиславъ»; под 1101 г. (предлож. 2) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274. С. 24) в Л вместо «полотъскый» стоит «половъцскый»; под 1111 г. (предлож. 75) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 269. С. 1) в Ип вместо «мѣтвѣ» (= «молитву») читается «мѣствѣ» (= «милостиву»); там же (предлож. 82) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 270. С. 6) вместо «скочением» видим «скончаньем». Пример описки: под 1097 г. (предлож. 50) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259. С. 9) в Л вместо «товаром» написано «товаровам».

⁶⁰ Например, в статье 1101 г. (предлож. 11) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 250. С. 29–31) добавление, сделанное после учреждения епископии в Смоленске в 1136 г.

⁶¹ В заголовке летописи в РА опущены шесть последних слов.

⁶² В статье 1097 г. (предлож. 85) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 261. С. 6) в РА опущены слова «и есть рана та Василѣ и нынѣ», которые уже не имели смысла к моменту создания списка; в ИпХ фраза изменена.

⁶³ Например, изменения вида и времени глаголов в различных списках при описании «пути из варяг в греки»: вводная часть, предлож. 37 (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7).

⁶⁴ Под 1097 г. (предлож. 47) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259. С. 6) все списки, кроме Л, изменяют слово «истѣбка»; здесь же разные рукописи заменяют «вылѣзти» на «выйти».

⁶⁵ Такие исправления есть уже в заглавии летописи.

С особой полнотой отмечены в аппарате те случаи, когда в своем переводе я отклоняюсь от текстов Л и Ип, потому что при работе с оригинальным текстом Несторовой летописи в основном пользуются этими рукописями (1-й и 2-й тома в ПСРЛ), и читатель вправе ожидать от переводчика объяснений, почему его перевод отличается от текста соответствующих рукописей. Отмечены также типографские ошибки этого издания Л⁶⁶. Малозначительные разночтения не учитываются в первую очередь применительно к А и Х, так как полный текст этих рукописей не издан и доступен только в текстологическом аппарате к Л, Р и Ип.

4. Перевод. В послесловии к своему переводу Р. Траутманн пишет, что его главной задачей было «дать хорошо читающийся и сравнительно хорошо выверенный немецкий текст». Для меня же было важно не столько то, чтобы перевод был сделан на хорошем немецком языке, сколько то, чтобы он максимально точно передавал содержание, смысл и стилистическое разнообразие древнерусского оригинала. Это относится прежде всего к синтаксису, в меньшей степени — к лексике, при подборе которой я вовсе не стремился с помощью архаизмов создать впечатление древности, разве что иногда в цитатах из Библии, которые в самой летописи звучат архаично.

Там, где вследствие использования различных источников возникали резкие переходы или анаколумы⁶⁷, я не смягчаю при переводе этой резкости, не сглаживаю жесткости переходов, как, например, в конце статьи 1014 и начале статьи 1015 г.

Как я уже сказал, я не прибегаю в моем переводе к каким-либо исправлениям древнерусского оригинала там, где он непонятен. Я предлагаю его современному читателю в том виде, в каком он был доступен древнерусскому читателю: перевожу бессмыслицу как бессмыслицу и только в примечаниях даю перевод исходного греческого текста. Наиболее явный пример — это переводные тексты в статье 1111 г. (предложения с 75 и далее).

Для перепроверки своего перевода я сравнивал его (всякий раз уже после окончания работы над ним) с другими: прежде всего с немецкими Р. Траутманна и Г. Штурма, польским — Ф. Селицкого, украинским — Л. Махновца, английским — С. Кросса, но главным образом все-таки с русским — Д. С. Лихачева, в прежние годы по изданию 1950 г.,

⁶⁶ Например, опечатка: «в» вместо правильного «и» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 264. С. 26).

⁶⁷ Анаколумф — сбой в конструкции фразы.

а затем, после 1997 г., — по новому изданию 1996 г., которое Лихачев и издатель тома М. Б. Свердлов преподнесли мне в качестве драгоценного для меня подарка на Рождество 1996 г. Текст этого перевода я сравнил со своим от начала до конца, он побудил меня к новым размышлениям, но в целом ряде случаев я как был, так и остался при своем мнении. В таких случаях я отмечал в комментариях свою особую точку зрения, а также обосновывал ее, когда это представлялось нужным⁶⁸.

В написании топонимов и личных имен я следую современным нормам русского правописания, поэтому вместо летописного «Смольньскъ» пишу «Смоленск», вместо «Ольгъ» — «Олег». Исключение сделано для личного имени «Владимир», для которого я в своем переводе использую повсеместно встречающуюся форму «Володимеръ»; благодаря этому личное имя легко отличить от названия города Владимир (в Несторовой летописи это всегда Владимир-Волынский, а не северный Владимир на Клязьме).

Патронимы сохраняются в древнерусской форме, чтобы отличить их от оборотов типа «Володимеръ сынъ Всеволожь».

Ударения, проставленные в русских именах собственных, соответствуют современному состоянию и не обязаны отражать ударений в древнерусском языке. Они указываются только тогда, когда я могу установить их с полной уверенностью.

В указателе, который предполагается приложить к будущему тому «Руководства» с комментариями к Несторовой летописи, наряду с русскими будут приведены также и украинские формы имен. В данном же томе, содержащем перевод, указатели отсутствуют. Идентификация личных имен потребовала бы углубления во внетекстологические вопросы, которые будут обсуждаться в комментариях. Все места, где встречается то или иное географическое название или личное имя, легко определить по словоуказателю в 3-м томе «Руководства».

Греческие и латинские имена я передаю в форме, приведенной в «Lexikon für Theologie und Kirche». Тогда, когда речь идет о греках, ставших русскими епископами, имена которых становились частью русского ономастикона, я даю их в русифицированной форме: не «Theopemptos», а «Геопемпт».

⁶⁸ Так, например, в примечании к предлож. 56 статьи 1110 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 264. С. 10) я полемизирую с точкой зрения Д. С. Лихачева, Л. Махновца и А. А. Шахматова, которые иначе, чем я, толкуют выражение «не поганъ ли побегаше».

Библейские имена я передаю в соответствии с «Экуменическим списком библейских собственных имен по локкумским правилам»⁶⁹.

Буквы кириллического алфавита я транскрибирую по общепринятым в немецкой славистике правилам, греческие — по транскрипции Дудена⁷⁰.

Названия народов вне Руси, нерусские географические названия и личные имена я даю по правилам немецкого правописания.

Язык, на котором написана летопись, я обозначаю как «древнерусский». Я сознаю проблематичность этого термина. Прилагательное «русский» (*russisch*) и существительное «русский» (*Russe*) в контексте данной работы я рассматриваю как производные от имени «Русь» (а не «Россия»).

В разделении текста на абзацы я следую Л по изданию в 1-м томе ПСРЛ. На левом поле перевода курсивом отмечен номер страницы по этому изданию. Там, где в основе перевода лежит Ипатьевская летопись, на поле стоят номера страниц 2-го тома ПСРЛ. Чтобы отличить их, им предшествует цифра 0.

В начале годовых статей Несторовой летописи в качестве первого предложения всегда стоит год по византийскому и древнерусскому летосчислению «от сотворения мира», тогда как на полях рядом мною добавлен год «от Рождества Христова». В Византии новый год начинался 1 сентября. Чтобы получить дату от Рождества Христова, от года по византийскому летосчислению следует отнять 5508. Год 6610 «от сотворения мира» является, таким образом, 1102 годом от Р. Х. Но, поскольку византийский год начинался 1 сентября, 6610 г. соответствует времени от 1 сентября 1101 до 31 августа 1102 г. На Руси же началом года считалось 1 марта, а именно (в эпоху, когда писалась летопись Нестора) 1 марта следующего года: «мартовский год» был «моложе» «сентябрьского года». Таким образом, 6610 г. на Руси был промежутком времени от 1 марта 1102 г. до 28 февраля 1103 г., так что большая часть 6610 г. как по византийскому сентябрьскому, так и по древнерусскому мартовскому счету приходилась на 1102 г. от Р. Х.

В каждой годовой статье предложения перенумерованы всякий раз начиная с «1». Это облегчает цитирование и отсылки. Такая система отсылок будет применяться и в томе с комментариями и указателями.

⁶⁹ Ökumenisches Verzeichnis der biblischen Eigennamen nach den Loccumer Richtlinien. 2. Aufl. Stuttgart, 1981.

⁷⁰ Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21. Aufl. 1996. S. 85.

В круглые скобки заключены парентезы, которые восходят к летописцу, в квадратные — дополнения переводчика, служащие для лучшего понимания текста, в угловых скобках курсивом приводятся слова и фразы, хотя и наличествующие в одной или нескольких рукописях, но которые, возможно, или с известной вероятностью, или даже наверняка отсутствовали в оригинале. Выделение курсивом без скобок означает, что соответствующего текста нет ни в одной из пяти главных рукописей, но он, вероятно, имелся в протографе летописи — как, например, в статье 1111 г. в предложении 35 следует читать «попы» вместо «полкы» или в 4 предложении под 1116 г. должно быть «Минск» вместо «Смоленск».

В качестве приложения я поместил сохранившиеся только в Лаврентьевском списке сочинения Владимира Мономаха и статью 1117 г.⁷¹

5. Аппарат примечаний. Поскольку критика текста является важной предпосылкой моего перевода, я не стал перемещать текстологические примечания в конец тома, а для вящей доступности присоединил их к самому переводу.

Примечания не содержат никаких сведений о содержании летописи, географических наименованиях, личных именах или событиях. Все это будет предметом обсуждения в томе комментариев. Примечания же данного тома касаются преимущественно текста и языка летописи: вопроса о первоначальном тексте, возникновения и сравнительной ценности разночтений, смысла текста. Я оговариваю также в примечаниях те случаи, когда мое понимание текста отлично от того, которое предлагают другие переводчики, и привожу основания, по которым это делаю.

Далее, я указываю в примечаниях происхождение многочисленных цитат из Библии и византийской литературы, так как знание греческого оригинала часто оказывается предпосылкой для правильного понимания цитаты. В большинстве этих цитат мне не нужно было самому разыскивать их источники: работа по их обнаружению велась издателями и комментаторами летописи со времен А. Л. Шлецера; наиболее полно они обозначены А. А. Шахматовым в его издании летописи 1916 г.

Если примечание касается только одного слова, оно обычно не повторяется в примечании; если же комментируются два слова или более, то

⁷¹ Так как приписка Сильвестра сделана в 1116 г., статья 1117 г. (а, возможно, и 1116 г.) не может принадлежать к этой редакции летописи. Я даю эту статью в качестве приложения, так как у Д. С. Лихачева летопись заканчивается ею. Ученый исходил, видимо, из гипотезы А. А. Шахматова о «третьей редакции» Несторовой летописи (см. примеч. 18).

они повторяются в начале примечания; если же комментируется целая фраза, то указываются первое и последнее слова, разделенные многоточием; если между двумя словами стоит тире, то примечание относится только к этим двум словам, но не к остальным, стоящим между ними.

6. Благодарности и просьбы. В заключение — выражения благодарности, для которой у меня есть много поводов. Прежде всего — Немецкому исследовательскому обществу (Deutsche Forschungsgemeinschaft) за финансовую поддержку при подготовке оригинал-макета; затем издательству Вильгельм-Финк-ферлаг за долготерпение по отношению к этому растянувшемуся на десятилетия начинанию. Я в высшей степени обязан благодарностью госпоже д-ру Хайде Виллих-Ледербоген, которая с величайшей тщательностью и аккуратностью подготовила макет этого тома на основе рукописи, отнюдь не удобочитаемой. Наконец, не забуду и о благодарности Тому, «иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюде», выражаясь словами Владимира Мономаха⁷².

И как монах Лаврентий, я прошу моих читателей не клясть меня за ошибки, а сообщать мне о них, чтобы я мог их исправить в томе, посвященном комментарию к летописи. Я буду благодарен за любые указания на новую литературу, которая могла бы помочь в работе над этим комментарием. Да и этот том написан при неоценимой помощи коллег и друзей из многих стран мира, прежде всего из России, Украины и Польши, которые снабжали меня библиографическими сведениями и одаривали своими книгами и статьями.

Тюбинген, 5 июля 2000 г.

В день памяти преп. Сергия Радонежского.

Перевод с немецкого А. Л. Хорошкевич и А. В. Назаренко

⁷² «Поучение», предлж. 281 (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251. С. 35).

П. В. Лукин

Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании

История древнерусского вече и, шире, всех форм коллективной социально-политической деятельности древнерусских людей принадлежит к числу самых сложных и спорных проблем отечественной медиевистики. Историография огромна, огромен и разброс мнений, от практически полного отрицания какого-либо реального участия в политической жизни слоев, не имевших прямого отношения к князьям и дружине, до заявлений о народовласти в Древней Руси, близком чуть ли не к древнегреческой полисной демократии. Чем же вызваны эти противоречия?

Безусловно, главной причиной является недостаток данных, которые может предоставить исследователю, как известно, крайне небогатая источниковая база по истории средневековой Руси. В особенности ситуация осложняется тем, что наши основные источники — летописи — главным образом повествуют о деятельности князей.

Однако не меньшую роль играют и субъективные факторы, прежде всего нечеткость в постановке проблемы и зависимость исследователя от априорных идеологических схем. Речь идет о том, что очень часто отрывочные и туманные сведения источников истолковывались, так сказать, не из самих себя (при грамотном использовании сравнительно-исторических параллелей), а подчинялись определенной внеисточниковой концепции, будь то славянофильские идеи о вече как о «палладиуме демократии» Древней Руси или марксистские теории «раннефеодальной государственности». Что касается нечеткой постановки проблемы, то тут нужно упомянуть два аспекта.

Во-первых, часто вече воспринималось как статичный институт вне зависимости, имелся ли в виду X, XII или XV в. Более того, даже те явления, которые в источниках «вечем» не называются, получали такое наименование и рассматривались наряду с бесспорными его упоминаниями. Особенно это характерно для так называемых племенных собраний. Так часто поступали многие дореволюционные историки, например автор классического труда по данной теме В. И. Сергеевич. На это совершенно справедливо обращал внимание еще В. Т. Пащуту. Тем не менее такая

тенденция в науке сохранилась и даже получила некоторое развитие, к сожалению, в направлении еще большей априорности суждений (типичный пример — работы И. Я. Фроянова).

Во-вторых, некоторые историки (особенно это характерно для наиболее ортодоксальных сторонников «феодальной» концепции) сознательно сводят предмет своего изучения лишь к прямым упоминаниям вече, к терминологическому анализу. Такой анализ — вещь совершенно необходимая, но ведь задачей исследования должны быть не слова, а реальность, стоящая за ними, и проблема древнерусского вече — это вовсе не проблема происхождения и значения термина. Основной задачей исследований в этой области может быть лишь ответ на вопрос, в какой форме можно говорить об участии в социально-политической жизни древнерусского общества слоев, не относящихся к княжеско-дружинной элите. При этом терминологический анализ может играть пусть и важную, но вспомогательную роль. Более того, следует, по всей видимости, признать, что использование в заглавии понятия «вече» достаточно условно.

Все сказанное выше совершенно не означает, что наукой ничего не сделано в данной области, есть множество важных наблюдений по конкретным вопросам, есть ценные концептуальные решения. Все это будет отмечаться при анализе конкретных данных источников.

Естественно, изучение участия в социально-политической жизни Древней Руси людей, не относящихся к общественной элите (так с некоторой долей условности можно определить предмет нашего исследования), — задача чрезвычайно сложная. Поэтому, думается, исключительно важно правильно определить, с чего следует начать. Такими исходными пунктами могут, на наш взгляд, стать, во-первых, *проблема происхождения вече и связанная с ней проблема преемственности древнерусского вече и каких-либо социально-политических институтов догосударственной эпохи*, во-вторых, *исследование того, что летописцы — составители начального летописания — понимали под вечем и как они изображали участие в социально-политической жизни «неэлитных» слоев древнерусского населения*. Рассмотрению этих сюжетов и посвящены две части настоящей работы.

1. Догосударственными социально-политическими объединениями у восточных славян были так называемые племенные союзы, или «союзы

¹ Неправомерность применения термина «племя» к восточнославянским общностям, сложившимся после Расселения славян, обоснована в ряде работ А. А. Горского, см. особенно: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 156–177.

племенных княжеств», по традиции до сих пор часто фигурирующие в историографии как племена, что, строго говоря, неверно¹. О социально-политической структуре восточнославянских догосударственных общностей известно мало, но даже эти очень скудные данные позволяют предположить, что по крайней мере некоторые из них имели во главе правителей — «племенных» князей (упоминающиеся в ПВЛ Мал с древлянскими князьями, «иже распасли суть Деревьску землю»², и вятичские Ходота с сыном, — прямо, правда, «князьями» не называющиеся, — из «Почужения» Владимира Мономаха³). Также из некоторых упоминаний ПВЛ (о мести Ольги древлянам, о строительстве Владимиром Святославичем городов на юге Руси) можно сделать вывод о существовании у «племенных союзов» некоего высшего слоя: «лучших», или «нарочитых мужей», «старейшин града». Впрочем, все эти названия могут не иметь никакого отношения к реально существовавшим терминам, так как они употребляются летописцами, работавшими в конце XI — начале XII вв., по отношению к эпохе, отстоящей от их времени на 100–150 лет. Но в любом случае можно совершенно точно утверждать, что, с точки зрения летописцев конца XI–XII в., такой господствующий слой у восточнославянских догосударственных общностей действительно существовал.

В то же время в историографии уже давно высказывалась мысль о существовании «племенного» веча. Так, уже для В. И. Сергеевича это было совершенно бесспорным фактом⁴. Очень характерно, что, несмотря на многочисленные расхождения во взглядах, о большой роли «племенного» веча в структуре восточнославянских территориально-политических общностей писали практически все крупные дореволюционные историки: М. В. Довнар-Запольский и М. А. Дьяконов, М. Ф. Владимирский-Буданов и М. С. Грушевский и многие другие. Даже А. Е. Пресняков, весьма скептически относившийся к возможности реконструкции подлинной истории восточнославянских «племен» и полагавший, что «отчетливой картины племенного строя даже набросать никак нельзя, вероятно, потому, что следы этого прошлого были под корень сметены новыми формами организации и городского быта, какие принесли с собой в среду восточных славян выходцы из далекой

² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 56.

³ См.: Там же. Стб. 248.

⁴ См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. СПб., 1908. С. 33.

Скандинавии»⁵, единственное исключение делает для вече. Как он считает, его «доисторическим предком... были племенные собрания, существовавшие у славян на ранней заре их истории, по свидетельству VI в. у Прокопия... и Маврикия, продержавшиеся у вятичей, где слабо развился городской быт, до XII в.»⁶ (А. Е. Пресняков ссылается тут на сообщение Ипатьевской летописи под 1147 г., где говорится о том, как в ходе борьбы с князем Святославом Ольговичем князья Владимир и Изяслав Давыдовичи создали «Вятичѣ»⁷).

Подавляющее большинство советских исследователей также признавало вече важнейшим органом восточнославянских «племенных общностей». Об этом очень точно писал П. П. Толочко: «Среди исследователей... по существу нет разногласий лишь в том, что этот институт (вече. — П. Л.) возникает еще в недрах догосударственного периода»⁸.

Определенные расхождения высказывались лишь в связи с социальной характеристикой восточнославянского «племенного» вече. Некоторые историки высказывали сомнение по поводу распространенного в историографии предположения о демократичности «племенных» собраний, подчеркивали решающую роль «племенной» знати, «нобилей» (В. Т. Пашуто, П. П. Толочко, М. Б. Свердлов). Тот же П. П. Толочко отмечал: «...при существовании родоплеменной знати, старцев, предводителей дружин вече не было всенародной сходкой»⁹.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что в историографии фактически не делалась попытка тщательно проанализировать все прямые или косвенные сведения на эту тему русских источников, прежде всего летописей. Представления о «племенном вече» кочуют из работы в работу, но чем же оно предстает в действительности?

Прежде всего необходимо отметить, что ни в ПВЛ, ни в более поздних летописных сводах «племенное вече» не упоминается ни разу. Использование историками по отношению к гипотетическим «племенным» собраниям термина «вече» есть лишь традиция, экстраполяция древнерусских реалий начиная со второй половины X в. Но какое (или какие)

⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 303.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Это сообщение будет проанализировано ниже.

⁸ Толочко П. П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 130.

⁹ Там же. С. 130.

явления называли исследователи «племенным» вечем? Насколько адекватны данным источников устоявшиеся представления о «племенных» собраниях или «сходках», этом, по выражению И. Я. Фроянова, «*palladium'e демократии*» восточных славян?

При рассмотрении летописных отрывков, которые часто цитировались историками, писавшими о социально-политической структуре восточнославянских общностей, необходимо учитывать, как уже отмечалось выше, легендарность абсолютного их большинства. Немецкий исследователь древнерусского веча К. Цернак совершенно справедливо заметил по этому поводу: «По всей видимости, с историко-критической точки зрения более невозможно, опираясь на столь сомнительную источниковую базу, проследивать в X в. следы историко-правового явления (К. Цернак имеет в виду вече. — П. Л.), которое надежно засвидетельствовано только для последней четверти XI в.»¹⁰ Однако, думается, необходимо иметь в виду, что для нас имеет значение не только *историческая реальность*, стоящая за этими сообщениями, но и *представления* о ней, сложившиеся позднее. В связи с этим полезным может оказаться сопоставление того, как изображается летописцами конца XI–XII вв. то, что обычно называется «племенным вечем», с первыми упоминаниями веча как такового в X — первой половине XI в. (тем более что эти первые упоминания ничуть не менее легендарны, чем рассказы о полянах, древлянах и проч.). Попытка такого сопоставления будет предпринята ниже.

Наиболее раннее известие о восточнославянском «племенном» вече содержится, по мнению ряда исследователей, в сообщении ПВЛ о выплате полянами дани хазарам: «По сихъ же лѣтъхъ, по смерти братьѣ сея (Кия, Щека и Хорива. — П. Л.) быша обидимы Древляны, инѣми околними. И наидоша я Козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „Платите намъ дань“. Съдумавше поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ стариисыинымъ и рѣша имъ: „Се, налѣзохомъ дань ноу“. Они же рѣша имъ: „Откуда?“ Они же рѣша: „Въ лѣсѣ на горохъ надъ рѣкою Днѣпрскою“. Они же рѣша: „Что суть въдали?“ Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстии: „Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекоша саблями, а сихъ оружье обоиду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах“. Се же сбься все...»¹¹ Относится оно еще к недатированной части

¹⁰ Zernack K. Die burgstaedtlichen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 44.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 16–17.

ПВЛ и читается также в так называемом Начальном своде, отразившемся в Новгородской первой летописи. Очень ясно об этом писал В. И. Сергеевич. По его мнению, использование летописцем формулы «сѣдумавше поляне» свидетельствует о существовании у полян веча ¹². Примерно так же оценивал это сообщение М. Ф. Владимирский-Буданов, говоря о «племенной сходке» ¹³ полян, и многие другие дореволюционные историки. В новейшей историографии наиболее обстоятельной критике подверг это предположение М. Б. Свердлов, подчеркивавший, что «эти сведения слишком общи, чтобы определить, как решались вопросы — на племенных собраниях или избранными лицами — князьями и знатью» ¹⁴. В качестве дополнительного аргумента М. Б. Свердлов приводит тот факт, что подобные формулы использовались русскими летописцами и по отношению к тем народам, у которых никакого веча определенно не было («рѣша козарѣ», «почаша греци мира просити» и т. д.). В то же время исследователь не отрицает наличия у восточных славян «племенных собраний» ¹⁵. Его критика традиционных построений дореволюционной историографии сводится, во-первых, к признанию недостаточной адекватности сообщений летописцев для понимания подлинной социально-политической структуры восточнославянских «племен» и, во-вторых (что представляется, правда, некоторым противоречием первому тезису), к иной характеристике состава «племенных собраний». По его мнению, в них участвовали «лишь отдельные представители, вероятно племенная знать» ¹⁶. Тем не менее при чтении данного отрывка бросается в глаза, что социально-политическая структура полян и хазар изображается летописцем по-разному.

Действительно, выражения «рѣша козарѣ» и «сѣдумавше поляне» близки. Однако летописец специально подчеркивает отсутствие у полян в этот момент князей и вообще каких бы то ни было единоличных правителей (после смерти Кия с братьями). В то же время процесс принятия решения хазарами выглядит совершенно иначе. Определяющую

¹² Сергеевич В. И. Древности русского права... С. 33.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 52. См. также: Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1970. Т. IV. S. 102 (польский историк полагает, что, хотя «источник не сообщает, кто участвовал в этом совещании или вече», «спецификация была, собственно, излишня, так как отсутствие ограничения понятия „поляне“ показывает, что источник имеет в виду все население, т. е., что вече имело характер всеобщий, народный»).

¹⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 51.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 52.

роль в нем играют «князь» и «старцы» хазарские. В этом смысле использование летописцем выражения «рѣша козарѣ» может быть штампом, скорее являющимся опосредованным свидетельством распространения вечевых порядков (правда, неясно, в какое время — в конце XI–XII вв. или в более раннее), на что недавно обратил внимание И. Н. Данилевский¹⁷.

И все же, представляется, ни о вече, ни о «племенном собрании» говорить в данном случае нет никаких оснований. Термин «вече» здесь (как и во всех остальных случаях, относящихся к характеристике «племен») не употребляется и, конечно, не случайно, так как летописцы конца XI–XII вв. прекрасно знали, что такое настоящее вече. С другой стороны, если судить по контексту, летописец, не имевший информации о том, какое управление было у полян после Кия, предпочел использовать обтекаемые формулировки («съдумавше поляне»). Естественно, делать на таком шатком основании какие-либо выводы о «племенных собраниях» невозможно. Единственно можно предположить, что летописцу не казалась странной мысль о возможности принятия в глубокой древности полянами решений коллективно.

Примерно такие же выводы можно сделать и относительно знаменитого отрывка о «призвании варягов»: «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами в собѣ: „Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судить по праву“. Идаша за море къ Варягомъ, к Русі»¹⁸. Здесь идет речь об отношениях славянских (словене и кривичи) и неславянских (чудь и меря) «племен» с варягами. Опять-таки летописец не говорит сколько-нибудь подробно о том, как осуществлялось принятие решения этими общностями, отмечая лишь, что после изгнания варягов они «почаша сами в собѣ володѣти». Совершенно очевидно, что, с точки зрения летописца, княжеской власти тогда у них не было, и речь тут не может идти о том, что он употреблял термин «князь» только по отношению к «законным» правителям, т. е. Рюриковичам («поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судить по праву»). Как мы увидим ниже, по отношению к древлянскому «племенному» князю Малу этот термин применяется. Однако некая власть у этих северных «племен»

¹⁷ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 87.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19.

тем не менее, с точки зрения летописца, была. Но что она собой представляла, что означает туманное выражение «почаша сами в собѣ володѣти», остается только гадать. Никаких оснований говорить о наличии у ильменских словен и кривичей «племенных собраний» этот отрывок не дает. С точно такой же долей вероятности можно говорить и о совете знати, и о каком-либо другом институте власти. Вполне возможно, что, как и в предыдущем случае, у летописца просто не было никаких, даже легендарных сведений на эту тему.

Несколько более подробную информацию может предоставить рассказ летописи об убийстве древлянами Игоря и о мести им Ольги. Вот как описывается реакция древлян на повторную попытку Игоря собрать с них дань: «Слышавше же древляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „Аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не оубьютъ его: тако и се, аще не оубьемъ его, то все ны погубить“. Послаша к нему, глаголюще: „Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и, вышедше изъ града Изъкорьстѣня, древлене оубиша Игоря и дружину его...»¹⁹.

Интересные моменты есть и в рассказе о первой мести Ольги. После прибытия древлянских послов в Киев «повѣдаша Ользѣ, яко Древляне придоша, и возва е Ольга к собѣ: „Добри гостѣ придоша“. И рѣша Древляне: „Придохомъ, княгине“. И рече имъ Ольга: „Да глаголите, что ради придосте сѣмо?“ Рѣша же Древляне: „Посла ны Дервьска земля, рѣкуще сице: мужа твоего оубихомъ, бѣше бо мужъ твой, аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю Дервьску»²⁰.

Примерно так же описывается в летописи и второе посольство древлян к Ольге: «Пославши Ольга къ Древляномъ, рече имъ: „Да аще мя просити право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людѣ Киевстии“. Се слышавше Древляне, собрашася²¹ лучьшие мужи, иже дерьжаху Дервьску землю, и послаша по ню»²².

На основании этих сообщений многие историки, причем часто придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов по другим

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56.

²¹ Радзивиловская и Академическая летописи дают чтение «избраша».

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57.

вопросам, делали совершенно определенные выводы. Так, например, Б.Д. Греков предположил, что «у... древлян... в X в., по-видимому, родоплеменной строй не был еще до конца изжит. „Деревская земля“ (под этим термином можно разумеать народное собрание), а не деревские князья посылают к Ольге своих послов. Совещания вождей и народного собрания здесь весьма вероятны. О том же как будто говорит и множественность равноправных князей у древлян („наши князи добри суть...“). Если мы и можем здесь подразумевать вече, то оно имеет характер старого народного собрания»²³. Фактически так же оценивает эти известия И. Я. Фроянов, утверждая, например, что Игорь был казнен по решению древлянского веча: «Древляне, пленив Игоря, решали участь его, как явствует из летописи, на вече — народном собрании»²⁴.

Однако при внимательном анализе текста выясняется, что термин «вече» здесь, как и в предыдущих эпизодах, не упоминается. Действительно, формула «слышавше, сдумавше древляне», а также то обстоятельство, что послов в Киев отправляет «Деревская земля», а не древлянские князья (или князь), наводит на мысль о существовании у древлян, с точки зрения древнерусского летописца, какого-то коллективного органа. Но есть ли основания характеризовать его как «народное собрание»? Естественно, точных данных на сей счет нет, и тем не менее, приняв во внимание общую характеристику в летописи древлянского «племени», некоторые предположения сделать можно.

Очевидно, что в социальном отношении древляне неоднородны. Во-первых, здесь не просто упоминается «племенной» князь и называется его имя (Мал), но и говорится о древлянских князьях во множественном числе: «...наши князи добри суть, иже распасли суть Деревску землю...». Скорее всего речь идет о существовании княжеской династии, а не о наличии у древлян одновременно нескольких князей, как считает, например, Б. А. Рыбаков: «Перед нами... выступает союз племен с его иерархией местных князей. Князей много; в конфликте с Киевом они несколько идеализируются и описываются как добрые пастыри. Во главе союза стоит князь Мал...»²⁵ Но в довольно развернутом изложении в ПВЛ событий 945–946 гг. никакие другие древлянские князья, кроме Мала, не фигурируют. В пользу этого предположения говорит и глагол «распасли суть»

²³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 358–359.

²⁴ Фроянов И. Я. О событиях 945–946 гг. в Древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Проблемы археологии и этнографии. СПб., 1993. Вып. 4. С. 102.

²⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 327.

(т.е. «устроили»²⁶), стоящий в форме прошедшего времени — в перфекте. Это отмечал еще Н. П. Барсов: «Выражение „распасли“ в смысле „сохранили в целости“, „сберегли“, „устроили“ может относиться только к предшественникам Мала, а не к его современникам»²⁷. Во-вторых, следует отметить появившиеся элементы социальной стратификации, общность древлян выглядит более сложной, нежели полянская в сюжете о хазарской дани. Помимо князя и остальной массы членов «племени» упоминаются и «лучшие мужи», выступающие в роли послов. Эти древлянские «лучшие» (или «нарочитые») мужи прежде всего характеризуются тем, что «держат» Деревскую землю, т.е., видимо, управляют ей вместе с князем. Далее в сообщении об осаде Ольгой Искоростеня упоминаются также «старейшины града»: Ольга «взя град и пожже и; старѣишины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их [о]стави платити дань»²⁸. Не очень ясно соотношение «нарочитых (лучших) мужей» и «старейшин града», но тут приходится принять во внимание тот факт, что рассказ о захвате Ольгой Искоростеня является вставкой, включенной в текст летописи составителем ПВЛ, и, следовательно, может принадлежать иной традиции, чем предание о первых трех мщениях, которое было уже, по крайней мере, в Начальном своде²⁹.

Причем обращает на себя внимание, что если в Радзивилловской и Академической летописях фигурирует формула «древляне избираша лучшие мужи», то в Лаврентьевской — «собрашася лучшие мужи». Если последняя более аутентична, то в таком случае не остается никаких сомнений в том, что именно высший слой древлянского «племени» играл определяющую роль в гипотетическом собрании или, возможно, единственно и принимал в нем участие. Но даже если считать более точной первую формулу³⁰, демократический характер «старого народного собрания» (по выражению Б. Д. Грекова) выглядит сомнительным.

²⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 78. Обращает на себя внимание то, что этот глагол («распаси») употребляется в ПВЛ лишь однажды.

²⁷ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной («Несторовой летописи»). Варшава, 1885. С. 223, примеч.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59–60.

²⁹ См.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 61–69.

³⁰ А это, по всей видимости, именно так, поскольку Ипатьевская летопись дает чтение «изъбраша лучыша мужи» (ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 45).

Об этом свидетельствует наличие княжеской династии и знати, которая «держит» Деревскую землю. Хотя полностью отрицать участие простых членов древлянского «племенного» союза в принятии политических решений нельзя, у нас нет для этого соответствующих данных.

Надо отметить, что в историографии уже подвергалась критике точка зрения о демократическом характере внутреннего устройства Деревской земли. По мнению К. Цернака, «летописец здесь явно говорит о совете знати („совете вождей“) (автор приводит это словосочетание по-русски. — П. Л.), а не о вече в собственном смысле слова...»³¹. Думается, что в критике Б. Д. Грекова немецкий исследователь прав, однако оснований делать определенные выводы о совете знати на материале данных сообщений нет. Кроме того, К. Цернак использует крайне неудачный русский термин — «совет вождей», который архаизирует социально-политическую структуру восточнославянских общностей после расселения славян, не имеющую отношения к родоплеменному строю³². В отечественной историографии также существует иная трактовка социально-политической структуры древлян, но она опирается не столько на анализ летописных известий, сколько на общесоциологические предпосылки. Примером этого может служить мнение В. Т. Пашуто: «Земли древлян, полян, кривичей и других представляли собой конфедерацию княжений, уже находившихся в руках знати — земельных собственников. Если так, то и вече на этом этапе существования этих княжений... уже не было всенародным, а находилось под решающим влиянием местной знати»³³. Здесь помимо, очевидно, справедливого замечания о существенной (возможно, определяющей, хотя твердо судить об этом мы не можем) роли знати в политической жизни восточнославянских общностей содержатся выводы, основывающиеся на том, что иногда называется «внеисточниковой информа-

³¹ Zernack K. Die burgstaedtlchen Volksversammlungen... S. 32–33.

³² А. А. Горский в новейшей работе о восточнославянских «союзах племенных княжеств» отмечает: «...возможно, что отсутствие ясных известий о родоплеменной знати в сложившихся после Расселения общностях — союзах племенных княжеств и племенных княжествах — не случайно. В условиях распада старых родовых и племенных структур, с которыми она была тесно связана, формирования новых, уже территориальных образований (союзов племенных княжеств, племенных княжеств, соседских общин), с усилением роли князей и их дружин неслужилая знать вряд ли имела возможность занять ведущие позиции в обществе» (Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. С. 195).

³³ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 36.

цией». В источниках нет никаких данных о конфедерации «племенных» княжеств, существовавшей до «призвания варягов». Может быть, этот вывод сделан на основании цитированного выше летописного отрывка об отношениях варягов и «племен» севера Руси: словен, кривичей, чуди и мери, но, во-первых, неясно, при чем здесь поляне, во-вторых, нет прямых данных о наличии князей у всех этих «племен» и, в-третьих, непонятно, почему совместная акция ряда «племенных» общностей должна означать наличие «конфедерации» (не говоря уже о том, что сам этот модернизирующий термин крайне неудачен). Кроме того, в источниках нет никаких данных не только о вече у восточных славян, но вообще о каких-либо «всенародных собраниях». Наконец, следует отметить, хотя это и не имеет прямого отношения к теме данной работы, что мнение о древлянских «лучших мужах» как о земельных собственниках вовсе ни на чем не основано. Выражение «держать землю» скорее нужно понимать не буквально, в смысле частной собственности на земельные владения, а в политическом значении («держать» значит «управлять»).

Итак, из летописных известий о древлянах можно заключить, что, возможно, у них и был некий способ коллективного принятия решений, но, по всей видимости, решающую роль при этом играли князь и «лучшие мужи».

В XI–XII вв. упоминания «племен» в русских летописях крайне редки, но даже из них подавляющее большинство обозначает, по всей видимости, не территориально-политические общности, а административно-территориальные единицы. В.Т. Пашуто совершенно справедливо отмечал, что «племенные» «названия живут в политической практике XI–XII и даже XIII вв., обозначая территории, феодальный общественно-политический строй которых не вызывает сомнений»³⁴.

Единственным бесспорным исключением из этого правила является упоминание Владимиром Мономахом в «Поучении» похода на вятичей, которые, очевидно, сохраняли в своем глухом углу³⁵ элементы «племенного» быта. «А въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына

³⁴ Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. М., 1974. С. 110. См. также: Лукин П.В. Восточнославянские «племена» в IX–XII вв. в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе Средневековья и раннего Нового времени. М., 2003.

³⁵ «Глухой угол» в данном случае не метафора. О том, что именно так воспринимался в конце XI — начале XII в. край вятичей, свидетельствуют, помимо «Поучения» Владимира Мономаха, и миниатюры Радзивилловской летописи.

его и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму»³⁶, — пишет князь. Примечательно, что Владимир Мономах, говоря о походе на вятичей, упоминает в первую очередь неких местных правителей — Ходоту и сына, скорее всего «племенных» князей вроде древлянского Мала. При этом ни слова не говорится о вече (или «племенном» собрании) вятичей. Разумеется, это может быть лишь случайностью, связанной с отрывочностью данной информации, но факт остается фактом: единственное бесспорное свидетельство о восточнославянском «племени» конца XI — начала XII в. говорит нам о местных династах, но не о «племенном собрании».

Существует, правда, одно место в Ипатьевской летописи, которое часто трактуется в историографии как свидетельство наличия вече у вятичей. Действительно, «вятичи» там выступают не только в виде объекта деятельности князей, но и в некоторой степени как субъект политической жизни. Речь идет о статье 1147 г., где сообщается об одном из эпизодов войны между Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем, с одной стороны, и Изяславом и Владимиром Давыдовичами — с другой: «...она (Давыдовичи. — П. Л.) же слышавша, оже Гюрги прислал к нему (Святославу. — П. Л.) в помочь, и не смѣста по немъ ити, но съзвавша Вятичѣ и рѣша имъ: „Се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его на полъ вама“³⁷, и тако възвратистася ис Дедославля»³⁸. Оценка происшедших в районе Дедославля событий как вятичского вече, можно сказать, общее место как дореволюционной, так и советской историографии. Еще Н. П. Барсов отмечал, что, по его мнению, в Дедославле «в 1147 г. черниговские князья Давыдовичи созывали вече Вятичей»³⁹. Даже такой осторожный исследователь, как А. Е. Пресняков, хотя и не употреблял термин «вече» по отношению к собранию вятичей, полагал, что это один из последних остатков славянских «доисторических» «племенных собраний»⁴⁰. Согласился с А. Е. Пресняковым и Б. Д. Греков: «Весьма вероятны такие же (т. е. «племенные». — П. Л.) собрания и у других, более отсталых племен, включенных в состав древнерусского государства. Так, например, еще в XII в. черниговские князья Давыдовичи „созвавша вятиче“ для привлечения их к совместным действиям»⁴¹. А Б. А. Рыбаков прямо пишет в связи с этим,

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

³⁷ Хлебниковский и Погодинский списки дают чтение «на полон вам».

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338.

³⁹ Барсов Н. П. Указ. соч. С. 157.

⁴⁰ Пресняков А. Е. Княжое право древней Руси... С. 399.

⁴¹ Там же. С. 359.

что «в Дедославле в 1146 г. собиралось вече всех вятичей, к которым обращались черниговские князья Давыдовичи, искавшие поддержки против своего врага Святослава Всеволодовича»⁴². Т. Н. Никольская идет еще дальше: «По-видимому, Дедославль был довольно важным пунктом в Земле вятичей, и не случайно Давыдовичи созвали здесь вятичей на „вече“. Возможно, здесь, в Дедославле, была уже своя феодальная верхушка, к которой и обращаются черниговские князья»⁴³.

Однако при внимательном чтении этого известия Ипатьевской летописи становится ясно, что у нас нет оснований для столь однозначных утверждений. Прежде всего, здесь прямо не говорится о «вече», а лишь о том, что Давыдовичи созвали «вятичѣ». Вполне возможно, что правы не большинство историков, а С. М. Соловьев, считавший, что князья созвали «лучших людей», а отнюдь не «всех вятичей» на вече⁴⁴, и повторивший его мнение А. К. Зайцев. С его точки зрения, рассматриваемое сообщение «свидетельствует, что в этой земле сохранилась своя, вятичская знать»⁴⁵.

В действительности, сразу обращает на себя внимание то, что, хотя события происходят в 40-е гг. XII в., в то время, когда термин «вече» используется летописцами (и прежде всего составителями Киевского сво-

⁴² Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 262. При этом не очень понятно, почему Б. А. Рыбаков упоминает здесь Святослава Всеволодовича, в тексте в данном случае имеется в виду Святослав Ольгович. Кроме того, Б. А. Рыбаков полагает, что недалеко от Дедославля находилась Кордна из «Поучения» Владимира Мономаха, которую он сопоставляет даже с городом Хордабом из персидского сочинения X в. «Худуд ал-Алем» и называет ее столицей вятичей. По Б. А. Рыбакову, Кордна (Корьдно) могла находиться на месте нынешнего с. Городня, недалеко от Дедославля, и быть в XI в. «столицей вятичского князя Ходоты». (См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 262). Однако все это цепь мало на чем основанных догадок. Еще А. Н. Насонов отмечал, что «местоположение Кордны нам неизвестно»; более того, по его мнению, «едва ли она лежала поблизости от основной черниговской территории» (См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 65).

⁴³ Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 131.

⁴⁴ С. М. Соловьев пересказывает это место так: «Давыдовичи, со своей стороны, услышав, что Святослав получил помощь от Юрия, не посмели идти на него, но, *созвавши лучших вятичей* (курсив мой. — П. Л.), сказали им...» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 1. С. 430). Разница между просто «вятичами» и «лучшими вятичами» огромна, но непонятно, что послужило источником для С. М. Соловьева, так как в Ипатьевской летописи, на которую он ссылагается, «лучшие вятичи» не упоминаются. Впрочем, то же самое относится и к гипотезе о «вече» вятичей.

⁴⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 102.

да — составной части Ипатьевской летописи) чрезвычайно широко, в данном случае он по отношению к собранию «вятичей» не применяется. На наш взгляд, это является серьезнейшим основанием для критики существующей в историографии традиции именовать некие реконструируемые социально-политические институты восточнославянских общностей «вечем». Ни в легендарных описаниях событий IX—X вв., ни в рассказах современников (упоминания «вятичей» в XII в.) невозможно обнаружить «веча». Совершенно очевидно, что в Древней Руси людьми, которые знали, что такое «настоящее» вече, это понятие по отношению к «племенам» *не применялось сознательно*.

Разумеется, отсутствие термина «вече» само по себе отнюдь не может служить доказательством отсутствия «племенных» собраний. Речь, как уже отмечалось выше, идет не об истории слов, а об истории реальных институтов. Но можно ли в данном конкретном случае говорить о «племенном» собрании? Какое-то собрание «вятичей» здесь, безусловно, имеется в виду. Отрывочность данного известия не позволяет бесспорно определить, подразумевается ли тут «демократическое» собрание или совет знати. В этом смысле оба предположения, высказывавшиеся в литературе, абсолютно равнозначны. В летописи, вопреки Б. А. Рыбакову, не упоминаются «все вятичи» и, вопреки С. М. Соловьеву, прямо не называются вятичские «лучшие мужи». Однако некоторые замечания по этому поводу все же сделать можно. Прежде всего у нас нет никаких оснований считать, что «вятичи» были созданы именно в Дедославле. Действительно, там стояли князья Давыдовичи, но они могли собрать их не обязательно в городе. Во всяком случае, жесткой связи между собранием «вятичей» и городом не просматривается. Кроме того, в данном случае исследователи не обратили внимание на пассивную роль «вятичей»: они собираются не по своей инициативе, а по желанию князей — т. е. вообще это могло быть совещание Давыдовичей с избранными ими представителями «вятичей». Правда, этому как будто противоречит договорный характер отношений между Давыдовичами и «вятичами», князья обращаются к последним с деловым предложением «ловить» своих противников «на полъ вама»⁴⁶, однако, надо учитывать обстоятельства, в кото-

⁴⁶ «На пол вама» — очень странное употребление двойственного числа по отношению к «вятичам». Как указывалось выше, в Хлебниковском и Погодинском списках этот текст довольно сильно отличается от версии Ипатьевского: «Но съзаваша вятичи, и рѣста имъ: „Се есть ворогъ и нам и вам, а ловѣте его оубити лѣстїю, и дружиноу его избите, а имѣніе его на полонъ вам“» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 337–338, варианты). Следовательно, здесь тоже наблюдается путаница с двойственным и множественным числами.

рых разворачивались события, описываемые в Ипатьевской летописи. Шла междоусобная война, и князья стремились найти поддержку любой ценой, в том числе обратившись за помощью к населению глухого лесного края, сохранявшего еще какие-то элементы «племенного» быта. Но делать в связи с этим какие-либо выводы о «племенном» собрании невозможно. Мы даже не знаем, идет ли речь здесь о постоянно действующем органе или о событии экстраординарного характера, инициированном черниговскими князьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами. Общий контекст известия как будто свидетельствует в пользу последнего предположения.

Подведем некоторые предварительные итоги.

1. Термин вече по отношению к каким-либо социально-политическим институтам восточнославянских догосударственных общностей (так называемых племен) в русских летописях не употребляется. По всей видимости, это не является случайностью, поскольку в то же самое время данное понятие активно используется летописцами при характеристике политической жизни в древнерусском государстве и впоследствии — в древнерусских княжествах. Думается, что распространенный в историографии термин «племенное вече», обозначающий гипотетический восточнославянский «племенной» институт власти, некорректен. Его использование противоречит терминологии источников и может вызвать (и вызывает) путаницу, когда на социально-политическую структуру «племен» как бы накладываются данные, полученные при изучении властных институтов древнерусского государства.

2. Обращает на себя внимание отсутствие в русских летописях какого-либо специального термина для того, что обычно в литературе называется «племенными собраниями». Источники используют туманные и обтекаемые выражения: «сдумавше», «собрашася», «рѣша» и т. д.

3. При этом отрицать существования каких-то «племенных собраний» у восточнославянских «племен» нельзя, о том, что они были, косвенно свидетельствуют ранние легендарные рассказы и, может быть, сообщение, сохранившееся под 1147 г. в Ипатьевской летописи. Однако никаких твердых выводов по этому поводу на материале русских летописей сделать нельзя.

4. Естественно, социальный состав «племенных собраний» остается неизвестным, но, исходя из описания в летописях социально-политиче-

ской структуры некоторых восточнославянских «племенных» общностей, можно предположить существенную, а возможно, и определяющую роль правителей («племенных» князей и династов) и местной элиты («лучших» / «нарочитых» мужей). Чрезвычайно характерно в этом смысле, что у летописцев находятся термины для обозначения этих реалий, в отличие от гипотетических «племенных собраний».

5. Следует отметить также, что гипотетические «племенные собрания» никак не связываются летописцами с городами. Выше уже отмечалось, что оснований связывать собрание «вятичей», зафиксированное в Ип. под 1147 г., с Дедославлем нет. Возможно, конечно, что древляне в X в. собирались в своем «племенном» центре, упоминающемся в ПВЛ и Начальном своде, — Искоростене, но утверждать этого нельзя (в отличие от существования городских собраний в древнерусском государстве). В чем состоит, с нашей точки зрения, важность данного аспекта, будет объяснено ниже при характеристике веча как такового.

Для решения вопроса о «происхождении» веча и вообще коллективного участия недружинных слоев населения в политической жизни древнерусского государства необходимо проанализировать все наиболее ранние возможные упоминания этих феноменов в летописях. При этом представляется целесообразным сопоставить данные, полученные в результате анализа этих упоминаний, с выводами, сделанными на основе изучения летописных упоминаний «племен». Только такой путь, на наш взгляд, может привести к ответу на вопрос, была ли, с точки зрения летописцев, какая-либо преемственность между гипотетическим «племенным собранием» догосударственной эпохи и городским вечем киевского времени. Естественно, оговорка о точке зрения летописцев не случайна. Ранние свидетельства о вече и вообще об участии «людей» в политической жизни в подавляющем большинстве немногим менее легендарны, чем сообщения о «племенах». Поэтому речь в данном случае будет идти скорее о *представлениях* летописцев о прошлом. По крайней мере, на материале наших источников утверждать обратное нельзя. Но это обстоятельство, во-первых, обеспечивает сопоставимость изучаемых сообщений (и те, и другие в основном легендарны, проверить их адекватность исторической реальности можно в какой-то степени лишь на основе сравнительно-исторических данных, об этом см. ниже), а во-вторых, определяет хронологические рамки известий о древнерусском вече (в широком смысле), которые будут привлекаться для сопоставления. Это сообщения за X — первую половину XI в., т. е. за эпоху, так сказать, не истории древнерусского веча, а его во многом легендарной предыстории.

Правда, автор классического труда о древнерусском вече В. И. Сергеевич полагал, что знаменитые договоры руси с греками, помещенные в ПВЛ под 911 и 945 гг., были подписаны с санкции веча. Доказательством этого, с его точки зрения, служит то, что в тексте договоров упоминаются «людье вси рустии»⁴⁷. Между тем, эти договоры относятся к древнейшим и аутентичным источникам по истории Древней Руси. Действительно, в текстах договоров присутствуют следующие формулы: «Мы от рода Рускаго ... иже послани от Олга великого князя Роускаго и от всѣх, иже соуть под роукою его свѣтлых и великих князь и его великих боярь... похотѣнем наших великих князь и по повелѣнию *от всѣх, иже соуть под роукою его соущих Роуси* (курсив мой. — П. Л.)»⁴⁸ (911 г.); «мы от рода Рускаго съли и гостье... послании от Игоря, великого князя Рускаго, и от всякая княжя и от всѣх людий Руския земля» и далее: «...великий князь нашъ Игорьъ и князи и бояре его и людье вси Рустии послаша ны...»⁴⁹. Однако трактовать их как отражение воли «элемента народного»⁵⁰ нет, по-видимому, никаких оснований, так как на тексты договоров оказал очень существенное влияние византийский формуляр и приблизительно те же самые выражения употребляются в них по отношению к самой Византии, где никакого веча не было и «народный элемент» в принятии политических решений никакой роли не играл. Так, например, русские послы должны были, согласно договору Игоря, «створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ боярьствомъ и со всѣми людьми Гречьскими...»⁵¹. В связи с этим Б. Д. Греков пришел к выводу, что «здесь перед нами представительство двух правительств, говорящее от имени всех своих людей, и больше ничего»⁵². К. Цернак высказал промежуточное мнение: «Хотя некритическое сопоставление Сергеевича с вечем не может быть подтверждено, общность названных после великого князя князей и бояр, находящихся на подчиняющейся ему территории, представляет собой все

⁴⁷ См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. СПб., 1908. С. 33–34.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–33.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46–47 (чтение «и князи» — из Радзивилловской и Академической летописей).

⁵⁰ См.: Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904. С. 62.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47. См. об этом, например: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 148–165.

⁵² Греков В. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 304.

же характерное явление, на которое следует обратить внимание, просматривая ранние известия для обнаружения отправных точек (развития веча, у Цернака: «Anhaltspunkten». — П.Л.). Все же существование какого-то совещательного собрания, состоящего из этих высокопоставленных лиц (т.е. светлых и великих князей, бояр и т.д. — П.Л.), кажется вероятным, тем более что такие собрания вообще представляли собой очень распространенное явление в средневековом мире»⁵³. Такие собрания, в самом деле, возможны, но непонятно, какое отношение они имеют к проблеме веча.

Итак, поиски «отправных точек» развития веча следует все же начать с собственно летописных данных.

Довольно часто историки, писавшие о вече, начинали свое изложение с событий, описанных в летописи под 968 г., когда Киев был осажден печенегами. В это время Святослав находился в Переяславце-на-Дунае, а в Киеве оставалась Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром. Согласно летописи, «собрашеса людье оная страны Днѣпра (т.е. левобережья. — П.Л.) в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ лъзѣ внити в Киевъ и ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. Вѣстужиха людье в градъ и рѣша: „Не ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и рече (sic!) имъ: аще кто не приступитъ с утра, предатися имамъ Печенѣгомъ?“. И рече единъ отрокъ: „Азъ преиду“. И рѣша: „Иди“»⁵⁴.

Далее летописец рассказывает о подвиге киевского отрока, сообщившего о положении в Киеве воеводе Претичу: «Они же видѣвше с оной страны и приѣхаша в лодыи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и къ дружинѣ... Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичъ: „Подѣступимъ заоутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ, оумчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ“. Яко бысть заоутра, вѣдѣше в лодью протиоу свѣту и вѣструбиша вельми, и людье въ градъ кликнуша»⁵⁵.

После такого благополучного исхода «послаша кияне къ Святославу, глаголюще: „Ты, княже, чюжея земли ищещи и блудещи, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, мать твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ. Аще ти ни жаль очины своя, ни матере, стары суща, и дѣтии своих“»⁵⁶.

⁵³ Zernack K. Die burgstaedtlichen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 32.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65–66.

⁵⁵ Там же. Стб. 66.

⁵⁶ Там же. Стб. 67.

Все исследователи, цитировавшие это известие, вне зависимости от разницы во взглядах на социально-политический строй Древней Руси рассматривали его как первое свидетельство о городском вече. В этом были согласны между собой например, Б. Д. Греков («Перед нами народное совещание, созванное *ad hoc* ввиду крайней необходимости, совещание, на котором обсуждается тяжелое положение города и способы спасения»⁵⁷) и И. Я. Фроянов. Разница лишь в том, что первый считал это упоминание практически уникальным для X в., а второй подкреплял с его помощью свой вывод о том, что «веча собираются и в X, и в XI, и в XII вв.»⁵⁸.

Действительно, хотя вече здесь прямо не упоминается, совершенно очевидна политическая активность «киян». Они коллективно принимают решение об обороне города и после ее успешного окончания подвергают решительной критике не заботящегося о своей земле князя Святослава. «Кияне», или, как они еще называются в тексте, «люди в граде» и «люди оная страны Днепра», по всей видимости, отличаются летописцем от бояр и дружины⁵⁹. Под 969 г. ПВЛ (и Начальный свод) рассказывают о том, как Святослав уже в спокойной обстановке объявляет о своем желании вновь отправиться из Киева в Переяславец матери и боярам, а не «киянам» или «людям». Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, летописец четко различал дружинную элиту и, пока говоря условно, иные слои общества, называя их «киянами» или «людьми»⁶⁰, и, во-вторых, то, что в обычной ситуации князь не имел никакого желания (или тем более обязанности) советоваться с послед-

⁵⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 356–357.

⁵⁸ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 184.

⁵⁹ М. П. Кучера, пересказывая это известие, попытался внести свою лепту в дело увеличения числа известных восточнославянских «племенных» князей. По его мнению, таковым — потомком одного из местных левобережных князьков, «светлых князей» договоров русских с греками, — вероятно, и являлся воевода Претич. См.: Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 171. Однако в разговоре с печенегами Претич сам называет себя «княжым мужем», т. е. заявляет о своей принадлежности к дружине, что полностью опровергает гипотезу М. П. Кучеры (См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66).

⁶⁰ Примерно так же оценивал термины «люди», «кияне» и т. д. Л. В. Черепнин. По его мнению, «несомненно... что термин „люди“ наряду с общим широким значением имел и более узкий смысл: горожане и даже рядовая масса горожан...». См.: Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразие в историческом развитии Руси и Польши. XII–XIV вв. М., 1974. С. 27.

ними. Тем не менее политическое значение «киян» («людей») в экстраординарной ситуации могло стать весьма существенным, и, кажется, с точки зрения летописца, не носило нелегитимного характера. Во всяком случае, общий тон рассказа вполне благожелателен по отношению к ним, осуждается скорее сам Святослав.

Термин «кияне» (= «люди из града») позволяет предположить, что речь здесь идет о киевских горожанах. Принимало ли участие в событиях 968 г. население киевской округи, сказать сложно. В источнике говорится только о «киянах» и о «людях оной страны Днепра». Кто такие эти последние, неизвестно. Возможно, это часть киевлян, успевшая до осады перебраться на другой берег реки, возможно, «недружинная» часть войска Претича, — любые предположения на сей счет будут гадательными. Ясно лишь, что мы имеем дело с коллективным участием в политической жизни киевских горожан, ставшим следствием их общественной инициативы (по крайней мере, именно об этом говорит летопись). При этом надо отметить еще раз, что речь идет об экстраординарной ситуации, связанной с отсутствием князя в городе.

Под 970 г. летопись рассказывает о прибытии в Киев посольства из Новгорода с целью пригласить себе князя. «В се же время придоша людье Нооугородьстии, просяще князя собѣ»⁶¹. Из-за отрывочности сообщения понять, кем были эти «людье нооугородьстии», невозможно.

Возможно, о политической активности «киян» такого же типа свидетельствует и известие ПВЛ (и Начального свода) под 980 г., где повествуется о войне между Владимиром и Ярополком Святославичами⁶². В связи со стремлением воеводы Ярополка Блуда погубить своего князя летописец замечает, что, пока тот находился в Киеве, это было сделать невозможно из-за горожан. Поэтому Блуд, стремясь ввести Ярополка в заблуждение, сказал ему: «Кияне слотся къ Володимеру, глаголюще: „Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка“»⁶³. При этом опять же «кияне» здесь, по всей видимости, противопоставляются дружине Ярополка, так как выше указывается, что он «затворися Киевѣ с людьми своими и съ Блудомъ»⁶⁴ и, очевидно, вместе с ними впоследствии бежал в Родню. И снова

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

⁶² На это известие, не замеченное другими историками древнерусского веча, обратил внимание К. Цернак. См.: *Zernack K. Die burgstaedtlichen Volksversammlungen...* S. 39.

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 77.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76. Между прочим, это еще одно прекрасное доказательство бессмысленности чисто терминологического анализа. Ясно, что понятие «люди» употреблялось,

обращает на себя внимание, во-первых, проявление политической активности горожан в экстраординарной ситуации — во время междоусобной войны за киевский стол и вновь во время осады города, а, во-вторых, то, что летописец скорее симпатизирует «киянам» и во всяком случае не подвергает критике занятую ими активную позицию в междукняжеской борьбе.

Любопытно сопоставить с этим описание летописцем того, как принималось в Киеве решение крестить Русь по византийскому обряду. Под 987 г. в ПВЛ рассказывается о совещании Владимира о выборе веры с «болярами и старцами градскими», на котором было принято решение отправить посольство для ознакомления на месте с особенностями тех или иных вероучений. Далее говорится, что «бысть лоба рѣчь (т. е. предложение «боляр и старцев» о посольстве. — П. Л.) князю и всѣмъ людемъ»⁶⁵. После их возвращения Владимир снова «созва... боляры своя и старца» для принятия окончательного решения, причем «боляре» играют во всем деле очень активную, если не решающую роль (так, именно они напоминают Владимиру о крещении его бабки Ольги по византийскому обряду, именно их спрашивает князь о месте крещения)⁶⁶.

Конечно, адекватность этого рассказа историческим реалиям может быть поставлена под сомнение. Так, например, в последнее время оспаривается не только достоверность изложенных фактов, но и соответствие используемой терминологии эпохе, о которой идет речь (т. е. X в.). Вполне возможно, что, скажем, «старцы градские» — это поздний литературный штамп, не имеющий отношения к какой-либо реальной социальной категории X в.⁶⁷ Однако ясно, что автор летописного рассказа полагал, что решение по такому кардинальному вопросу, как выбор Древней Русью религии, было принято князем и верхушкой дружины. «Киянам», а, вероятно, именно они подразумеваются под «всеми людьми» (если это не просто риторическая фигура, как скорее всего обстоит

так сказать, окказионально. Например, в данном случае оно означает дружину. Поэтому единственный способ понять истинное значение тех или иных терминов — это внимательное изучение контекста. Иными словами, сам по себе термин «люди» ничего не означает, он обретает смысл лишь в связи с текстом, частью которого он является.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 106, 107.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 108.

⁶⁷ См. об этом: *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978; *Лоамянский Х.* О происхождении русского боярства // Там же; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... С. 39; *Горский А. А.* Древнерусская дружина... С. 36.

дело с аналогичными выражениями в текстах договоров руси с греками), отводится лишь пассивная роль. Таким образом, в ситуации обычного, спокойного течения государственных дел «кияне» на политическую жизнь, по-видимому, с точки зрения летописца, существенно не влияют.

Под 997 г. в ПВЛ (в Начальном своде этого известия нет) впервые упоминается вече. Это знаменитый рассказ о белгородском киселе, и он, безусловно, играет важнейшую роль для нашей темы. Летопись гласит: «Володимеру же шедшо Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время оувѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, придоша и стапа около Бѣлагограда. И не дадаху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лѣзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вои оу него, Печенѣгъ же множество много. И оудолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: „Се оуже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да лучше ли ны померети? Вдаимы ся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли оумертвять; уже помираем от глада“. И тако свѣтъ⁶⁸ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и впраша: „Что ради вече было?“. И людѣ повѣдаша ему, яко утро хотят ся людѣ передати Печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣишины градскыя и рече имъ: „Слышахъ, яко хотите ся передати Печенѣгом“. [Они же рѣша:] „Не стерпять людѣ глада“. И рече имъ: „Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите“. Они же ради общахъся послушати»⁶⁹.

Далее в тексте летописи рассказывается о хитрости с киселем. И по ходу изложения сообщаются различные подробности о действиях осажденных белгородцев. Так, они решают пригласить к себе в город делегацию печенегов и оставляют тем заложников: «...горожане... рѣша, шедше к печенѣгом: „Поимѣте к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем“. Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша оу них тали, а сами избраша лучышиѣ мужи в городѣхъ⁷⁰ и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть»⁷¹.

⁶⁸ Радзивилловская и Академическая летописи дают чтение «совѣтъ».

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127–128. Слова «они же рѣша» — из Радзивилловской и Академической летописей.

⁷⁰ В Радзивилловской и Академической нет «в городѣхъ». На основании Софийской I летописи (См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1, М., 2000. Стб. 112). А. А. Шахматов предложил чтение «в родѣхъ» (См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127–128, варианты).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 128.

Этот рассказ уже давно привлекал внимание историков. Особенно большое ему внимание уделяли сторонники преемственности социально-политических институтов древнерусского государства и институтов «племенной» эпохи, прежде всего «племенного веча», о котором они писали, как о чем-то само собой разумеющемся. Так, М. С. Грушевский, считавший, что в Древней Руси «жизнь города была лишь дальнейшей ступенью сельской общины», пришел к выводу на его основе, что, если «исключить позднейшие элементы княжеской администрации и дружинного строя», станет заметно, что «делами общины в городе правит совет — вече старцев»⁷². А В. В. Мавродин, уверенный в том, что «начальные страницы летописи говорят о том, что у восточных славян в глубокой древности и в период образования древнерусского государства все важнейшие вопросы решались на вечевых сходах»⁷³, приводил его в обоснование своей мысли о преемственности между «племенным вечем» и древнерусским. «Огромное значение вече, — пишет историк, — чувствуется и позднее, на начальном этапе образования древнерусского государства, когда особенно

⁷² Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 448.

⁷³ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 102.

⁷⁴ Там же. Следует отметить, что в историографии высказывались и иные оценки событий в Белгороде 997 г. Но никто из отечественных историков не отрицал важности этого рассказа для изучения начальных этапов древнерусского веча. См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 356–357; Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 52. Лишь К. Цернак, обратив внимание на отсутствие этого известия в Начальном своде, поставил под сомнение возможность его использования для характеристики реалий X в. (а не начала XII в., когда была составлена ПВЛ). По мнению К. Цернака, о позднем происхождении рассказа о белгородском киселе свидетельствует и употребляемая его автором социальная терминология, соответствующая второй половине XI — началу XII в. (См.: Zernack K. Die burgstaedtlichen Volksversammlungen... S. 35). В то же время любопытно, что, пересказывая это летописное известие, немецкий ученый подчас не вполне хорошо его понимает. Так, он объясняет слова впавших в отчаяние белгородцев «вданнымися печенѣгомъ, да кого живять, кого ли оумертвять, оуже помираем от глада» тем, что горожане якобы надеялись, что «печенегами будет убит лишь каждый второй житель» (См.: Ibid. S. 35). Оспорил точку зрения К. Цернака Х. Ловмянский. По его мнению, «устаревшая в XII в. печенежская тема отражает значительно более раннее происхождение... этой интерполяции. Архаичным также кажется термин „старейшины градския“. Рассказ, вероятно, возник не позднее, чем в середине XI в.» (Łowmiański H. Początki... Т. 4. S. 107, прыг.). При этом польский исследователь никак не объясняет отсутствия рассказа о белгородском киселе в НПЛ. О социальной терминологии в Древней Руси см. также работу датского историка К. Рабек Шмидта (Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240) Kopenhagen, 1964), которая, правда, страдает излишне формалистическим подходом к источникам.

важную роль оно играет в период отсутствия князя»⁷⁴. К сожалению, сам текст редко подвергался подробному анализу.

Прежде всего, естественно, большое значение имеет то, что в нем впервые в летописях упоминается сам термин «вече». Правда, следует оговориться, что это лишь хронологически первое упоминание, так как в более раннем, чем ПВЛ, Начальном своде, отразившемся в Новгородской первой летописи, вече в X в. вообще не встречается. Тем не менее некоторые важные моменты обращают себя внимание.

Во-первых, следует отметить терминологию этого рассказа. Сообщается, например, что белгородцы «створиша вече и рѣша», что сразу напоминает выражение из цитировавшегося выше известия под 968 г.: «вѣстужиша людѣ в градѣ и рѣша». И, хотя в нем вече прямо не называется, близость формулировок кажется разительной. Кроме того, автор летописного рассказа о белгородском киселе явно употреблял слова «вече» и «совет» как синонимы, что является прекрасной иллюстрацией к высказанному нами выше мнению о том, что исследовать участие в политической жизни древнерусских «людей», только разбирая известия с упоминанием веча⁷⁵, неправильно. Разумеется, это вовсе не означает, что во всех случаях, когда в летописи фигурирует совет, на самом деле идет речь о вече⁷⁶ (тенденция к такой трактовке есть в работах И. Я. Фроянова), это лишь означает, что формально-юридический подход к понятиям, встречающимся в древнерусских источниках («вече», «совет» и т. д.), вряд ли уместен и, думается, представляет собой пережиток позитивистской методологии.

Во-вторых, примечательной является разница в том, как автор летописного рассказа описывает принятие решений соответственно белгородцами и печенегами. Ситуация похожая: белгородцы должны отправить печенегам заложников, а те — послать в Белгород делегацию. Однако у первых это решается на вече, а вторые избирают «лучших мужей». При этом, если верна конъектура, предложенная А. А. Шахматовым («лучшихъ мужи в родѣхъ»), летописец отметил различие социально-политической организации в городе древнерусского государства и у кочевников-печенегов, сохранивших элементы родоплеменного строя. В этом смысле чрезвычайно характерно, что в ПВЛ по отношению к восточнославянским «племенам» догосударственной эпохи и кочевому народу — соседу Руси в X–XI вв. термин «род» употребляется, а термин

⁷⁵ Пример такого подхода см.: *Свердлова М. Б.* Генезис и структура... С. 48–52.

⁷⁶ См. подробнее о совете: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 14–20.

«вече» — нет, в то время как по отношению к древнерусскому обществу X–XI вв. наоборот, термин «вече» употребляется, а «род» — нет.

В-третьих, белгородцы предстают в летописи не аморфной массой, среди них упоминаются «старцы» («старейшины градские»). Кто это такие, сказать сложно. Выше уже отмечалось, что подобные термины, вполне возможно, были литературно-повествовательными штампами. Но во всяком случае из летописного текста, вопреки М. С. Грушевскому, отнюдь не вытекает, что в вече участвовали *только* «старцы». Вече здесь представит широким собранием белгородцев: и «старцев», и простых «людей».

В-четвертых, придется повторить то, что уже было сказано о событиях 968 г. в Киеве. И вече, и другие формы политической активности «людей» тесно связаны с городом; ситуация, когда эта активность проявляется, вновь экстраординарна: князя с дружиной в городе нет, город осажден и находится на грани капитуляции. Наконец, вновь летописец относится к действиям горожан с одобрением и как будто не видит в них ничего «нелегитимного».

Таким образом, хотя вполне возможно, что данный текст в действительности имеет отношение в большей степени к реалиям второй половины XI — начала XII в., с одной стороны, становятся ясными некоторые аспекты того, как представлял себе летописец начала XII в. вече, а с другой стороны, оказывается, что это почти ничего общего не имеет с тем, как он описывал социально-политическое устройство «племен».

Второй и последний раз до 1068 г. вече упоминается под 1016 г. в НПЛ и под 1015 г. в ПВЛ при описании конфликта в Новгороде между новгородцами и нанятым князем Ярославом Владимировичем варягами. При этом варианты рассказа в летописях довольно сильно различаются. На наш взгляд, предпочтение должно быть отдано версии НПЛ как восходящей к Начальному своду. В пользу этого свидетельствуют и некоторые особенности обоих текстов, например фантастическая цифра новгородского войска в версии ПВЛ (в Лаврентьевской летописи — 40, что является явной ошибкой, в Радзивилловской и Академической — 40000) и, по-видимому, правильная — в НПЛ (3000). С другой стороны, так как в литературе существует мнение о том, что обе версии основываются на разных, но в равной степени древних традициях⁷⁷, ниже расхождения между ними будут отмечаться и учитываться.

⁷⁷ См.: Смердов М. Б. К истории новгородского вече // Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний, Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13–15 сентября 1982 г. Л., 1984.

Итак, согласно НПЛ, в 1016 г. перед началом противостояния со Святополком Окаянным «в Новѣгородѣ... Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша варязи насиліе дѣяти на мужатыхъ женахъ. Ркоша новгородци: „сего мы насилъя не можемъ смотрити“; и собраша в нощь, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ; а князю Ярославу тогда в ту нощь суцу на Ракомѣ. И се слышавъ, князь Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху варягы ти исѣклѣ, а друзии бѣжаша изъ града»⁷⁸. После того как Ярослав получил известие от сестры из Киева о смерти отца и убийстве Святополком братьев, он «заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: „Любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ“. И тако рче имъ: „Братъе, отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хощю на него поити; потягнете по мнѣ“. Ирѣша ему новгородци: „А мы, княже, по тобѣ идемъ“. И собра вои 4000: Варягъ бяхеть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь»⁷⁹. Среди существенных для нашей темы отличий версии ПВЛ следует отметить, что перебитые Ярославом новгородцы называются там не «вои славны тысяща», а «нарочитые мужи», а также отсутствие упоминания того, что вече было собрано не в Новгороде, а «на поле»⁸⁰.

В литературе существует целая дискуссия о том, что подразумевал летописец под «воями славными тысящей» в связи с проблемой происхождения, функций и социальной сущности так называемой децимальной организации. Однако, даже если отождествить их с дружиной Ярослава (во всяком случае, о принадлежности к общественной элите, вероятно, свидетельствует наименование их в ПВЛ «нарочитыми мужами»), все равно представляется, что в новгородском вече участвовали более широкие слои. Во-первых, «тысяча славных воинов» была «иссечена» Ярославом после убийства ими варягов. Во-вторых, если и предположить, что «избыток новгородцев» — это бежавшие из Новгорода остатки «воинов славных тысячи», остается непонятным, откуда взялись 3000 новгородских «воев», отправившихся в поход на Святополка. Логично допустить, что это новгородские горожане, «люди», принявшие участие в вече (вместе с оставшимися в живых «нарочитыми мужами») и согласившиеся помочь Ярославу.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 174.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 174–175.

⁸⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140–141.

Кроме того, в пользу широкого состава новгородского вече говорят два косвенных свидетельства. В самом начале указывается, что Ярослав «разгневался на гражаны», т. е., по-видимому, речь шла о конфликте князя со всеми новгородцами, а не только с «нарочитыми мужами» («воинами славными тысячей»). Наконец, зафиксированные в НПЛ насмешки воеводы Святополка Волчьего Хвоста⁸¹ над новгородцами («а вы плотники суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить»⁸²) вряд ли могли относиться к дружинникам.

Таким образом, первое описание новгородского вече не только по форме, но по существу очень похоже на изображение в летописи событий 968 и 997 гг. Есть, правда, некоторые особенности. В отличие от белгородского вече 997 г., новгородцы были созваны на вече князем. Но это неудивительно, поскольку инициатива со стороны Ярослава в данном случае совершенно естественна: после того как он перебил часть новгородцев, никакой другой возможности для него не оставалось. И все-таки рассказ в целом свидетельствует о достаточной степени политической активности новгородцев, проявленной ими и в истреблении варягов, и в участии в вече, и в походе против Святополка. Наконец, вече здесь созывается не в городе, а «на поле». Однако думается, это чистая случайность, связанная с бегством из Новгорода части «гражан». Тесная связь вече с городом очевидна и в этой ситуации.

Итак, можно сделать некоторые выводы. При этом необходимо учитывать, что речь в данном случае идет не о сущности таких феноменов, как вече или коллективное участие древнерусских «людей» в политической жизни. Это задача специального масштабного исследования. Наша задача состояла в том, чтобы определить, можно ли говорить на основании русских летописей о какой-либо преемственности этих явлений и институтов «племенной» эпохи.

1. Рассматривая социально-политический строй восточнославянских «племен», мы выяснили, что в летописях никакого специального термина для обозначения того, что обычно называется историками «племенными собраниями» или даже «племенным вечем», найти нельзя. Термин «вече» появляется в летописи только для характеристики реалий уже сложившегося древнерусского государства, именно собраний горожан.

2. В представлении русских летописцев вече и вообще все формы коллективной политической деятельности в Древней Руси тесно связаны с го-

⁸¹ В ПВЛ имя воеводы пропущено.

⁸² ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

родом. Поэтому изучение этих проблем должно быть неотделимо от изучения особенностей древнерусского города и прежде всего состава населения и системы управления. Между тем, гипотетические «племенные собрания» в летописи никак с городами не связаны.

3. Вопреки тому, что писали некоторые исследователи (например, С.В.Юшков⁸³), даже ранние, отрывочные летописные упоминания веча и других форм коллективной политической деятельности убедительно свидетельствуют о том, что в них участвовали отнюдь не только «феодальные верхи», но значительно более широкие массы горожан. С другой стороны, даже те известия, в которых часто находят упоминания «племенных собраний» (древляне в 945 г., вятичи в 1147 г.), показывают, что если такие собрания и были, то созывались они по инициативе или, во всяком случае, под руководством князей и местной элиты.

4. Обращает на себя внимание, с одной стороны, что горожане принимали активное участие в общественно-политической жизни (одной из форм которого и было вече) в экстраординарных ситуациях (по крайней мере, так это выглядит в летописях); с другой стороны, примечательно, что летописцы, судя по всему, не видели в таком участии ничего из ряда вон выходящего, часто с симпатией отзывались о действиях горожан.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что материалы русских летописей, при всей их крайней отрывочности и неполноте, все же свидетельствуют скорее против, чем за преемственность «племенных собраний» и городского веча. Однако думается, что в конечном счете о том, что собой представляли «племенные собрания» и каково происхождение городского веча, в той или иной степени можно будет судить только на основании сравнительно-исторических данных, прежде всего при привлечении данных о западных славянах. Примером такого сопоставления в отечественной историографии является работа М. Б. Свердлова⁸⁴, но она посвящена социально-экономической проблематике, и интересные нас проблемы в ней не рассматриваются. Единственное исключение в этом плане — уже упоминавшаяся работа К. Цернака. Она, хотя и не исчерпывает тему, предоставляет определенный материал для размышлений. Изучая «городские народные собрания у восточных и западных славян», К. Цернак приходит к весьма интересным выводам.

Во-первых, по его мнению, источники свидетельствуют о наличии у славянских общностей в VI–VIII вв. неких собраний, однако «эти соб-

⁸³ См.: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 213.

⁸⁴ Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

рания князей или знати не могут быть названы народными (разрядка автора. — П. Л.) собраниями в значении исторического древнерусского веча, так как источники говорят исключительно об участии в них правителей мелких племен (*die fuehrenden Maenner der Kleinstaemme*)»⁸⁵. Подобные же явления он отмечает в IX–X вв. и у западнославянских общностей вильцев (велеты, лютичи) и ободритов. «Во всяком случае, — пишет исследователь, — *populus Wilzorum* (здесь и далее курсив автора. — П. Л.) и, возможно, также следы племенного собрания у ободритов следует понимать скорее в значении древнеславянского собрания знати, чем видеть в них народное собрание, подобное вече»⁸⁶. Позднейшим, но такого же типа феноменом является и собранное князем Вартиславом на Узедоме (Узнаме) в 1128 г. «земельное собрание» из местных нобилей⁸⁷.

Позднейшие формы коллективного участия в политической деятельности западных славян К. Цернак сопоставляет с древнерусским вечем и связывает их также с городским строем. В связи с этим он пишет о собраниях в померанских городах Вольгасте, Гютцкове и Деммине (Вологощи, Готькове и Дымине, первая половина XII в.), в главном городе славянского населения Рюгена Арконе и др.⁸⁸ Однако самое интересное состоит в том, что немецкий исследователь оказывается не в состоянии найти связующее звено между этими двумя явлениями. Он лишь выдвигает осторожное предположение, что, может быть, следы этого «промежуточного звена» могут быть обнаружены в сообщениях о собраниях ободритов в XI в. и лютичей в конце X в. в их культовом центре Ретре. В них, по сообщению Титмара Мерзебургского, принимала участие не только знать, но и более широкие слои населения, и они уже были связаны с определенными, пусть и зарождающимися, городскими центрами. С ними может быть сопоставлен и легендарный рассказ о мести Ольги древлянам, где также можно обнаружить туманный намек на некое собрание, возможно, в их «племенном» центре — Искоростене. В определенной мере близкие к К. Цернаку взгляды уже высказывались в отече-

⁸⁵ *Zemack K.* Die burgstaedttlichen Volksversammlungen... S. 262–263. К. Цернак использует терминологию, схожую с той, которую применяют отечественные исследователи: «Grossstaemme» («союзы племен», «союзы племенных княжеств») и «Kleinstaemme» («племена», «племенные княжества»).

⁸⁶ *Ibid.* S. 263.

⁸⁷ *Ibid.* S. 263.

⁸⁸ *Ibid.* S. 268.

ственной историографии. Так, еще А. Е. Пресняков связывал развитие древнерусского веча с падением роли «старцев градских» и «старейшин». Их он определяет в самом общем виде как «группу лиц, которую можно созвать, которая распоряжается, которая „держит землю“»⁸⁹. И лишь в XI–XIII вв. «вече принимает окончательно форму народного собрания граждан главного города». И в это же время «мы более не слышим» о «старцах градских»⁹⁰. Иными словами, историк считал, что процесс ликвидации догосударственной социально-политической структуры (и прежде всего «племенной» знати) и развитие городского веча взаимообусловлены. А Б. Д. Греков, признававший существование «племенного веча», прямо увязывал развитие веча как такового с ростом городов, в связи с чем писал о фактическом «молчании» веча в IX–X вв., когда городской строй не был еще достаточно развит на Руси⁹¹.

Однако эти замечания делались в большей степени не на основе последовательного сравнительно-исторического анализа, а исходя из общих соображений⁹².

⁸⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси... С. 400.

⁹⁰ Там же. С. 401.

⁹¹ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 356.

⁹² Точка зрения К. Цернака отнюдь не является общепринятой в историографии. Его монография была воспринята неоднозначно, прежде всего, в польской историографии. Так, Х. Ловмянский охарактеризовал позицию К. Цернака как «предвзятую концепцию» (*Łowmiański H. Początki... T. 4. S. 102*; см. также: *Russocki St. Wiece w miastach Słowiańszczyzny Wschodniej i Zachodniej. Nowa próba wyjaśnienia ich genezy i funkcji // Przegląd historyczny. Warszawa, 1968. T. LIX. Zeszyt 44*; *Labuda G. Wczesnośredniowieczne wiece słowiańskie // Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1969. Rocznik LXXVI. Nr. 4*). Решительной критике подверг ее В. Т. Папуто, парадоксальным образом, оказавшийся единственным отечественным ученым, отозвавшимся на этот бесспорно, важнейший для нашей темы труд (см.: ответ К. Цернака В. Т. Папуто см.: [*Zernack K.*] *Stellungnahme zu den Brief von V. T. Pašuto an H. Ludat // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1969. Neue Folge. Bd. 17. Heft 1*; ответ польским рецензентам см.: *Папуто В. Т. В ущерб истине (по поводу книги о русском вечае) // История СССР. 1968. № 5*; *Zernack K. Fürst und Volk in ostslavischer Frühzeit // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1973. 18*). Однако критические замечания ученых (за исключением В. Т. Папуто) вызвали лишь отдельные, действительно, весьма спорные аспекты исследования К. Цернака. Во-первых, это ограничение материала для сопоставлений с Древней Русью лишь частью западнославянского ареала (исключая почему-то Великую Моравию и Чехию); во-вторых, — слишком жесткое и схематичное, по мнению рецензентов, отрицание не только прямой, «институциональной» преемственности между догосударственными собраниями и городскими вечами, *placita, conciones* и т. п., но вообще всякой связи между этими явлениями; в-третьих, слишком однозначное акцентирование чисто аристократического характера

II. Вторая половина XI — начало XII вв. — время, для которого мы имеем уже не отрывочные и, возможно, полуполюгендарные рассказы о древнерусском вече вроде истории о белгородском киселе, а более или менее развернутые сообщения, позволяющие делать определенные выводы о характере этого явления. Вече упоминается в них в основном в известиях о так называемых народных движениях. Эта проблема разрабатывается уже давно и плодотворно⁹³. Нас, однако, интересуют в летописных сообщениях о событиях 1068, 1113 гг. и т. д. не проявления социального (или какого бы то ни было еще) протеста, а отразившиеся в них сведения о социально-политической деятельности недружинных слоев населения. Наиболее ярким примером (хотя и не единственным) в данном случае может служить вече.

При анализе этих сообщений особое внимание будет уделяться следующим вопросам:

1. в какой мере летописные известия позволяют говорить об участии в социально-политической жизни Древней Руси общественных слоев, не принадлежавших к боярско-дружинной элите;

2. что представляло собой вече с точки зрения летописцев, было ли это формой участия в политической жизни *городского* населения, или народным собранием с широким участием не только городского, но и *сельского* населения;

3. было ли вече постоянной и регулярной формой участия «неэлитных» слоев древнерусского населения в политической деятельности, или же такое участие носило экстраординарный характер.

Все эти проблемы, разумеется, уже обсуждались в историографии, высказывались самые разные, иногда диаметрально противоположные мнения⁹⁴. Однако следует вновь подчеркнуть, что исследователями поч-

догосударственных, «племенных» собраний. Сам же замысел немецкого историка и многие его конкретные наблюдения и выводы были единодушно поддержаны. В целом, несмотря на то, что за прошедшие годы появился ряд интересных работ в данной области (см., например: *Žemlička J.* Te ducem, te iudicem, te rectorem (Sněmovní shromáždění v časně středověkých Čechách — kontinuita či diskontinuita? // *Český časopis historický*. 1993. Roč. 91), сопоставление соответствующих социально-политических явлений у разных славянских народов должно быть продолжено.

⁹³ См., например: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955; *Магродич В. В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

⁹⁴ Так, например, по мнению П. П. Толочко, вече «никогда не было органом народовластия, широкого участия демократических низов в государственном управлении... ру-

ти всегда игнорировалось важнейшее обстоятельство: как сами летописцы рассматривали такое явление, как вече, и, шире, вообще участие «неэлитных» слоев древнерусского населения в социально-политической жизни. Это важно как само по себе, так и для ответа на еще один существеннейший вопрос, имеющий прямое отношение к указанным выше. Более того, без ответа на него, думается, невозможно вообще прийти к каким-либо определенным выводам относительно характера древнерусского веча⁹⁵. Речь идет о том, видели ли летописцы в вече что-либо незаконное или нет, иными словами, признавали ли они его «легитимность»⁹⁶. Это будет чрезвычайно показательно именно в данном случае, так как в летописных статьях второй половины XI — начала XII в. вече в основном фигурирует в связи с различными общественными потрясениями. Не исключено, что одной из причин длительных споров между исследователями является как раз то, что они уделяли недостаточное внимание тому, что собственно современники понимали под «вечем» и другими древнерусскими социально-политическими явлениями.

Первое бесспорное в источниковедческом отношении упоминание веча в ПВЛ содержится в известном рассказе о волнениях в Киеве в 1068 г., приведших к изгнанию Изяслава Ярославича и вокняжению на короткое время полоцкого князя Всеслава Брячиславича. После того как Ярославичи были побеждены на реке Альте половцами, в Киеве

ководящая роль и преимущественное представительство в нем принадлежали верхам древнекиевского населения...» (Толочко П. П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 142). А И. Я. Фроянов, отмечая «демократический характер вечевых совещаний в Киевской Руси», полагает, что «вече — это народное собрание, являвшееся составной частью социально-политического механизма древнерусского общества» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 184). Подобные мнения были чрезвычайно распространены и в дореволюционной историографии (См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь... С. 1–119; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права... С. 52–53 и др.).

⁹⁵ Необходимо еще раз оговориться, что термин «вече» используется здесь достаточно условно. Под ним понимаются все формы гипотетического участия недружинных слоев древнерусского населения в политике, традиционно связывающиеся в литературе с вечем. При этом вече а priori не связывается автором с «неэлитными» группами населения. Это само по себе является проблемой для исследования.

⁹⁶ Естественно, слово «легитимность» здесь и далее используется не как специальный термин, а для удобства и краткости изложения, как синоним нейтрального или благоприятного описания летописцами проявлений социально-политической активности городского населения.

началось брожение: «Изяславу же со Всеволодомъ Києву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людѣ Киевстии прибѣгоша Києву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшися ко князю: „Се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними“. Изяслав же сего не послуша. И нача люди его корити (в Радзивиловской и Академической летописях — «людие говорити») на воеводу на Коснячъка; идоша на гору съ вѣча и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, стаха оу двора Брячиславля и рѣша: „Поидем, высадим дружину свою ис погребѣ“. И раздѣлишася надвое: половину ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжъ дворъ. Изяславу же сѣдѣшю на сѣнѣхъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящю оу князя, рече Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу: „Видиши, княже, люди възвыли; послѣ, атъ Всеслава блюдутъ“. И се ему глаголющю, другая половина людѣи приде от погребѣ, отворивше погребѣ. И рекоша дружина князю: „Се зло есть; послѣ ко Всеславу, атъ призвавше лѣстью ко оконцю, пронзуть и мечемъ“. И не послуша сего князь. Людѣ же кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людѣ же высѣкоша Всеслава ис поруба, в 15 день септября, и прославиша и средѣ двора кѣнѣжа. Дворъ жъ княжъ разграбиша, безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлюю»⁹⁷.

Далее вече в Киеве упоминается при описании событий, произошедших в городе после начала совместного похода Изяслава и польского короля Болеслава и бегства Всеслава. Под 1069 г. летопись сообщает: «Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и, бывши нощи, оутаився Кыянь, бѣжа из Бѣлагорода Полотъску. Заутра же видѣша людѣ князя бѣжавша, възвратишася Києву, и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „Мы оуже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се веде на ны Лядскую землю, а поидѣта в градъ отца своего, аще ли не хочета, то нам неволя, зажгоша град свои, ступим въ Грѣчьску землю“. И рече имъ Святославъ: „Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с Ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придеť дружинѣ“. И оутѣшиста Кыяны. Святослав же и Всеволодъ посласта к Изяславу, глаголюще: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не водѣ Ляховъ Києву,

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170–171.

противна бо ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣси, яко нама жаль отня стола“. То слышавъ, Изяславъ остави Ляхы и поиде с Болеславом, мало Ляховъ поимъ; посла же пре сына своего Мъстислава Киеву. И пришед, Мъстиславъ исѣче, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свои Кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, месяца мая въ 2 день. И распуща Ляхы на покормъ, избиваху ляхы отаи, възвратися в ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору...»⁹⁸

При внимательном чтении этого довольно пространного отрывка становится очевидным, что и в вече 1068 г., и в вече 1069 г. принимали участие отнюдь не только «элитные» группы киевского населения. Действительно, хотя летописец использует такие расплывчатые понятия, как «люди киевские» или просто «люди», он явно отделяет их от княжеской дружины, которая действует совершенно самостоятельно. Так, дружинники советуют Изяславу убить сидящего в погребѣ Всеслава, а «люди» препятствуют этому и освобождают узника, а заодно и свою «дружину» (т. е., видимо, каких-то киевлян, заключенных ранее Изяславом). Что касается состава участников веча, то его сложно определить точнее, чем «неэлитные» слои киевского населения. Однако представляется, что, вопреки мнению целого ряда исследователей, вряд ли можно говорить об участии в событиях 1068–1069 гг. сельского населения. Помимо отсутствия прямых указаний на это в источнике (все заключения на этот счет делались либо на основе общетеоретического представления о вече как об общенародном «волостном» собрании, либо на основе такого же общетеоретического представления о совместной антифеодальной борьбе городских и сельских жителей⁹⁹), об этом косвенно сви-

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173–174.

⁹⁹ Так, Б. Д. Греков, признавая, что «движение киевлян в 1068 г. против Изяслава Ярославича в основном было движением городских масс», пишет: «Но не только в XI в., а и позднее отделить городскую народную массу от сельского населения трудно. Необходимо допустить, что... в этом движении принимало участие сельское население...» (Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 256). Л. В. Черепнин полагает, что «связь восстания горожан Киева в 1068 г. с одновременными или близкими по времени антифеодальными выступлениями сельского населения несомненна» (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 180). По мнению И. Я. Фроянова (ничем не подтвержденному), на вече и в 1068, и в 1069 гг. «совещались „людье“, „кыяны“, или широкие

детельствует и следующее обстоятельство. «Люди киевские» выглядят в этом рассказе достаточно сплоченной и, несомненно, тесно связанной с городом группой. Это наиболее ярко проявляется в словах киевских «людей», обращенных к Святославу и Всеволоду Ярославичам: «Мы оуже зло створили есмы, князя своего (т. е. Изяслава. — П. Л.) прогнавши, а се вед[еть] на ны Лядскую землю, а поидѣта в градъ отца своего, аще ли не хочета, то нам неволя, зажгоша град свои, ступим въ Гречьскую землю». Ясно, что с угрозой поджечь город и уйти в другую страну могли выступить лишь горожане (или какая-то их часть), а отнюдь не все свободное население Киевской земли.

Наконец, следует признать, что события 1068 и 1069 гг. в Киеве, и, соответственно, активное участие в политической жизни киевских горожан выглядят как нечто экстраординарное. Многие историки, особенно советские, писали о том, что вече, упоминающиеся в связи с этими событиями в летописи, являлись орудиями социального протеста киевлян и поэтому не могут оцениваться как постоянно действующие, легитимные институты власти¹⁰⁰. В самом деле, обращает на себя внимание тот факт, что первое вече собирается в условиях острейшего кризиса, наступившего после поражения киевского князя от половцев. К тому же отношения Изяслава с киевлянами, очевидно, еще раньше были не безоблачными, раз он посадил в погреб некоторых из них. Второе вече собралось в отсутствие князя в Киеве, когда один (Всеслав) бежал, а другой (Изяслав) еще не прибыл. Кроме того, известно, что и до, и после 1068–1069 гг. смена власти в Киеве (да и в других древнерусских землях) чаще всего происходила без всякого участия вече или какого-либо другого института, связанного с городским населением. Но с другой стороны, примечательным является отношение летописца к описываемым событиям. Оно таково, что М. Н. Тихомиров предположил даже, что «само повествование о киевском восстании 1068 г. возникло в среде горожан»¹⁰¹.

круги свободного населения Киева и Киевской волости» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы... С. 188).

¹⁰⁰ См., например: Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 26. Вообще описание В. Т. Пашуто событий в Киеве 1068–1069 гг. не всегда соответствует источникам. Так, его предположение о важной роли в них «правлящей группировки городской знати... враждебной Изяславу и союзной Чернигову», основывается на неправильной трактовке грамматического оборота «видѣша люде князя бѣжавша»; историк понимает его как «люди князя, прибежавшие в Киев». См. об этом: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы... С. 188–189.

¹⁰¹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... С. 94.

Собственно источники никаких оснований для такого предположения не дают, но, действительно, летописец далек от осуждения киевских «восставших». В целом тон описания нейтрален, а подчас и благожелателен по отношению к киевлянам. Так, сын Изяслава Мстислав обвиняется в расправе над киевлянами «без вины». Но это не главное. Привлекает внимание то, как изображается возведение киевлянами на княжеский стол освобожденного Всеслава. Очевидно, летописец не рассматривает этот акт как «нелегитимный». Киевляне, согласно летописи, «прославиша» Всеслава «средѣ двора кнѣзя». Далее отмечается: «Всеслав же сѣде Киевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ, цѣловавъ крестъ, и я и (Всеслава. — П. Л.)»¹⁰². Таким образом, участие «кыян» в событиях 1068–1069 гг. признается летописцем «легитимным» (по крайней мере отчасти, так как Изяслав продолжает называться по отношению к Киеву «своим князем»), а их результат — воцеление Всеслава — оказывается санкционированным свыше¹⁰³.

Нет ли противоречия между экстраординарным характером событий 1068–1069 гг. и определенной легитимизацией их со стороны летописца? В какой степени полученные при анализе летописного рассказа о событиях 1068–1069 гг. выводы могут быть распространены на весь рассматриваемый период? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать другие летописные сообщения.

Примечательно то, что, хотя после 1068–1069 гг. о вече говорится в летописи лишь в самом конце XI в., в летописных статьях этого столетия имеется целый ряд упоминаний социально-политической активности общностей, именуемых «кыяне», «полочане», «меняне» и т. д. Чаще всего в летописи отмечается их реакция (положительная или отрицательная) на появление в том или ином городе нового потенциального князя. Так, под 1024 г. рассказывается о попытке Мстислава Владимировича занять

¹⁰² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172.

¹⁰³ В связи с этим неоправданным представляется несколько формальный подход К. Цернака, который сомневается, «идет ли речь здесь о революционном утверждении мало-помалу созревающей в древнерусском городе — центре земли, — но еще не вполне институционализированной „народной воли“, по отношению к которой летописец использует понятие „вече“, права на участие в решении такого центрального политического вопроса (призвания князя. — П. Л.) или о легитимном применении законного права группами, которые не принадлежат к непосредственному окружению князя» (См.: Zernack K. Die burgstaedtlchen Volksversammlungen... S. 54). Такое буквальное использование абстрактных юридических категорий выглядит для русского раннего Средневековья искусственным.

княжеский стол в Киеве: «Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мъстиславъ ис Тѣмудораканя Киеву, и и не прияша его Кыяне. Онъ же, шедъ, сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда»¹⁰⁴. Под 1067 г. в ПВЛ описывается то, как жители Минска подтвердили верность своему князю Всеславу Брячиславичу полоцкому, отказавшись подчиниться превосходящим силам во главе с Ярославичами: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочъскъ, и зая Новѣгородъ. Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимъ суще велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, исѣкоша мужъ, а жены и дѣти вдаша на щиты и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу»¹⁰⁵.

Мнения ученых о том, какие слои общества скрываются под этими расплывчатыми понятиями, расходятся¹⁰⁶. Однако, думается, не вполне верной является сама постановка вопроса в историографии. Дело в том, что в данном случае чисто терминологический подход, уходящий своими корнями в историко-правовую науку XIX в., вряд ли применим.

Рассмотрим некоторые более ясные летописные упоминания указанных общностей.

Вот как описывается в ПВЛ под 1015 г.¹⁰⁷ смерть Владимира Святославича: «Оумре же (Владимир. — П. Л.) на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Киевѣ. Ночью же межю клѣтми проймавшие помость, обертѣвше в коверъ и оужи съвѣсиша на землю; възложише и на сани, везъше, поставиша и в Святѣи Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же оувѣдѣвше людье, бе-щисла снидошася и плакашася по немъ боляре и акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителя. И вложиша и в корсту морморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя»¹⁰⁸. Ясно, что здесь под «людьми» понимается все население Киева (если не Киевской «земли» в целом, на что намекают слова о «за-

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166.

¹⁰⁶ См. об этом: Черетин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89.

¹⁰⁷ В данном случае нас интересует не историческая достоверность летописных сообщений первой половины XI в., которая может быть сомнительной (см.: Zernack K. Die burgstaedttlichen Volksversammlungen... S. 44), а терминология и язык летописца.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

ступнике их земли»), как предствители социально-политической элиты («бояре»), так и низы общества («убозии»).

В рассказе под тем же годом об убийстве Бориса картина, по-видимому, уже несколько иная: «Святополкъ же съде Кыевъ по отци своемъ и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. И Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде к нему: „Отець ти оумерель“. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Лѣтъ, пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: „Се дружина оу тебе отня и вои. Поиди, сяди Кыевъ на столѣ отни“»¹⁰⁹. Здесь «кияне», очевидно, отделяются от «отней дружины», включающей и бояр. Обращает на себя внимание также и противопоставление «дружины» и «воев», причем оно вложено в уста самой дружины. Под «воеями» здесь явно понимается киевское ополчение, т. е. те же «кияне», не входящие в боярско-дружинную элиту¹¹⁰.

Наконец, совершенно иное впечатление складывается при анализе другого отрывка из *этого же* рассказа о убийстве Бориса и Глеба. Сообщая о начале действий Святополка Окаянного, летописец пишет: «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отаи призва Путшю и Вышегородскыѣ болярыцѣ и рече им: „Придете ли ми всѣмъ сердцемъ?“ Рече же Путыша с Вышегородыци: „Можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „Не повѣдуче никомуже, шедше, оубиите брата моего Бориса“. Они же вскорѣ общашася ему се створити»¹¹¹. Здесь «вышегородцами» прямо называются вышегородские *бояре*, а отнюдь не представители широких слоев городского населения.

Уже то, что в одном летописном повествовании встречается три различных значения понятия «люди» («кияне»), должно предостеречь от формального подхода к анализу упоминаний такого рода общностей, от того, чтобы, как это иногда встречается в историографии, предпочтя одно из них а priori, опираться на эту посылку как на доказанный факт и основывать на ней дальнейшие построения. Поэтому каждое такое

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

¹¹⁰ Нужно оговориться, что, на наш взгляд, чрезвычайно распространенное в историографии мнение о том, что термин «вои» всегда и во всех обстоятельствах означает городское или народное ополчение, не соответствует действительности, являясь плодом слишком формального отношения к источнику. Содержание этого понятия должно стать темой специального исследования.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

упоминание должно тщательно разбираться с учетом всего контекста. К сожалению, очень часто такой контекст отсутствует, что не дает возможности прийти к бесспорным выводам.

И все же, по-видимому, отождествление в летописи «людей» с высшими слоями общества является исключением. Это показывает изучение более поздних статей.

В НПЛ под 1016 г. содержится информация о вокняжении Ярослава Владимировича в Киеве: «...Ярославъ иде къ Киеву, съде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлѣти, старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду, и уставъ списавъ...»¹¹². Здесь фигурируют три категории населения: «старосты», «смерды» и «новгородцы», причем первые и третьи обладают более высоким социальным статусом, чем смерды. К сожалению, точно определить, кто понимается здесь под «новгородцами», так сказать от противного, не представляется возможным, поскольку весьма сложен вопрос о том, кто такие смерды. Однако, если принять наиболее распространенную в историографии точку зрения о том, что смердами в Древней Руси назывались широкие слои *сельского* населения (в том числе и свободного), становится ясно, что в данном случае «новгородцами» названы отнюдь не все «волощане» (по выражению И. Я. Фроянова), а именно и только новгородские горожане. Конечно, это лишь предположение, основанное в свою очередь на гипотезе о содержании понятия «смерды». Однако есть и еще одно обстоятельство, которое, кажется, подтверждает нашу точку зрения. Совершенно очевидно, что те новгородцы, которые получили от Ярослава за участие в походе против Святополка по 10 гривен, в социальном отношении родственны (а многие из них скорее всего — просто те же самые люди) новгородцам — участникам упоминавшегося выше конфликта с варягами, описанного в НПЛ под тем же 1016 г.¹¹³ Новгородцы здесь прямо называются «гражданами» и тесно связываются именно с городом («друзии бѣжаша из града»). Все это вряд ли позволяет говорить об активном участии в политических перипетиях 1015–1016 гг. «волощан», т. е. некой гипотетической совместной общности новгородских горожан и сельских жителей. Речь здесь, по-видимому, идет о социально-политической деятельности именно горожан. Что касается соци-

¹¹² ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

¹¹³ См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 174.

ального статуса «новгородцев» летописного рассказа 1016 г., то он был, как уже отмечалось, вероятно, широк, охватывая различные слои свободного городского населения от «нарочитых мужей» до простых «гражан», которых воевода Святополка называет плотниками и обещает приставить рубить себе хоромы¹¹⁴.

Под 1018 г. в ПВЛ сообщается о поражении Ярослава и говорится: «Ярославу же прибѣгшю Новугороду и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородьци расѣкоша лодѣ Ярославль, рекуще: „Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы»¹¹⁵. Здесь снова фигурируют «новгородцы», причем они, во-первых, именуются не «людьми», а «мужами» и, во-вторых, явно оказываются существенно беднее, чем старосты и бояре, т. е. представители общественной элиты. В литературе встречается мнение, что в летописи «мужами» называются дружинники¹¹⁶. Однако это вовсе не обязательно. Так, например, «мужами» в летописном рассказе под 1071 г. о движении под руководством волхвов в районе Белоозера называются трое восставших, участвовавших в движении, организованном волхвами¹¹⁷. В приводившемся выше рассказе о сопротивлении жителей Минска Ярославичам под «мужами» явно имеются в виду просто горожане мужского пола («и придоша (Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. — П. Л.) ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу»¹¹⁸).

Это еще раз свидетельствует о расплывчатости древнерусской социально-политической терминологии, о том, что, проанализировав контекст упоминаний такого рода понятий, можно лишь говорить, как правило, о приоритетности использования определенного термина в том или ином значении. «Мужи» статьи ПВЛ 1018 г. — это, видимо, те же новгородцы, что и в статье НПЛ под 1016 г. Однако, принимая во внимание относительно поздний характер сведений ПВЛ о войне между

¹¹⁴ См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

¹¹⁶ См., например: Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 339.

¹¹⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 176.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166.

Ярославом и Святополком (что особенно ярко видно при сравнении описаний новгородского конфликта 1015 г. в НПЛ и ПВЛ), делать какие-то определенные выводы о социально-политической терминологии на основании данного текста не следует. Единственно бросается в глаза самостоятельность и политическая активность новгородцев, побуждающих своего князя к войне.

Под 1024 г. в ПВЛ имеется уже цитировавшаяся выше информация о неудачной попытке Мстислава Владимировича вокняжиться в Киеве¹¹⁹. Бесспорна здесь активная позиция «кыян», но кого подразумевает летописец под этим наименованием, сказать сложно.

Однако обращает на себя внимание, что все чаще и чаще в ПВЛ под «людьми» понимаются «неэлитные» слои населения. Так, в статье под 1030 г., содержание которой не имеет непосредственного отношения к Руси, сообщается о восстании в Польше и говорится: «В се же время оумре Болеславъ Великий в Лясѣхъ, и бысть мятежъ в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежъ»¹²⁰. Здесь явно противопоставляются «людье» и общественная элита (епископы и бояре). Еще более показательным выглядит рассказ под 1071 г. о появлении волхва в Новгороде: «Сиць бѣ волхвъ встать при Глѣбѣ (Святославиче. — П. Л.) Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся, акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко: „Проповѣдь вся“ и, хуля вѣру хрестыанскую, глаголашеть бо, яко: „Переиду по Волхову предъ всѣми“. И бысть мятежъ в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облечься в ризы, ста, рек: „Иже хоцеть веру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли веруетъ кто, то ко кресту да идетъ“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа оу епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежъ великъ межи ими»¹²¹. Тут очевидно прямое противопоставление княжеской дружины и «людей» — новгородских «граждан», не относящихся к общественной элите.

Некоторые любопытные сведения можно извлечь и из уже упомянутого выше рассказа ПВЛ под тем же 1071 г. о деятельности волхвов в районе Белоозера. Это чрезвычайно существенное для нашей темы сообщение следует привести почти целиком: «Бывше бо единою скудити в Ростовѣстѣи области, всташа два волхва от Ярославля, гла-

¹¹⁹ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149–150.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 180–181.

голоща, яко: „Вѣ свеѣ, кто обилѣ держитъ“. И пойдоста по Волзѣ, кдѣ придут в погостѣ, ту же нарицаху лучыиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медь, а си рыбы, а си скору си. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вѣиимаста любо жито, любо рыбу, и оубивашета многы жены, имѣнне ихъ отѣймашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ оу нее люди инѣ 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющо Яневи, сыну Выпшатиу; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избил а оуже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и оувѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею сѣуть рече имъ: „Выдаите волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя“. Они же сего не послушаша. Янъ же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „Не ходи безъ оружья, осоромятъ тя“. Он же повелѣ взять оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимъ, и поиде к ним по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: „Вида идеши на смерть, не ходи“. Оному повелѣвшю обити я, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янъ же, оборотя топоръ, оудари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я. Они же бѣжаша в лѣсъ, оубиша же ту попина Янева. Янъ же, вшедъ в град к Бѣлозерцем, рече имъ: „Аще не имате волхву сею, не иду от васъ и за лѣто“. Бѣлозерци же, шедше, яша я, и приведоша я к Яневи»¹²². На первый взгляд, этот отрывок не имеет никакого отношения к проблеме участия в социально-политической деятельности древнерусских «людей». Но это не так. Здесь бросается в глаза исключительно важное обстоятельство: если предположить, что «мужи», которые шли за смердами-волхвами, тоже смерды, получается, что летописец совершенно четко разделяет и даже противопоставляет сельское и городское население. Первое живет в погостах и называется «смердами», второе — в городах (в данном случае в Белоозере) и именуется по названию этого города (а иногда, как мы видели, просто «людьми»). Характерно и разное отношение Яня Выпшатича к тем и другим. Никакой самостоятельной социально-политической активности со стороны первых он явно не признает, единственный его вопрос, им адресованный: «Чья еста смерда?». Партнером же в наведении порядка выступают белозерцы, по-видимому, именно горожане, а не население погостов. Таким образом, с одной стороны, факты противоречат пред-

¹²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175–176.

ставлению о наличии в XI в. некой гомогенной общности «волощан», определяющей свою судьбу на народных собраниях, с другой — свидетельствуют о наличии более узких, городских общностей. Действительно, Янь Вышатич, хотя и угрожает белозерцам, тем не менее явно обращается к ним как к некой социально-политической единице, стоящей ниже княжеско-дружинной элиты, но несомненно выше населения сельской (погостской) округи.

После событий 1068–1069 гг. никаких сведений о социально-политической активности «кыян» в летописи в течение довольно длительного времени не встречается. По всей видимости, операция Изяслава Ярославича по ее подавлению закончилась успехом (правда, временным). Очевидно, перенос торга, т. е., по мнению многих историков, центра городской жизни, с Подола на Гору, территорию, вероятно лучше контролировавшуюся князем, был одним из ключевых ее аспектов. Однако чрезвычайно существенная информация сохранилась в статье ПВЛ под 1078 г. о социально-политическом поведении черниговцев. В ходе войны Бориса Вячеславича и Олега Святославича с Изяславом и Всеволодом Ярославичами, кульминацией которой стала знаменитая битва на Нежатиной Ниве, «повель (Изяслав. — П. Л.) сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополькомъ, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и Черниговци затворишася в градъ. Олег же и Борисъ [не] бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ от Стрежени и отя врата, и отвориша градъ околнии, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшим в дъньшнии град. Изяслав же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодъ оуранивше, пойдоста от града противу Ольгови»¹²³. Здесь привлекает внимание, во-первых, то, что описание поведения «черниговцев» очень сильно напоминает описание поведения жителей осажденных городов, начиная с самых ранних примеров (Киев в 968 г., Белгород в 997 г. и т. д.). Конечно, прямых свидетельств того, что решение «не отворять» город было принято черниговцами на вече или на каком-либо подобном собрании, нет, но бесспорными являются их самостоятельность и активность в определении своей судьбы. Во-вторых, думается, очень характерно, что эта активность была проявлена *в отсутствие* князя, т. е. в экстраординарной ситуации. Если вслед за А. А. Шахматовым признать исправным текст Радзивиловской и Московско-Ака-

¹²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201.

демической летописей, то источник прямо указывает: «Олег же и Борис не бяста (в Чернигове. — П. Л.)»¹²⁴.

Что касается Киева, то там люди вплоть до конца XI в. ведут себя довольно пассивно. Фактически, в летописи они появляются в основном при оплакивании умерших князей. Так, они оплакивают в 1086 г. вместе с представителями элиты кончину князя Ярополка Изяславича: «Изиде противу ему благовѣрныи князь Всеволодъ с своимъ сынѣма, с Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре и блаженныи митрополитъ Иоанъ с черноризци и с прозвутеры. И вси Кияне великъ плачь створиша над нимъ...»¹²⁵ В лучшем случае в летописи появляются воспоминания о бурных событиях прошлого. Говоря о достоинствах умершего князя Изяслава Ярославича, летописец отмечает: «Не бѣ бо в немъ лсти, но простъ мужъ оумом, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не взда противу тому зла»¹²⁶.

Под 1089 г. в ПВЛ зафиксированы характерные уже для гораздо более поздней эпохи, не знакомой даже с элементами участия в социально-политической жизни «неэлитных» слоев общества, «слухи и толки», ходившие среди разочарованных внешним обликом нового митрополита киевлян: «В се лѣто иде Янѣка [в Греки дщи] Всеволожа... Приведе Янка митрополита Иоана скопчину, егоже [видѣвшѣ] людѣе вси рекоша: „Се намъ (в Радзивиловской и Академической летописях — навѣе) пришесть“»¹²⁷.

После смерти последнего из Ярославичей Всеволода в поведении «кыян» вновь появляется активность.

Еще под 1093 г. при описании смерти Всеволода Ярославича и вокняжения Святополка Изяславича киевские «люди» хотя и упоминаются, но их роль выглядит вполне пассивной.

Когда умер Всеволод, «собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простии людѣе, вземше тѣло его, со обычными пѣсньми положиша и въ святѣи Софѣи...»¹²⁸. В этой формуле обращает

¹²⁴ Правда, Лаврентьевская и Ипатьевская дают прямо противоположные чтения. Лавр.: «Олег же и Борис бяста» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201); Ип.: «Олегъ же и Борисъ бяшета в Черниговѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 192), что делает трактовку А. А. Шахматова довольно уязвимой.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 202.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.

на себя внимание лишь не встречавшаяся до этого конкретизация социального облика киевских «людей», они прямо называются «простыми», очень четко отделяясь таким образом от общественной элиты — духовенства и знати.

Далее уже все киевляне без различия социального статуса встречают нового князя — Святополка Изяславича: «И минувшю велику дньи, прешедши Празднѣи недѣли, в день антипаскы, месяца априля в 24 день, приде Святополкъ Кыеву. Изидоша противу ему Кияне с поклоном, и прияша и с радостью, сѣде на столѣ отца своего и строя своего»¹²⁹.

Однако, по-видимому, некое оживление социально-политической активности «кыян» началось еще в последние годы княжения Всеволода Ярославича. Об этом косвенно свидетельствуют следующие критические по адресу усопшего правителя слова летописца: «И нача любити смыслъ оуных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти оунии грабити люди и продавати, сему не свѣдуще в болѣзнях своихъ»¹³⁰. Из этого замечания ясно, что, Всеволод Ярославич перед смертью стал прислушиваться лишь к части своих приближенных («оуным»), что вызвало недовольство у старшей («первой») дружины и, очевидно, «людей».

Это оживление социально-политической активности киевлян, на наш взгляд, проявилось в более четкой форме уже в княжение Святополка, причем, как это уже бывало, в момент острого кризиса — войны с половцами, наиболее ярким событием которой стало поражение русского войска на Стутне.

После того как русские князья выступили в поход на половцев, в русском войске возникли разногласия относительно тактики ведения боевых действий. Согласно летописи, «Святополкъ же, и Володимеръ (Мономах. — П.Л.) и Ростиславъ (Всеволодович. — П.Л.) созваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чересь рѣку, и начаша думати. Глаголаше Володимеръ, яко: „Сдѣ стояче чересь рѣку, в грозѣ сеи, створимъ миръ с ними“. И пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша, но рекоша: „Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки“. Възлюбиша сѣвѣто съ и преидоша Стутну рѣку, бѣ бо наводнилася велми тогда»¹³¹. Этот, казалось бы, ясный текст порождает тем не менее некоторые вопросы. «Смысленные мужи» во главе с Янем

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217–218.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 219.

Выпятичем — это дружинники киевского князя. Сложнее ситуация с «киянами». Вопреки И. Я. Фроянову нельзя а priori утверждать, что здесь имеются в виду «народные ополченцы из киевского войска»¹³². Строго говоря, здесь может идти речь о «несмысленных мужах» — пришедших в Киев со Святополком Изяславичем дружинниках, осуждаемых летописцем, тем более что они ранее фигурируют в тексте этого сообщения. Ведь князя созвали на совет именно дружину. Собственно, если верить летописцу, сама война с половцами началась из-за того, что князь прислушался именно к «несмысленным» дружинникам, которые, как и «кияне», выступали за решительные действия против степняков: «В се время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше, яко оумерль есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшего дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ, изымавъ слы, всажа и в-ыстобьку. Слышавше же се Половци почаша воевати»¹³³. И все же, думается, «кияне» этого летописного сообщения не имеют отношения к дружине, поскольку, во-первых, от дружины «отней и строя своего» (т. е. Изяслава и Всеволода Ярославичей) они прямо отделяются самим летописцем, а во-вторых, с дружиной самого Святополка их нельзя смешивать, так как в тексте эта дружина характеризуется как «пришедшая» в Киев, т. е. чужеродная ему, и вряд ли она могла называться «киянами». Что касается участия в совете с князьями только дружины, то «кияне» могли отреагировать на него позже, узнав его результаты. Конечно, рассматриваемый текст не отличается ясностью, и наша трактовка может быть оспорена. Но, если она верна, это позволяет нам прийти к выводу о том, какой характер имело в данном случае участие киевских «людей» в принятии решения. Оно, видимо, сначала обсуждалось и принималось на совете князя с дружиной и исполнялось, если не встречало негативной реакции со стороны «людей». Когда же «людям» принятое решение не нравилось, они, очевидно, могли добиться его изменения или отмены. Эта реконструкция кажется адекватной еще и потому, что такой алгоритм очень сильно напоминает то, как в летописи изображается принятие решений на вече начиная с X в.

Очень любопытен в плане сопоставления отрывок из этого же летописного сообщения об осаде половцами в ходе этой войны Торческ — города, населенного привлеченными на службу Киеву торками, племенем тюркского происхождения, сохранявшими внутреннее самоуправление

¹³² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 131.

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218.

и определенную автономию по отношению к русским князьям¹³⁴. Согласно летописи, «половцемъ же осѣдящемъ Торцьскыи, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимся из града, оубиваху многы от противных. Половци же начаша налѣгати и отѣимаху воду, и изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: „Аще не пришлещи брашна, предатися имам“. Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лѣзъ вкрастися в градъ множеством вой ратных»¹³⁵. Бросается в глаза, насколько похоже по отношению к князю ведут себя осажденные половцами торки и, например, осажденные в 997 г. печенегами белгородцы¹³⁶. Иными словами, летопись практически одинаково описывает поведение русских горожан и союзных Руси торков, заведомо выступающих по отношению к князю в качестве единой общности со своими правами, обязанностями, интересами.

Ряд интересующих нас сведений могут быть обнаружены в летописных рассказах о войнах князя Олега Святославича, которые он вел в 1096–1097 гг. XI в. с Владимиром Мономахом и его сыновьями Изяславом и Мстиславом.

Под 1095 г. летопись сообщает: «Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолиньску; Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича. Поемше, ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: „Не ходи к нам“. Пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску и сѣде Смолиньскѣ, а Мъстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сын Володимеръ, ис Курска к Мурому. Прияша и Муромци и посадника я Олгова»¹³⁷. Здесь вновь идет речь о социально-политических общностях, именуемых по названию города: «муромцах» и «новгородцах», но если роль муромцев сводится лишь к «приятию» занявшего город князя (они, по летописи, абсолютно безропотно воспринимают смену власти), то новгородцы ведут себя более активно: они сами ищут и находят себе князя¹³⁸. При этом пассивной стороной выглядит именно

¹³⁴ См.: *Плетиева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М., 1958. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. С. 190–192; *Пащенко В. Т.* Особенности структуры древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 107–108; *Рыбаков Б. А.* Торческ — город Черных клубуков // Археологические открытия. 1966. М., 1967.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 221.

¹³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127–128.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229.

¹³⁸ Естественно, на практике определяющим мог быть не выбор «новгородцев», а другие

князь Мстислав Владимирович. К сожалению, из-за отсутствия сколько-нибудь широкого контекста нельзя установить, кем были эти новгородцы в социальном отношении.

Под следующим 1096 г. летописец рассказывает о попытке русских князей заключить мирное соглашение: «Святополкъ и Володѣмѣрь посла къ Олгови, глаголюща сице: „Поиду Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣи земли предъ епископы и пре игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и пре людми градскими, да быхом оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“. Олег же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сице: „Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“»¹³⁹. Итак, *князья* Святополк Изяславич и Владимир Мономах обращаются к другому *князю* Олегу Святославичу с предложением «положить порядъ», т. е. союз, для борьбы с внешней угрозой — половцами. При этом гарантами этого соглашения должны, с их точки зрения, выступить три группы населения: высшее духовенство (епископы и игумены), дружинная элита («мужи отецъ нашихъ») и *люди градские*. Важна здесь, конечно, и последовательность, в которой они упоминаются, так как в средневековых текстах она никогда не бывает случайной и, вероятно, свидетельствует о соответствующей общественной значимости или, по крайней мере, общественном престиже (во всяком случае, с точки зрения летописца)¹⁴⁰. Представляется, что именно эти слои населения имели право, по мнению современников (во всяком случае относящихся к общественной элите), на то или иное участие в политической жизни. И среди этих слоев представлены и *люди градские*. Показательно, что в этом перечислении отсутствует всякое упоминание сельских жителей или некой совместной общности свободных городских и сельских жителей — «волощан». Напротив, Олег Святославич, явно желающий в оскорбительном тоне ответить на предложение князей, заявляет, что ему негоже приносить присягу перед лицом епископов и смердов. Конечно, в данном контексте «смерды» — просто ругательство. Но иногда и брань может быть красноречивой. Из слов Олега понятно, что он считал смердов людьми низкого положения, об этом же говорит и реплика летописца о том, что Олег «въсприимъ смыслъ буи

факторы. Речь идет о том, как это описывается в летописи.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229–230.

¹⁴⁰ Трудно, правда, сказать, сами ли князья «расставили» эти группы в таком порядке или в их уста его вложил летописец, сам представитель духовенства (это, вполне возможно, и способствовало особому выделению «епископов и игуменов»).

и словеса величава». Как бы ни оценивать социальный статус смердов, ясно, что это негородские жители, занимающиеся сельским хозяйством. Иными словами, летописец как бы подчеркивает абсурдность сопоставления боярско-дружинной элиты и «людей градских» со смердами¹⁴¹. При этом летописец очевидным образом одобряет предложение Святополка Изяславича и Владимира Мономаха, признавая тем самым заключение княжеского союза при гарантии со стороны духовенства, дружины и горожан делом совершенно естественным и осуждая Олега «Гориславича» за неуместную брань. Это означает, что летописец считал участие «людей градских» как определенной группы населения в социально-политической жизни «легитимным».

Под тем же 1096 г. в ПВЛ сообщается о попытке Олега Святославича занять Смоленск и о нашествии на Русь половцев во главе с Тугорканом: «Олег же выиде и-Стародуба и приде Смолинську, и не прияша его Смолняне, и иде к Рязаню. Святополкъ же и Володимеръ поидоста в своя си. Сего же месяца приде Тугорканъ, тестъ Святополчъ [к Переяславлю], месяца мая 30 и ста около града, а Переяславци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сеи сторонѣ Днѣпра и придоста къ Зарубу, перебродистася, и не очютиша ихъ Половци, Богу схраншю ихъ, и исполчившеся поидоста к граду; гражане же, оузрѣвши, радѣ поидоша к нима»¹⁴². Здесь снова без точной

¹⁴¹ Только как курьез можно расценить замечание И. Я. Фроянова о том, что это летописное сообщение якобы «намекает на то, что за „людьми градскими“ скрывались демократические элементы Киева», так как «недаром Олег уподобил их смердам» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 130). Если буквально придерживаться логики И. Я. Фроянова, можно прийти к выводу, что княжеские бояре и дружинники — это тоже «демократические элементы», ведь, вполне возможно, бранное «смерды» относится и к ним. Все это, разумеется, вовсе не означает, что те слои киевского общества, которые историк называет «демократическими элементами», не принимали участия в социально-политической жизни, речь идет о том, что сделанный им вывод не следует из цитированного им источника. Наиболее подробно это сообщение проанализировал К. Рабек Шмидт. Он совершенно справедливо заметил, что «люди градские» должны быть киевскими горожанами, т. е. свободными жителями города — за исключением тамошних высокопоставленных членов дружины. Совершенно невозможно себе представить, что несвободные могли присутствовать по такому случаю. Датский ученый идет дальше и предполагает, что «...эти свободные горожане, вероятно, могли быть только самостоятельными купцами и ремесленниками» (Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie... S. 130). Последнее вполне допустимо, но прямых доказательств в тексте нет, крут «людей градских» в принципе мог быть и шире (или, наоборот, уже).

¹⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231.

характеристики социального статуса фигурируют «смоляне» и «перяславцы». При этом первые проявляют определенную активность, отказываясь принять Олега, а вторые, что немаловажно, прямо называются «гражданами».

Далее следует весьма интересный рассказ о войне Олега Святославича с сыновьями Владимира Мономаха Изяславом и Мстиславом. Согласно ПВЛ, «Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдову Смоленску и прити з братом своим Киеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но, пришедъ Смоленску и поим вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалью, и Ростову, и по Бѣлоозерци, и собра вои многы». Затем, после поражения и гибели Изяслава Владимировича «Олег же вниде в городъ (Муром. — П. Л.), и припша и горожане... Олег же по прияти града изыма Ростовци, и Бѣлоозерци, и Суздальцѣ и оустремиса на Суждаль. И шедъ Суждалю, и Суждалци дашася ему. Олег же, омиривъ городъ, овы изыма, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя. Иде Ростову, и Ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовску, и посажа посадники по городом, и дани поча брати»¹⁴³. Здесь привлекают внимание два обстоятельства. Во-первых, ясно, что большую роль для князей в их военных предприятиях играли городские «вои». Отсюда, правда, непонятно, можно ли в данном случае говорить именно о городском ополчении, поскольку поведение смоленцев, суздальцев, белозерцев и ростовцев выглядит скорее пассивным¹⁴⁴. Олег пошел на Муром, «поим» воев в Смоленске, Изяслав «собра вои многы» в Ростове, Суз-

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 236, 237.

¹⁴⁴ Это отмечает, в частности, К. Цернак: «Города повели себя по отношению к приходу к власти Олега по-разному. В то время как Муром признал его в качестве князя, Ростов и Суздаль капитулировали, причем речь не шла о каком-либо признании князя; представляется более вероятным, что он установил свою власть твердой рукой. Еще более важно, что Олег приступил к административному преобразованию всей Ростово-Муромской области, не обращая никакого внимания на различное поведение горожан...» (*Zernack K. Die burgstaedtlichen Velksversammlungen... S. 56.*) При этом, правда, надо иметь в виду, что Олег Святославич был необычным князем, склонным к нарушению традиционных норм, имея, по словам летописца, «смыслъ буи и словеса величава». Достаточно вспомнить то, как он назвал дружинников князей-соперников и киевских горожан смердами.

¹⁴⁵ См. об этом, например: *Пресняков А. Е. Княжое право древней Руси... С. 403–404; Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 318–333; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 185–215.*

дале и на Белоозере. Впрочем, как уже говорилось выше, вопрос о городских «воях» и их соотношении с княжеской дружиной — тема отдельного исследования¹⁴⁵. Во-вторых, в сообщении о захвате Олегом Суздаля содержится несколько более развернутая, чем обычно, характеристика горожан. Олег, по утверждению летописца, «омиривъ городъ, овы изыма, а другыя расточи, и именья ихъ отъя». Тот факт, что у «суздальцев» были «именья», уже привлекал внимание историков. В. Т. Пашуто отмечал в связи с этим, что речь здесь идет «не о смердах и меньших, лишенных подобного „именья“, а о части мужей градских»¹⁴⁶. У полемизировавшего с В. Т. Пашуто И. Я. Фроянова «вызывает... недоумение попытка В. Т. Пашуто отказать в „именье“ массе горожан. У автора получается, что подавляющее большинство горожан было неимущим. Но это никак не доказуемо»¹⁴⁷. Так или иначе, кажется, что летописец не относил к понятию «люди градские» индивидуумов, лишенных собственности, или, пользуясь терминологией того времени, «нищих и убогих»¹⁴⁸. Отсюда, однако, нельзя сделать определенный вывод о зажиточности «людей градских».

После того, как Олег Святославич потерпел поражение от Мстислава и Вячеслава Владимировичей на Кулачье, Мономашичи вновь овладели захваченной Олегом территорией. «Олег же прибѣже к Мурому и затвори Ярослава (Святославича. — П. Л.) Муромъ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому и створи миръ и поя своя люди, Ростовци и Суждалци, и поиде к Рязаню по Волзѣ. Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с Рязанци и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ»¹⁴⁹, — рассказывает летопись. Показательно, что победившие князья ведут себя по отношению к городам совершенно иначе, чем Олег «Гориславич»: с муромцами и рязанцами они «творят мир», т. е. рассматривают их как практически равноправных партнеров. Не исключено, что именно такая политика и способствовала в какой-то степени их победе.

Много любопытных данных содержится в Повести об ослеплении Василька Тербовльского, включенной в ПВЛ под 1097 г.

¹⁴⁶ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 27.

¹⁴⁷ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 127–128, примечание. См. также: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси. СПб., 1999. С. 41.

¹⁴⁸ Кроме того, в критике И. Я. Фроянова есть явная передержка. В. Т. Пашуто вовсе не утверждал, что «подавляющее большинство горожан было неимущим».

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 240.

После того, как Давыд Игоревич и Святополк Изяславич захватили Василька Тербовольского, «наоутрия же Святополкъ созва боляръ и Кыянь и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдать Давыдъ, яко: „брата ти оубилъ, а на тя свѣчался с Володимѣромъ (Мономахом. — П. Л.), и хотять тя оубити и грады твоя зяяти“. И рѣше боляре и людѣ: „Тобѣ, кня[же], достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василко казнъ; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметь от Бога и отвѣчает пред Богомъ“»¹⁵⁰. Этот отрывок как бы переводит в практическую плоскость теоретическую схему участия различных слоев киевского общества в социально-политической жизни, которая отразилась в указанных выше словах Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, обращенных к Олегу Святославичу. Действительно, перед принятием важнейшего решения Святополк советуется не только с боярами, но и с «кыянами», «людьми» (в данном случае это, понятно, синонимы).

Более того, по всей видимости, после того как в поход на Киев отправились желавшие отомстить за Василька Владимир Мономах, Олег и Давыд Святославичи, именно «кыяне» сыграли важнейшую роль в примирении князей. Согласно летописи, «Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: „Молимся, княже, тобѣ и брата твоеима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающа по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую“. Всеволожая же и митрополит придоста к Володимеру и молиастя ему и повѣдаста молбу Кыянь, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскыѣ, и брань имѣти с погаными»¹⁵¹. Итак, «кыяне» не выпускают князя из города и выступают инициаторами мирных переговоров с противниками Святополка. При этом они *посылают* в качестве послов вдову Всеволода Ярославича и киевского митрополита Николу. Разумеется, тут также надо учитывать экстраординарный характер происходивших событий. «Кыяне» вмешались в политическую жизнь при угрозе жесточайших междоусобных распрей, которыми могли воспользоваться внешние враги — степняки. С другой стороны, характерно, что симпатии летописца явно принадлежат «кыянам», и он не видит в их поведении ничего незаконного.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259–260.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263–264.

В этой же Повести мы вновь встречаем упоминания веча.

После того как братья Василько и Володарь Ростиславичи осадили Владимир-Волынский, где «затворился» Давыд Игоревич, они «послаша к Володимерцем, глаголя: „Не вѣ ли придохом на град вашъ, а не на вас, но на врагы своя, Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех е — послушаль Давыдъ и створиль се зло. Да аще хотите за сих битися, да се мы готови, а любо дайте врагы наша“. Граждане же, се слышавъ, созваща вѣче, и рѣша Давыдови людье: „Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляи собѣ“. И неволя бысть выдати я. И рече Давыдъ: „Нѣту ихъ здѣ“, бѣ бо я послалъ Лучьску. Онѣ же пошедшим Лучьску, Турякъ бѣжа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскѣ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: „Выдай, кого ти хотят. Аще ли, то предаеmysя“. Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря и дасть я. И створиша миръ в недѣлю»¹⁵². Ясно, что вече опять же было созвано в критический момент. Ясен в общем и целом состав его участников — это «граждане», близкие, видимо, к киевским «людям градским». Вновь нет ни малейших указаний на то, что в вече принимали участие жители сельской округи или какие-либо «волощане», речь здесь идет именно о горожанах; это прекрасно сформулировали в своем обращении братья Ростиславичи, заявив, что они пришли «не на град вашъ», а на своих врагов, приближенных Давыда Игоревича. Принимала ли участие в вече княжеская дружина, сказать сложно. Отрицать это нет никаких оснований¹⁵³. Однако ясно, что ключевую роль на нем играли именно «граждане». По их настоянию Давыд вынужден был выдать врагам своих приближенных¹⁵⁴. Описание этого веча примечательно также и тем, что оно

¹⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 268.

¹⁵³ Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории... С. 165.

¹⁵⁴ В одной из своих последних работ И. Я. Фроянов почему-то называет Туряка, Василя и Лазаря «представителями владимирской общины». Единственным «доказательством» этого является то, что «пребывание в тот момент Туряка, Лазаря и Василя в Луческе, попытки Лазаря и Василя укрыться в Турийске намекают на связь этих людей с владимирской земщиной» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы... С. 542). Не говоря уже об использовании ученым явно анахроничной терминологии («земщина»), непонятно, какую связь он усматривает между пребыванием недругов Василька Тербовльского в Луческе и Турийске и их принадлежностью к владимирской «общине». На самом деле то, что эти люди не принадлежали к владимирской «общине» (используя неудачный термин И. Я. Фроянова), достаточно

собирается *в присутствии* князя и принимает решение, противоречащее его воле. Новгородское вече 1015 г. отличается от владими́ро-во-лынско́го тем, что оно, во-первых, было создано самим князем, а во-вторых, поддержало выдвинутое им предложение ¹⁵⁵.

Далее в том же источнике описывается еще одно вече во Владимире-Волынском. Когда во Владимире сидел уже сын Святополка Изяславича Мстислав, к городу подошел стремившийся его вернуть Давыд Игоревич. «И ста Давыдъ, — говорит летописец, — оступивъ град, и часто приступаше. Единою поступиша к граду под вежами, овѣм же бьющим с града и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, акы дождь. Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапно оударенъ бысть под пазуху стрѣлою на заборолѣхъ сквозѣ дску скважнею, и сведоша и, и на ту ночь оумре. И таиша и 3 дѣни, и въ 4-и дѣнь повѣдаша на вѣчи. И рѣша людѣ: „Се князь оубьенъ, да аще ся вдамы Святополку, погубит ны вся“. И послаша к Святополку, глаголя: „Се сынъ твой оубьенъ, а мы изнемогаем гладом. Да аще не придеши, хотят ся людѣ предати, не могуще глада терпѣти“» ¹⁵⁶. В общем, вече здесь собирается в похожей ситуации, что и в первом случае. Разница в том, что ее экстраординарный характер усиливается неожиданной гибелью князя. В. Т. Пашуто полагает, что «здесь... термин „людѣ“ имеет социальный оттенок — простые люди». В первом же случае, по мнению историка, «термин „людѣ“ употреблен без социального смысла — они просто участники веча» ¹⁵⁷. На самом деле эти два описания практически аналогичны, и извлечь из них данные о точном социальном составе владимирского веча не представляется возможным; не исключено, что В. Т. Пашуто на мысль о «простонародном» характере второго веча навело упоминание летописцем того, что факт гибели Мстислава Святополчича утаивался в течение трех дней, и, по его мнению, это делали «власти». Но даже если это так, никакого отношения к *составу* собравшегося на 4-й день веча данное обстоятельство не имеет. Вполне возможно, что в нем принимали участие не только «граждане», но и представители боярско-дружинной элиты. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что те, кто утаивал смерть князя (а это явно были

очевидно, так как выдача их, судя по летописи, зависела не от владимирских горожан, а от князя, который согласился на нее только под угрозой владимирцев сдать город.

¹⁵⁵ См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 174–175.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 271–272.

¹⁵⁷ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 27.

его приближенные), потом «поведали» об этом горожанам на вече, т. е. приняли в нем участие.

Обращает на себя внимание и стиль, который использует летописец. Кажется, что для него вече — это не какое-то из ряда вон выходящее событие, а достаточно привычное, житейское явление общественно-политической жизни. Он даже не отмечает, кем и при каких обстоятельствах было *созвано* вече, а просто говорит: «Повѣдаша на вѣчи». Думается, что такой тон был бы невозможен, если бы реальные случаи созыва вече исчерпывались числом их упоминаний в летописи¹⁵⁸.

Под 1102 г. в ПВЛ содержится известный рассказ об отказе новгородцев принять в качестве князя сына Святополка Изяславича и призвании Мстислава Владимировича: «Томже лѣтъ, месяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с Новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свои в немъ, а Володимеру посадити сынъ свои в Володимери. И приде Мстиславъ Киеву, и сѣдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: „Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдятъ Новгородци, да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мъстиславъ да идетъ Володимерю“. И рѣша Новгородци Святополку: „Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: «Не хотимъ Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твои, то пошли и, сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шельѣт насъ»“. И Святополкъ же многу прою имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду»¹⁵⁹. Новгородцы здесь отказываются признавать «ряд» между двумя князьями, Святополкомъ Изяславичемъ и Владимиромъ Мономахомъ, заявляя о желании оставить у себя «вскормленного» ими Мстислава. Несмотря на «многую прою», Святополкъ добился только исполненного своеобразной иронией ответа о двухъ головахъ, и новгородскимъ княземъ остался угодный новгородцамъ Мстиславъ. Решающая роль новгородцевъ в избрании князя очевидна, ихъ воля оказывается сильнее «ряда» двухъ самыхъ могущественныхъ князей того времени. Однако встаетъ вопросъ, кого подразумевалъ летописецъ подъ этими «новгородцами». На этотъ счетъ есть разные мнѣния. К. Цернакъ, напримеръ, по аналогии с болѣе поздними сообщениями предположилъ, что

¹⁵⁸ К такой формальной трактовке, как отмечалось выше, близок М. Б. Свердлов, писавший о всего 6 упоминаниях вече за 100 лет, с 997 по 1097 гг. (См.: *Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 53*).

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275–276.

¹⁶⁰ *Zernack K. Die burgstaedtlchen Volksversammlungen... S. 60.*

это были посланники, отправленные новгородским вечем¹⁶⁰. А В. Т. Пашуто приводит это сообщение в качестве примера участия «городских мужей» в деятельности княжеских сменов¹⁶¹. Однако все эти предположения являются в значительной степени гадательными. Правда, возможно, о том, что «новгородцы» данного сообщения были представителями достаточно широких слоев городского населения, а не только знати, свидетельствует то, что они называются просто «новгородцами», в то время как в этой же статье фигурируют «мужи Владимира» — т. е. дружинники Владимира Мономаха¹⁶².

Наконец, последний раз социально-политическая активность древнерусских «людей» зафиксирована в начальном летописании в статье 1113 г., в рассказе о восстании в Киеве после смерти князя Святополка Изяславича. В летописи говорится: «И плакашеса по немъ бояре и дружина его вся, пѣвше над нимъ обычныя пѣсни, и положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же, [жена] его, много раздили богатѣство монастыремъ и попомъ, и оубогымъ, яко дивитися всѣмъ человекомъ, яко такая милости никтоже можетъ створити. Наутрѣ же, въ семы на 10 днь, свѣтъ створиша Кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на столъ отень и дѣдень“. Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не поиде, жаля си по братѣ. Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на Жида и разграбиша я. И послашася паки Кияне к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, Киеву, аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло оуздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастирѣ, и будеши отвѣтъ имѣль, княже, оже ти манастирѣ разграбятъ“. Се же слышавъ Володимеръ поиде в Киевъ... Володимер Мономахъ съде Киевѣ в недѣлю. Оусрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ с епископы и со всеми Кияне с честию великою. Съдѣ на столѣ отца своего и дѣдѣ своихъ; и вси людѣ ради быша, и мятежъ влеже»¹⁶³. В этом сообщении привлекает внимание сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, в отличие от многих других случаев умерший князь оплакивается только своей дружиной, но не «киянами», «людьми» и т. п., что выглядит неслучайным, если иметь в виду произошедшие после этого

¹⁶¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 39.

¹⁶² Конечно, сами посланники были скорее всего представителями знати, вопрос в том, кто их отправил.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275–276.

события¹⁶⁴. Таким образом, с самого начала автор этого текста отделяет боярско-дружинную элиту от киевских горожан.

Во-вторых, главными героями дальнейшего повествования являются как раз «кияне». Однако разобраться в том, кого именно каждый раз имеет в виду летописец, довольно сложно. Последовательность действий такова. Сначала «кияне» собирают «совет». При этом он, конечно же, гораздо ближе стоит к вече, чем к тому совету, который В. Т. Пашуто характеризует как «однопалатный сословный орган, давний устойчивый институт политического строя древней Руси», состоявший из «вассалов князей и бояр»¹⁶⁵. «Совет» приглашает на княжение в Киев Владимира Мономаха, который по какой-то причине не идет¹⁶⁶. Далее какие-то «кияне» (в тексте прямо не указывается, те же это «кияне», что собрались на «совет», или другие) грабят дворы тысяцкого Путяты и евреев. Тогда «кияне» вновь просят Владимира Мономаха прийти в Киев, пугая его тем, что грабежи могут затронуть бояр, монастыри и вдову Святополка.

Прежде всего нужно разобраться в том, что именно произошло, согласно летописи, в Киеве в 1113 г. По этому поводу в литературе существует в общем две позиции. Одни исследователи полагают, что были две группы «киян»: одна, которая участвовала в восстании игромила дворы,

¹⁶⁴ Это обстоятельство уже отмечалось в историографии. См., например: *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 121.

¹⁶⁵ *Пашуто В. Т.* Черты политического строя... С. 19. Как видно, и в данном случае формальный терминологический анализ невозможен. Такие термины, как «совет», «люди», «мужи» и т. д. употреблялись в древнерусских источниках в значительной степени окказионально. Поэтому попытку В. Т. Пашуто анализировать сначала термины («собор», «снем», «совет», «вече» и т. д.), а от них уже идти к содержанию социально-политических явлений вряд ли можно признать удачной. В свое время еще М. А. Дьяконов, говоря о событиях 1113 г., отмечал в связи с этим, что иногда термин «вече» заменяется термином «совет» (*Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. М.; Л., 1926. С. 94). Л. В. Черепнин же предположил, что «вече» и «совет» — это разные органы городского управления: «...номинально вече — это высший орган городского управления... собрание горожан разного социального статуса... Совет же является исполнительным органом веча» (*Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития... С. 33). Это реконструкция, не подкрепленная данными источников.

¹⁶⁶ О причине этих колебаний в историографии есть весьма серьезные разногласия. Наиболее распространенными являются два мнения: Владимир Мономах не хотел нарушать традиционные нормы наследования столов или он не хотел принимать власть в Киеве из рук веча (кстати, вполне возможно, что верными являются оба мнения).

¹⁶⁷ См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь... С. 496; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... С. 234–236; *Алексеев Ю. Г.* Черные люди Новгорода и Пскова (К вопросу

и вторая, которая призывала на княжение Владимира Мономаха¹⁶⁷. Другие считают, что участники «совета»-веча и восставшие — одни и те же люди¹⁶⁸. Л. В. Черепнин называет киевлян, обратившихся к Владимиру Мономаху, «местной знатью»¹⁶⁹. Летописное изложение не отличается ясностью. И те люди, которые участвовали в грабежах, и те, которые собирали «совет» и обращались к Владимиру Мономаху, именуются «княнами». Однако существует источник, содержащий дополнительную информацию о событиях 1113 г. Это «Сказание о чудесах св. Романа и Давыда», где говорится, что после смерти Святополка «многоу мятежю и крамолѣ бывъши в людѣхъ и мѣлѣхъ не малѣ, и тѣгда съвѣкупивъшеся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причѣтъмъ всѣхъ людии и моляхоу Володимира, да въшедъ оуставить крамолоу соущоу въ людѣхъ. И въшедъ оутоли мятежъ и гѣлкоу въ людѣхъ»¹⁷⁰. Выясняется, что в киевском совете участвовали широкие круги киевлян (на церковном языке составителя цитировавшегося выше агиографического сочинения — «причѣт всехъ людей»), но тон задавали «большие и нарочитые мужи», т. е. наиболее важные, знатные, почитаемые «люди градские».

В историографии также существует мнение об участии в движении 1113 г. сельских жителей (или даже крестьян, хотя такой термин в отношении сельского населения тогда не применялся). Его пытался обосновать, например, М. Н. Тихомиров¹⁷¹. Однако в летописи никаких данных ни об этом, ни тем более об участии сельских жителей в «совете» нет. Речь здесь идет, видимо, о чисто городском явлении.

С другой стороны, следует вновь констатировать уже многократно отмеченное нами обстоятельство: горожане собираются на «совет» в экстраординарной ситуации при отсутствии князя, и летописец рассматривает этот совет как нечто вполне в данных условиях «легитимное».

о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103.

¹⁶⁸ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 190–192; Zernack K. Die burgstädtlichen Volksversammlungen... S. 60–61; Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социально-политической борьбы... С. 206–224. Как всегда, И. Я. Фроянов расцвечивает данные источника дополнительными подробностями. Например, киевляне у него идут «грабежом на Путятин двор прямо с вече» (Там же. С. 220).

¹⁶⁹ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения... С. 235.

¹⁷⁰ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69. См. об этом также: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания... М., 1955. С. 136–138.

¹⁷¹ Там же. С. 138 и далее.

Итак, можно отметить следующее:

1. Летописные данные конца XI — начала XII вв. показывают, что определенную роль в социально-политической жизни древнерусского общества играли слои, не относящиеся к боярско-дружинной элите. Эти слои часто фигурируют в источниках под именем «людей» (а иногда и «мужей») или под названием, означающим население какого-либо города («кияне», «муромци», «володимерци», «черниговци» и т. д.). При этом указанные термины носили не формально-юридический, а бытовой характер, являясь весьма расплывчатыми и нечеткими. Так, «мужами» чаще всего назывались бояре и дружинники, но могли называться и представители недружинных слоев, а «людьми» — наоборот. Поэтому следует признать некорректным встречающиеся в историографии попытки а priori определить содержание подобных понятий и использовать это как базу для дальнейших построений.

2. По-видимому, наиболее четким понятием для характеристики принимавших участие в социально-политической деятельности «недружинных» слоев общества следует признать термин «люди градские». Представляется, что «люди градские» — это прежде всего полноправные свободные горожане и, как свидетельствуют некоторые косвенные данные, имевшие определенное имущество, «имение». При этом для более подробной социальной характеристики этой категории населения данных, к сожалению, нет. Одной из форм коллективного участия «людей градских» в политической жизни было вече (хотя в нем могли участвовать и представители общественной элиты). Никаких данных о том, что наряду с горожанами в ней участвовало сельское население, нет. Скорее из летописных данных следует обратное. Складывается впечатление, что и вече, по крайней мере в XI — начале XII в., было не «общеволостным» органом, а именно городским. В целом вопрос о том, кто имел право участвовать в вече, остается открытым (например, могли ли принимать в нем участие несвободные или полусвободные жители города¹⁷²).

3. Обращает на себя внимание восприятие летописцами социально-политической активности горожан. Для них это явление привычное,

¹⁷² Правда, косвенным доказательством того, что в социально-политической деятельности древнерусских горожан, в том числе в форме веча, не могли участвовать несвободные жители, кажется, можно признать фразу из «Поучения» Владимира Мономаха: «И на ту осень идохом с Черниговци и с Половци, с Чигѣвичи, к Мѣньску: изъѣххом городъ, и не оставихом оу него ни челядина, ни скотины» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248). Для автора «Поучения» челядь является такой же бесправной собственностью «города», как и бессловесная скотина.

нормальное и даже «легитимное». В отличие от выступлений смердов и деятельности волхвов городские движения и вече описываются нейтрально, а иногда и с явной симпатией. Но ярче всего эти представления проявляются в зафиксированном в ПВЛ предложении Владимира Мономаха и Святополка Изяславича своему противнику Олегу Святославичу «положить поряд» перед духовенством, боярами и «людьми градскими». Участие этих «людей градских» в социально-политической жизни Древней Руси было вполне очевидно для современников.

4. Несмотря на то что власть вече оказывалась подчас весьма значительной (наиболее яркий пример — приглашение и изгнание князей), вероятно, оно не было в этот период постоянно действующим, регулярно собирающимся органом. На всех эпизодах, связанных с созывом вече, лежит печать экстраординарности, чрезвычайности. Выражаясь языком М. С. Грушевского, вече «было коррективом княжеско-дружинного управления, но не правило само»¹⁷³. Так, факты приглашения или изгнания вечем князя отнюдь не свидетельствуют, что так обстояло дело во всех или в большинстве случаев. Тем не менее вече, на наш взгляд, было, судя по летописным данным рассматриваемого периода, не столько самостоятельным органом власти, сколько выражением коллективной политической деятельности горожан. Поэтому, думается, предметом дальнейшего изучения может быть скорее не само вече как институт в формально-юридическом смысле, а реальный факт участия древнерусских горожан в политической жизни в разных формах¹⁷⁴ и, шире, изучение «людей градских» как социальной категории. Необходимость такого рода исследований уже отмечалась в историографии¹⁷⁵.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 02-01-00184а.*

¹⁷³ Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. С. 81.

¹⁷⁴ Еще одной такой формой, помимо вече, являлось участие горожан в княжеском войске. См. об этом: Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 339.

¹⁷⁵ См., например: Черетин Л. В. Пути и формы политического развития... С. 27.

О. В. Лосева

Почитание Афанасия Великого, патриарха Александрийского, в Византии и в Древней Руси *

*Εἰς τὸν Ἐπίσκοπον Κυρήνης
κ. Ἀθανάσιον Κωνσταντῖνον*

Почитание Афанасия Великого, патриарха Александрийского († 373), одного из величайших богословов и церковных деятелей, было широко распространено как на Востоке (в православных и нехалкидонских Церквях), так и на Западе. Каждое церковное сообщество отличалось наличием своего собственного цикла праздников и своих агиографических традиций, связанных с эпизодами жития, чудесами и мощами свт. Афанасия. Римский Мартиролог, например, отмечает такие события, как «избиения» в Александрии сторонников Афанасия Великого арианами в 339 г. в церкви св. Кирина (21 марта), в 363 г. в церкви св. Феоны (28 января) и др. Коптские синаксари содержат «Воспоминание чудесе, бывшего через св. Афанасия» (9 фармути, т. е. 4 апреля) и «Чудо, бывшее десницею Афанасия Апостольского» (30 тоута, т. е. 27 сентября) ¹.

Култ Афанасия Великого в Константинопольской Церкви, наиболее отдаленной от александрийских реалий, также имел свои характерные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 02-01-00401а.

¹ Порфирий (Успенский), *еп.* Вероучение, богослужение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов), СПб, 1856. С. 106–107; Synaxarium Alexandrinum / Ed. J. Forget // CSChO. Script. Arab. 3^a ser. 1922. Т. 18. Fasc. 1. P. 50–51; Les Ménologies des Évangélistes coptes-arabes / Ed. F. Nau // PO. 1913. Т. 10. Fasc. 2. P. 189; Le Synaxaire arabe jacobite (redaction copte) / Ed. R. Basset // PO. 1904. Т. 1. Fasc. 3. P. 309–310. В сказании, помещенном под 30 тоута, реальные факты биографии свт. Афанасия: 1) тайный отъезд из Тира в Константинополь на плоту, перевозившем ливанские кедры, для аудиенции с Константином Великим (335 г.) и 2) чудесное спасение из храма св. Феоны в Александрии, окруженного легионерами дукса Сириана (356 г.), хронологически переставлены и переосмыслены. Эти события легли в основу фантастического повествования о том, как после бегства из Александрии и шестилетнего изгнания Афанасий явился искать правосудия у императора Констанция II, был обречен им на неминуемую смерть (пущен в море на неуправляемом плоту без пищи и воды), но чудесным образом плот через три дня был принесен течением из Константинополя в Александрию, где Афанасий был торжественно встречен народом.

черты, определившие во многом (но не во всем) особенности почитания свт. Афанасия на Руси.

В Византии (в данном аспекте мы вправе отождествить константинопольскую богослужебную традицию с византийской) празднества в честь свт. Афанасия Великого, патриарха Александрийского, совершались два раза в году: 2 мая и 18 января. 2 мая отмечалась память преставления свт. Афанасия (известная во всем христианском мире); 18 января — совместное празднование Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских (установленное в Константинополе).

Относительно значения последней даты существуют различные мнения.

В мраморном Неаполитанском календаре XI в.² и в некоторых греческих стишных Синаксарях под 18 января ошибочно указывается успение свт. Афанасия. Однако большинство источников, отражающих различные богослужебные традиции, устойчиво относят *преставление* Афанасия Великого ко 2 мая: коптские синаксари³, западные мартирологи (Римский, Малый Римский, Беды Достопочтенного и др.), византийский Менологий императора Василия II (PG. Т. 117. Col. 433), древние календари Иерусалимской Церкви, ориентированные на Святотрогробский Типикон⁴. Сирийские яковитские менологии VII–X вв. отмечают память Афанасия Великого 1 мая и не знают празднования 18 января⁵.

Ц. Бароний и болландисты (Д. Папebroх) считали, что 18 января произошло *поставление* Афанасия Великого в *патриархи*⁶.

Древнейшие месяцесловы константинопольского происхождения — в составе Евангелия IX в. (Vat. gr. 2144)⁷ и Евангелия 985 г. (РНБ, СПб. ДА, Б. I. 5, Л. 267об.) — отмечают 18 января *возвращение из ссылки* свт. Афанасия: εἰς τὴν ἐπάνοδον τῆς ἐξορίας τοῦ ἀγίου Ἀθανασίου.

² Mallardo D. Il calendario marmoreo di Napoli // Ephemerides Liturgicae. 1946. Т. 60. Р. 238.

³ Порфирий (Успенский), en. Указ. соч. С. 107; Synaxarium Alexandrinum. 1926. Т. 19. Fasc. 2. Р. 105–107; Les Ménologies des Évangélistes coptes-arabes. Р. 202; Le Synaxaire arabe jacobite. Р. 360–362.

⁴ Кекелидзе К. С. Иерусалимский Канонарь VII в. (грузинская версия). Тифлис, 1912. С. 112; Garitte G. Le calendrier Palestino-Georgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). Bruxelles, 1958. (= SH; № 30). Р. 64; Tarchnischvili M. Le Grande Lectionnaire de l'Église de Jérusalem (V^e–VIIIe siècle). Louvain, 1960. (= CSChO. Vol. 205. Script. Iberici. Т. 14). Т. 2. Р. 8.

⁵ Un Martyrologe et douze Ménologies syriaques / Ed. F. Nau // PO. Т. 10. Fasc. 1. 1912. Р. 32, 40.

⁶ Acta Sanctorum. Maii. Paris, 1864. Т. 1. Р. 246.

⁷ Morcelli S. A. Kalendarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Romae, 1788. Т. 2. Р. 26.

Древнерусские списки Студийского Устава (ГИМ, Син. 330, Л. 135об., XII в. и РГАДА, Син. тип. 144, Л. 56, 2-я пол. XIV в.), а также ряд нестишных Прологов (ГИМ, Син. 247, Син. 248, 2-я пол. XIV в., Син. 249, XV в.) содержат другую трактовку этого события: *перенесение мощей* («телесе») свт. Афанасия «от изгнания». Что, очевидно, надо объяснять ошибкой славянского переводчика.

Агиографическая традиция, объясняющая так или иначе установление праздника 18 января, не согласуется, однако, с известными из исторических сочинений фактами. В этих источниках указаны даты хиротонии, изгнания и возвращения на кафедру Афанасия Александрийского, но ни одно из этих событий не приходится на 18 января.

Мы считаем наиболее правомерным и обоснованным видеть в церковном торжестве 18 января нарочито учрежденное в Константинопольском Патриархате совместное празднование в честь Александрийских Святителей. Неслучайно в ряде древних календарей вместе с именами Афанасия и Кирилла названо имя еще одного александрийского патриарха — Александра, предшественника и наставника Афанасия Великого: Евангелия IX–X вв. (Vat. gr. 2144, РНБ. ДА. Б. I. 5, Sinait. georg. 34)⁸, Синаксарь XI в.⁹ и др. Эта традиция нашла отражение в древнейших русских месяцесловах (например, календарь Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. (л. 263)). Из наблюдений над календарями следует, что обычно день совместного чествования нескольких святителей не был непосредственно связан с датами и событиями их жизни.

Сирийским календарям известны совместные празднования Афанасия Великого: вместе с Григорием Чудотворцем, Кириллом Александрийским и «другими православными епископами» (30 июня) и вместе с «тремя Григориями» (Богословом, Неокесарийским и Нисским), Иоанном Златоустом и Кириллом Александрийским (24 ноября)¹⁰; а древним календарям Иерусалимской церкви — вместе с Василием Великим, «двумя Григориями», Иоанном Златоустом, Кириллом Александрийским и Епифанием Кипрским (23 августа)¹¹.

⁸ Ibid. P. 26; Garitte G. Le calendrier Palestino-Georgien... P. 45.

⁹ Кекелидзе К. С. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908. С. 251.

¹⁰ Un Martyrologe et douze Ménologes syriaques... P. 33, 42, 48.

¹¹ Кекелидзе К. С. Литургические грузинские памятники... С. 125; Garitte G. Le calendrier Palestino-Georgien... P. 85–86; Tarchnischvili M. Le Grande Lectionnaire... Т. 2. P. 30.

Один из древнейших мартирологов — блаженного Иеронима — отмечает память Афанасия Великого под 13 октября¹², но эта традиция не получила на Западе дальнейшего развития.

Еще один праздник специфически константинопольского происхождения — память перенесения мощей Афанасия Великого в Константинополь — появляется в календарях под 2 мая, начиная с XI в.: *Miniea Sinaït. gr. 617*, *стишной Синаксарь Христофора Митиленского*¹³ и др.

Афанасий Великий был похоронен в Александрии в церкви, которая называлась Вуколией, где находились гробницы ап. Марка и его преемников на александрийской кафедре. Перенесение мощей из Александрии в Константинополь предположительно относят ко времени патриарха Германа (715–730), год и месяц этого события точно не известны¹⁴. Мощи были положены в храме Св. Софии. Видимо, перенесение мощей было приурочено ко дню преставления святителя — 2 мая. По сообщению «Анонима Меркати», в XII в. мощи свт. Афанасия находились в церкви Богородицы Триаконтафиллос (Перивлепты), построенной в 1034 г. императором Романом III Аргиром¹⁵. При захвате столицы Византийской империи в 1204 г. крестоносцами рука Афанасия Великого была увезена кардиналом Петром Капуанским в монастырь Монте-Кассино¹⁶. А после взятия Константинополя турками мощи святителя были перевезены итальянцами в Венецию и хранились в церкви Санта Кроче алла Джудекка. В 1806 г. они были перенесены в другую венецианскую церковь — св. Захарии. В 1973 г. перст Афанасия Великого был подарен римским папой Павлом VI коптскому патриарху Шенуде III и положен в соборе ап. Марка (Каир, Аббасийя), другая частица мощей была передана в 1998 г. в собор в Даманхуре¹⁷.

Из богатого агиографического наследия, посвященного Афанасию Великому, древнейшими произведениями являются: похвальное слово Григория Богослова, произнесенное в 379 г. (ВНГ, № 186); фрагменты

¹² *Martyrologium Hieronymianum* / Ed. C. De Rossi, L. Duchesne // *Acta Sanctorum. Novembris. T. 2. Pars 1. Antverpiae*, 1894. P. 555.

¹³ *I calendari in metro innografico di Cristoforo Mitileneo* / A cura di E. Follieri. Bruxelles, 1980. (= SH; № 63). T. 1. P. 432.

¹⁴ *Acta Sanctorum. Maii. Paris*, 1864. T. 1. P. 251.

¹⁵ Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 452.

¹⁶ *Riant P. E. Exuviae sacrae Constantinopolitanae*. Ginevra, 1877. T. 1. P. 154.

¹⁷ *Meinardus O. Two Thousand Years of Coptic Christianity, Cairo*, 1999. P. 125, 171, 312.

коптских жития и энкомия, датируемые V в. (энкомий приписывается свт. Кириллу Александрийскому)¹⁸; византийское житие дометафрастовой редакции (BHG, № 185), представляющее собой контаминацию текстов из «Церковных историй» Сократа Схоластика и Геласия Кесарийского, составленную не позднее VII в. (наиболее ранние списки — кон. IX в.)¹⁹. В VIII в. было создано похвальное слово Андрея Критского (BHG, № 186a), в IX в. — житие в составе Библиотеки Патриарха Фотия (Cod. 258) (BHG, № 184), написанное на основе несохранившейся редакции дометафрастова жития²⁰. К X в. относится пространное житие, приписываемое Симеону Метафрасту (BHG, № 183). Его сокращенный вариант помещен в Императорском менологии XI в.²¹ (BHG, № 183a), а краткое житие включено в Синаксарь константинопольской церкви X в. (BHG, № 185e). Известна ода в честь Афанасия Великого, написанная Феодором Метохитом (1270–1332) (BHG, № 186b).

Существует также сирийское житие А., известное по рукописи XII в., приписываемое свт. Амфилохию, еп. Иконийскому († ок. 400)²².

Любопытно, что в Древней Руси получило распространение житие Афанасия, представляющее собой соединение отрывков из Церковной истории Руфина Аквилейского и из Хроники Георгия Амартола²³. Эпизод из детства святителя, в котором описано избрание Афанасия в епископы детьми и их игра в таинство крещения (*Rufinus. Hist. eccl. I, 14*) был включен Иоанном Мосхом († ок. 620) в «Луг духовный» (Глава 197), позднее попал в состав Синайского патерика (Слово 278) и оттуда, видимо, был

¹⁸ *Lemm O., v. Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens // Известия Императорской Академии наук. Сер. 7. 1888. Т. 36. № 11. С. 11–46; Orlandi T. Testi Copti. Milano, 1968. P. 18–39.*

¹⁹ *Winkelman F. Zur Untersuchungen zur Kirchengeschichte des Gelasios von Kaisareia. Berlin, 1966. S. 49, 121–123. (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst; 1965. № 3); Winkelman F. Zur Ueberlieferung der Vita Athanasii praemetaphrastica BHG; № 185 // Opes Atticae: Miscellanea philologica et historica R. Bogaert u. H. van Looy oblata. Steenbrugge, 1990. P. 455–463. (Sacris erudiri; 31).*

²⁰ *Hägg T. Photius as a Reader of Hagiography: Selection and Criticism // DOP. 1999. Т. 53. P. 43–58.*

²¹ *Halkin F. Un nouveau Ménologe grec dans un manuscrit de Glasgow 66 // Analecta Bollandiana. 1957. Vol. 75. P. 68.*

²² *Vööbus A. Entdeckung einer unbekannten Biographie des Athanasius von Alexandrien: Eine angeblich von Amphilochius von Ikonium verfasste Vita // BZ. 1978. Bd. 71. S. 36–40.*

²³ *Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья 2-я: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 204.*

взят составителем пространного древнерусского жития²⁴. Данное житие помещено под 2 мая в Успенском сборнике кон. XII — нач. XIII в.²⁵, в Четьих Минеях конца XV в. (РГБ, Волок. 597) и макариевских Великих Минеях Четьих; под 18 января в Милотинских Четьих Минеях и др.

Житие свт. Афанасия, написанное Симеоном Метафрастом (ВНГ, № 183), было переведено, по всей видимости, в Тырнове в последней четверти XIV в. в составе Студийского гомилиария²⁶; оно встречается в русских сборниках XV в.²⁷ и в Великих Минеях Четьих под 18 января.

Наиболее ранним свидетельством почитания Афанасия Великого на Руси является упоминание его памяти в месяцесловах Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. (18 января, 2 мая, Л. 263, 272) и Реймского Евангелия XI в. (18 января, Л. 130б.). В календаре Архангельского Евангелия 1092 г. указывается память «святого апостола Афанасия» (2 мая, л. 161об.) (ср. с коптской традицией именованния Афанасия Апостольским). В служебные минеи последование свт. Афанасию включено под 18 января (с канонам Феофана, например Минея ГИМ, Слн. 163, XII в.) и под 2 мая (с канонам Георгия, например Путятин Минея РНБ, Соф. 202, XI в.).

В русских списках сохранились древнейшие славянские переводы творений александрийского богослова²⁸. Изборник 1076 г. (восходящий, возможно, к болгарскому оригиналу не позднее 917 г.) включает так называемые Афанасьевы ответы («Ответы Афанасия на вопросы Антиоха князя»), являющиеся компиляцией фрагментов сочинений свт. Афанасия и других авторов²⁹ и получившие широчайшее распространение в средневековой славянской традиции.

Четыре слова Афанасия Великого против ариан были переведены в 907 г. Константином, еп. Преславским, учеником равноап. Мефодия, по повелению болгарского князя Симеона³⁰. В Новгороде в конце XV в.

²⁴ Щеголева Л. И. Житие святого Афанасия Александрийского в переводной литературе Древней Руси // Мир житий. М., 2002. С. 12–15, 18.

²⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. Л. 5–8.

²⁶ *Hannik Ch.* Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur. Wien, 1981. S. 185.

²⁷ Творогова О. В. Древнерусские четьи сборники... С. 204.

²⁸ Сердечно благодарим А. А. Турилова, существенно уточнившего и обогатившего собранные нами сведения относительно славянской рукописной традиции.

²⁹ Изборник 1076 г. М., 1965. Л. 114об.–133об., 188–227об., 247–249.

³⁰ Горский А. В., Невострюев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2. С. 32–33; Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2. С. 437.

по инициативе архиепископа Геннадия в связи с ересью жидовствующих тиражируется сборник, содержащий Четыре слова против ариан и Слово на Пасху: РГБ, Волок. 437, 1488 г.; РНБ, Погод. 968, 1489 г.; ГИМ, Сийн. 20, кон. XV в. и др.³¹

Тогда же, в начале X в., болгарским пресвитером Иоанном был осуществлен перевод жития прп. Антония Великого, принадлежащего перу свт. Афанасия. Памятник дошел в ряде списков, начиная с последней четверти XIV в., как русских (ГИМ, Чуд. 23; РНБ, Погод. 716), так и сербских (ГИМ, Хлуд. 195; Загреб, ХАЗУ, III с 22; Сербия, Высокие Дечаны, № 101). Другой, очевидно тырновский, перевод жития Антония Великого представлен среднеболгарским списком последней четверти XIV в. (София, НБКМ, № 1045) и рядом позднейших, в том числе русских³². Однако житие Антония, несомненно, было известно на Руси уже в XI в.: достоверно прослеживается его влияние на целый ряд древнерусских произведений, в том числе на житие прп. Феодосия Печерского³³.

Отрывки различных сочинений Афанасия Великого включены в состав нестишного Пролога, переведенного и дополненного на Руси в XII в.

В древнерусской письменности получили также распространение памятники, приписываемые Афанасию, — прежде всего Толковая Псалтирь, известная как Псалтирь с толкованиями Афанасия Александрийского (на самом деле с толкованиями Исихия Иерусалимского). Древнейшие русские списки датируются XI в.: Бычковская Псалтирь XI в., Евгеньевская Псалтирь XI в., Толстовская Псалтирь XI/XII в.

Особое почитание Афанасия Великого характерно для средневекового Новгорода. В Новгородской первой летописи поворот монгольского войска у «Игнача» креста и спасение Новгорода (март 1238 г.) объяснены так: «Новъ же град заступи Богъ и святаа и великая сборная и апостольская церковь святыя Софѣя и святыи преподобнии святители Кирилъ и Афанасеи...»³⁴ При этом упоминание александрийских

³¹ *Фоткич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 26–40; *Попконстантинова К., Константинова В.* Към въпроса за черноризец Тудор и неговата приписка // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 15. С. 110–111.

³² *Hannik Ch.* Maximos Holobolos... S. 181–185; *Творогов О. В.* Древнерусские четны сборники... С. 201–203.

³³ *Архангельский А. С.* К изучению древнерусской литературы. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 13–15; *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. 1. С. 65.

³⁴ ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 289.

патриархов никак не связано с днем их чествования, а свидетельствует о восприятии их как заступников, чья молитва сохранит православный град от разорения иноверцами. Мы знаем, что во время военной опасности за помощью обращались не только к воинам-мученикам, но и к святым, борцам с еретиками и язычниками (ср. культ Николы Можайского, изображаемого с мечом в руке). Бурная жизнь Афанасия Великого вся прошла в борьбе. Из 45 лет епископства он провел в изгнаниях 17 лет и 6 месяцев. Пять раз он был вынужден покидать Александрию, «обошел тогдашний свет от Рейна до границ Нубии, по целым годам скрывался в безлюдных пустынях, в монашеских хижинах», его преследовали и не могли найти, при этом регулярно появлялись его полемические сочинения³⁵. Неиссякаемая энергия и несокрушимая воля отличают этого церковного деятеля. «Бодрый и подвижный, Афанасий создан был борцом решающих битв, вождем сплоченной вокруг него рати»³⁶.

Другая характерная черта почитания Афанасия Александрийского в Северо-Западной Руси — ему молились о прекращении эпидемий. В летописях неоднократно рассказывается о том, что по заступничеству этого святого после торжественных молебнов и сооружения за один день «обетных» церквей прекратился мор в Новгороде (1390 г.), в Пскове (1407 г.) и в Торжке (1417 г.)³⁷.

Храмы во имя свт. Афанасия существовали также в Твери и в Москве. В Никоновской летописи говорится о сооружении деревянного храма в Твери в 1297 г.³⁸. Видимо, это летописное известие относится к постройке собора Афанасьевского монастыря, основанного в конце XIII в. (не ранее 1293 г.) княжной Софией Ярославной в память об отце — Ярославе-Афанасии Тверском³⁹. В 1399 г. он упоминается как «лавра» в связи с принятием там монашеского пострига князем Михаилом Александровичем Тверским⁴⁰. Церковь, построенная в Московском Кремле, сгорела в 1389 г.⁴¹

³⁵ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 4. С. 67, 94.

³⁶ Там же. С. 94.

³⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 384, 408; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000. С. 33.

³⁸ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. М., 2000. С. 181.

³⁹ Куликин В. А. Когда было написано житие Софьи Ярославны Тверской // Мир житий. М., 2002. С. 113–114.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 15: Тверской сборник. М., 2000. Стб. 460.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. М., 2000. Стб. 157.

Афанасий Великий пользовался почитанием в княжеской среде. Он был небесным покровителем ряда князей, происходивших из тверской и московской ветвей потомков Ярослава Всеволодовича. В честь этого святого был наречен Ярослав-Афанасий Ярославич Тверской (1-е уп. 1239, † 1272), великий князь владимирский с 1263 г. Сохранились печати Ярослава Тверского с изображением свт. Афанасия в рост ⁴². Имя Афанасия получил младший брат Ивана Калиты, княживший в Новгороде († 1322). Назван был в крещении Афанасием и Ярослав Владимирович Серпуховской († 1426), правнук Калиты, родившийся в день празднования святителя (18 января 1388 г.) ⁴³.

Уникальным является известие о существовании мощей Афанасия Великого на Руси в XIV в. Частицы их были помещены в иконе-мощевике, принадлежащей князю Константину Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского ⁴⁴. Это, видимо, связано с почитанием александрийского святителя в московском княжеском доме, и Дмитрием Донским в особенности. Мы знаем, что его свадьба с Евдокией, дочерью Дмитрия Константиновича Суздальского, была приурочена к дню памяти Афанасия и Кирилла (18 января 1366 г.) ⁴⁵.

Таким образом, можно говорить о трех основных центрах почитания Афанасия Великого на Руси (Новгороде, Твери и Москве) и о существовании специфических местных представлений об этом святом как заступнике от «нашествия иноплемennых» и избавителе от «моровых поветрий».

⁴² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. № 380, 381, 382.

⁴³ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Стб. 154.

⁴⁴ Христианские реликвии в Московском Кремле / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2000. С. 56–57.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Стб. 83; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись. С. 154–155.

А. А. Горский

Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в.

В 1341–1392 гг. в Северо-Восточной Руси существовало так называемое Нижегородско-Суздальское княжество — политическое образование, в котором княжили потомки брата Александра Невского Андрея Ярославича. Его политическая история изучена довольно основательно¹. Иначе обстоит дело с исследованием истории нижегородско-суздальских земель после 1392 г., когда Нижний Новгород был присоединен к владениям московских князей. Причем если нижегородским событиям конца XIV — первой половины XV в. некоторое внимание все же уделялось², то судьба суздальского княжения не рассматривалась практически вовсе³. Между тем, какой бы важной вехой не являлся 1392 год, после него даже Нижний Новгород не находился непрерывно под московской властью вплоть до середины XV в.; Суз-

¹ См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 400–429; *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 261–278; *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // *Польша и Русь*. М., 1974. С. 241–260; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 218–231.

² См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 426, 429–442; *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства С. 278–282; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М., 1940. С. 143–144; АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 435–436; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 88–89; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 706–707, 735–736; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 232, 273–274, 280–282, 288, 294; *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О dokonчании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // *Актное источниковедение*. М., 1979; *Чеченков П. В.* Интеграция нижегородских земель в политическую систему великого княжества Московского в конце XIV — первой половине XV века // *Нижегородский Кремль. К 500-летию основания каменной крепости — памятника архитектуры XVI века*. Нижний Новгород, 2001.

³ Объективной причиной этому является состояние источников: так, в летописях между 1394 и 1445 гг. Суздаль упоминается всего два раза, и то в связи с церковными делами.

даль же впервые упоминается в качестве московского владения только в завещании Василия II (начало 60-х гг. XV в.)⁴. В предлагаемой работе после краткого обзора владельческой принадлежности нижегородских и суздальских земель до начала 90-х гг. XIV в. делается попытка рассмотреть данные об их судьбе после 1392 г.

* * *

История Суздальского княжества как политического образования, управляемого определенной ветвью потомков Всеволода Большое Гнездо, ведет начало с 1257 г.: тогда Суздаль получил во владение брат Александра Невского Андрей, после смерти которого княжество перешло к его потомкам⁵. Родственные связи ближайших преемников Андрея не вполне ясны. Родословные книги XVI в. упоминают двух его сыновей — Юрия и Василия⁶. Согласно же Никоновской летописи (20-е гг. XVI в.), после Юрия (ум. 1279) в Суздале вокняжился его брат Михаил, а в 1309 г. умер князь суздальский Василий Михайлович⁷. Но в любом случае нет причин сомневаться, что в Суздале продолжали княжить потомки Андрея Ярославича⁸. Сыновьями Василия (Михайловича или Андреевича) были Александр (ум. в 1331 г.) и Константин, при котором образовалось Нижегородско-Суздальское княжество.

Два других главных города этого будущего княжества — Нижний Новгород и Городец — входили в середине XIII в. в великое княжество Владимирское⁹, а по смерти Александра Невского оказались в составе

⁴ ДДГ. М.; Л., 1950. № 61. С. 194.

⁵ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 110–113.

⁶ РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 16, 92.

⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 156–157.

⁸ Мнение, что суздальско-нижегородские князья происходили от Андрея Александровича, сына Александра Невского (Соловьев С. М. Соч. М., 1988. Кн. 2. Т. 3–4. С. 218–219), неосновательно (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 388, 398; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 62, примеч. 3; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 208).

⁹ Существует мнение, что Городцом и Нижним Новгородом владел наряду с Суздалем Андрей Ярославич (Храмцовский Н. И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857. Ч. 1. С. 12; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... СПб., 1889. Т. 1. С. 27, Пресняков А. Е. Образование Великорусского госу-

выделенного им среднему сыну Андрею удела. Центром его стал Городец¹⁰. После кончины в 1304 г. Андрея Александровича (последние 10 лет жизни владевшего, помимо удельного Городецкого, и великим княжеством Владимирским) Городецкое княжество перешло к его сыну Михаилу (о его пребывании в Нижнем Новгороде говорит летописное известие 1305 г.¹¹). Очевидно, именно во время правления Михаила

дарства. С. 62–63; *Абрамович Г. В.* Князья Шуиские и российский трон. СПб., 1991. С. 10; *Таловиц Д. С.* Князь Михаил Андреевич и Нижегородское Поволжье в начале XIV в. // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3. С. 39–41). Однако известие Лаврентьевской летописи под 1256 г., что «поѣхаша князи на Городец да в Новѣгородъ» (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 474), на основе которого выдвигается такая трактовка, никакого отношения к владельческим правам Андрея не имеет. Речь в статье 1256 г. идет о поездке русских князей во главе с великим князем владимирским Александром Невским в Орду к новому хану Улагчи. Они двигались вниз по Волге через Городец и Нижний (т. е. тот и другой упоминаются как последние русские города на речном пути в Орду), но дальше поехал только Борис Василькович Ростовский, а Александр ограничился посылкой даров: дело в том, что к нему поступила весть из Великого Новгорода о попытке шведов закрепиться в Копорье, Александр срочно отправился в Новгород и совершил поход на шведские владения в Финляндии; к Улагчи ему в результате пришлось ехать повторно (вместе с Андреем) в следующем, 1257 г. (ПСРЛ Т. 1. Стб. 474; ср.: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 81). Упоминание в поздних редакциях родословных книг передачи Андрею отцом Суздаля, Нижнего Новгорода и Города (Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 48) — не более чем догадка их составителей, основанная на знании того, что потомкам Андрея принадлежали все три этих центра; ранние (40-х гг. XVI в.) редакции родословных либо вообще не говорят о месте княжения Андрея, либо упоминают о передаче ему отцом одного Суздаля (РИИР. Вып. 2. С. 16, 92).

¹⁰ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 119.

¹¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 368; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: Новгородская IV летопись. Пг., 1915. С. 253; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 206–209. Предполагать, что в известии 1305 г. речь идет о сыне не Андрея Александровича, а Андрея Ярославича (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 263, примеч. 20; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 396; *Абрамович Г. В.* Князья Шуиские... С. 17–20; *Макарихин В. Н.* Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991. С. 7; *Таловиц Д. С.* Князь Михаил Андреевич... С. 37–39), нет серьезных оснований. У Андрея Александровича несомненно был сын по имени Михаил (он упомянут в записи на рукописи 1303 г. и ростовском соборном синодике, см.: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 174; *Конев С. В.* Синодиология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1995. Вып. 6. С. 99). Андрей был верным вассалом хана Тохты, и не видно причин, по которым тот стал бы отнимать у его сына отчинные владения. Высказывались

Андреевича столицей княжества стал Нижний Новгород, так как во всех последующих (с 1311 г.) известиях о событиях, происходивших на его территории, именно Нижний выступает в данном качестве. Около 1309–1310 гг., видимо после бездетной смерти Михаила Андреевича, Нижним Новгородом завладел московский князь Юрий Данилович, являвшийся ближайшим родственником (двоюродным братом) Михаила¹². Тогдашний великий князь владимирский Михаил Ярославич (он же князь тверской) попытался противодействовать Юрию и реализовать традиционное право великого князя владимирского на выморочные княжества. В 1311 г., в то время как Михаил находился в Орде (скорее всего, именно в связи с нижегородским вопросом), его 12-летний старший сын Дмитрий двинулся было походом на Юрия Даниловича к Нижнему Новгороду, но, когда он находился во Владимире, митрополит Петр его «не благословил столом», т. е. отказался поддержать стремление тверских князей овладеть Нижегородским княжеством путем посажения там Дмитрия Михайловича¹³. В результате до 1320 г. нижегородским

сомнения, что в 1305 г. сын Андрея Александровича мог подавлять восстание в Нижнем Новгороде, а также жениться (о его женитьбе в Орде в том же году упоминает ряд летописей конца XV в. — ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 58; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 237, 322), основанные на дате женитьбы его отца на ростовской княжне — 1294 г. и заключении в силу этого, что Михаилу не могло быть более 10 лет (Абрамович Г. В. Князь Шуицкий... С. 19; *Талочин Д. С.* Князь Михаил Андреевич... С. 58). Однако вряд ли брак, заключенный в 1294 г., был у Андрея Александровича первым. В 1294 г. ему было не менее 34 лет (а скорее всего около 40): такое позднее вступление в первый брак в княжеской среде не было принято. Отсутствие сведений о более ранней женитьбе Андрея не свидетельствует, что ее не было: к примеру, в источниках нет известий о браках его братьев Дмитрия и Даниила, но это не значит, что они были холостяками, так как оба оставили потомство. Кроме того, существует запись в рукописи XIV в. о женитьбе в 1271 г. некоего «Андрея»: очень вероятно, что имеется в виду как раз первый брак Андрея Александровича (См.: *Гимон Т. В.* Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV века // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 579, 582).

¹² См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 209–211; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 46–47.

¹³ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 354; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись... Стб. 370–371; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: Новгородская IV летопись. С. 255. Представляется, что именно так следует понимать выражение «и не благослови его Петр митрополитъ столомъ въ Володимери». Владимирский стол не мог иметься в виду, поскольку им владел отец Дмитрия Михаил Ярославич, и нелепо предполагать, что малолетний сын посягал на отцовское великое княжение. Предположение Н. С. Борисова, что Петр отказался признать за Дмитрием прерогативы великого князя, необходимых для сбора войск с террито-

князем был брат Юрия Московского Борис Данилович¹⁴. После его смерти Нижегородское княжество отошло в состав великого княжества Владимирского, которым тогда владел Юрий, затем вместе с великим княжением Нижний и Городец были несколько лет под властью тверских князей, а в 1328 г., когда хан Узбек поделил великое княжество Владимирское между Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем, оказались в составе той его части, что управлялась последним¹⁵. Однако тогда Суздаль, Нижний Новгород и Городец находились под властью одного князя всего три года; по смерти Александра в 1331 г. они вместе со всей его половиной великого княжества отошли к Ивану Даниловичу Московскому. Возможно, в конце 30-х гг. Калита создал в Нижнем особый стол, передав его своему старшему сыну Семену¹⁶. По смерти Ивана Калиты в 1340 г. великим князем владимирским стал Семен Иванович, но на следующий год Узбек, не желая чрезмерно усиливать московского князя, выделил из великого княжества особое Нижегородское княжество и передал его Константину Васильевичу Суздальскому, положив начало полувековому существованию Нижегородско-Суздальского государственного образования. Попытка Семена в 1343 г. вернуть Нижний Новгород окончилась безрезультатно — хан Джанибек подтвердил решение своего отца о передаче его суздальскому князю¹⁷.

В период деятельности сыновей Константина Васильевича (с 1355 г.) в Нижегородско-Суздальском княжестве известно три стола — в Ниж-

рии великого княжества Владимирского (*Борисов Н. С.* Политика московских князей: конец XIII — первая половина XIV века. М., 1999. С. 134–135), является натяжкой — в тексте речь идет именно о столе. Полагаю, что «в Володимери» здесь — не более чем место действия (тут пребывал митрополит, сюда пришел, двигаясь из Твери к Нижнему, княжич Дмитрий Михайлович, здесь имело место «неблагословение»), а стол имелся в виду нижегородский.

¹⁴ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 210–211.

¹⁵ НПЛ. С. 469; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 141–142, 217–218.

¹⁶ Ср.: *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество... С. 241; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси С. 218 (в первой работе автор склоняется к мнению, что Семен был в момент смерти отца в 1340 г. нижегородским князем, во второй — полагает, что он являлся только наместником Калиты в Нижнем).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 1964. Стб. 54–56; *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество... С. 241–242; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 69–70.

нем Новгороде, Суздале и Городец. «Старшим» считался нижегородский стол; примерно с 60-х гг. его обладатель стал именоваться «великим князем»¹⁸. В 1355–1363 гг. в Нижнем княжил Андрей, старший сын Константина Васильевича, затем следующий по старшинству брат Дмитрий-Фома, до этого являвшийся князем суздальским и сохранивший Суздаль за собой и после овладения нижегородским столом. В Городец княжил третий Константинович — Борис (в 1363–1364 гг. безуспешно пытался закрепиться в Нижнем)¹⁹. По смерти Дмитрия в 1383 г. ярлык на Нижний Новгород получил от хана Тохтамыша Борис Константинович²⁰. В Суздале вокняжился второй сын Дмитрия Семен, а старший Василий (Кирдяпа) до 1387 г. находился в Орде, а затем был отпущен Тохтамышем на княжение в Городец (вопреки желанию Бориса сохранить городецкий стол за собой и своими сыновьями). В начале 1388 г. Василий и Семен при поддержке великого князя московского и владимирского Дмитрия Донского (женатого на их сестре) двинулись к Нижнему Новгороду на своего дядю походом. В результате «князь Борисъ сступиися имъ волостей Новгородскихъ, а они ему отступишася его удѣлов»²¹. Исследователи единодушно считают, что после мартовского 1388 г. похода на Нижний Новгород нижегородским князем стал Василий Дмитриевич, а Борис вернулся в Городец²². Но летописный рассказ не дает оснований для такого

¹⁸ Нижний Новгород назван «великим княжением» уже в известии Рогожского летописца о посажении в нем Константина Васильевича в 1341 г. Но в последующих упоминаниях Константина и сменившего его в 1355 г. сына Андрея эпитет «великий» по отношению к ним и нижегородскому княжению не употребляется (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 55, 58, 61, 64, 68–69, 71, 78–79; ср.: НПЛ. С. 363); лишь вокняжившийся в Нижнем в 1364 г. Дмитрий Константинович упоминается с великокняжеским титулом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 487–488; Т. 15. Вып. 1. Стб. 108, 110, 148–149; Т. 18. СПб., 1913. С. 115, 134; *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков... С. 326; *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 175–178. № 843–845). Поэтому вероятнее всего, что статус великого княжения Нижний Новгород приобрел в 60-е гг., в условиях междоусобиц в Орде, путем получения соответствующего ярлыка у одного из претендентов на ордынский престол.

¹⁹ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 219–228.

²⁰ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 426–427.

²¹ Там же. С. 432 и примеч. 4; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151, 154; Т. 18. С. 137; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 113–114.

²² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 59; *Соловьев С. М.* Соч. Т. 2. Кн. 3–4. С. 282; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 419; *Пресня-*

вывода — в нем говорится не о занятии Василием нижегородского стола²³, а об уступке Борисом племянникам «волостей новгородских», т. е. какой-то части территории Нижегородского княжества²⁴. В обмен Борису были возвращены «его уделы» — очевидно, определенные территории в пределах Городецкого иди Суздальского княжеств. Правда, существует серия монет, приписываемых Василию Дмитриевичу, в которых он именуется «великим князем»²⁵. Но даже если их атрибуция Василию Кирдяпе верна (есть и точка зрения, что это монеты Василия Дмитриевича Московского²⁶), это может свидетельствовать не о вытеснении Василием Бориса из Нижнего Новгорода, а о том, что после получения «волостей новгородских» он стал считаться совладельцем Нижегородского княжества и тоже обрел право на титул великого князя.

С 1388 г. Борис Константинович находился в Орде с жалобой на племянников и вернулся только в 1391 г. Можно допустить, что «новгородские волости», которые он вынужден был отдать племянникам в 1388 г., были ему по решению Тохтамыща возвращены, так как позже, в 1393 г., уже лишившись Нижнего Новгорода, Борис сохранял владения в Посуре²⁷.

ков А. Е. Образование Великоорусского государства. С. 276; Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 136–137; Черетин Л. В. Образование русского централизованного государства... С. 648; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси С. 230; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 27–28, 65.

²³ Борис вернулся из Орды в 1391 г., летописи говорят о его приезде без указания на то, что он после этого сел в Нижнем Новгороде на княжение (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 160; Т. 18. С. 141); это также свидетельствует, что в промежутке 1388–1391 гг. Борис нижегородского княжения не терял.

²⁴ Возможно, речь идет о землях по р. Суре, которые позже, в 1393 г., уже после перехода Нижнего Новгорода к московскому князю, находились под властью Бориса (см.: АФЭХ. М., 1951. Ч. 1. № 229. С. 201–202), а также о Гороховце с окрестностями, которые, как будет показано ниже, в конце XIV — начале XV в. принадлежали суздальскому князю.

²⁵ Орешиков А. В. Русские монеты до 1547 г. С. 183–186. № 864–867, 869, 873, 874; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. С. 59–66.

²⁶ См.: Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 58–59.

²⁷ Об этом говорит жалованная грамота на владения в данном регионе, выданная им 8 декабря 1393 г. (АФЭХ. Ч. 1. № 229. С. 201–202). Грамота дана в Нижнем Новгороде, и Борис именуется в ней «великим князем»; но считать, исходя из этого, что он на время вернул себе нижегородское княжение (Чечиков П. В. Интеграция нижегородских земель... С. 46–47), вряд ли правомерно. В летописном сообщении о смерти Бориса в следующем году в Суздале он также назван «великим князем» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 444). Очевидно, за Борисом были оставлены во владение некоторые из нижегородских волостей (ср.: Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество... С. 260), он мог въезжать в Нижний в целях распоряжения ими и сохранил право титуловаться великим князем.

Таким образом, перед событиями 1392 г. в Нижнем Новгороде княжил Борис Константинович, в Городце — Василий Дмитриевич, в Суздале — Семен Дмитриевич.

* * *

Летом 1392 г. великий князь московский и владимирский Василий Дмитриевич (приходившийся по материнской линии внуком прежнему нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу) получил от Тохтамыша, нуждавшегося в средствах после понесенного годом ранее поражения от Тимура, ярлык на Нижний Новгород. Борис Константинович был сведен со стола²⁸. Нижний, таким образом, возвращался в состав великого княжества Владимирского (к этому времени слившегося с Московским княжеством). В связи с занятием Василием I Нижнего Новгорода стоит сообщение о бегстве в Орду в том же 1392 г. Семена Дмитриевича: «а князь Семеонъ бѣжа в Орду»²⁹. Причину бегства раскрывает сообщение о смерти Бориса Константиновича в 1394 г.: «Въ лѣто 6902 индикта 2, мая въ шестыи день, по велицѣ дни на четвертой недѣли въ срѣду преставися князь великий Борисъ Костянтиновичъ и положенъ бысть въ Суздалѣ въ своеи отчинѣ»³⁰. Ясно, что за Борисом не только были сохранены владения в Посурье, но в качестве компенсации за потерю Нижнего Новгорода ему дали Суздаль; поэтому являвшийся до этого суздальским князем Семен был недоволен случившимся и отправился с жалобой к Тохтамышу. В момент смерти Бориса, однако, Семен Дмитриевич находил-

²⁸ Существует мнение о двухэтапности присоединения Нижнего Новгорода к Москве, о двух поездках Василия I по этому поводу в Орду — одной в 1392, другой в 1393 г. (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 420–421; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 276–277; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. С. 28–29; Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 49–52). Это вызвано имеющимися в летописях разноречиями. Источниковедческий анализ их известий убеждает в справедливости точки зрения об одноэтапности присоединения — в результате визита великого князя в Орду 1392 г. (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 74–75; Соловьев С. М. Соч. Т. 2. Кн. 3–4. С. 345–346; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства... С. 663–673; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси С. 230–231); сообщения о двух поездках и дата 6901 (1393) г. появились в результате неточностей при работе сведчиков с их летописными источниками (см.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 119–123).

²⁹ НПЛ. С. 385.

³⁰ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 444.

ся на Руси: через полтора месяца после кончины дяди «князь Василий Дмитриевичъ Суздальский да братья его князь Семень побѣгоша изъ Суздаля къ Орду зѣло вскорѣ и гонишася за ними и не могоша постигнути»³¹. Очевидно, Дмитриевичи рассчитывали получить владения умершего Бориса, но Василий I принял иное решение, что побудило его дядьев к обращению в Орду.

Следующим по старшинству после Дмитриевичей в доме суздальско-нижегородских князей был старший сын Бориса Константиновича — Даниил. Известны монеты с его именем, чеканенные в Суздале³², а также серебряный ковчег-мошевик, изготовленный по заказу сына Даниила Борисовича Ивана в 1414 г. «при благоверно[м] князи вел[и]комъ Данилѣ Бори[со]ви[чѣ] Новогор[о]д[с]ко[м] и Суздальск[о]мъ и Городескомъ»³³. Нижний Новгород и Городец Даниил получил в 1408 г. от Едигея, когда во время нашествия последнего на Северо-Восточную Русь эти города были взяты татарами (см. об этом ниже). Но до Суздаля ордынцы тогда не доходили.

Очевидно, что Даниил какое-то время занимал суздальский стол³⁴. Можно полагать, что бегство Дмитриевичей по смерти Бориса Константиновича было связано с тем, что Василий I вознамерился передать Суздаль его сыну. (предпочтя таким образом в качестве суздальского князя родным дядьям двоюродного).

Однако владельческие права Даниила Борисовича на территорию Суздальского княжества были, видимо, основательно урезанными. Из сохранившегося актового материала следует, что в округе Суздаля в первой половине XV в. чересполосно располагались владения разных ветвей нижегородско-суздальского княжеского дома: здесь были села и Даниила, и его брата Ивана Борисовича, и потомков их дяди, младшего из братьев Константиновичей Дмитрия Ногтя³⁵ (последние,

³¹ Там же.

³² Мещ Н. Д. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 309–313; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. С. 83–87.

³³ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой трети XVI в. // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1971. Вып. 1–49. № 4. С. 33–34.

³⁴ Ср.: Мещ Н. Д. Некоторые вопросы систематизации монет... С. 311; Чечеников П. В. Интеграция нижегородских земель... С. 48.

³⁵ См.: АСЭИ. Т. 2. № 436. С. 480; № 438. С. 481; № 441. С. 485; № 444. С. 485; Т. 3. № 93. С. 129; № 502 (пп. 42, 125). С. 479–480.

вероятно, наследовали полностью или частично и владения этого князя, занимавшие восточную часть Суздальского княжества — по р. Ухтоме, Уводи и Тезе³⁶), и сына Семена Дмитриевича Василия³⁷; кроме того, со времен Юрия Даниловича Московского (великий князь владимирский в 1317–1322 гг.) близ Суздаля имелись великокняжеские села³⁸. Вероятно, оставались на Суздальщине и владения Василия Дмитриевича и его сыновей. Исключение «нижегородской половины» Нижегородско-Суздальского княжества из владений местной династии редко усиливало дробление оставшейся за ними «суздальской половины» и было чревато внутрдинастийными конфликтами.

Василий Дмитриевич после 1394 г. упоминается всего однажды — под 6911 г.: «тое же зимы преставися князь Василии Дмитриевичъ Суждальский, иже на Городѣ былъ»³⁹. Очевидно, он примирился с московским князем и продолжал княжить в Городце до конца дней⁴⁰. Семен же до 1402 г. служил «8 лѣт... въ Ордѣ не почивая четьремъ царемъ: Тохтамышу, Темирѣ-Аксаку, Темирѣ Кутлую, Шадибеку, а все поднимая рать на князя великого, како бы налѣсти свое княженье»⁴¹.

Реальной попыткой Семена Дмитриевича вернуть с ордынской помощью один из отчинных столов был его набег на Нижний Новгород с «царевичем» Ентяком. Семен и Ентяк сумели захватить Нижний 25 октября; но вскоре им пришлось покинуть город, опасаясь приближения московских войск. Эти войска возглавлял брат Василия I Юрий Дмитриевич. Он совершил трехмесячный поход на

³⁶ Об уделах сыновей Константина Васильевича см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси С. 219–225.

³⁷ ДДГ. № 52. С. 156, 158.

³⁸ АСЭИ. Т. 3. № 86, 87. С. 117–118; № 92а. С. 128; *Антонов А. В.* Вotchинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века // *Русский дипломатический*. М., 1998. Вып. 4. С. 183–184.

³⁹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 456.

⁴⁰ В. Д. Назаров высказал сомнение, что приведенное выше летописное известие говорит именно о княжении Василия в Городце до 1403 г. (*Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // *Историческая география России XII — начала XX в. М.*, 1975. С. 50). Но такая трактовка остается все же наиболее вероятной (*Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 1994. Т. 25. С. 67) с оговоркой, что суверенные права Василия были, видимо, ограничены (после его смерти Городец достался не его сыновьям или иным родственникам, а московскому князю — см. ниже).

⁴¹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 453.

Среднюю Волгу, в ходе которого были взяты города Булгар, Жукотин, Казань, Кременчук⁴². Троицкая летопись начала XV в. датировала поход Семена и Ентяка 1399 г.⁴³ Новгородская IV и Софийская I летописи, восходящие к общему протографу, составленному в конце 10-х или в 20-е гг. XV в., дают дату 1395 г.⁴⁴ Датировка Троицкой представляется предпочтительней, и не только потому, что эта летопись более ранняя и текстологически предшествует Новгородской IV и Софийской I⁴⁵.

Во-первых, в Новгородской IV — Софийской I встречается ряд хронологических ошибок именно в датировке известий, связанных с нижегородскими (и шире — «средневожскими») событиями. Так, под 6901 г. говорится о набеге царевича Бектута на Вятку и о смерти Бориса Константиновича⁴⁶, в то время как Троицкая летопись относит набег Бектута к 6899 г.⁴⁷, а смерть Бориса к 5 мая 6902 г.⁴⁸; последнее несомненно верно, так как еще 8 декабря 6901 г. Борис выдал жалованную грамоту⁴⁹. О «службе» Семена Дмитриевича в течение восьми лет четырем «царям» и его возвращении на Русь Новгородская IV и Софийская I летописи сообщают не под 6910 (как Троицкая), а под 6913 г.⁵⁰. Это явно неверно: служба Семена не могла начаться за восемь лет до 6913 г. (т. е. в 6905 — 1397 г.), так как второй по счету из названных

⁴² Там же. С. 453; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 379–380; Софийская первая летопись... Стб. 512–513.

⁴³ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 75.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 380; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись... Стб. 512–513. В позднейших летописных сводах принималась либота, либо другая датировка; если сводчику были известны оба варианта, это иногда вело к дублированию рассказа (См.: ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 137; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 225–226, 229; Т. 24. Пг., 1921. С. 187; Т. 26. М.; Л., 1953. С. 165–166; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 89, 259, 262, 337–338; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 89, 253; Т. 11. М., 1965. С. 163–164, 171; Т. 39. М., 1994. С. 134, 137; Т. 6. СПб., 1853. С. 130; Т. 8. СПб., 1858. С. 12; Т. 15. М., 1965. Стб. 431, 470).

⁴⁵ Именно протограф Троицкой был источником протографа Новгородской IV — Софийской I, а не наоборот, см.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей, включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 196, 198–199.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 373; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись... Стб. 509.

⁴⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 437–438.

⁴⁸ Там же. С. 444.

⁴⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 229. С. 201–202.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 398; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись... Стб. 524–525.

ханов — Тимур-Аксак (т. е. Тимур) — контролировал территорию Орды в 1395 — начале 1396 г. Во-вторых, против осени 1395 г. говорит тогдашняя общая политическая обстановка. Только что Орда подверглась разорению от войск Тимура. В ходе погони за Тохтамышем Тимур прошел вдоль Волги выше Самарской излучины, т. е. подошел совсем близко к Волжской Булгарии⁵¹ (откуда был совершен набег Семена и Ентяка). В августе он стоял под Ельцом и в Москве ожидали нападения⁵². Осенью среднеазиатский завоеватель ушел в Предкавказье⁵³, но вряд ли в Волжской Булгарии к октябрю могла быть уверенность, что нападения Тимура на Среднее Поволжье можно более не опасаться (кстати, зимой 1395–1396 гг. он двинулся на Нижнюю Волгу и разорил Сарай⁵⁴) и смело отправляться походом на Нижний Новгород. Аналогично в Москве, только что ожидавшей нашествия, вряд ли решились бы направить крупные силы в далекий и длительный поход. Осенью же 1399 г. ситуация была иной. Основные ордынские силы во главе с ханом Тимур-Кутлуком и Едигеем после победы над Витовтом на Ворскле (12 августа) углубились на территорию Великого княжества Литовского (дошли до Луцка)⁵⁵, и момент для нанесения удара по средневожским владениям Орды был благоприятный. Наконец, царевич Ентяк в 1403 г. приезжал послом в Москву от воцарившегося в 1400 г. хана Шадибека⁵⁶, при котором, как и при Тимур-Кутлуке, фактическим правителем был Едигей. Вероятнее всего, Ентяк управлял средневожскими землями Орды как ставленник Едигея; но в 1395 г. Едигей еще не был правителем Орды.

В конце 1401 г. Василий послал своих воевод «искать» жену Семена Дмитриевича. Войска прошли через мордовскую территорию и «изнимаща» княгиню с детьми «въ татарской землѣ». Узнав об этом, Семен в следующем году приехал из Орды в Москву, примирился с великим князем и был отправлен в ссылку на Вятку, где в конце того же года умер⁵⁷.

После смерти зимой 1403–1404 гг. Василия Дмитриевича Василий I передал Городец в число владений своего двоюродного дяди Вла-

⁵¹ См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М., 1985. С. 221.

⁵² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165.

⁵³ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды... С. 222.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165; Т. 18. С. 145; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 385–386; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись... Стб. 516–518.

⁵⁶ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 456.

⁵⁷ Там же. С. 454–455.

димира Андреевича Серпуховского, не дав, таким образом, детям покойного князя овладеть отчинным столом. Владельческие права князей суздальского дома тем самым еще более сужались; правда, часть городцкой территории московский князь пожаловал второму сыну Бориса Константиновича Ивану⁵⁸.

В духовной грамоте Василия I, составленной между 16 сентября 1406 и 7 июня 1407 г., Нижний Новгород выступает как великокняжеское владение⁵⁹. Но, по-видимому, не все земли, ранее тянувшие к Нижнему, были тогда под московской властью. До нас дошли две жалованные грамоты Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на земли близ Гороховца, выданные Даниилом Борисовичем. Одна из них выдана при игумене Константине, вставшем во главе монастыря не ранее 1404 г.⁶⁰ Гороховец с окружающими волостями ранее входил в «нижегородскую часть» Нижегородско-Суздальского княжества, и можно было бы допустить, что эта грамота Даниила Борисовича относится ко времени после 1408 г., когда он владел нижегородским столом. Но другая грамота выдана при основателе монастыря игумене Евфимии, т. е. не позднее марта 1404 г.⁶¹ Нижний Новгород тогда находился под властью Василия I. Вероятнее всего, Гороховец с округой принадлежал до 1394 г. Семену Дмитриевичу — поскольку он вернулся на Русь после своего первого, 1392 г., бегства в Орду, надо полагать, что московский князь как-то компенсировал ему потерю Суздаля. После же вторичного бегства Семена гороховецкие территории могли быть переданы Даниилу Борисовичу как князю суздальскому.

⁵⁸ ДДГ. № 16. С. 43–44; *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот... С. 67.

⁵⁹ ДДГ. № 20. С. 56. По мнению П. В. Чеченкова, духовная свидетельствует, что Василий I во время ее составления Нижним не владел; исходя из этого, он полагает, что нижегородский стол к этому времени занял Даниил Борисович (*Чеченков П. В.* Интеграция нижегородских земель... С. 48). Но формулировку «а дасть Богъ сыну моему, князю Ивану, держати Новъгород Нижнии...» неверно рассматривать как свидетельство о выходе Нижнего из-под московской власти. Аналогично Василий I формулирует и пункт о великом княжении (в принадлежности которого московским князьям усомниться невозможно) — «а дасть Богъ сыну моему, князю Ивану, великое княжение держати». Имеется в виду естественное опасение по поводу будущей судьбы малолетнего княжича (кстати, сбывшееся, так как он не пережил отца); в принадлежности великого княжения и Нижнего Новгорода себе Василий не сомневался.

⁶⁰ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 481. С. 466.

⁶¹ Там же, № 480. С. 465–466.

Положение в нижегородских землях изменилось после похода Едигея на Москву в конце 1408 г. Ордынский отряд, действовавший отдельно от главных сил, возглавляемый неким «царевичем» и включавший в себя, помимо «татар», также «болгарскую силу и мордву», разорил тогда нижегородские земли, взяв Нижний и Городец⁶². В 1410 г. «князь Данило Борисович Нижнего Новгорода приведе к себѣ царевича Талычю» и послал с ним свой отряд в набег на Владимир; город подвергся разграблению⁶³. А. Е. Пресняков и А. Н. Насонов на основании этого летописного известия вполне резонно заключали, что Даниил Борисович владел тогда Нижним Новгородом и, следовательно, получил ярлык на нижегородское княжение в результате похода Едигея⁶⁴. Известен серебряный ковчег-мощевик, изготовленный в 1410 г. для жены Даниила Борисовича Марии; в надписи на нем Даниил назван «великим князем»⁶⁵, а право на такой титул давало именно нижегородское княжение⁶⁶. В упомянутой выше надписи на мощевике 1414 г. Даниил Борисович именуется князем нижегородским, суздальским и городецким. Суздалем он, напомним, владел с 1394 г. Городец Даниил, вероятно, подучил от Едигея вместе с Нижним Новгородом. Что касается Суздаля, то есть основания полагать, что Даниил фактически потерял его после того, как принял от Орды в пожалование нижегородское княжение. В 1410 г. действия его войск с суздальской территорией никак не связаны: они подходили к Владимиру с правобережья Клязьмы, т. е. с противоположной от Суздаля стороны⁶⁷. Следует иметь в виду, что осада Едигеем Москвы в 1408 г. не разрешилась соглашением Василия с Ордой: причем если ранее, с конца 90-х гг., фактическое правление в ней временщика Едигея при марионеточных ханах вызвало

⁶² ПСРЛ. Т. 15: Тверской сборник. Стб. 484. М., 1965. Не исключено, что командовавший этим отрядом «царевич» — тот же Ентяк, участвовавший в набеге 1399 г. и, по-видимому, управлявший при Едигее Волжской Булгарией.

⁶³ ПСРЛ. Т. 25: Московский свод конца XV века. С. 240; Т. 23: Ермолинская летопись. С. 143.

⁶⁴ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 280–281; Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 143.

⁶⁵ Рыбаков Б. А. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (мощевик княгини Марии 1410 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. Вып. 12; Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства... С. 32.

⁶⁶ Можно также заметить, что гороховецкие земли, которыми владел Даниил, не были разорены татарами.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 240.

пассивное непризнание Москвой ордынской власти путем невыплаты «выхода», то после Едигеева нашествия конфронтация стала открытой⁶⁸. Василия, таким образом, ничто не сдерживало от наступления на владения ставшего нелояльным князя, и естественно было начать с территориально наиболее близкого к Москве Суздалья.

Зимой 1410–1411 гг. московский князь предпринял попытку вернуть Нижний Новгород. Войско под командованием брата Василия I Петра Дмитриевича потерпело поражение от Даниила Борисовича и его брата Ивана, на стороне которых выступили ордынские (из Волжской Булгарии) и мордовские отряды, 15 января 1411 г. при Лыскове⁶⁹. Лысково расположено в низовье р. Сундовить, т.е. восточнее Нижнего Новгорода⁷⁰. Очевидно, при приближении к последнему московских войск Даниил и его родичи бежали в Волжскую Булгарию, где нашли поддержку⁷¹; вернувшись, они сумели нанести противнику поражение и, по-видимому, восстановить контроль над территорией Нижегородского княжества.

Тверской сборник говорит об участии в походе Петра Дмитриевича князей ростовских, ярославских и суздальских и о гибели под Лысковом «князя суздальского» Даниила Васильевича (сына Василия Кирдяпы)⁷². Таким образом, часть князей суздальского дома воевала на стороне Москвы против своих родственников. Был ли Даниил Васильевич владельцем суздальским князем, или прозвище «суздальский» дано по его принадлежности к династии (распространенное явление в источниках той эпохи⁷³; ср. выше именование княжившего в Городце Василия Дмитриевича «Суздальским»), судить трудно. Первый вариант выглядит, впрочем, вполне допустимым: московский князь мог в 1409 или 1410 г. передать суздальское княжение лояльному ему сыну покойного городецкого князя (приходившемуся Василию двоюродным братом).

⁶⁸ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 133–134.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 186; Т. 15. Стб. 485–486.

⁷⁰ См.: Куликин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. Карта на с. 224.

⁷¹ Среднее Поволжье в это время продолжало контролироваться Едигеем — там чеканились монеты хана Булата (Пулада), от лица которого он правил (см.: Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 168–170).

⁷² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485–486.

⁷³ См.: Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 89–90, 107, примеч. 101.

В 1412 г. нижегородские князья отправились в Орду к новому хану Джелал-ад-дину (в русских источниках — Зеледи-салтан), сыну Тохтамыша, враждебному Едигею, и вернулись от него «с пожалованием»⁷⁴; это значит, что хан подтвердил ярлык своего предшественника. Василий I также приехал в 1412 г. в Орду и, скорее всего, тоже в связи с вопросом о нижегородском княжении. Но когда он появился в Орде, на престол уже взошел другой Тохтамышевич — Керим-Берди, убивший брата⁷⁵. Удовлетворил ли он притязания Василия? Если бы это было так, следовало ожидать восстановления московской власти в Нижнем Новгороде вскоре после визита великого князя в Орду. Но оно произошло только два с лишним года спустя, в январе 1415 г., когда Юрий Дмитриевич подступил к Нижнему с крупным войском, и нижегородские князья (Даниил и Иван Борисовичи, Иван Васильевич — сын Василия Кирдяпы Дмитриевича и Василий — сын Семена Дмитриевича) бежали за Суру⁷⁶. По-видимому, в 1412 г. Василий не добился пересмотра решения о судьбе Нижегородского княжества и вынужден был подчиниться воле законного «царя». Но в 1414 г. к власти в Орде вернулся Едигей, посадивший на престол своего ставленника Чокре (Чекри)⁷⁷. Пожалование Джелал-ад-дина после этого утратило, с московской точки зрения, силу: власть временщика здесь по-прежнему не признавали и посчитали возможным провести военную акцию против нижегородских князей. В отличие от аналогичного предприятия 1411 г., завершившегося поражением под Лысковом, она имела успех.

Что касается Городца, то скорее всего и он был возвращен под московскую власть только зимой 1414–1415 гг. По завещанию Владимира Андреевича Серпуховского, умершего в 1410 г., Городец должны были получить его сыновья Семен и Ярослав⁷⁸. Но в позднейшем (середины 50-х гг. XV в.) договоре Василия II с сыном Ярослава Владимировича Ва-

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 219.

⁷⁵ Там же. С. 221; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 184.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486–487. И. Б. Греков полагал, что Василий вернул Нижний Новгород с санкции Керим-Берди в 1412 г., но в 1414 г. нижегородские князья вновь его заняли, следствием чего и был поход Юрия Дмитриевича; при этом ссылался автор только на известие Тверского сборника о походе Юрия зимы 1414–1415 гг. (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 281–282, 288). Остается непонятным, как можно увидеть за этим сообщением занятие Нижнего Василием в 1412 г. и последующий возврат его Даниилом с братьями.

⁷⁷ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 190–192.

⁷⁸ ДДГ. № 56. С. 180–181.

силием Городец называется «дединой» Василия, но не «отчиной»⁷⁹, из чего следует, что после возвращения Городца под московскую власть Владимировичам он не достался. Примечательно в связи с этим, что сразу же после взятия московскими войсками Нижнего Новгорода (в нем, кстати, участвовали два других Владимировича — Андрей и Василий), той же зимой 1414–1415 гг. позднее 20 января, Ярослав Владимирович отъехал в Литву (где пребывал до 1421 г.)⁸⁰. Очевидно, причиной было недовольство тем, что Василий I не передал Владимировичам отвоеванный вместе с Нижним Городцем. По-видимому, великий князь включил его в Нижегородское княжество, отданное им собственному старшему сыну Ивану: в летописном сообщении о кончине последнего (июль 1417 г.) Иван Васильевич именуется «великим князем Нижнего Новгорода»⁸¹.

Тем временем в Москву стали приезжать члены суздальско-нижегородского княжеского дома, ранее враждебные Василию I. Еще в 1414 г. (т.е. до отвоевания Нижнего Новгорода) приехал сын младшего брата Даниила Борисовича Александр Иванович, в 1416 г. его отец и Иван Васильевич, сын Василия Кирдяпы, а на следующий год — и сам Даниил Борисович⁸². Приезд трех последних князей, похоже, связан с переменами в Орде — именно в 1416 г. Едигей вновь лишился там власти, и противники Москвы предпочли пойти на мировую с великим князем. В 1418 же году, когда Едигей опять вернул себе власть (при номинальном хане Деврише)⁸³, Даниил и Иван Борисовичи снова бежали в Орду⁸⁴. В этой ситуации Василий I предпринял новый шаг в отношении нижегородского княжения, освободившегося после смерти его сына летом 1417 г. 5 февраля 1419 г. («в недѣлю о фарисеи» 6926 мартовского года) «князь велики Василей отдасть дщерь свою Василису за князя Александра

⁷⁹ Там же. № 17. С. 47.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 241, 245.

⁸¹ Там же. С. 243. О владельческих правах Ивана Васильевича на Нижегородское княжество говорит и ссылка на его пожалование в позднейшей грамоте Василия II Дудину монастырю (АСЭИ. Т. 3. № 299. С. 327). Не исключено, что Иван (родившийся в 1397 г.) считался нижегородским князем еще до захвата Нижнего Даниилом Борисовичем в 1408 г. (если верно предположение, что с ним связано изображение Иоанна Крестителя на нижегородских монетах, чеканенных до 1409 г.: Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. С. 119–121).

⁸² ПСРЛ. Т. 25. С. 243.

⁸³ О внутриордынской борьбе в эти годы см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 190–193.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 244.

Ивановича Суздальского»⁸⁵. Известны две жалованные грамоты этого князя на земли в Нижегородском княжестве: одна выдана «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде»⁸⁶, другая — когда «великий князь Александр Иванович взял ми[r] с великим князем»⁸⁷. Очевидно, вместе с женитьбой на дочери великого князя Александр получил Нижний Новгород⁸⁸. Был ли он до этого князем суздальским — неясно, так как (подобно случаю с Даниилом Васильевичем) летописное определение «суздальский» может обозначать просто принадлежность к соответствующему княжескому дому.

Родословные книги упоминают в суздальско-нижегородской династии двух князей Александров Ивановичей — сына Ивана Борисовича и сына Ивана Васильевича (т. е. внука Василия Кирдяпы)⁸⁹. А. В. Экземплярский, а позднее на основе тщательного анализа актов материала И. А. Голубцов показали, что Василиса Васильевна бесспорно являлась женой Александра — сына Ивана Борисовича, их сыном был князь Семён Александрович⁹⁰. Умер Александр Иванович около 1433 г.⁹¹, при-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ АФЭХ. Ч. 1. № 234. С. 205.

⁸⁷ АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479. П. В. Чеченков полагает, что разная титулатура Александра Ивановича («князь» — в первой грамоте, «великий князь» — во второй) свидетельствует о одновременности грамот, и выдвигает предположение, что с 1414 г. Александр Иванович был нижегородским князем, при том что номинально титулом великого князя нижегородского владел Иван, сын Василия I; после же его смерти, выдав за Александра свою дочь, Василий I посадил его на нижегородский стол уже с титулом «великого» (*Чеченков П. В.* Интеграция нижегородских земель... С. 50–52). Вряд ли есть достаточные основания для такого сложного построения. Не говоря уже о том, что первая грамота дошла в списке XVII в., а вторая — XIX, в силу чего нельзя быть уверенным в точной передаче титулатуры, можно отметить, что нижегородские князья не всегда последовательно именовались великими: так, Даниил Борисович по восстановлении его в Нижнем ок. 1424 г. в жалованной грамоте назван «великим князем», а в сборнике Нижегородского Печерского монастыря — «благочестивым князем» (см. ниже, примеч. 100, 107); в 1445 г., когда было ненадолго восстановлено Нижегородско-Суздальское княжество в полном объеме, ни один из его владетелей — Василия и Федора Юрьевичей — в их договоре с Дмитрием Шемякой «великим» не поименован (см.: ДДГ. № 40).

⁸⁸ *Черетин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 88–89.

⁸⁹ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 435–437; АСЭИ. Т. 2. С. 565–566.

⁹⁰ РИИР. Вып. 2. С. 18–19, 93, 95; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 23.

⁹¹ В «Описной книге» Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. упоминается его грамота 6940 (1432) г. (АСЭИ. Т. 3. № 502. С. 482, п. 6), а в договорной грамоте Василия II

чем он пережил свою жену: в грамоте Александра Спасо-Евфимьеву монастырю говорится о пожаловании села Троицкого «своему отцу и своей матери и своей жене на помянок»⁹².

Эти соображения ведут вроде бы к отождествлению суздальского князя Александра Ивановича, женившегося в 1419 г. на дочери Василия I, с сыном Ивана Борисовича⁹³. Но родословные книги говорят о двух браках Василисы, причем одна из их ранних редакций утверждает, что первый раз она была замужем за Александром Ивановичем «Взметнем», внуком Бориса, а второй — за Александром Ивановичем «Брюхатым», внуком Василия Кирдяпы⁹⁴; согласно же другой редакции, первым мужем Василисы был Александр Иванович Кирдяпин внук, вторым — Александр Данилович, сын Даниила Борисовича⁹⁵. Утверждение о замужестве дочери Василия I за сыном Даниила явно ошибочно, так как актовый материал бесспорно свидетельствует о ее браке с сыном другого Борисовича — Ивана (очевидно, в данном случае неверно определен отец князя Александра Борисова внука). Но оба варианта говорят о двух браках Василисы, и одним из мужей в обоих назван Александр Иванович, внук Василия Кирдяпы. Не видно причин для вымысла столь нетипичного казуса — двух замужеств дочери великого князя. Коль скоро ушла из жизни Василиса несомненно женой Александра Ивановича Борисова внука, можно полагать, что 5 февраля 1419 г. она была выдана за сына Ивана Васильевича⁹⁶, а затем, после его смерти, вышла за сына Ивана Борисовича.

Такое предположение позволяет удовлетворительно объяснить два факта. Во-первых, становится ясным, почему, передав Нижний Новгород зятю, Василий I вскоре вернул его в состав своих владений (поскольку Нижний фигурирует в их числе в духовной грамоте Василия, датированной мартом 1423 г.⁹⁷). Нижегородское княжение было отдано вели-

с Дмитрием Шемякой 1434 г. об Александре говорится как об умершем (ДДГ. № 34. С. 88).

⁹² АСЭИ. Т. 2, № 438. С. 481.

⁹³ Ср.: Там же. С. 565.

⁹⁴ РИИР. Вып. 2. С. 19; ПСРЛ. Т. 24. С. 230.

⁹⁵ РИИР. Вып. 2. С. 95.

⁹⁶ Формально браки между троюродными братом и сестрой (шестая степень родства) не разрешались, но на практике князьям в случае необходимости удавалось добиться церковной санкции и на более близкородственные матримониальные союзы.

⁹⁷ ДДГ. № 22. С. 61.

ким князем московским своему двоюродному племяннику, внуку Василия Кирдяпы; после же его смерти, выдав дочь за внука Бориса Константиновича, Василий I не собирался передавать ему Нижний. К этому времени уже, вероятно, погиб Едигей (это случилось в 1419 г.⁹⁸), и у Василия отпала нужда лавировать в отношениях с князьями суздальско-нижегородского дома, так как они лишились могущественного покровителя в Орде. Поскольку позднейшие грамоты Александра Ивановича Борисова внука выданы на суздальские земли⁹⁹, можно допускать, что он получил вместе с женитьбой княжение в Суздале, ранее, возможно, принадлежавшее первому мужу Василисы. Во-вторых, разъясняется именование Александра Ивановича Нижегородского «братом» в приписке к его грамоте, сделанной в середине 40-х гг. внуком Василия Кирдяпы Федором Юрьевичем («се аз, князь Федор Юрьевич, [в]зрев в сию грамоту и в своего брата, государя нашего Александра Ивановича») ¹⁰⁰. Александру Ивановичу Борисову внуку Федор приходился троюродным племянником и по отношению к нему должен был бы употребить термин «дядя», а не «брат», а вот Александр Иванович Кирдяпин внук для Федора был двоюродным братом, и в отношении него данное словоупотребление являлось правомерным. Грамоты Александра Ивановича Нижегородского и грамоты Александра Ивановича Борисова внука выданы на различные территории — у первого на нижегородские, у второго — на суздальские. Общий между ними является лишь то, что пожалования делались Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю, что, разумеется, не может быть аргументом в пользу тождества этих князей ¹⁰¹.

Таким образом, следует полагать, что в начале 1419 г. Василий I передал нижегородское княжение Александру Ивановичу, внуку Василия Кирдяпы Дмитриевича, ставшему его зятем (входил ли в подвластную Александру Ивановичу территорию Городец, остается не-

⁹⁸ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 192–193.

⁹⁹ АСЭИ. Т. 2. № 436, 438; Т. 3. № 502. С. 482, п. 6.

¹⁰⁰ АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479.

¹⁰¹ «Мир с великим князем», упомянутый в одной из грамот Александра Ивановича Нижегородского, нельзя связывать с бегством Ивана Борисовича в 1418 г. в Орду (как предположил И. А. Голубцов — АСЭИ. Т. 2. С. 480). В момент выдачи грамоты Александр уже был нижегородским князем, а получил он этот стол явно вместе с женитьбой в начале 1419 г., т. е. позже бегства Ивана. Скорее всего, имел место какой-то конфликт Александра уже в качестве князя нижегородского с Василием I, вскоре улаженный.

ясным за отсутствием данных), а после его смерти, не позднее начала 1423 г., вернул Нижний в состав своих владений. Очень скоро, однако, ситуация вновь изменилась.

Известна дошедшая в списках XVII в. жалованная грамота Даниила Борисовича Нижегородскому Благовещенскому монастырю, выданная на земли в Посурье «маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышел на свою отчину от Махметя царя в другой ряд»¹⁰². Махметом на Руси называли хана Улут-Мухаммеда, правившего с 1420 по 1438 гг., затем изгнанного соперниками и ставшего в 40-е гг. основателем Казанского ханства. Л. В. Черепнин относил эту грамоту к концу 20-х — началу 30-х гг. XV в.¹⁰³ И. Б. Греков предложил датировать ее 1424 г.: он связал упоминание о вокняжении Даниила Борисовича с неопределенностью, высказанной Василием I в отношении обладания Нижним Новгородом в одной из его духовных грамот (датировка которой неясна): «А оже ми дасть Богъ Новъгородъ Нижний, и язъ и Новымъ городомъ Нижнимъ благословляю сына своего, князя Василья»¹⁰⁴. Проблема, казалось бы, была снята с обнаружением составленного в 1628 г. перечня грамот, выданных Благовещенскому монастырю; указанная грамота Даниила Борисовича датировалась там 6950 (т. е. 1442) годом¹⁰⁵. В это время Улут-Мухаммед был в состоянии войны с Василием II, позже, в 1444–1445 гг. сам находился в Нижнем Новгороде¹⁰⁶, и вполне естественно, что он мог выдать ярлык на нижегородское княжение враждебному Москве князю. Такой датировке вроде бы хорошо соответствует факт выдачи в 1444 г. вдовой Даниила грамоты (на село в Суздальском княжестве) «по приказу своего господина князя Данила

¹⁰² АФЗХ. Ч. 1. № 273. С. 204–205. Грамота Даниила практически дословно повторяет пожалование, сделанное на те же земли Василием I 20 февраля 1423 г. (АСЭИ. Т. 3. № 296. С. 323–324).

¹⁰³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 89.

¹⁰⁴ ДДГ. № 21. С. 59; Греков И. Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. Исследователи датировали эту грамоту по-разному в пределах конца 10-х — первой половины 20-х гг. XV в. (см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 88–90; сам Л. В. Черепнин связывал неуверенность Василия по поводу Нижнего Новгорода с тем, что эта духовная была составлена в период княжения там Александра Ивановича).

¹⁰⁵ АСЭИ. Т. 3. № 294. С. 321.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 263, 395.

Борисовича»¹⁰⁷ — легко допустить, что именно между 1442 и 1444 гг. престарелый (как минимум на восьмом десятке, судя по времени начала политической деятельности его младшего брата Ивана — 1383 год) князь скончался. Мнение о 1442 г. как дате второго вокняжения Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде утвердилось в историографии¹⁰⁸. Но недавно были сделаны две находки, вынуждающие от него отказаться.

Во-первых, было обнаружено описание пергаменного сборника, составленного «в лето 6932 месяца января 20... при благоверном князе Даниле Борисовичи, при освященном митрополите Фотии Киевском и всея Руси Иосифу архимандриту Печорскому»¹⁰⁹. Речь идет о Нижегородском Печерском монастыре, следовательно, надо полагать, что в январе 1424 или 1425 г. (в зависимости от того, каким хронологическим стилем пользовался автор записи — сентябрьским или мартовским) Даниил Борисович являлся нижегородским князем. Обративший внимание на эту запись Д. И. Иванов связал ее с текстом упомянутой духовной грамоты Василия I. Он предположил, что жалованная грамота, датируемая (по перечню XVII в.) 1442 г., говорит о вторичной («в другой ряд») выдаче Улуг-Мухаммедом Даниилу ярлыка на Нижний Новгород, а первый такого рода факт имел место в 1424 г., когда Василий I был озабочен проблемой наследования его малолетним сыном Василием великого княжения (в обход брата Юрия Дмитриевича) и стремился получить поддержку от своего тестя Витовта и хана Улуг-Мухаммеда, который тогда в борьбе за власть пользовался помощью великого князя литовского и как раз в начале 1424 г. восстано-

¹⁰⁷ АСЭИ. Т. 2. № 444. С. 485–486.

¹⁰⁸ Кушкин В. А., Флоря Б. Н. О dokonчании Дмитрия Шемяки... С. 214–215; Кушкин В. А. «Данная» черницы Марины // Исторические записки. М., 1982. Т. 108. С. 310; Зильин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 224, примеч. 16; Соколова Н. В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород, 1995. С. 61.

¹⁰⁹ См.: Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих политических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 15 (рукопись начала XVIII в.: РГБ. Ф. 247. Рогожское собр. № 563. Л. 136об. — 137). Этот же сборник упомянут еще в одной рукописи (конца XVII — начала XVIII в. — РГБ. Ф. 299. Собр. Тихонравова. № 523. Л. 140об.): «Писана... в лето 6932 при благодарном князе Даниле Борисовиче и при освященном Фотие, митрополите киевском и всея России, что он писал ко Иосифе, архимандриту Печерскому» (см.: Елчико Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 210–211).

вил свои позиции в Орде. Эта ситуация и отразилась в духовной Василия I, которую следует отнести, таким образом, к 1424 г.¹¹⁰

Вывод Д. И. Иванова о получении Даниилом Борисовичем ярлыка на нижегородское княжение в 1424 г. представляется справедливым. Но практически одновременно с его наблюдениями был опубликован вновь обнаруженный текст молитвы, прочитанной над гробом Даниила Борисовича¹¹¹. Причем молитва зачитывалась от лица митрополита Фотия, умершего 2 июля 1431¹¹². Таким образом, в 1442 г. Даниила уже давно не было в живых, и в перечне 1628 г. следует предполагать хронологическую ошибку. Опубликовавший молитву Фотия Б. М. Пудалов предположительно датировал княжение Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде 1426–1429 гг.¹¹³. Верхняя дата не может быть принята, так

¹¹⁰ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 87–90. Ср. также наблюдения Б. М. Клосса над списками духовных грамот Василия I, приведшие автора к выводу, что интересующая нас грамота составлена между 1423 и 1425 гг. (Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 118–119).

¹¹¹ Пудалов Б. М. Нижегородское Поволжье в первой половине XV века // Городецкие чтения. Городец, 2000. Вып. 3.

¹¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 248. Б. Н. Флоря и А. А. Турилов обратили внимание автора этих строк на то, что данная молитва по своему чину соответствует молитве, читаемой над гробом человека, отлученного от церкви (см.: Алмазов А. И. Тайная исповедь русской православной церкви. Одесса, 1894. Т. 2. С. 292–293; 1894. Т. 3. С. 88–89 2-й пагинации). Можно было бы полагать, что отлучение последовало после событий 1410 г., когда посланный Даниилом Борисовичем на Владимир русско-татарский отряд разграбил Успенский собор, а Фотию, только накануне набега выехавшему из Владимира, пришлось прятаться от татар в лесах (см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 215–217). Но в молитве названо другое согрешение — «преставление крестного целования» (Пудалов Б. М. Нижегородское Поволжье... С. 100). Речь может идти о договоренности с Василием I 1394 г., по которой Даниил, вероятно, в обмен на вокняжение в Суздале обязался не претендовать на Нижний Новгород (что было нарушено им в 1408 г.); другой возможный вариант — что имеется в виду крестное целование, на которое Даниил пошел в 1417 г., когда приехал в Москву, и которое он нарушил, бежав в следующем году и предъявив затем вновь претензии на нижегородское княжение. Второе кажется более вероятным, так как после возвращения на Русь в 1417 г. и примирения с Василием I Даниил Борисович, скорее всего, должен был получить от митрополита прощение за свои предшествующие политические прегрешения.

¹¹³ Пудалов Б. М. Нижегородское Поволжье... С. 97–99; *Он же*. Борьба за Нижегородский край в первой трети XV века (Новый источник) // Поволжье в Средние века. Нижний Новгород, 2001. С. 133–134. Для предположения автора, что Даниил княжил одновременно и в Суздале, опоры в источниках не находится.

как в договоре Василия II со своим дядей Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г. Нижний упоминается в перечне владений московского князя¹¹⁴. Нижняя дата также неверна, так как Даниил был нижегородским князем уже в 1424 г. (Б. М. Пудалову не могли быть известны набождения Д. И. Иванова). Весной 1423 г. состоялись поездки в Литву сначала митрополита Фотия (он был у Витовта в марте), а затем жены Василия I Софьи Витовтовны с малолетним наследником московского стола Василием Васильевичем. Целью этих поездок было получение от Витовта поддержки в деле обеспечения наследственных прав его внука на великое княжение московское, ограждения их от притязаний со стороны братьев Василия I. Витовт в результате выступил в качестве гаранта двух последних духовных грамот Василия Дмитриевича, а находившийся в то время в Литве хан Улуг-Мухаммед (он был временно вытеснен из Орды своим соперником Бораком), по-видимому, выдал на имя Василия Васильевича ярлык на великое княжение при жизни его отца¹¹⁵. Платой за поддержку прав будущего Василия II на престол и могла стать уступка Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу. Надо вспомнить, что Даниил приходился великому князю литовскому двоюродным племянником: его матерью была дочь Ольгерда Аграфена. Ранее обстоятельства сложились так, что Даниил опирался на поддержку Едигея, врага Витовта; но после гибели ордынского временщика (1419 г.) ему было естественно обратиться за помощью к могущественному дяде. Жалованная грамота Даниила выдана 8 мая того года, когда он «вышел на свою отчину». Возможно, это был 1423 год: Даниил мог также находиться в Литве, приехать оттуда на Русь одновременно с возвращением великой княгини и сразу же вступить в свои владельческие права. Но не исключено, что приведение в действие соглашения Москвы с Витовтом и Улуг-Мухаммедом затянулось до 6932 сентябрьского года и грамота датируется 8 мая 1424 г.

Таким образом, вокняжение Даниила Борисовича в Нижнем следует относить ко времени от апреля 1423 до начала 1424 г.¹¹⁶ (поскольку

¹¹⁴ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

¹¹⁵ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 137–139.

¹¹⁶ Соответственно и третья духовная грамота Василия I может быть отнесена как к 1424, так и ко второй половине 1423 г. Что касается указания жалованной грамоты Даниила Борисовича о его выходе на свою отчину «от Махметя царя в другий ряд», то эти слова не обязательно понимать так, что именно Улуг-Мухаммед дважды выдавал ему ярлык: и «от Махметя царя», и «в другий ряд» могут являться самостоятельными указа-

если пергаменный сборник 6932 г. датирован по сентябрьскому стилю, что вероятнее, то 20 января 1424 г. Даниил Борисович уже был нижегородским князем). Входил ли во владения Даниила Борисовича Городец, как и в случае с Александром Ивановичем, судить не представляется возможным. До марта 1428 г. Даниил скончался, и Нижний вновь был возвращен под власть великого князя московского. Возможно, это случилось еще при Василии I, так как последний 8 февраля 1425 г. выдал жалованную грамоту на дер. Филипповскую в Мещерске, т. е. в районе устья Клязьмы, восточнее Гороховца — на территории Нижегородского княжества¹¹⁷. Но не исключено, что Гороховец с волостями или часть этой территории оставались (в отличие от времени княжения Александра Ивановича, одна из грамот которого выдана на гороховецкие земли, в том числе Филипповскую¹¹⁸) после вокняжения Даниила под московской властью¹¹⁹.

Что касается Суздальского княжения, то о его принадлежности судить можно только предположительно. Возможно, около середины 20-х гг. зять московских князей Александр Иванович Борисов внук делил там власть со своим отцом (который по смерти Даниила Борисовича остался старейшим в роду суздальских князей) — к этому времени относится грамота последнего Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Переборовское близ Суздаля, данная по совету с «Олександромъ, сыномъ своим»¹²⁰ (Иван Борисович мог вернуться на Русь вместе с братом Даниилом в результате того же соглашения Василия I с Витовтом и Улуг-Мухаммедом). Александр Иванович пережил отца (имеется грамота, где он говорит о «помяне души» родителей¹²¹), а после его смерти около 1433 г. какое-то время действовал его сын и племянник Василий II по матери Семен¹²². Можно предполагать, что он считался суздальским князем: умер Семен между

ниями — первое о том, какой хан пожаловал нижегородскую отчину Даниилу, второе — в который раз в своей жизни князь ее получил.

¹¹⁷ АСЭИ. Т. 2. № 437. С. 480–481.

¹¹⁸ Там же. № 435. С. 479.

¹¹⁹ Весной 1425 г. в Нижний Новгород пришел, спасаясь от войск Василия II, вступивший с ним в конфликт по поводу великого княжения Юрий Дмитриевич; при приближении московских войск он бежал за Суру, а после их ухода вернулся в Галич через Нижний (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). Но из этих данных нельзя заключить, был тогда в Нижнем Новгороде отдельный князь или уже нет.

¹²⁰ АСЭИ. Т. 2. № 436. С. 480.

¹²¹ Там же. № 438. С. 481.

¹²² Он упоминается в договорных грамотах Василия с Дмитрием Шемякой 1434 и 1436 гг. (ДДГ. № 34, 35. С. 88, 91, 94, 97, 99).

1436 г. и серединой 40-х гг. (с этого времени известны жалованные грамоты на его бывшие владения в Суздальском княжестве, в которых Семен фигурирует как умерший)¹²³, и как раз в отношении первой половины 40-х гг. встречаем указания на распоряжение Суздалем со стороны великого князя Василия II: какое-то время Суздалем владел с его санкции выехавший в Москву из Литвы князь Александр Васильевич Чарторыйский, а в 1442–1443 гг. — двоюродный брат Василия Иван Андреевич Можайский¹²⁴.

В середине 40-х гг. Нижний Новгород, Суздаль и Городец вновь на короткое время вошли в состав самостоятельного княжества под властью князей суздальского дома. Этот эпизод был обстоятельно исследован В. А. Кучкиным и Б. Н. Флорей, а недавно ряд деталей событий уточнил В. Д. Назаров. После пленения Василия II сыном Улуг-Мухаммеда (который, будучи лишен власти в Орде в 1438 г., пытался обосноваться на окраинах русских земель и в конце концов в середине 40-х гг. основал Казанское ханство на Средней Волге) в битве под Суздалем 7 июля 1445 г. хан вывел нижегородско-суздальские земли из состава Московского великого княжества: он восстановил Нижегородско-Суздальское княжество, передав его Василию и Федору Юрьевичам, внукам Василия Кирдяпы. Эти князья составили во второй половине 1445 г. проект договора с претендовавшим на великое княжение московское Дмитрием Шемякой, который предусматривал признание суверенности их прав на Суздаль, Нижний Новгород и Городец¹²⁵. Василий II, после того как Улуг-Мухаммед в октябре 1445 г. отпустил его на великое княжение, не посягал на суверенные права Юрьевичей. Но когда в начале 1446 г. Москвой овладел Шемяка, он отобрал у Федора Юрьевича (Василий Юрьевич к тому времени умер) вновь восстановленное княжество, в результате чего Федор перешел на сторону Василия II¹²⁶. После возвращения Василия на пре-

¹²³ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 176; Т. 2. № 446, 450, 453.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 23. С. 151; Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки... С. 206; Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 89–90.

¹²⁵ ДДГ. № 40, С. 119–120. Под власть Василия и Федора была также передана Вятка; видеть в этом свидетельство вхождения Вятской земли в состав Нижегородского княжества в более ранние времена оснований, однако, нет (см.: Низоа В. В. К истории вятско-нижегородских отношений в конце XIV — первой половине XV в. // Россия в IX–XI веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999).

¹²⁶ См.: Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки...; Назаров В. Д. Докончание князей Шуи́ских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7.

стол зимой 1446–1447 гг. причин для нового восстановления Нижегородско-Суздальского княжества не было ¹²⁷.

В 1449 г. Василий II заключил договор с Иваном Васильевичем Горбатым, внуком Семена Дмитриевича, согласно которому Иван обязан был отдать великому князю все старые ярлыки на Суздаль, Нижний Новгород и Городец и обязывался не принимать от ханов новых («А что будет оу мене ярлыков старых на Суждаль, и на Новгород на Нижней, и на Городец, и на все на Новугородское княженъе, и мнѣ, господине, князю Ивану, тѣ ярлыки всѣ отдати тобѣ, великому князю и твоим дѣтем безъхитростно. А новых ми ярлыков не имати. А хотя, господине, которой царь ярлыки свои мнѣ каковы дать на Новгород и на Суждаль, или ко мнѣ пришлет, и мнѣ и тѣ ярлыки всѣ отдати тобѣ, великому князю, и твоим дѣтем, по крестному целованью, а оу себе ми их не держати»). Василий II, со своей стороны, жаловал Ивану Васильевичу Городец и некоторые земли близ Суздаля, но это было пожалование с весьма ограниченными правами: в частности, Иван не мог без санкции Василия заключать договоры с другими князьями и обязывался служить великому князю — в противном случае он лишался всех своих владений ¹²⁸. Собственно Суздаль, как и Нижний Новгород, оставался непосредственно под властью Москвы — в духовной грамоте Василия II он упомянут в числе великокняжеских владений ¹²⁹.

Таким образом, присоединение к Москве Нижнего Новгорода в 1392 г. стало только первым шагом на пути к полному овладению землями, принадлежавшими князьям суздальского дома. К Василию I отошла только центральная часть собственно Нижегородского княжества. Суздаль и Городец остались столицами особых княжеств, но под контролем Москвы.

¹²⁷ Василий II после возвращения к власти не был связан вассальными отношениями с занявшим место Улуг-Мухаммеда в Казанском ханстве его сыном Махмутеком; более того, Махмутек в 1447 г. выступил в качестве союзника Дмитрия Шемяки (см.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 146, 156, примеч. 21).

¹²⁸ ДДГ. № 52. С. 155–159. Есть сведения, что договоры аналогичного типа Василий II заключал в то время и с другими князьями суздальского дома (см.: Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 187–188).

¹²⁹ ДДГ. № 61. С. 194.

Представителям местной династии принадлежал также Гороховец с окрестностями, а до 1394 г. — Пособурье.

В 1404 г. под непосредственную власть московских князей отошел Городец. Но после нашествия Едигея 1408 г. Нижегородско-Суздальское княжество с санкции Орды было восстановлено; правда, Суздаль, скорее всего, вскоре перешел под контроль Василия I. К 1415 г. московский князь силой восстановил свою власть в Нижнем Новгороде. Суздаль после этого до начала 40-х гг. находился под властью лояльных Москве представителей суздальского дома (при этом замещение князей на суздальском столе явно регулировалось великим князем), а затем перешел в состав великокняжеских владений. Нижний Новгород же (возможно, вместе с Городцом) еще несколько раз менял свой статус: в 1419 г. на короткое время стал центром особого княжества под властью князя, ставшего зятем Василия I, в середине 20-х гг. находился во владении князя, прежде враждебного Москве, вокняжение которого, инспирированное Витовтом и Улуг-Мухаммедом, был вынужден допустить Василий I. Наконец, в середине 40-х гг. XV в. ордой Улуг-Мухаммеда была предпринята попытка восстановить Нижегородско-Суздальское княжество в полном объеме. На сей раз, в отличие от периода 1408–1415 гг., оно продержалось лишь несколько месяцев.

В московской политике по отношению к нижегородско-суздальским землям сочетались силовые методы с попытками внести раскол в нижегородско-суздальский княжеский дом путем поддержки владельческих прав одних его представителей за счет других. Причем соотношение тех и других приемов зависело во многом от отношений с Ордой: силовые преобладали в период конфронтации с Едигеем, лавирование — тогда, когда по тем или иным причинам с позицией Орды надо было считаться (при Тохтамыше, в конце 10-х гг. XV в. — в последние годы правления Едигея, в середине 20-х гг. XV в., после поражения от Улуг-Мухаммеда в 1445 г.)¹³⁰.

¹³⁰ Длительная борьба Москвы за полное присоединение Нижегородского княжества своеобразно отобразилась в источниках: московские летописи лишь дважды «проговорились» о ней (повествуя о попытке Семена Дмитриевича овладеть Нижним в 1399 г. и назвав под 1410 г. Даниила Борисовича князем нижегородским), умолчав и о княжении в Нижнем Новгороде Даниила Борисовича до 1415 г. (и попытках Василия I его оттуда изгнать), и о владении им Александром Ивановичем (хотя он получил Нижний как зять и союзник Василия I), и о вторичном нижегородском княжении Даниила Борисовича в середине 20-х годов, и о кратковременном восстановлении Нижегородско-Суздальского княжества в 1445 г. — обо всех этих со-

Местные князья в течение конца XIV — середины XV в. постоянно стремились сохранить остатки самостоятельности. В зависимости от ситуации, они (в том числе одни и те же люди) могли пытаться опереться как на помощь внешних сил (в первую очередь Орды), так и на расположение московских князей.

Орда в изучаемый период не раз пыталась упрочить в Нижегородском Поволжье свое влияние и ослабить московское. Причем это характерно не только для времен конфронтации с Москвой — при Едигее и в 40-е гг. XV в., — но и для периодов, когда московские князья поддерживали с Ордой мирные отношения — при Тохтамышевичах в 1412–1414 гг. и при Улуг-Мухаммеде в середине 20-х гг. XV в. В последнем случае имело место и желание литовского великого князя упрочить свое влияние в Северо-Восточной Руси за счет Москвы.

Каковы были правовые основания претензий московских князей на Городец (по смерти Василия Кирдяпы Дмитриевича) и Суздаль (по смерти Семена Александровича)? Судя по договору Василия II с Иваном Васильевичем Горбатым 1449 г., владение этими городами регулировалось ханскими ярлыками. Сведений о получении ярлыков на них московскими князьями в имеющихся источниках нет. Между тем в том же договоре 1449 г. Суздаль, Нижний Новгород и Городец обобщенно именуются «Новугородским княженьем»¹³¹. Представляется вероятным, что ярлык на Нижний Новгород, полученный Василием I, помимо непосредственного обладания Нижним с окружающими волостями давал московским князьям основание считать себя верховными распорядителями всего бывшего Нижегородско-Суздальского княжества («Новугородского княженья»): именно отсюда могут происходить факты контроля над наследованием суздальского стола после 1392 г. и изъятия Городца (по смерти Василия Кирдяпы) и Суздаля (по смерти Семена Александровича) из числа владений князей суздальского дома. Переход Нижнего Новгорода к великому князю московскому ставил, с московской точки зрения, всех князей этой ветви в зависимость. Похоже, что сходным образом смотрели на этот вопрос в Орде. Во всяком случае, нет данных о выдаче ханских ярлыков только на Городец или Суздаль: и в 1408, и в 1423–1424, и в 1445 гг.

бытиях приходится судить по нелетописным источникам или данным тверского летописания (где рассказано о московских походах на Нижний Новгород 1411 и 1415 гг.).

¹³¹ «А што будет оу тобѣ ярлыков старых на Суздаль, и на Новгород на Нижней, и на Городец, и на все на Новугородское княженье» (ДДГ. № 52. С. 156, 158).

Городец и (в последнем случае) Суздаль жаловались вместе с Нижним Новгородом ¹³².

В заключение приводим хронологию владельческой принадлежности Нижнего Новгорода, Суздаля и Городца с 1392 г. до середины XV в.

Нижний Новгород:

1392 — 25 октября 1399 — Василий I; 25 октября — начало ноября 1399 — Семен Дмитриевич; ноябрь 1399 — конец 1408 — Василий I (возможно, какое-то время номинально его сын Иван); конец 1408 — январь 1415 — Даниил Борисович; 1415 (?) — июль 1417 — Иван Васильевич (сын Василия I); июль 1417 — начало 1419 — Василий I; начало 1419 — до 1423 — Александр Иванович (внук Василия Кирдяпы Дмитриевича); до 1423 — 1423 — Василий I; 1423 — до марта 1428 — Даниил Борисович; до марта 1428 — вторая половина 1445 — Василий II (в 1433 — Юрий Дмитриевич, когда он захватывал великое княжение ¹³³); вторая половина 1445 — 1446 — Василий и Федор Юрьевичи; 1446 — зима 1446–1447 — Дмитрий Шемяка, с зимы 1446–1447 — Василий II.

Суздаль: 1392 — 6 мая 1394 — Борис Константинович; 1394–1408 — Даниил Борисович; 1409 (?) — 15 января 1411 — Даниил Васильевич (?), после 15 января 1411 — до 1423 — Александр Иванович (внук Василия Кирдяпы Дмитриевича) (?); до 1423 — ок. 1433 — Александр Иванович (внук Бориса Константиновича) (?); ок. 1433 — не позже начала 40-х гг. — Семен Александрович (?); не позже начала 40-х гг. — 1442 — Василий II, передал во владение Александру Васильевичу Чарторыйскому; 1442–1443 — Иван Андреевич Можайский; 1443 — вторая половина 1445 — Василий II; вторая половина 1445 — 1446 — Василий и Федор Юрьевичи; 1446 — зима 1446–1447 — Дмитрий Шемяка, с зимы 1446–1447 — Василий II.

Городец: 1392–1403 — Василий Кирдяпа Дмитриевич; 1404–1408 — Владимир Андреевич Серпуховский; 1408 — январь 1415 — Даниил Борисович; 1415 (?) — июль 1417 — Иван Васильевич (сын Василия I); июль

¹³² Примечательно, что когда в dokonчании 1449 г. речь идет о «старых ярлыках», первым в перечне столов называется Суздаль (как наиболее давнее владение князей суздальско-нижегородского дома), но когда предусматривается возможность выдачи каким-либо ханом городецкому князю ярлыков в будущем, говорится о ярлыках «на Новгород и на Суздаль» (там же). Употребление союза «и», а не «или», возможно, подразумевает, что ярлык на Суздаль мог быть выдан лишь вместе с ярлыком на Нижний Новгород.

¹³³ В 1434 г., когда Юрий вторично занял Москву и вскоре умер, контроль над Нижним он не успел установить: туда приехал направившийся из Великого Новгорода в Орду Василий II, в Нижнем его и застала весть о смерти дяди (ПСРЛ. Т. 25. С. 251–252).

1417 — начало 1419 — Василий I; начало 1419 — до 1423 — Александр Иванович (?); до 1423 — 1423 — Василий I; 1423 — до марта 1428 — Даниил Борисович (?); до марта 1428 — вторая половина 1445 — Василий II (в 1433 — Юрий Дмитриевич); вторая половина 1445 — 1446 — Василий и Федор Юрьевичи; 1446 — зима 1446–1447 — Дмитрий Шемяка; зима 1446–1447 — первая половина 1449 — Василий II; с первой половины 1449 — Иван Васильевич Горбатый, внук Семена Дмитриевича.

В. А. Кучкин

Десятские средневековой Руси

«Что такое эта *волость*, владевшая обширной территорией в несколько сот верст и деятельно охранявшая ее от цепких рук чернецов богатого монастыря? Эта волость — Словенский Волочек — была общиной, как и другие древние волости». Так начинается § 4 первой главы знаменитого исследования Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси»¹. До приведенной выдержки в работе ученого талантливо и, можно сказать, художественно была описана природа той огромной территории (более 900 квадратных километров), какую занимала в XV в. эта белозерская волость, рассказано о поселениях в Словенском Волочке, их расположении, числе дворов, количестве населения в разные эпохи, с XV по конец XIX в. включительно. Общая картина получалась разносторонней, исторически живой и глубокой, а потому убедительной. Но почему Н. П. Павлов-Сильванский заключил, что эта волость была общиной? Доказательств такого утверждения исследователь ранее не привел, если не считать замечания в предшествовавшем § 1 о том, как в средневековье между Словенским и Порозобицким озерами на территории Волочка Словенского посуху волочили торговые ладьи и как владельцы ладей оплачивали труд по транспортировке своих судов и товаров. Деньги за волочение составляли доход местных жителей. «Около 1450 года великий князь, — писал Н. П. Павлов-Сильванский, — поделил этот доход между волостными крестьянами Волочка Словенского и двумя соседними монастырями, Кириловым и Ферапонтовым, и одну треть всех проходящих судов предоставил „волочити“ людям этих монастырей, а две трети оставил по старому на долю местных „волостных людей“»². Если волостные люди все вместе имели право на провозждение по волоку речных судов и все вместе получали за это плату, то речь действительно должна идти об определенной организации волостян, и волость можно было бы представить себе как некую общину.

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 16.

² Там же. С. 5.

Однако документ, на который ссылался Н. П. Павлов-Сильванский, говорил об ином. Автор «Феодализма в удельной Руси» имел в виду жалованную грамоту властям Кириллова и Ферапонтова монастырей, данную около 1454–1455 гг. не великим князем, как писал Н. П. Павлов-Сильванский, а местным вотчичем князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем, на доло в Словенско-Порозобицком волоке. Монастырям князь Михаил «велѣл есмь имѣ третѣ волочити, а два жеребѣа велѣл есмь волочити волочаном волостнымъ людям и слугамъ и чернымъ»³. Выясняется, что кроме монастырских жителей волости Волочек Словенский ее населяли также люди волостные, слуги (скорее всего, княжеские) и еще «черные», очевидно, черные люди. Оставляя пока в стороне вопрос о том, в каком соотношении находились волостные люди, слуги и черные, является ли первый термин обобщением двух последующих или речь идет о трех категориях немонастырского населения волости, необходимо подчеркнуть главное: немонастырские жители Волочка Словенского состояли из лиц разного социального статуса и не могли быть общинниками с равными правами и обязанностями.

Если использованный Н. П. Павловым-Сильванским в начале его исследования документ не дает права утверждать, что волость Волочек Словенский представляла из себя общину, то какие же другие доказательства привел ученый для обоснования своего тезиса о том, что все средневековые русские волости представляли собой общины? Основной аргумент состоял в том, что во многих документах конца XIV–XVI вв., относящихся к самым различным волостям русских средневековых княжеств и Новгорода, а позднее и единого Русского государства, упоминались старосты, сотские и десятские, а они, как было совершенно очевидно всякому мало-мальски образованному человеку XIX в., представляли собой выборных руководителей крестьянского мира. «Волостная община XV века, — утверждал Н. П. Павлов-Сильванский, — теперь нам ясна. Грамоты XV и XVI веков дают нам точный, отчетливый рисунок и ее устройства и ее значения. Грамот этого времени не так много, и при их свете, как бывает при лунном освещении, некоторые черты остаются в тени, но главные линии рисунка выступают вполне отчетливо. От этого XV-го века нам предстоит спуститься в глубь древности, к X-му и XI-му векам Киевской Руси. В этой древности — уже не лунный свет и тени, а только слабые проблески... Здесь нет ничего подобного обстоятельным уставным

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца X — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. 2. № 159. С. 96.

грамотам, а только несколько отрывочных фраз Русской Правды и летописи. Понять эти фразы мы можем только связав их с известиями более позднего времени, связав X-й век с более ясным XV-м веком»⁴. И далее историк указывал на упоминания дворских и сотских в грамоте 1414 г., сотских, дворских и десятских в грамоте 1404 г., дворского и старосты в грамоте 60-х гг. XIV в., старост в грамотах Андрея Александровича и Ивана Калиты, сотских в летописных статьях 1231, 1197, 1195, 1178, 1118 и 1113 гг. и древнейшее упоминание сотских и десятских в летописном рассказе 996 г.⁵ «Все эти древнейшие случайные упоминания летописи о сотских и старостах, при сопоставлении с ясными известиями о волостях и погостах-общинах, XV–XIII вв. — подводил итог Н. П. Павлов-Сильванский, — говорят очень много; подтверждая архаичность волостной общины XV века, они доказывают существование ее, но, конечно, опять-таки, не начало, в XI и X столетиях»⁶.

К сожалению, от внимания пытливого исследователя ускользнуло редкое издание 1844 г., в котором были опубликованы документы из медного кувшина, найденные при земляных работах в московском Кремле в 1843 г. Как теперь выясняется, это были документы, спрятанные, скорее всего, сыном последнего московского тысяцкого Иваном Васильевичем Вельяминовым при его бегстве из Москвы к тверскому князю Михаилу Александровичу в конце февраля — начале марта 1375 г.⁷ В одном из документов читались слова «с Борискова десятка... Семеникова десятка полтинѣ не дали»⁸. В другом читалось «Олекса с Ыльѣю своего десятка полтиною завелься»⁹. В третьем — «взяли десятокъ»¹⁰, еще в одном — «полтора рубля съ десятка»¹¹. Даже из этих отрывочных фраз становится очевидным, что в 70-х гг. XIV в. на Руси существовали десятки, определяемые по именам лиц, и эти десятки по меньшей мере

⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси... С. 89.

⁵ Там же. С. 89–92.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Кучкин В. А. Документы кремлевской находки 1843 г. — часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и московское боярство // Традиции и современность. М., 1998. С. 27–29.

⁸ Березников Я. И. Записка об открытых в московском Кремле древностях. СПб., 1844. С. 6.

⁹ РГАДА. Ф. 135. Приложение. Рубр. III. № 116. Л. 6.

¹⁰ Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 6.

¹¹ Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 11.

были фискальными единицами. В кувшине сохранился и полный список одного десятка, в котором было ровно 10 человек во главе с десятским Степаном: «Давыдько, Клименьтеи, Иваньке, Григорько, Кузомька, Коньдратько Березина, Лукьянь, Деменьтеико сыномь, Степань десяцькой»¹². Десяток мужчин, конечно, коллектив, но отнюдь не община. К сожалению, документы кремлевской находки не позволяют яснее определить, что это были за десятки, кого именно возглавляли десятские. В актовых материалах XII–XV столетий термин «десяток» как обозначение общественной группы отсутствует. Но термин «десятский» в них есть. Анализ этого термина, но не выборочный, как получилось у Н. П. Павлова-Сильванского, а систематический, позволит точнее понять, кто такие были десятские, какие функции выполняли, в каких местах был распространен этот институт.

Начать следует с анализа иммунитетных грамот, точнее, с того вида этих грамот, которые содержат обельное постановление. Именно в последнем чаще всего упоминаются десятские, а сами иммунитетные грамоты представляют собой наиболее многочисленный источник из всех типов и родов актов русского средневековья.

Самой ранней грамотой, содержащей упоминание десятского, является жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, выданная 10 мая 1404 г. звенигородским князем Юрием Дмитриевичем игумену Саввино-Сторожевского монастыря Савве на село Белгино с деревнями в Звенигороде, село у Василия Святого в Замошье в Рузе и на борть по рр. Иневе, Наре и Нахабне. По этой грамоте монастырские люди освобождались от разного рода платежей и повинностей, в числе которых предусматривалось: «Така ж ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому с тяглыми людми не тянут ни в которые проторы и в разметы, ни в ынии в которые пошпины»¹³. Грамота эта дошла в списке начала XVI в., причем позднейшие копиисты стремились придать ей вид подлинника¹⁴. Данное обстоятельство заставляет проявлять известную осторожность в оценке приведенной обельной формулы (времени ее появления и места бытования), но следует отметить, что в более поздних

¹² Там же. Ф. 135. Рубр. III. № 3.

¹³ АСЭИ. Т. 3. № 53а. С. 80–81.

¹⁴ Там же. С. 82.

грамотах подобные постановления встречаются достаточно часто. От приведенного они могут отличаться инверсией первых двух элементов (упоминанием на первом месте дворянского, а сотского на втором), а также наличием тех или иных характеристик элемента грамот о пошлинах (наиболее распространена заключительная фраза «ни иные им некоторые пошлины не надобе»). Таковы обельные формулы в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте от 15 января 1466 г., данной великой княгиней Марией Ярославной, вдовой Василия Темного, другой вдове — Василия Михайловича Шеина Стефаниде с сыном Дмитрием на их села и деревни в Вольском и Пошехонье¹⁵; в жалованной тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, выданной 17 марта 1466 г. той же великой княгиней Марией Ярославной архимандриту ярославского Спасского монастыря Христофору на монастырские земли в Романове городке и его волостях¹⁶; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 7 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на село Ивановское с деревнями в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде¹⁷; в жалованной льготной, обельной и несудимой грамоте, данной 17 октября 1472 г. великим князем Иваном III архимандриту суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакиму на земли в Медвежьем Угле и на реке Уводи в Суздале¹⁸; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1473 и 1485 гг. великим князем Иваном III Н. Л. Заболотскому на его село Думинское с деревнями в Повельском стане Дмитровского уезда¹⁹; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 15 февраля 1476 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим старцам Кирилло-Белозерского монастыря на пустошь Вороновскую в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде²⁰; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 5 февраля 1482 г. великим князем Иваном III игумену Никольского Мокрого монастыря на реке Сухоне на деревню и пустошь в вологодской Пельшемской волости²¹; в жалованной тар-

¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 341. С. 249.

¹⁶ АСЭИ. Т. 3. № 203. С. 214.

¹⁷ АСЭИ. Т. 2. № 199. С. 129.

¹⁸ Там же. № 466. С. 505.

¹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 419. С. 308.

²⁰ АСЭИ. Т. 2. № 232. С. 153–154.

²¹ АСЭИ. Т. 3. № 278. С. 294.

ханно-обельной и несудимой грамоте, выданной между 18 и 30 сентября 1485 г.²² начавшим править в Твери великим князем Иваном Ивановичем Молодым игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Медну с деревнями в Новоторжском уезде²³; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 6 апреля 1486 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Михайловское с деревнями в Вышгородской волости в Повельском стане Дмитровского уезда²⁴; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 27 июля 1487 г. великим князем Иваном III вотчиннику И. М. Глядящему на половину его села Глядящего в Куземском стане Муромского уезда²⁵; в жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 16 ноября 1498 г. бывшим казанским ханом Мухаммед-Амином игумену Троицкого Бело-песоцкого монастыря Владимиру на лесные участки в Туровской волости и в Раставском стане в Кашире²⁶.

В двух жалованных тарханно-обельных и несудимых грамотах, выданных между 18 и 30 сентября 1485 г.²⁷ великим князем Иваном Молодым игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на деревни села Медна в Тверском уезде и «в Отъезде», а также на села Ивановское и Пестово с деревнями в Кашине²⁸ и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 26 апреля 1504 г. дмитровским князем Юрием Ивановичем игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Михайловское и Пестово с деревнями в Нерехоцком стане и Жабенской волости Кашинского уезда²⁹, рассматриваемое обельное постановление дополнено указанием «опричь (опрочь) церковных пошлин».

²² Грамота была дана в Твери в сентябре месяце 1485 г. старшим сыном Ивана III Иваном Молодым — АСЭИ. Т. 1. № 517. С. 392. По сообщению летописи, Иван Иванович, получив от отца титул великого князя тверского, въехал «в город Тверь жити» 18 сентября 1485 г. (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Пг., 1921. Т. 24. С. 205). Следовательно, грамоту он мог выдать 18–30 сентября 1485 г., если 6[9]94 год грамоты — сентябрьский.

²³ АСЭИ. Т. 1. № 517. С. 392–393.

²⁴ Там же. № 529. С. 407.

²⁵ АСЭИ. Т. 3. № 109. С. 146. После слов «не тянут ни в какие проторы, ни в розметы» добавлено «ни в посошное».

²⁶ АСЭИ. Т. 1. № 618. С. 530.

²⁷ О дате грамоты см. примеч. 22.

²⁸ АСЭИ. Т. 1. № 518. С. 393; № 519. С. 394.

²⁹ Там же. № 653. С. 577.

Еще более развернуто подобное обельное постановление в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 17 мая 1462 г. великим князем Иваном III властям Троице-Сергиева монастыря на село Присецкое с деревнями и монастырскими куплями в Бежецком Верхе, где указывалось, что монастырские сельчане и деревенщики «ни къ сотцкымъ, ни къ дворскымъ, ни къ десятцкымъ с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни въ розметы, ни в ыные ни въ которые пошлины не тянут никоторыми дѣлы, никакие пошлины им не надобѣ, опрочѣ одного татарьского яму»³⁰.

С другой стороны, анализируемая обельная формула оказывается сокращенной в трех жалованных обельно-несудимых и заповедных грамотах от июля 1492 г. великого князя Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря Симону на села Борисовское, Куровское и Лобановское с деревнями в Поротовской волости Можайского уезда³¹; на села, деревни и пустоши в Городецком стане, Пирогове и Ивановском стане Бежецкого уезда³² и на села Рождественское, Удинское, Перетержское с деревнями в Кинельском, Городецком станах и Нуткобале (Куткобале) Угличского уезда³³, где нет заключительного оборота о пошлинах (слов «ни ыные им никоторые пошлины не надобе»).

Впрочем, в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 20 февраля 1463 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем Дмитрию Васильевичу Бобру на его село Спасское с деревнями и пустошами, располагавшимися в княжеской дмитровской Вышгородской волости, эта сокращенная формула дополнена указанием «ни двора волостелева не ставят»³⁴.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 21 февраля 1473 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на Троицкий монастырь на Березниках в московской волости Воре, термин «тяглые люди» заменен термином «черные люди»: «ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни ыные ни в которые пошлины»³⁵. В жалованной тарханно-обельной и несудимой гра-

³⁰ Там же. № 304. С. 214.

³¹ Там же. № 567. С. 445.

³² Там же. № 568. С. 446.

³³ Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. № 37. С. 404.

³⁴ АСЭИ. Т. 1. № 336. С. 243.

³⁵ Там же. № 416. С. 305–306.

моте, данной между 13 сентября 1472 г. и 31 августа 1473 г. (при условии, что [69]81 год грамоты поставлен по сентябрьскому летосчислению) великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на села Кучки и Деревенку в Юрьев-Польском уезде слова «с тяглыми людми» заменены на оборот «с городскими людми и с волостными»³⁶.

Во многих жалованных грамотах 50–80-х гг. XV в. десятские упоминаются в обельном постановлении несколько иной редакции: «ни к сотцким, ни к дворьским, ни к десятцким не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные никоторые пошлыны им не надобѣ». Нет упоминания тяглых людей. При этом дворский может упоминаться на первом месте, а сотский — на втором, а оборот грамот о пошлинах в редких случаях может несколько изменяться («ни иныѣ никоторыѣ пошлыны им не надобѣ», «ни в ыные ни в которые пошлыны») или даже совсем опускаться. Принципиальным является отсутствие указания на тяглых людей. Такое обельное постановление встречается в жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной 17 апреля 1454 г. великим князем Василием Темным игумену Саввино-Сторожевского монастыря Евфросину на княжеское село Каринское «в Ондрѣевском» в Звенигороде³⁷ (оно процитировано как примерное выше); в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 29 сентября 1455 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену московского Богоявленского монастыря Прохору на село Дятелинское в Дмитрове³⁸; в жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой и двусрочной грамоте, данной 15 мая 1457 г. великим князем Василием Темным игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Сукромное с деревнями в Городецком стане Бежецкого Верха³⁹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 23 марта 1464 г. великим князем Иваном III Л. А. и В. А. Ярославовым на села Борисовское, Филипповское и Нестеровское с деревнями в Черемошской волости в Ярославле⁴⁰; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 3 октября 1467 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на село Скнятино с деревнями в Кинельской во-

³⁶ Там же. № 412. С. 301.

³⁷ АСЭИ. Т. 3. № 54а. С. 83.

³⁸ Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV–XVI века // Советские архивы. 1970. № 5. С. 81. Документ № 2.

³⁹ АСЭИ. Т. 1. № 278. С. 199.

⁴⁰ Акты служилых землевладельцев (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 312. С. 302.

лости Переяславского уезда⁴¹; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1470 и 1485 годами великим князем Иваном III Ф. М. Киселеву на его села Дуброво, Новое, Языкове, Каметово и Юрьево в Муроме⁴²; в жалованной меновой, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 августа 1470 г. утличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену Саввино-Сторожевского монастыря Евсевию на променянные князем черные тяглые деревни в Андреевском, Городском и Негучском станах Звенигорода⁴³; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 28 декабря 1471 г. великим князем Иваном III игумену московского Чудова монастыря в Кремле Феодосию на село Митрополичье с деревнею Селифонтовой и тремя пустошами в волости Канев Коломенского уезда⁴⁴; в жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 13 марта 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на митрополичьи пустоши в волости Медуши во Владимире⁴⁵; в жалованной льготной, тарханно-обельной, несудимой, двусрочной и заповедной грамоте от 19 мая 1481 г., данной великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Пайсию на земли и воды в Гороховце и Ярополче⁴⁶; в жалованной данной, тарханно-обельной, льготной и несудимой грамоте, данной 6 марта 1486 г. великим князем Иваном III Василию Ознобише на княжеское село Ярышево и село Муравьино в Суздале⁴⁷.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 31 июля 1469 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на бывшие княжеские села Шухобалово и Миккульское в Суздале⁴⁸, и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 4 января 1485 г. Иваном III шестью сыновьям Семёна Писарева на их село Захарьинское в Коломне⁴⁹, обельное постановление дополнено оборотом «опричь церковных пошлин».

⁴¹ АСЭИ. Т. 1. № 346. С. 252–253.

⁴² Там же. № 398. С. 290.

⁴³ АСЭИ. Т. 3. № 58. С. 90.

⁴⁴ Там же. № 42. С. 63.

⁴⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 212. С. 187.

⁴⁶ Каптанов С. М. Очерки русской дипломатики... № 32. С. 398.

⁴⁷ АСЭИ. Т. 3. № 106. С. 144 и примеч. 3.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 1. № 388. С. 282.

⁴⁹ АСЭИ. Т. 3. № 72. С. 107.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Мясищевское с деревнями в Кистемской волости Переяславского уезда, обельное постановление дополнено оборотами «ни двора моего, великого князя, ни намѣстничих дворов не ставят, ни воротного не дают»⁵⁰.

В жалованной льготной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1475–1476 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену угличского Покровского монастыря Паисию на устройство монастырской слободы близ Углича, в обельном постановлении отсутствует указание на «проторы»⁵¹.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села и деревни «в Медушах в Володимерском уезде», а также на два двора в самом Владимире на посаде и внутри города⁵², и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1466 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим тому же игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на деревню Татариновскую в Кинельском стане в Угличе⁵³, в обельном постановлении отсутствует оборот о пошлинах.

В некоторых сравнительно ранних жалованных грамотах термин «десятский» (как правило, во множественном числе) встречается в ином сочетании: «ни к сотнику (соцкому, сотцким), ни к десятцким (десятцкому) не тянут ни в какие проторы, ни в розметы». Отсутствует указание на дворского. Такая форма обельного постановления содержится в жалованной (подтвердительной) льготной, обельной и несудимой грамоте, данной 20 апреля 1460 г. великим князем Василием Темным архимандриту Симонова монастыря Афанасию на земли и озера в Кличенской волости Ржевского уезда⁵⁴; в жалованной обельной и оброчной грамоте, данной 6 марта 1461 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на двор в городе Дмитрове⁵⁵; в жалованной тарханно-обельной и несудимой

⁵⁰ АСЭИ. Т. 1. № 322. С. 231.

⁵¹ АСЭИ. Т. 3. № 77. С. 110.

⁵² АСЭИ. Т. 1. № 312. С. 223.

⁵³ Там же. № 323. С. 233.

⁵⁴ АСЭИ. Т. 2. № 360. С. 353.

⁵⁵ АСЭИ. Т. 1. № 289. С. 206.

грамоте, данной 12 января 1463 г. великим князем Иваном III митрополиту Феодосию на села митрополичьего Борисоглебского монастыря Добриловское, Никитское и Милятино под Переяславлем Залесским⁵⁶; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1462–1463 гг. великим князем Иваном III архимандриту Симонова монастыря Афанасию на села и деревни в Бежецком Верхе и в бежецкой волости Шипине⁵⁷; в жалованной тарханно-обельной, несудимой и льготной грамоте, данной 20 мая 1473 г. великим князем Иваном III архимандриту суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакиму на село Федоровское под Суздалем⁵⁸; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1474–1475 г. великим князем Иваном III В. В. Ртищеву на село Протасьево с деревнями в Вышгородской волости Дмитровского уезда⁵⁹.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 апреля 1478 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Авраамию на село Воскресенское с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда, обельное постановление дополнено оборотом «и ни иныхъ никоторыѣ пошлыны не надобѣ»⁶⁰.

К этим грамотам примыкает одна несколько более поздняя грамота, данная в сентябре 1484 г. великим князем Иваном III З. В. Львову на деревни и пустоши в Окологородном вологодском стане и в вологодской Масленской волости, указывающая, что люди З. В. Львова «ни къ сотцким, ни г десятцким к вологодцким, ни к масленским не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлыны не надобѣ, опрочѣ церковныхъ пошлын»⁶¹. Обельное постановление этого акта конкретизирует отвлеченные предписания рассмотренных выше грамот. Оно позволяет установить, что по меньшей мере десятские (но, возможно, и сотские) функционировали на территории вологодского Окологородного стана и Масленской волости, различаясь по территориальной принадлежности (десятские вологодские и десятские масленские или сотские вологодские, а десятские масленские).

⁵⁶ АФЭХ. Ч. 1. № 123. С. 115.

⁵⁷ АСЭИ. Т. 2. № 364. С. 358.

⁵⁸ АСЭИ. Т. 2. № 473. С. 511.

⁵⁹ АСЗ. Т. 1. № 254. С. 230.

⁶⁰ АСЭИ. Т. 1. № 455. С. 341.

⁶¹ АСЭИ. Т. 2. № 266. С. 178.

Несколько грамот, преимущественно 70-х гг. XV в., дополняют обельное постановление о сотских и десятских указанием на черных людей: «ни к соцким, ни к десяцким с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в ыные ни в которые пошчины». Такое постановление встречается в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1462 и 1492 гг. угличским князем Андреем Васильевичем Большим Ивану Суседу на его село Дементьеве с деревнями в Святицкой волости Угличского уезда⁶²; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1471 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре⁶³; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1473 г. угличским и звенигородским князем Андреем Васильевичем Большим митрополиту Геронтию на его села в Звенигородском уезде⁶⁴. В жалованной тарханно-обельной, несудимой и заповедной грамоте, данной между 1464 и 1472 гг. дмитровским князем Юрием Васильевичем митрополиту Филиппу на земли Ильинского монастыря на р. Воре в волости Воре, рассматриваемое обельное постановление дополнено оборотом «опрочь церковных пошчин»⁶⁵.

В грамотах конца 70-х гг. XV в. — начала XVI в. в обельном постановлении вместо термина «черные люди» употреблен термин «тяглые люди». Это главным образом грамоты, выданные волоцким князем Борисом Васильевичем и его наследниками: женой Ульяной, сыновьями Федором Волоцким и Иваном Рузским. В самой ранней из таких жалованных данных, тарханно-обельных и несудимых грамот, выданной в октябре 1479 г. волоцким князем Борисом Васильевичем Иосифо-Волоколамскому монастырю на деревню Спировскую в Волоке Ламском, обельное постановление сформулировано следующим образом: «ни к сотнику, ни к десяц[ому с тяг]лыми людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им некоторые пошчины не надобе»⁶⁶. В последующих грамотах слово «сотнику» заменяется на слово «сотцкому» или «сотцким», а после слов «не надобе» иногда добавляется «ни розвенского (розвинского) не дают». Такова жалованная данная, тарханно-обель-

⁶² АСЭИ. Т. 3. № 85. С. 117.

⁶³ АСЭИ. Т. 1. № 401. С. 293–294.

⁶⁴ АФЗХ. Ч. 1. № 97. С. 93.

⁶⁵ *Кашинов С. М.* Очерки русской дипломатики... № 45. С. 419.

⁶⁶ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 3. С. 11.

ная и несудимая грамота Бориса Васильевича Волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю от того же октября 1479 г. на деревни Ярцевскую и Руготинскую в Волоке Ламском⁶⁷; две такие же грамоты Бориса Васильевича Волоцкого тому же монастырю от января 1480 г. на село Покровское в Волоке Ламском (позднее — в Сестринском стане этого уезда)⁶⁸ и от мая 1483 г. на село Отчищево в том же стане⁶⁹; жалованная тарханно-обельная грамота той же княгини Ульяны от 14 октября 1495 г. Ирине Баламутовой и её сыну Василию на деревню Матвеевскую в Ламском стане Волоцкого уезда⁷⁰; жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная в июне 1498 г. тем же князем Иваном Борисовичем А. К. Ельчанинову на его вотчинную деревню и прикупную пустошь в Скирмановской волости Рузского уезда⁷¹.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в январе 1498 г. рузским князем Иваном Борисовичем архимандриту Симону монастыря Феогносту на села в Рузе⁷², и в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1505 г. волоцким князем Федором Борисовичем Игнатию Александровичу Кожухову на село Полянка и 11 деревень «на Волоце в Раховском стану»⁷³, после указания на «розвинское» следуют слова «опрочь (апроче) посадничи половины».

В жалованной данной, тарханно-обельной и несудимой грамоте, выданной в октябре 1494 г. вдовой Бориса Волоцкого княгиней Ульяной с сыновьями Федором и Иваном Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Успенское с деревнями «в Вологцком уезде в Локношском стану», обельное постановление заканчивается иначе: «ни развинского не дают, ни поворотного»⁷⁴.

В аналогичной грамоте, выданной 7 марта 1500 г. волоцким князем Федором Борисовичем властям Иосифо-Волоколамского монастыря

⁶⁷ Там же. № 4. С. 11.

⁶⁸ Там же. № 14. С. 17.

⁶⁹ Там же. № 17. С. 21.

⁷⁰ Там же. № 21. С. 25.

⁷¹ АСЭИ. Т. 3. № 64. С. 96.

⁷² АСЭИ. Т. 2. № 415. С. 446.

⁷³ АФЗХ. Ч. 2. № 34. С. 36.

⁷⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 18. С. 23.

⁷⁵ Там же. № 25. С. 28. В данной грамоте вместо «ни к сотцким» читается «ни к подвойским», но следует иметь в виду, что грамота сохранилась в копии XVII в.

на деревню Медведкову и половину слободы Тимофеевской «во Ржеве в Кличенском уезде», окончание обельного постановления другое: «ни розвинское, ни подымное» ⁷⁵.

Только в одной великокняжеской жалованной грамоте обельное постановление по своим элементам близко к обельным формулам грамот волоцких князей: «к сотцкому, ни г десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни коня моего не кормят, ни сѣн моих не косят». Это жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная 30 марта 1486 г. великим князем Иваном III З. А. и Ф. А. Ворыпаевым на село Некиматово «в Коломенском уѣздѣ в Каневской волости» ⁷⁶.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в 1482–1483 г. великим князем Иваном III пермскому епископу Филофею на владычные городки по р. Вычегде, Выми, Еренге и др., вместо «тяглые» люди фигурируют «волостные»: «ни сотнику, ни десятнику с волостными людьми не тянут в мирские розметы, ни в иные некоторые пошлыны» ⁷⁷.

Три грамоты 70-х гг. XV в. упоминают десятских вместе с пятидесятскими. Жалованная тарханно-обельная и несудимая грамота, данная 6 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды, содержит следующее обельное постановление: «ни розметы, ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянут, ни к дворяскому, ни к пятидесятским, ни к десятским не тянут ни в каков проторь, ни в розмет» ⁷⁸. Близкая к приведенной формула употреблена в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1471 и 1475 гг. великим князем Иваном III тому же игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на двор в московском Кремле: «ни розметы, ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянут, ни сен моих не косят, ни к дворяскому, ни к пятидесятцким, ни к десятцким не тянут» ⁷⁹. Наконец, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим все тому же игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды и на прикупной двор на вологодском посаде, соответствующее обельное постановление имеет не только сходство, но и отличия от обельного

⁷⁶ АСЭИ. Т. 1. № 527. С. 405.

⁷⁷ АСЭИ. Т. 3. № 291. С. 307.

⁷⁸ АСЭИ. Т. 2. № 195. С. 126.

⁷⁹ Там же. № 216. С. 139.

постановления грамоты от 6 декабря 1471 г.: «А к сотцким и к дворским, и к пятидесятцким, и к десятцким их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие протори, ни в розметы»⁸⁰. Главное отличие состоит в том, что здесь упомянуты сотские, не зафиксированные грамотой от 6 декабря 1471 г.

Несколько грамот упоминают десятского вместе с дворским, опуская указание на сотского. Так, в достаточно ранней жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 11 сентября 1464 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем митрополиту Филиппу на владения его домовного московского Новинского монастыря в Раменской волости Дмитровского (ранее — Московского) уезда, соответствующее обельное постановление было сформулировано следующим образом: «также к дворскому, ни к десятцкому не тянут в проторы, ни в розметы, ни иные некоторые пошлыны им не надобѣ»⁸¹. К приведенной формулировке обельного постановления очень близок текст обельного постановления в жалованной тарханно-обельной, несудимой грамоте, данной между 1462 и 1485 гг. великим князем Иваном III Дмитрию Лазоревичу на его село Новоселки в Юрьеве Польском: «ни к дворскому, ни к десятцким не тянут и ни в какие проторы и в розметы и инья некоторые пошлыны не надобѣт»⁸².

В грамотах начала XVI в. к словам о дворском и десятском прибавлялись слова «с тяглыми людьми». Их находим в жалованной льготной и несудимой грамоте, данной 1 августа 1501 г. великим князем Василием Ивановичем, сыном и соправителем Ивана III, игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на двор с поляной, купленные монастырем «в Кашыне на посадѣ»⁸³; жалованной тарханно-обельной, несудимой и оброчной грамоте, данной в июле 1502 г. рузским князем Иваном Борисовичем архимандриту Симонова монастыря Вассиану на три села в Вышкоском стане Рузского уезда⁸⁴; в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 декабря 1502 г. тем же князем Иваном Борисовичем А. К. Ельчанинову на его две деревни в волости Скирманове Рузского уезда⁸⁵.

⁸⁰ АСЭИ. Т. 2. № 200. С. 130.

⁸¹ АФЗХ. Ч. 1. № 86. С. 86.

⁸² АСЗ. Т. 1. № 137. С. 107.

⁸³ АСЭИ. Т. 1. № 637. С. 550.

⁸⁴ АСЭИ. Т. 2. № 426. С. 466.

⁸⁵ АСЭИ. Т. 3. № 65. С. 97.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 13 декабря 1464 г. великим князем Иваном III митрополиту Филиппу на владения митрополичьей кафедры близ Владимира, упоминание десятских сочетается с указаниями на дворских и пятенщиков: «Также мои дворские и пятенщики, и десяцкие городские в те его села не въезжают, ни высылают ни по что»⁸⁶.

В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной между 1473 и 1484 гг. великой княгиней Марией, вдовой Василия Темного, митрополиту Геронтию на варницу в Нерехотской волости, десятский назван вместе со становщиками: «ни к становщиком, ни к десяцкому не тянут, ни в какие пошлыны, ни в розметы, ни иные им некоторые пошлыны не надобе»⁸⁷. Такое же обельное постановление зафиксировано в жалованной данной, обельной, льготной и несудимой грамоте, данной в 80-е гг. XV в. юхотским (в Ярославле) князем Федором Ивановичем архимандриту ярославского Спасского монастыря Христофору на монастырские земельные владения в Юхотском княжестве⁸⁸. Становщики включены в обычное обельное постановление, упоминающее сотских, дворских и десятских, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной в июле 1463 г. великим князем Иваном III протопопу московского Архангельского собора Ивану на села Инютинское и Козельское в Суходоле в Боровске⁸⁹. В жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 19 мая 1481 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Паисию на село Ростокينو под Москвой, добавлено: «ни портново, ни закос не надобе»⁹⁰.

В двух грамотах 70-х гг. XV в. десятские упоминаются вместе со старостами. Так, в жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте, данной 20 января 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на земли подчинявшихся ему трех церквей в Ликуржской волости Костромского уезда, указывалось, что церковные люди «ни

⁸⁶ АФЭХ. Ч. 1. № 210. С. 185.

⁸⁷ АФЭХ. Ч. 1. № 264. С. 237.

⁸⁸ АСЭИ. Т. 3. № 201. С. 212. В этом издании грамота датирована 1463 — 1478 гг. Уточнение в датировку внес В. Б. Кобрин. См.: Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 38.

⁸⁹ Маштафаров А. В. Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2. С. 28.

⁹⁰ АСЭИ. Т. 1. № 492. С. 371.

к старосте ликурзскому, ни к десятцким, ни к дворскому костромскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им некоторые пошлины не надобе»⁹¹.

В такой же грамоте, данной в феврале 1479 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину на монастырские владения в вологодском Городском стане и в вологодских волостях Кубене, Заозерье, Сяме и Бохтюге, соответствующее обельное постановление сформулировано несколько иначе: «ни к соцким, ни к старостам, ни к десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные некоторые им пошлины не надобе»⁹².

Проведенная формальная группировка жалованных грамот, содержащих упоминания десятских, по соответствующим обельным постановлениям, не должна быть абсолютизирована. Такая классификация в своем общем виде свидетельствует об определенных исторических закономерностях, тенденциях развития, но в каждом конкретном случае та или иная употребленная в грамоте формула не может восприниматься как абсолютно точное и адекватное отражение действительности. В самом деле, в февральской грамоте 1479 г. вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого формула обельного постановления весьма редка: «ни к соцким, ни к старостам, ни к десятцким с тяглыми людьми»⁹³. Эта грамота дошла в списке XVIII в. Обычная же формула обельного постановления в жалованных грамотах Андрея Меньшого иная: «ни к соцким, ни к дворским, ни к десятцким с тяглыми людьми»⁹⁴. Такая формула употреблена в его грамоте от 15 февраля 1476 г. Сомнительно, чтобы за три года в Вологде исчезли дворские и вместо них появились старосты. Скорее всего, последние появились под пером копиистов XVIII в. В двух жалованных грамотах того же Андрея Васильевича Меньшого, разделенных несколькими днями (от 6 и 19 декабря 1471 г.), по-разному определен состав лиц, которые не должны накладывать проторов и разметов на живших в Вологде людей Кирилло-Белозерского монастыря. В первой грамоте названы дворский, пятидесятские и десятские⁹⁵, во второй к ним до-

⁹¹ АФЭХ. Ч. 1. № 251. С. 215.

⁹² АСЭИ. Т. 3. № 269. С. 284.

⁹³ Там же.

⁹⁴ АСЭИ. Т. 2. № 199. С. 129; № 232. С. 153.

⁹⁵ Там же. № 195. С. 126.

бавлены сотские⁹⁶. Ясно, что за 13 дней в Вологде не мог появиться институт сотских и принимать все разные нюансы обельных постановлений в жалованных грамотах за точное отражение живой действительности нельзя. Между 1471 и 1475 гг. великий князь Иван III выдал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в московском Кремле. Обельное постановление этой грамоты повторяет аналогичное постановление грамоты от 6 декабря 1471 г. тому же монастырю на двор в Вологде⁹⁷. По-видимому, вологодская грамота послужила образцом для московской, и упоминание в последней пятидесятских нельзя расценивать как существование данной категории лиц в московском Кремле в 70-е гг. XV в.

Более сложная ситуация вырисовывается при изучении жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре. В грамоте от июля 1471 г. дмитровского князя Юрия Васильевича употреблена формула «ни к сотцким, ни к десятцким с черными людьми не тянуть»⁹⁸. 21 февраля 1473 г., т. е. примерно через полтора года, Троице-Сергиеву монастырю выдал жалованную грамоту на то же самое владение великий князь Иван III. Соответствующее обельное постановление приняло в грамоте 1473 г. иной вид: «ни к сотским, ни к дворянским, ни к десятским с черными людьми не тянут»⁹⁹. Можно думать, что после смерти 12 сентября 1472 г. дмитровского князя Юрия Васильевича¹⁰⁰, когда Воря перешла под юрисдикцию великого князя, там появились дворянские Ивана III, что и нашло свое отражение в февральской грамоте 1473 г. Можно также полагать, что разница в обельном постановлении грамот 1471 и 1473 гг. объясняется особенностями оформления жалованных грамот в канцеляриях дмитровского князя и великого князя московского. Дело, однако, осложняется тем, что есть и другие иммунитетные грамоты князя Юрия Дмитровского на земли в волости Воре. В грамоте митрополиту Филиппу, данной этим князем между 1464 и 1472 гг. на земли Ильинского монастыря на р. Воре, в обельном постановлении названы сотский и десятский с черными людьми¹⁰¹, а в грамоте от 5 июля 1465 г. тому же митрополиту

⁹⁶ Там же. № 200. С. 130.

⁹⁷ Там же. № 216. С. 139.

⁹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 401. С. 293.

⁹⁹ Там же. № 416. С. 305–306.

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 243.

¹⁰¹ Кашинов С. М. Очерки русской дипломатики... № 45. С. 419.

Филиппу на те же самые земли в обельном постановлении названы только дворский и становщик¹⁰². Если верить списку грамоты 1465 г., в волости Воре дворские были еще при князе Юрии Васильевиче. Но тогда надо заключить, что обельные постановления различали повинности, за которые отвечали дворские и становщики, и повинности, устанавливавшиеся сотскими и десятскими, а сами обельные постановления, даже в своем общем виде, имели избирательный характер, лишь частично освобождая людей иммунитета от натуральных повинностей в пользу князя.

Тем не менее, несмотря на возможный шаблон обельных постановлений рассмотренных жалованных грамот, небрежности и описки в их формулировках, определенные умолчания, некоторые выводы общего характера сделать можно.

Выясняется, что в распоряжении исследователей есть 78 жалованных, в подавляющем большинстве тарханно-обельных и несудимых грамот, где упоминаются десятские. Самая ранняя грамота датируется 10 мая 1404 г., самая поздняя (до времени правления Василия III) — июлем 1505 г. Грамота от 10 мая 1404 г., является единственной грамотой, относящейся к первой половине XV в., и не мудрено, что на нее в свое время обратил внимание Н. П. Павлов-Сильванский. Остальные 77 грамот относятся ко второй половине XV — началу XVI в. Из них к 50-м гг. XV в. относятся 4 грамоты; к 60-м гг. — 17 грамот, к 60–70-м гг. — 1, к 60–80-м гг. — 1, к 60–90-м гг. — 1, к 70-м гг. — 21, к 70–80-м гг. — 3, к 80-м гг. — 15, к 90-м гг. — 9, к началу XVI в. — 5 грамот. Основное количество грамот приходится на первую половину правления Ивана III, 60–80-е гг. XV в., когда расширение владений московского великого князя шло особенно интенсивно.

От имени великого князя Ивана III выдано 36 грамот, от имени его брата князя Юрия Васильевича дмитровского дано 6 грамот, от имени другого брата Ивана III угличского и звенигородского князя Андрея Васильевича Большого выдано 5 грамот, столько же грамот выдал их брат вологодский князь Андрей Васильевич Меньшой. По 4 грамоты каждый выдали брат Ивана III волоцкий князь Борис Васильевич и сын Бориса Волоцкого рузский князь Иван Борисович. 3 грамоты даны от имени великого князя Василия Васильевича Темного, столько же грамот выдала его вдова великая княгиня Мария Ярославна, 3 грамоты выдал соправитель Ивана III его старший сын Иван Иванович Моло-

¹⁰² АФЗХ. Ч. 1. № 71. С. 76.

дой. 2 грамоты были составлены от имени волоцкого князя Федора Борисовича, 2 — от имени его матери княгини Ульяны (одна — вместе с ее детьми, теми же Федором и Иваном). По 1 грамоте дали второй сын Дмитрия Донского галицкий и звенигородский князь Юрий Дмитриевич; сын Ивана III Василий Иванович, будущий великий князь Василий III; другой сын Ивана III дмитровский и звенигородский князь Юрий Иванович; бывший казанский хан Мухаммед-Амин, получивший содержание от Москвы; юхотский (ярославский) князь Федор Иванович.

Хотя подавляющее большинство жалованных грамот, в которых фигурируют десятские, выдано представителями московского княжеского дома, тем не менее нельзя заключать, что институт десятских был распространен исключительно в московских владениях. Одна грамота, данная удельным ярославским князем Федором Ивановичем юхотским, ясно свидетельствует о существовании десятских на территории Ярославского княжества, вне владений московских Калитовичей. Три грамоты, данные сыном Ивана III Иваном Ивановичем Молодым Троице-Сергиеву монастырю на земли в Торжке, Твери и Капшине в сентябре 1485 г., т. е. сразу же после присоединения к Москве Тверского княжества, указывают на то, что институт десятских функционировал и в Тверском княжестве.

В большинстве грамот — 67 из 78 — десятские упоминаются вместе с сотскими. В 51 грамоте из 78 наряду с десятскими фигурируют и дворские. В 4 грамотах десятские упомянуты вместе со становщиками, а в 3 грамотах — вместе с пятидесятскими. В 2 грамотах десятские перечисляются вместе со старостами и только в 1 грамоте — вместе с пятенщиками. При этом следует, конечно, иметь в виду, что десятские в имунитетных грамотах перечисляются не только по парам, например десятские и сотские, но и в более сложных сочетаниях (десятский вместе с дворским, сотским и становщиком). Хотя в ряде случаев приходится сомневаться в точности указаний интересующих нас обельных постановлений жалованных грамот, один вывод принципиального характера очевиден: почти постоянные упоминания в грамотах десятских вместе с сотскими, а также более редкие указания на пятидесятских свидетельствуют о принадлежности всех этих лиц к организации, которая была построена по десятичной, или децимальной, системе. Упоминаемые вместе с десятскими дворские, становщики, старосты и пятенщики являлись лицами княжеской администрации¹⁰³, из чего возможно заклю-

¹⁰³ Дворские стояли во главе княжеского хозяйства как в стольном городе, так и на местах. Судя по упоминанию в грамоте 1471 г. костромского дворского, резиденции дворских

чение, что десятские и сотские также принадлежали к властным лицам, не выбираемым, а назначаемым князем или его доверенными представителями. Судя по тому, что в 38 грамотах из 78 десятские упоминаются вместе с тяглыми людьми, а еще в 5 грамотах — вместе с черными людьми (сам термин «черные люди» принимаем за синонимический эквивалент термина «тяглые люди»), можно полагать, что децимальная система охватывала тяглых (черных) людей.

Рассмотренные грамоты показывают, что эта система распространялась как на города (Владимир, Вологда, Дмитров, Кашин, Москва)¹⁰⁴, так и на сельскую местность, затрагивая территории Бежецкого Верха, Боровска, Владимира, Вологды, Волока Ламского, Вольской волости, Гороховца, Дмитрова, Звенигорода, Кашина, Каширы, Коломны, Костромы, Можайска, Москвы, Муром, Переяславля Залесского, Перми, Ржевы, Романова, Рузы, Суздалья, Твери, Торжка, Углича, Юрьева Польского, Юхоти, Ярополча и Ярославля. Перечисленный список настолько внушителен, что можно было бы сделать вывод о повсеместном распространении в Северо-Восточной Руси тяглого черного населения и соответствующей децимальной его организации. Однако такие центры, как Верея, Галич, Городец Радилов на Волге, Лужа, Зубцов, Медынь, Молога, Оболенск, Ростов, Старица, Стародуб, Таруса, Устюг, Устюжна, принадлежавшие к 70–90-м гг. XV в. московским князьям, в этот список не попадают. Конечно, совершенно нельзя быть уверенным в том, что сохранившийся комплекс жалованных грамот с упоминанием десятских представлен полностью, без всяких потерь. Надо полагать, что в свое время таких грамот было больше¹⁰⁵ и они охватывали более обширную территорию. Тем не менее для вывода о повсеместном распространении децимальной системы и, следовательно, тяглого черного населения прочных оснований нет.

Присматриваясь ближе к списку географических пунктов и территорий, где функционировали десятские, можно прийти к некоторым заключениям общего характера. Выясняется, что во многих случаях речь

располагались в городах. См.: АФЗХ. Ч. 1. № 251. С. 215. Становщики содержали княжеские станы, т. е. тоже имели отношение к княжескому хозяйству. Им были подчинены черные люди. См.: ДДГ. № 11. С. 31.

¹⁰⁴ АСЭИ. Т. 1. № 312. С. 223; АФЗХ. Ч. 1. № 210. С. 185; АСЭИ. Т. 2. № 195. С. 126; Т. 1. № 289. С. 206; № 637. С. 549; Т. 2. № 216. С. 139.

¹⁰⁵ Ср. отсылки в некоторых из рассмотренных 78 грамот на более ранние грамоты предшествовавших князей, которые не сохранились: АСЭИ. Т. 1. № 312, с. 223; АФЗХ. Ч. 1. № 123. С. 114.

о десятских (и сотских) ведется тогда, когда жалованные грамоты выдаются на села, деревни и пустоши, расположенные в той зоне, которая в конце XV в. и позже стала называться Городным, Городецким или Окологородным станом соответствующего города. Такие сельские поселения фиксируются близ Бежецка¹⁰⁶, Боровска¹⁰⁷, Владимира¹⁰⁸, Вологды¹⁰⁹, Волока Ламского¹¹⁰, Гороховца¹¹¹, Дмитрова¹¹², Звенигорода¹¹³, Коломны¹¹⁴, Москвы¹¹⁵, Переяславля¹¹⁶, Романова¹¹⁷, Суздаля¹¹⁸, Углича¹¹⁹, Юрьева Польского¹²⁰, Ярополча¹²¹, вероятно, Муром¹²² и Рузы¹²³. Поскольку города являлись центрами княжеской власти, были резиденциями представителей княжеской администрации различных рангов, естественно думать, что не только в городах, но и ря-

¹⁰⁶ АСЭИ. Т. 1. № 278. С. 199; № 568. С. 446.

¹⁰⁷ *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты... С. 28.

¹⁰⁸ АФЗХ. Ч. 1. № 210. С. 185. Перечисленные здесь села Старый Двор, Павловское, Спасское, Деревенька, Бухалова находятся в 20–25 км к северу и к северо-востоку от Владимира.

¹⁰⁹ АСЭИ. Т. 2. № 266. С. 178; Т. 3. № 269. С. 284.

¹¹⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 3. С. 11; № 4. С. 11; № 14. С. 17; № 17. С. 21; № 18. С. 23; № 21. С. 25; № 34. С. 36.

¹¹¹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики... С. 398.

¹¹² АСЭИ. Т. 1. № 419. С. 308. Население Повельского стана Дмитрова было подсудно только дмитровским наместникам, а не становщикам или волостелям. См.: там же. № 529. С. 406–407.

¹¹³ АСЭИ. Т. 3. № 58. С. 89, 90.

¹¹⁴ Там же. № 72. С. 107.

¹¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 492. С. 371. Упомянутое здесь село Ростокинское на р. Яузе в настоящее время входит в состав Сокольнического района г. Москвы.

¹¹⁶ АФЗХ. Ч. 1. № 123. С. 114. Названное здесь село Добриловское сохранилось и в настоящее время. Оно находится примерно в 9 км к юго-востоку от Переяславля. См. карту «Подмосковье». М., 1969.

¹¹⁷ АСЭИ. Т. 3. № 203. С. 213.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 388. С. 282. О принадлежности села Шухобала к Суздальскому уезду см. там же. № 316. С. 225. Село Шухобал стояло примерно в 22 км к западу от Суздаля. См. карту «Владимирская область». М., 1974).

¹¹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 77. С. 110.

¹²⁰ АСЭИ. Т. 1. № 412. С. 301. Село Кучки находилось в 12 км к югу от Юрьева Польского.

¹²¹ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики... С. 398.

¹²² АСЭИ. Т. 1. № 398. С. 290; Т. 3. № 109. С. 146. Перечисленные в этих актах села находились, по-видимому, близ Муром, поскольку в судебном отношении подчинялись только муромским наместникам, а не наместникам вместе с волостелями.

¹²³ АСЭИ. Т. 2. № 415. С. 446. Упомянутые здесь русские села также находились на территории, право суда над населением которой принадлежало наместникам Рузы.

дом с ними в сельской местности заводилось княжеское хозяйство, появлялись зависимые от князей тяглые люди, что и отразилось в княжеских жалованных грамотах, упоминающих десятских. Как свидетельствуют рассматриваемые грамоты, децимальная организация в XV столетии распространялась не только на города и прилежавшие к городам сельские округа, в XIV в. еще называвшиеся городскими уездами ¹²⁴, очевидно потому, что в раннем средневековье объезжались князьями для сбора дани и суда над населением, и в XV в. менявшие это название на городские или околгородные станы, но и на волости, лежавшие за пределами таких уездов — станов. Как показывает исследование территории Московского княжества, которую можно изучать благодаря сохранившимся источникам достаточно детально с 30-х гг. XIV в. (по другим северо-восточным русским княжествам таких источников не сохранилось, и их территории могут исследоваться главным образом ретроспективно на основании поземельных описаний XVI–XVII вв.), в средневековой Руси шел процесс отмирания старых и возникновения новых волостей. Параллельно этому процессу шел процесс образования в волостях княжеских сел, которые с течением времени могли разрастаться в самостоятельные волости. Так, в духовных грамотах великого князя Ивана Ивановича, составленных в 1359 г. ¹²⁵, среди коломенских волостей и сел упоминается село Малино. Оно возникло, по-видимому, при Симеоне Гордом, так как в завещаниях 1336 и 1339 гг. Ивана Калиты его нет ¹²⁶. Село было выделено вдове Симеона Марии Александровне, позднее перешло к Дмитрию Донскому, завещано им своей жене Евдокии Дмитриевне ¹²⁷, а от нее перешло к жене великого князя Василия Дмитриевича Софии Витовтовне ¹²⁸, причем у великой княгини Евдокии Дмитриевны, на 18 лет пережившей мужа ¹²⁹, в Коломенском уезде

¹²⁴ ДДГ. № 3. С. 13.

¹²⁵ ДДГ. № 4. С. 17, 15.

¹²⁶ Там же. № 1. С. 7, 9. О времени написания духовных грамот Ивана Калиты см.: *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории*. М., 1989. Любопытно отметить, что в XVI в. село Малино носило и второе название — Семеновское, а в самом селе стояла церковь Симеона Столпника, что может связываться с возникновением села при Симеоне Гордом. См.: *Писцовые книги Московского государства* (далее — ПКМГ). СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 502.

¹²⁷ ДДГ. № 12. С. 34.

¹²⁸ Там же. № 20. С. 56. № 21. С. 58. № 22. С. 60.

¹²⁹ Дмитрий Донской скончался 19 мая 1389 г., его жена Евдокия Дмитриевна — 7 июня 1407 г. См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 138; 154.

было всего два села, что дает основание предполагать заведение в Малине княжеского хозяйства. В XVI в. как административно-территориальная единица существовала уже особая Малинская волость¹³⁰, начало которой несомненно положило княжеское село Малино. Поскольку подавляющее большинство жалованных грамот великих и удельных князей с упоминанием десятских датируется временем после середины XV в., при отсутствии для большинства территорий более ранних данных трудно решить, распространялась ли децимальная система на волости, существовавшие к середине XV в. уже много десятилетий, если не столетия, или на волости, сформировавшиеся лишь к середине XV в. и продолжавшие образовываться во второй половине названного века. Тем не менее некоторые материалы проливают свет на поставленный вопрос. Речь прежде всего идет о фиксации десятских на тех территориях, точнее — в тех волостях, которые фигурируют в источниках в значительно более раннее время, чем середина XV в. А такими источниками, как отмечалось выше, являются прежде всего московские княжеские духовные, договорные грамоты и акты.

В жалованных грамотах упоминаются десятские в боровской волости Суходоле¹³¹, в дмитровской волости Раменке¹³², в звенигородских волостях Андреевском и Негуче¹³³, коломенской волости Канев¹³⁴, Можайской Поротовской волости¹³⁵, московской волости Воре¹³⁶, рузской волости Скирманове¹³⁷. Политико-административное деление второй половины XV в. разбросало эти волости по владениям разных князей московского княжеского дома, но в XIV в. все эти волости входили в состав территории Московского княжества. Волости Суходол, Раменка (Раменье), Негуча, Канев, Воря, Скирманово (Скирмановское), село

¹³⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 501.

¹³¹ *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты... С. 28.

¹³² АФЗХ. Ч. 1. № 86. С. 86.

¹³³ АСЭИ. Т. 3. № 58. С. 89, 90. В грамоте названы Андреевский и Негучский станы Звенигорода, но в то же время упомянуты «волостели ондрѣвские и нѣгучские».

¹³⁴ АСЭИ. Т. 1. № 527. С. 405; Т. 2. № 42. С. 62.

¹³⁵ АСЭИ. Т. 1. № 567. С. 445.

¹³⁶ Там же. № 401. С. 294; № 416. С. 306.

¹³⁷ АСЭИ. Т. 3. № 64. С. 96; № 65. С. 97.

¹³⁸ ДДГ. № 1. С. 7–9. Волость Раменка стала относиться к дмитровским волостям после смерти Дмитрия Донского. См. там же. № 12. С. 34 (состав удела князя Петра Дмитриевича).

Андреевское, ко второй половине XV в. давшее наименование отдельной волости (стану), упоминаются уже в первой духовной грамоте 1336 г. Ивана Калиты¹³⁹. Можайская Поротовская волость впервые упоминается в завещании 1389 г. Дмитрия Донского, но возможно, что она существовала и во времена Ивана Калиты¹³⁹.

Целый ряд волостей, где грамоты второй половины XV в. фиксируют десятских, лежал за пределами территории Московского княжества, как эта территория обрисовывается по источникам 30–50-х гг. XIV в. Таковы владимирская волость Медуши¹⁴⁰, вологодская волость Тошна¹⁴¹, волость Вольское¹⁴², дмитровская волость Вышгород¹⁴³, костромские волости Ликурги¹⁴⁴ и Нерехта¹⁴⁵, нижегородские волости Гороховец и Ярополч¹⁴⁶, переяславская волость Кинела¹⁴⁷, ржевская волость Кличен¹⁴⁸.

Волость Медуши была одной из двух владимирских волостей, которые передавались во владение московскому удельному князю Владимиру Андреевичу. Первый раз она упоминается в источниках в 1390 г.¹⁴⁹ Белозерская волость Вольское, вологодская волость Тошна и дмитровская волость Вышгород впервые упоминаются как московские владения в завещании 1389 г. Дмитрия Донского¹⁵⁰. В духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406–1407 гг. впервые как московское владение названа костромская волость Нерехта¹⁵¹. Из договора от 11 марта 1428 г. между великим князем Василием Васильевичем и его дядей князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем становится известно, что московские князья по меньшей мере в первой

¹³⁹ Там же. № 12. С. 34. О можайских волостях в общем виде говорится во второй духовной грамоте 1339 г. Ивана Калиты. См. там же. № 1. С. 9.

¹⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. № 312. С. 223; АФЗХ. Ч. 1. № 212. С. 186.

¹⁴¹ АСЭИ. Т. 2. № 199. С. 129.

¹⁴² АСЭИ. Т. 1. № 341. С. 249.

¹⁴³ Там же. № 336. С. 243.

¹⁴⁴ АФЗХ. Ч. 1. № 251. С. 215.

¹⁴⁵ Там же. № 264. С. 236.

¹⁴⁶ *Кашинов С. М.* Очерки русской дипломатики... С. 398.

¹⁴⁷ АСЭИ. Т. 1. № 455. С. 341.

¹⁴⁸ АСЭИ. Т. 2. № 360. С. 353; АФЗХ. Ч. 2. № 25. С. 28.

¹⁴⁹ ДДГ. № 13. С. 37.

¹⁵⁰ Там же. № 12. С. 34.

¹⁵¹ Там же. № 20. С. 56.

четверти XV в. владели костромской Ликуржской волостью¹⁵². Волость Ярополч была московской уже в 1390 г.¹⁵³ Гороховец, судя по всему, стал московским с присоединением к Москве Нижегородского княжества в 1392 г.¹⁵⁴ Волость Кинела в Переяславле Залесском существовала по меньшей мере к началу XV в.¹⁵⁵, она упоминается в первой духовной грамоте 1406–1407 гг. великого князя Василия Дмитриевича как владение его жены Софьи Витовтовны¹⁵⁶. В грамоте 1371 г. упоминается захваченный москвичами Кличен¹⁵⁷. Таким образом, 18 различных волостей, где жалованные грамоты второй половины XV в. фиксируют существование института десятских, являлись или становились московскими владениями по меньшей мере с 1336 г. по 1425 г., продолжая находиться под властью потомков Ивана Калиты и в более позднее время. Такое длительное владение волостями московских династов (от 35 до 150 лет) должно было способствовать заведению там княжеского хозяйства, хотя в нашем распоряжении есть лишь единственный факт, подтверждающий такое соображение. Речь идет о селе Андреевском в Звенигороде, ко второй половине XV в. ставшем центром одноименной волости (стана), первоначально же бывшем княжеским селом. Процесс окняжения территории, т. е. заведения на подвластных князьям землях княжеского хозяйства, из-за отсутствия соответствующих источников оказывается трудноуловимым, но, иллюстрируемый отдельными примерами, он вполне выявляется и должен быть определен как важный социологический фактор. Конечно, окняжение территории могло в разные исторические периоды, особенно в пору усиления Московского княжества, идти и весьма быстрыми темпами, не растягиваясь на столетия или десятилетия. Возможно, так было в отношении вологодских волостей Лоскомы¹⁵⁸, Маслены¹⁵⁹ и Пельшемы¹⁶⁰, кашинских

¹⁵² Там же. № 24. С. 64.

¹⁵³ Там же. № 13. С. 38.

¹⁵⁴ Кукин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 215, 231.

¹⁵⁵ АСЭИ. Т. 1. № 17. С. 34.

¹⁵⁶ ДДГ. № 20. С. 56.

¹⁵⁷ Русская историческая библиотека. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. Приложения. Стб. 138.

¹⁵⁸ АСЭИ. Т. 2. № 199. С. 129; № 232. С. 154.

¹⁵⁹ Там же. № 266. С. 178.

¹⁶⁰ АСЭИ. Т. 3. № 278. С. 294.

Нерехты ¹⁶¹ и Жабны ¹⁶², каширских волости Туров ¹⁶³ и стана Раставского ¹⁶⁴, переяславской волости Кистьмы ¹⁶⁵, рузского Выпшкоского стана ¹⁶⁶, угличских волостей Кинелы ¹⁶⁷ и Святицкой ¹⁶⁸. Впрочем, в нашем распоряжении почти нет данных даже о примерном времени возникновения этих волостей. Допуская самый несогласуемый с предшествовавшими наблюдениями вариант — все перечисленные выше 11 волостей возникли во второй половине XV в., — мы тем не менее вправе констатировать, что по совокупным показаниям жалованных грамот второй половины XV в. децимальная организация тяглых людей связана преимущественно с территориями, бывшими длительное время объектами княжеского управления и владения.

Свидетельствуя о наличии института десятских преимущественно во второй половине XV в. во владениях различных князей и на разных территориях, княжеские жалованные грамоты не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с существованием этого института и децимальной системы в целом. И все же некоторые общие характеристики возможны. При этом приходится иметь в виду, что распространяются такие характеристики не только на десятских, но и на лиц других категорий, т. е. сотских, дворских, становщиков, пятидесятских, старост и пятенщиков, которые вместе с десятскими называются в иммунитетных грамотах, но по своим функциям от десятских в таких грамотах не разграничиваются. Так, частое упоминание в обельных постановлениях проторов, разметов и пошлин указывает на административные prerogatives десятских и на их организаторские функции. Достаточно редкие в обельных формулах иммунитетных грамот ссылки на «посошное» ¹⁶⁹, «воротное» ¹⁷⁰, «поворотное» ¹⁷¹, «подымное» ¹⁷², церковные ¹⁷³, к кото-

¹⁶¹ АСЭИ. Т. 1. № 653. С. 577.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. № 618. С. 530.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. № 322. С. 231.

¹⁶⁶ АСЭИ. Т. 2. № 426. С. 466.

¹⁶⁷ АСЭИ. Т. 1. № 323. С. 232, 233.

¹⁶⁸ АСЭИ. Т. 3. № 85. С. 117.

¹⁶⁹ Там же. № 109. С. 146.

¹⁷⁰ АСЭИ. Т. 1. № 322. С. 231.

¹⁷¹ АФЗХ. Ч. 2. № 18. С. 23.

¹⁷² Там же. № 25. С. 28.

рым, возможно, относится «розвинское»¹⁷⁴, и посадничьи (в Волоке Ламском и Рузе)¹⁷⁵ пошлины могут свидетельствовать о причастности десятских к сбору различных налогов, причем не только великокняжеских, княжеских и в пользу новгородских посадников, но и некоторых церковных. Упоминания в тех же обельных формулах таких повинностей, как строительство великокняжеских, наместничьих и волостелевых дворов¹⁷⁶, содержание «татарского яму»¹⁷⁷, исполнение «портнова» и «закоса»¹⁷⁸, кормление великокняжеских коней и заготовка, скорее всего для них же, сена¹⁷⁹, могут говорить об участии десятских в организации различных работ в пользу князя и его окружения. Но следует еще раз подчеркнуть, что сделанные выводы не могут носить окончательного характера. Состояние рассматриваемых свидетельств таково, что не допускает твердых решений. Необходима корректировка на основании совершенно бесспорных показаний источников.

Конкретные же факты о десятских, содержащиеся в иммунитетных грамотах, крайне скудны. Из 78 грамот только в 2 содержатся очень скромные сведения о реальном функционировании этой системы. Из грамоты 1484 г. З. В. Львову можно сделать вывод о наличии сотских и десятских в Вологде, в Окологородном стане и в Масленской волости¹⁸⁰. Из грамоты 1474 г. митрополиту Геронтию следует, что в костромской волости Ликурги был староста, а вместе с ним или наряду с ним — десятские¹⁸¹. Сколь ни единичны такие свидетельства, они позволяют указать на места функционирования перечисленных лиц: сотские находятся в городах или в волостях, в волости живет и староста, десятские вместе с сотскими могут жить в городах, и бесспорно, что они находятся в волостях.

Заключение о десятских в городе как будто подтверждается свидетельством уже упоминавшейся грамоты от 13 декабря 1464 г. Ивана III

¹⁷³ АСЭИ. Т. 1. № 388. С. 282; № 518. С. 393; № 519. С. 394; № 653. С. 577; Т. 2. № 266. С. 178; Т. 3. № 72. С. 107; *Каптанов С. М.* Очерки русской дипломатики... № 45. С. 418.

¹⁷⁴ АФЭХ. Ч. 2. № 4. С. 11; № 14. С. 17; № 17. С. 22; № 18. С. 23; № 26. С. 30; № 34. С. 36.

¹⁷⁵ Там же. № 34. С. 36; АСЭИ. Т. 2. № 415. С. 446.

¹⁷⁶ АСЭИ. Т. 1. № 322. С. 231; № 336. С. 243.

¹⁷⁷ Там же. № 304. С. 214.

¹⁷⁸ Там же. № 492. С. 371.

¹⁷⁹ Там же. № 527. С. 405. Т. 2. № 216. С. 139.

¹⁸⁰ АСЭИ. Т. 2. № 266. С. 178.

¹⁸¹ АФЭХ. Ч. 1. № 251. С. 215.

митрополиту Филиппу на земли около г. Владимира. Там упоминаются «десятские городские», которые в митрополичьи «села не въезжают»¹⁸². Для исследователей, убежденных в том, что десятские всегда были «нижней выборной должностью в сельском самоуправлении»¹⁸³, приведенное указание грамоты 1464 г. должно представляться полнейшим нонсенсом. Ведь, согласно этой грамоте, десятские были горожанами и ездили в села, посещать которые им в данном случае просто запрещалось. Как же можно в таком случае говорить о десятском XV в. как о выборной сельской должности? Разрыв между учеными представлениями и свидетельством источника здесь налицо. Но заподозрены в истинности могут быть не только исследовательские мнения, но и показания грамоты. А поскольку они единственные во всех 78 рассмотренных княжеских жалованных грамотах, то их уникальность не позволяет решить, насколько они правильны. Ведь если писец грамоты совершил опisku, ошибочно написал, например, слово «городские», то вся неповторимость грамоты исчезнет и снимутся все противоречия. Очевидно, что для прояснения картины необходимо привлечение иных источников, содержащих свидетельства о десятских.

Среди этих источников первенствующее значение имеют правые грамоты. В 11 таких грамотах упоминаются десятские¹⁸⁴. Подобные упоминания есть и в 12 разъезжих грамотах¹⁸⁵. Термин «десятский» встречается также в 2 отводных грамотах¹⁸⁶, 1 разводной грамоте¹⁸⁷, 1 докладной разводной грамоте¹⁸⁸ и 1 судном списке¹⁸⁹. 3 из названных

¹⁸² АФЗХ. Ч. 1. № 210. С. 185.

¹⁸³ Таково определение десятских в «Предметно-терминологических указателях» всех трех томов АСЭИ.

¹⁸⁴ АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 98; АСЭИ. Т. 2. № 375. С. 371; № 370. С. 365; № 381. С. 377; № 229. С. 152; № 400. С. 407; № 332. С. 311; № 404. С. 415, 416; № 492. С. 535; № 493. С. 541; АСЭИ. Т. 3. № 48. С. 70. Перечень правых грамот дан в хронологической последовательности.

¹⁸⁵ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // *Русский дипломатический архив*. М., 1998. Вып. 4. № 8. С. 47–48; АСЭИ. Т. 2. № 371. С. 366; Т. 1. № 432. С. 322, 323; АФЗХ. Ч. 1. № 44а. С. 58; № 47. С. 63; № 466. С. 62; № 49. С. 64; АСЭИ. Т. 1. № 613. С. 526. Т. 2. № 491. С. 531; № 424. С. 464; Т. 1. № 643. С. 561. Т. 2. № 429. С. 472. Перечень дан в хронологической последовательности.

¹⁸⁶ АСЭИ. Т. 1. № 443. С. 330; АФЗХ. Ч. 1. № 44. С. 58.

¹⁸⁷ АСЭИ. Т. 2. № 298. С. 256.

¹⁸⁸ АСЭИ. Т. 1. № 544. С. 423.

¹⁸⁹ Там же. № 431. С. 321.

источников относятся к 60-м гг. XV в.¹⁹⁰, 2 — к 60–70-м гг. XV в.¹⁹¹, 1 — к 60–80-м гг. XV в.¹⁹², 4 — к 70-м гг. XV в.¹⁹³, 3 — к 80-м гг. XV в.¹⁹⁴, 2 — к 80–90-м гг. XV в.¹⁹⁵, 7 — к 90-м гг. XV в.¹⁹⁶, 1 — к 90-м гг. XV в. — началу XVI в.¹⁹⁷, 5 — к началу XVI в.¹⁹⁸. Все перечисленные грамоты объединяет фиксация земельных владений разных юридических лиц, которые, как правило, предъявляли свои права на одни и те же земельные участки. Происходил судебный процесс, устанавливавший принадлежность земли тому или иному юридическому лицу и определявший границы владений, а судья выдавал свое решение стороне, выигравшей разбирательство. Такое решение и называлось правой грамотой, а иногда — судным списком. Размежевание спорных владений фиксировалось в разъезжих, отводных и разводных грамотах. В таких действиях в разных качествах и участвовали десятские.

Правые грамоты, разъезжие, отводные и подобные им документы, в которых упоминаются десятские, выдавались на земли в Бежецком Верхе (2 грамоты), Белоозере (2 грамоты), Дмитрове (1 грамота), Звенигороде (1 грамота), Москве (15 грамот), Переяславле Залесском (3 грамоты), Плесе (1 грамота) и Суздале (3 грамоты). За двумя исключениями этот список полностью совпадает с приведенным ранее списком тех территориальных центров, на которые выдавались жалованные тарханно-обельные грамоты. Первым исключением является Белоозеро, но следует иметь в виду, что указанная в первом списке Вольская волость была по своему происхождению волостью белозерской и только в результате политико-административных преобразований Дмитрия Донского она стала волостью вологодской. Вторым исключением является Плесо, который в административном отношении подчинялся Костроме, а Кострома фигурирует в первом списке.

Выясняя более детально, на какие именно земли в Бежецком Верхе, Белоозере, Дмитрове, Звенигороде и т. д. выдавались в 60-х гг. XV в. —

¹⁹⁰ АФЗХ. Ч. 1. № 103; АСЭИ. Т. 1. № 375, 381.

¹⁹¹ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты... № 8; АСЭИ. Т. 2. № 370.

¹⁹² АСЭИ, Т. 2. № 371.

¹⁹³ АСЭИ. Т. 1. № 431, 432, 443. Т. 2. № 229.

¹⁹⁴ АСЭИ. Т. 1. № 544. Т. 2. № 400; АФЗХ. Ч. 1. № 44а.

¹⁹⁵ АСЭИ. Т. 2. № 332, 404.

¹⁹⁶ АФЗХ. Ч. 1. № 47, 466; АСЭИ. Т. 1. № 613. Т. 2. № 298, 491, 492, 493.

¹⁹⁷ АФЗХ. Ч. 1. № 49.

¹⁹⁸ АСЭИ. Т. 2. № 424; Т. 1. № 643. Т. 2. № 429. Т. 3. № 48; АФЗХ. Ч. 1. № 44.

начале XVI в. правые, разъезжие и другие грамоты, упоминающие десятских, можно прийти к ожидаемым, но тем не менее интересным и важным наблюдениям.

На Бежецкий Верх были выданы 2 грамоты. Одна отводная грамота, данная властям Троице-Сергиева монастыря между 1474 и 1479 гг. писцом угличского князя Андрея Васильевича Большого Иваном Михайловичем Рясой, отводила Люботицкую землю Тутаковской деревни Троице-Сергиева монастыря от «княжей земли от Васкина»¹⁹⁹. Присутствие при проведении земельных границ Городецкого сотского Палки (Павла) указывает на то, что Люботицкая земля находилась близ Городецка, как первоначально назывался город Бежецк²⁰⁰. И действительно, Люботицкую землю Тутаковской деревни надо искать в районе села Люботичи, стоявшего примерно в 10 км к югу от Бежецка²⁰¹. Другая грамота на земли в Бежецке, разъезжая, была выдана властям того же Троице-Сергиева монастыря 27 июля 1497 г. Грамота фиксирует размежевание земель монастырской Старосельской деревни и великокняжеской Гудцовской деревни²⁰². Точное местоположение этих деревень установить не удастся, но присутствие среди свидетелей при разъезде земель городецкого сотского Семена Быка, участие в размежевании Павла Мошнина, посельского принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю села Присецкого²⁰³, а оно находилось в 12 км южнее Бежецка²⁰⁴, указывают на то, что речь снова идет о территории, непосредственно прилегавшей к городу Бежецку²⁰⁵.

Правая грамота, выданная около 1490–1492 гг. властям белозерского Ферапонтова монастыря на деревню Крохинскую, определяет статус владения, располагавшегося рядом с городом Белоозером, стоявшим

¹⁹⁹ АСЭИ. Т. 1. № 443. С. 330.

²⁰⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 91.

²⁰¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 171 (карта).

²⁰² АСЭИ. Т. 1. № 613. С. 525.

²⁰³ Там же. С. 526, 525.

²⁰⁴ Карта «Калнининская область». М., 1958.

²⁰⁵ Косвенно о принадлежности села Присек и относящихся к нему деревень к окологородной территории Городецка свидетельствуют попытки уже упоминавшегося городецкого сотника Палки привлечь крестьян присецких деревень к исполнению повинности по строительству наместничьего двора в Городецке. См.: АСЭИ. Т. 2. № 473. С. 358–359.

у «устья... Шохонского», т. е. у истока р. Шексны из Белого озера²⁰⁶. Примерно в то же время была составлена разводная грамота на «земли и лѣсы» князей Кемских. Речь шла о их владениях по р. Кеме²⁰⁷, северо-западному притоку Белого озера.

Полученная крестьянами великокняжеской тяглой деревни Фоинской в 1475–1476 гг. правая грамота на пожню у р. Волгуши фиксирует принадлежность пожни этой деревне, а не деревне Кирилло-Белозерского монастыря Копыловской. Названные географические ориентиры не проясняют местоположения пожни у р. Волгуши. Но упоминание в грамоте р. Яхромы, р. Икши, устий впадавших в р. Яхрому рек Волгуши и Каменки²⁰⁸ ведут к району южнее г. Дмитрова, расположенному примерно в 20 км от города.

Правая грамота, данная между 1462 и 1464 гг. великим князем Иваном III митрополиту Феодосию на пустошь Бортеневскую, бывшую в споре с крестьянами княжеского (князя угличского и звенигородского Андрея Васильевича Большого) села Воиславского, решала вопрос о митрополичьих владениях под Звенигородом²⁰⁹. Село Воиславское (Выславское), возникшее в период княжения в Звенигороде отца Дмитрия Донского Ивана Ивановича, т. е. между 1340 и 1353 гг., было расположено примерно в 9 км от Звенигорода на р. Москве, очевидно, в городской округе и всегда было княжеским селом²¹⁰.

Особенно много грамот — 15 — относится к Москве. Более половины из них — 8 — выдано московскому Симонову монастырю. Это представляется закономерным. По свидетельству начала 60-х гг. XV в. келаря Симонова монастыря Никиты, «монастырь Симоновской — государев великого князя»²¹¹. Московские великие князья имели самое непосредственное отношение к основанию монастыря²¹², и неудивительно,

²⁰⁶ АСЭИ. Т. 2. № 332. С. 311, 313.

²⁰⁷ Там же. № 298. С. 255–256.

²⁰⁸ Там же. № 229. С. 150.

²⁰⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97, 98.

²¹⁰ ДДГ. № 4. С. 15, 18; № 95. С. 381.

²¹¹ АСЭИ. Т. 2. № 375. С. 372.

²¹² Кукин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 119–121. Характерно, что многие судебные споры между Симоновым монастырем и черными великокняжескими людьми вершились самим Иваном III и великий князь принимал сторону монастыря не по каким-то, хотя бы и призрачным, юридическим основаниям, а просто по своему желанию, добротенению по отношению к монастырю.

что Иван III оставлял спорные земли за монастырем в своих исконных владениях — близ Москвы. Во всех, не только симоновских грамотах, относящихся к Москве, говорится о сельских землях. Местоположение некоторых из них определяется прямыми указаниями, содержащимися в самих текстах грамот. Так, правая грамота, выданная между 1490 и 1498 гг. крестьянину московского Симонова монастыря Василию Узкому на землю Заречье, бывшую в споре с крестьянином великого князя Семеном Кожей, четко определяла, что спорная земля находилась «в московском стану Горетове»²¹³. Разъезжая грамота, полученная властями московского Симонова монастыря 30 августа 1504 г. и устанавливавшая границы между монастырским Жданским селом и Петровским селом И. Г. Козлова, сохранила указание, что одним из свидетелей межевания был «Жданьского стану сотцкой Гридя Семеновъ сынъ Суковъ»²¹⁴. Тем самым делается очевидным, что речь идет о землях Жданского стана Московского уезда²¹⁵. В отводной грамоте, где упомянуты сотский и десятские, 1510–1511 г. на ямской двор по дороге Москва— Дмитров в 30 верстах от Москвы и в 30 верстах от Дмитрова сообщается, что «поставил ям Захар Румянцев на Селецкой на Дмитровской дорозе на большей, на реке на Уче, на митрополичьей земле»²¹⁶. Такое указание имеет в виду митрополичью Селецкую волость Московского уезда.

В остальных московских грамотах подобных прямых указаний нет. Тем не менее примерное географическое положение упоминаемых в таких грамотах московских земель определить можно. Так, в разъезжей грамоте от 7 июня 1486 г., в разъезжей грамоте от октября 1496 г. и в разъезжей грамоте от 1 мая 1497 г. фиксируются митрополичьи земли села Петровского, двух деревень Лихорадовских и селища Голутвинского. Земли эти подходили к р. Уче²¹⁷. В копийной книге 1527–1528 гг. митрополичьего дома первые две разъезжие грамоты отнесены к документам на владения митрополитов в московской Селецкой волости²¹⁸. И это

²¹³ АСЭИ. Т. 2. № 404. С. 414.

²¹⁴ Там же. № 429. С. 470, 472.

²¹⁵ В более поздних грамотах XVI в. это административное положение села Ждановского именно так и определяется. См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 17. С. 24; № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²¹⁶ АФЭХ. Ч. 1. № 44. С. 57. Указания на расстояния от ямадо Москвы и до Дмитрова на с. 58.

²¹⁷ АФЭХ. Ч. 1. № 44а. С. 58; № 47. С. 62–68; № 466. С. 61–62.

²¹⁸ Там же. С. 56–57. Разъезжая 1497 г. также была в этой копийной книге, но текст ее вырван. См.: Там же. С. 7.

отчасти подтверждается тем, что р. Уча, как зафиксировано в отводной грамоте 1510–1511 гг., действительно протекала по Селецкой волости. Следовательно, речь идет о земельных участках, расположенных в сравнительной близости от поставленного у р. Учи в 1510–1511 г. ямского двора. Сложнее обстоит дело с названными в разъезжей грамоте, составленной между 1495 и 1511 гг., землями Щеглятевского (видимо, поселения или участка, принадлежавшего митрополиту) и Горяина Елдегина²¹⁹. В грамоте прямо не сказано, где находились эти земли. Помогает то, что и эта грамота копиями XVI в. отнесена к числу селецких; что в других грамотах земля Горяина Елдегина показана граничащей с собственно селецкой (села Сельцы-Троица) землей²²⁰; что в разъезжей грамоте 1495–1511 гг. среди межевщиков названы лица, которые принимали участие в качестве таковых или свидетелей межевания при разграничении земель в Селецкой волости²²¹.

В правой грамоте, полученной властями московского Симонова монастыря между 1462 и 1478 гг., упоминаются пашня и луг существовавшей примерно в первой четверти XV в. Лжевской деревни, которую истец Исачко Шаблыка называл черной великого князя, а посельский симоновского села Ивановского Борис Федотов — монастырской. Спорные земли подходили к р. Сходне²²². Известно, что от притока этой реки р. Горетовки (Горедвы) получил свое название Горетовский стан Московского уезда²²³. Документы XVI в. подтверждают, что село Ивановское Симонова монастыря находилось в Горетове стане²²⁴.

Тот же Симонов монастырь в период между 1462 и 1485 гг. и в июне 1501 г. получил две разъезжие грамоты, а между 1465 и 1469 гг. — правую грамоту на свои земли, граничившие с черными землями вели-

²¹⁹ Там же. № 49. С. 63–64.

²²⁰ Там же. № 46а. С. 60.

²²¹ В разъезжей грамоте 1495–1511 гг. среди межевщиков названы Кобач, Фомка и Карп Останины, Заня Качаловский, Левко Овдокимов. Они упоминаются и в других грамотах, относящихся к Селецкой волости. См.: АФЗХ. Ч. 1. № 44а. С. 58; № 46а. С. 61; № 46б. С. 62; № 47. С. 63.

²²² АСЭИ. Т. 2. № 370. С. 364.

²²³ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 389–390. Древнейшая зафиксированная в источниках форма названия этой реки — Горетовка. См.: АСЭИ. Т. 2. № 404. С. 416; Т. 3. № 50. С. 76.

²²⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²²⁵ АСЭИ. Т. 2. № 371. С. 365; № 424. С. 464; № 381. С. 377, 380.

кого князя в районе Верхнего и Нижнего Медвежьих озер²²⁵. Речь идет о районе между современной Балашихой и Щелковым, где в XV в. возникла великокняжеская черная Пехорская волость²²⁶.

Около 1463 г. Симонов монастырь получил правую грамоту на селище Куземкино и землю Дерново, которые исцы, некие Корнилко и Ивашко, считали старинной становой тяглою землей великого князя, а симоновские власти — своей, монастырской. Поскольку в спорном деле участвовал посельский симоновского села Быловского Мисаил и в судебном разбирательстве выяснилось, что спорные земли распахивались крестьянами села Быловского²²⁷, ясно, что Куземкино и Дерново находились недалеко от этого села. Само село Быловское стояло близ р. Желетовки и было связано с Шаховым²²⁸, давшим название Шаховскому стану Московского уезда. В документах XVI в. положение села Быловского так и определяется: в Шахове стане²²⁹.

Еще одна правая грамота Симонова монастыря, полученная им между 1485 и 1490 гг., упоминает землю Федота Нелидова, которую монастырь считал своей, а некий Ивашка Саврасов, ссылаясь на то, что ему «дал князь великий ту землю осенесь о Покрове святых богородицы», считал черной землей великого князя²³⁰. Где находилась эта Федотовская земля — неясно. Но исходя из того, что с Ивашкой Саврасовым судился сам архимандрит Симонова монастыря Зосима, ставший 26 сентября 1490 г. митрополитом всея Руси; что оба они предстали на суд великого князя Ивана III; что рядом с землей Федота Нелидова были земли Левково и Якушево, на которых становые крестьяне косили сено «на великого князя конь, на становой»²³¹, следует признать, что речь идет о земле в одном из московских станов, возможно находившейся рядом с Симоновым монастырем.

Судный список и разъезжая грамота, полученные около 1474–1475 гг. властями Троице-Сергиева монастыря, утвердили за монастырем землю, которую пахал Михаль Дворянкин, считая ее принадлежавшей к вели-

²²⁶ Там же. № 381. С. 377.

²²⁷ Там же. № 375. С. 370–371.

²²⁸ Там же. № 376. С. 374.

²²⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря. № 17. С. 24; № 75. С. 88; № 79. С. 92.

²³⁰ АСЭИ. Т. 2. № 400. С. 406.

²³¹ Там же. С. 405, 410, 407.

²³² АСЭИ. Т. 1. № 431. С. 320–321; № 432. С. 322–323.

кокняжеской деревне Чекмаковской²³². Земля была расположена близ р. Талицы и, как выяснилось на суде с Михалем Дворянкиным, давно относилась к троицкому селу Путилову²³³. По данным XV в., это село находилось в волости Воре²³⁴.

Таким образом, десятские упоминаются в тех правых и разъезжих грамотах второй половины XV — начала XVI в. на московские земли, которые относятся к волости Воре и к различным местам околгородной московской территории, той самой, что еще в 50-х гг. XIV в. называлась городским уездом.

Между 1462 и 1471 гг. дьяк великой княгини Марии Ярославны, вдовы Василия Темного, Федор Долматов разъехал землю московского Чудова монастыря села Филипповского с землями села Мележского по р. Шерне и Мележе в Маринине слободе Переяславля Залесского. В Филипповском селе жил десятский Конаник²³⁵.

В 80–90-х гг. XV в. Троице-Сергиев монастырь получил докладную разводную грамоту, зафиксировавшую границу между землями троицкой деревни Свечино и великокняжеской деревни Кипроватой. Межа проходила по рр. Исколдому и Нерли, земли обеих деревень относились к Гавинской волости²³⁶. По данным 1449 г. деревня Свечино относилась к Усольской волости Переяславля Залесского²³⁷.

Разъезжая грамота, данная властям Троице-Сергиева монастыря в 1503–1504 гг., разграничивала «землю великого князя Заборской волости с троицкою землею Сергиева монастыря Копнинского села»²³⁸. Межа проходила по берегу р. Сержи²³⁹. Село Копнинское получило свое название от фамилии бывшего владельца села Варсонофия Борисовича Копнина (при нем оно называлось Никольским), было расположено на р. Нерли Волжской и в XV в. относилось к той же Усольской волости Переяславля Залесского²⁴⁰. Село сохранилось и поныне и находится примерно в 27 км к северо-западу от Переяславля²⁴¹.

²³³ Там же. № 431. С. 321; № 432. С. 323.

²³⁴ Там же. № 493. С. 373.

²³⁵ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты... № 8. С. 47.

²³⁶ АСЭИ. Т. 1. № 544. С. 423.

²³⁷ Там же. № 224. С. 159–160; ср. № 457. С. 344.

²³⁸ Там же. № 643. С. 560.

²³⁹ Там же. С. 561.

²⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. № 193. С. 138; № 195. С. 139–140.

²⁴¹ Карта «Подмосковье». М., 1969.

Завершившийся выдачей правой грамоты 27 февраля 1506 г. спор властей московского Чудова монастыря с И. П. и Ф. П. Солониниными касался пустоши, которую монастырский приказчик Якуш Ильин считал чудовской, а братья Солонинины — «великого князя земли черные Зубцевские деревни»²⁴². В ходе судебного разбирательства выяснилось, что рядом со спорной пустошью находилась Потопловская деревня, относившаяся к Клеопинскому селу Чудова монастыря, а все эти поселения располагались близ города Плеса²⁴³.

В конце XV в. суздальский Спасо-Евфимьев монастырь получил три документа на свои владения. Первым документом была разъезжая запись 1497–1498 гг., фиксировавшая границу между монастырскими селищами Анофрейцева, Дрествяного и Поповского и деревней Жаденки князя Даниила Васильевича Щени²⁴⁴. Примерно этим же временем должна быть датирована правая грамота, подтверждавшая права Спасо-Евфимьева монастыря на луги «на усть Подоксы под Холмом», на луг Занемицкий выше Холма вверх по р. Нерли и на селище Аркатьево. Оспаривавший права спасо-евфимьевских старцев на эти угодья посельский князь Б. И. Горбатого Андрей Давыдов доказывал, что луга и селище относятся к княжескому селу Лопатниче, а старцы утверждали, что к монастырскому селу Омутскому²⁴⁵. Несколько иным временем, но близким к концу XV в. датируется правая грамота, данная Спасо-Евфимьеву монастырю на луга «промежь Нерли и Ирмеса, на усть Ирмеса». Эти луга также относились к селу Омутскому, а претендовал на них посельский принадлежавшего князю Даниилу Дмитриевичу Холмскому села Менчакова Игнатий Дым²⁴⁶. Все указанные в грамотах места находились близ Суздаля. Жаденки были расположены на левом берегу р. Нерли Клязьминской несколько выше впадения в Нерль р. Печуги, примерно в 20 км от Суздаля. Село Лопатниче стояло на правом берегу левого притока Нерли р. Подоксы, в 12 км к северо-востоку от Суздаля. Спорные луга были расположены по пра-

²⁴² АСЭИ. Т. 3. № 48. С. 68.

²⁴³ Там же. С. 70.

²⁴⁴ АСЭИ. Т. 2. № 491. С. 531.

²⁴⁵ АСЭИ. Т. 2. № 493. С. 536–537. Эта правая грамота дана по результату суда великокняжеского судьи Василия Аксакова, который в таком качестве разъехал в 1497–1498 г. землю деревни Жаденки — там же. С. 541. Отсюда примерная датировка правой грамоты на луга и селище Аркатьево.

²⁴⁶ Там же. № 492. С. 532. Василий Аксаков выступает в этой грамоте в качестве свидетеля (там же. С. 533).

вому берегу р. Нерли против устья р. Подоксы и выше по р. Нерли. Село Омудкое стояло на левом берегу р. Нерли несколько ниже впадения в нее р. Ирмеса, в 7 км к северу от Суздаля. Село Менчаково было расположено на левом берегу р. Ирмеса недалеко от устья этой реки, в 10 км к северу от Суздаля. Спорные дуга находились на левом берегу Ирмеса и тянулись по р. Нерли, видимо, до устья р. Подоксы, составляя единый сенокосный массив, располагавшийся по правому берегу р. Нерли. Очевидно, что во всех трех грамотах речь идет о землях, находившихся поблизости от города Суздаля. Таким образом, более детальная локализация упоминаемых в правых, разъезжих, докладных и других грамотах второй половины XV — начала XVI в., где называются десятские, земель обнаруживает, что большинство этих земель было расположено в городских округах.

Таким образом, выявленная на основании анализа жалованных тарханно-обельных и несудимых грамот особенность распространения децимальной системы вокруг городов получает новое подтверждение на основании изучения и другого вида источников. Эти источники в согласии с рассмотренными прежде указывают на существование децимальной системы в московской волости Воре и в переяславской волости Кистье. В то же время правые и разъезжие грамоты во многом конкретизируют эту картину, называя иные по сравнению с жалованными тарханно-обельными грамотами места околгородных станов, где действовали десятские. В Бежецке это Люботицкая земля, расположенная поблизости от р. Мологи. Жалованные же тарханно-обельные грамоты указывают на село Сукромны, стоявшее недалеко от р. Остречины²⁴⁷. В Белоозере это земли на северо-запад от стоявшего при истоке Шексны из оз. Белого города Белоозера и земли, непосредственно примыкавшие к этому городу. В Дмитрове это земли на юг от города, тогда как жалованные грамоты упоминают десятских на землях к северу от него²⁴⁸. В Звенигороде это земли не к северо-западу от города, где находились Андреевский стан и волость Негуча, а на восток от него близ села Воиславского. В Москве это не только район среднего течения р. Яузы, где, согласно жалованной тарханно-обельной и несудимой грамоте от 19 мая 1481 г., стояло троице-сергиевское село Ростокино, но и район Медвежьих озер, Горетов стан на р. Вскходне, Шахов стан на юго-запад от Москвы по

²⁴⁷ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение... С. 171.

²⁴⁸ О расположении дмитровского Повельского стана, о котором говорят жалованные грамоты, см.: Готье Ю. В. Замосковский край... и карту.

верхнему течению р. Пахры²⁴⁹, Жданский стан к югу от Москвы, митрополичья Селецкая волость на севере московского городского уезда. В Суздале — подгородные монастырские и владельческие села Омуцкое, Лопатниче, Менчаково, деревня Жаденки. Правые и разъезжие грамоты содержат и уникальные указания на существование института десятских около города Плесо, в XV в. административно подчинявшегося Костроме, в возникшей в рамках старой Усольской волости Переяславля Залесского Гавинской волости, а также в Марининой слободе того же Переяславля Залесского, образовавшейся, по-видимому, по инициативе великой княгини Софьи Витовтовны примерно во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. XV в.²⁵⁰

Обнаруженная закономерность функционирования института десятских в городах и близ городов, а не в удаленных и глухих местах русских княжеств XIV–XV столетий ясно свидетельствует о том, что в средние века этот институт не был связан с крестьянскими общинами. Если волость Волочек Словенский, представлявшая собой, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, давно сложившуюся крестьянскую общину, в XV в. не сумела уберечься «от цепких рук чернецов богатого монастыря», существовавшего всего с конца XIV в., то как же могли сохраниться во второй половине XV в. такие общины и их выборные органы — десятские — в местах, где с гораздо более раннего времени действовали еще более цепкие князья, их наместники, волостели, праведчики, доводчики, дворские, становщики, где находились их личные резиденции и владения? Думается, есть веские основания сомневаться в интерпретации средневековой волости как крестьянской общины и приписывать такой общине создание института десятских.

После сделанного географического обзора уместно перейти к рассмотрению вопроса о том, в каком качестве упоминаются в указанном типе источников десятские. Хотя правые, разъезжие, докладные и другие сходные с ними грамоты отразили поземельные споры, сам ход земельных тяжб, а особенно показания сторон были неодинаковыми, а потому деятельность десятских в таких коллизиях вырисовывается с разных сторон. Характеристику десятских следует начать с самых лапидарных

²⁴⁹ *Иаина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979. С. 181, примеч. 32 и карта-вклейка между с. 192–193.

²⁵⁰ Маринина слобода не упоминается в завещаниях великого князя Василия Дмитриевича, но она уже фигурирует в одной из жалованных грамот великого князя Василия Васильевича от ноября 1436 г. См.: АСЭИ. Т. 3. № 34. С. 57.

сообщений, чтобы затем перейти к наиболее интересным свидетельствам правых и разъезжих грамот.

В судном списке, датируемом временем около 1474–1475 гг., данном Троице-Сергиеву монастырю на поляну в московской волости Воре, упоминается десятский Антип. Он возглавлял знахарей, которые знали рубеж между великокняжескими и монастырскими землями и которые указали эту границу судье великого князя Дмитрию Лазаревичу. Десятский Антип был поставлен перед судьей посельским Ивана III Федором Кокосом, он, следовательно, представлял интерес той стороны, которая спорную поляну считала великокняжеской ²⁵¹.

В разъезжей грамоте, данной Троице-Сергиеву монастырю в те же годы на ту же поляну, дополнительно указано, что десятский Антип с другими межевщиками был на суде самого великого князя Ивана III и подтвердил перед ним правильность размежевания ²⁵². Десятский Антип выступал, таким образом, не только знахарем, межевщиком спорной земли, но и свидетелем на великокняжеском суде.

Отводная грамота, полученная властями Троице-Сергиева монастыря между 1474–1479 гг. и зафиксировавшая границу монастырской Люботицкой земли в Бежецком Верхе, среди троицких крестьян, бывших на «отводе», называет десятского Окула Гамина ²⁵³. Не вполне ясно, что делал Окул Гамин «на отводе»: сам вместе с другими участвовал в размежевании владений или был послухом при размежевании. Поскольку среди лиц, бывших на том же отводе, грамота называет городского (г. Бежецка) сотского Палку (Павла), представлявшего интересы другой стороны — владельца Бежецка угличского князя Андрея Васильевича, больше оснований полагать, что присутствовавшие на «отводе» люди были свидетелями размежевания земель, а не самими межевщиками.

В 1475–1476 гг. по повелению Ивана III судьей Семеном Васильевым была выдана правая грамота крестьянам Фокинской деревни в Дмитрове, принадлежавшей великому князю в качестве тяглой. Среди лиц, присутствовавших на суде, произведенном Семеном Васильевым, грамота называет десятского Данилку, представлявшего интересы великокняжеских крестьян ²⁵⁴.

²⁵¹ АСЭИ. Т. 1. № 431. С. 324.

²⁵² Там же. № 432. С. 324.

²⁵³ АСЭИ. Т. 1. № 443. С. 330.

²⁵⁴ АСЭИ. Т. 2. № 229. С. 152.

Полученная Троице-Сергиевым монастырем в 80–90-е гг. XV в. докладная разводная грамота была составлена десятским переяславской Гавинской волости Дмитроком Ивановым с доклада гавинскому волостелю. Действуя от имени всей Гавинской волости, десятский Дмитрок вместе с двумя другими мужами, представлявшими сторону великого князя, и тремя лицами, представлявшими интересы Троице-Сергиева монастыря, размежевал великокняжеские и монастырские земли²⁵⁵.

В начале 90-х гг. XV в. разъездчик Ивана III Иван Окинфов на Белозере в Кемии размежевал земли князей Кемских: Ивана Давыдовича и его племянников Данилы, Давыда и Ивана Юрьевичей. При этом «на разводе были с Иваном: Иван Обухов соцкой да Гридя десяцкой, да соцкой Борис Максимов»²⁵⁶. Речь идет о землях по р. Кеме к северо-западу от оз. Белого²⁵⁷. Борис Максимов был сотским заозерским²⁵⁸, т. е. сотским Заозерского стана, располагавшегося на северном берегу Белого озера²⁵⁹, поэтому его участие в разводе земель по северному белозерскому побережью представляется естественным. Несколько иным было положение сотского Ивана Обухова и, что особенно для нас важно и интересно, Гриди десятского.

Согласно правой грамоте, выданной около 1490–1492 гг. (т. е. примерно в те же годы, когда была составлена упомянутая выше разводная) властям белозерского Ферапонтова монастыря на пригородную белозерскую слободку Крохинскую, среди лиц, которым монастырские старцы вчинили иск и которые были ответчиками на суде, проводившемся тремя великокняжескими судьями, был «Гридка десяцкой». Вместе с белозерским сотским Иваном Обуховым и с семьей городскими «людьми» г. Белоозера он свидетельствовал о том, что писцы великого князя князь Ф. Ф. Алабыш и Василий Долматов, отписав на Белоозере дворы у монастырей, «те дворы и люди в тех дворах придали к городу, к нам в тягло, да и в сотницу их, господине, городную к нам написали»²⁶⁰ «Гридка десяцкой» прямо указан в числе городских людей²⁶¹. Ясно, что Гридя был городским белозерским десятским, подчинялся сотскому Ивану Обу-

²⁵⁵ АСЭИ. Т. 1. № 544. С. 423.

²⁵⁶ АСЭИ. Т. 2. № 298. С. 256.

²⁵⁷ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 311.

²⁵⁸ АСЭИ. Т. 2. № 259. С. 172.

²⁵⁹ Там же. № 316. С. 292.

²⁶⁰ АСЭИ. Т. 2. № 332. С. 311.

²⁶¹ Там же.

хову и представлял интересы тяглых жителей Белоозера. В то же время Гриде вместе с белозерским и заозерским сотскими поручалось присутствовать при размежевании земель между князьями-вотчиками совершенно в другом месте бывшего Белозерского княжества и принимать участие в оформлении княжеской разводной грамоты. В этой связи выясняется, что свидетельство упомянутой ранее иммунитетной грамоты 1464 г. Ивана III митрополиту Филиппу на земли около города Владимира о запрещении городским десятским ездить в околгородные села является вполне достоверным. Городские десятские действительно ездили в села. А если так, то их невозможно рассматривать как выборных представителей сельского мира. Очевидно, что происхождение и функции десятских в древности были иными.

Разъезжая грамота от 27 июля 1497 г., устанавливавшая границу великокняжеской земле деревни Гудцовой и земле Троице-Сергиева монастыря деревни Старосельской в Бежецком Верхе, среди свидетелей, присутствовавших «на розъезде», на последнем месте называет Палку (Павла) десятского, представлявшего монастырскую сторону²⁶².

В июне 1501 г. по указной грамоте Ивана III Федор Михайлович Викентьев дал Симонову монастырю разъезжую грамоту, содержащую описание границы монастырской Столешниковской деревни с вотчинной Жагаловской деревней в Пехорском стане у Медвежьих озер. Среди лиц, которые «на розъезде были с Федором Михайловичем и ямы копали и грани клали», грамота называет сотского Ивана Федорова сына Хомутова и пехорского десятского Калинку Степанова сына Першина²⁶³. Поскольку в грамоте кроме Хомутова и Першина перечислено еще 17 человек, трудно понять, кто из них был на розъезде в качестве наблюдателя, а кто занимался межеванием. Важно, однако, подчеркнуть, что сотский и десятский принимали участие в размежевании земель даже в том случае, когда речь шла о границах между монастырским и светским вотчинным владениями.

При розъезде около 1503–1504 г. земли Троице-Сергиева монастыря села Копнинского с землей великокняжеской Заборской волости в Переяславле Залесском «межу указывали... великого князя крестьяне»,

²⁶² АСЭИ. Т. 1. № 613. С. 526. Любопытно отметить, что великокняжеская сторона свидетелей отвода была представлена городецким (бежецким) сотником Семеном Быком, а также «леса Клинского сотником» Иваном Тетерей.

²⁶³ АСЭИ. Т. 2. № 424. С. 464.

²⁶⁴ АСЭИ. Т. 1. № 643. С. 561.

всего 6 человек. Первым среди них назван «заборской десяцкой Ермола Дмитриев сын»²⁶⁴.

В выданной 30 августа 1504 г. властям Симонова монастыря разьежей грамоте, зафиксировавшей границу между симоновским Жданским селом и селом Петровским И. Г. Коробова в Московском уезде, указывалось, что при разъезде земель присутствовали Е. П. Арцыбашев, сотский Жданского стана Г. С. Суков, десятский Нестор Перекин и «Деревеньские волости сотник Андрѣико Родионовъ сынъ»²⁶⁵.

В правой грамоте, выданной 27 февраля 1506 г. властям московского Чудова монастыря на пожню близ города Плеса, бывшую в споре с крестьянами великокняжеской черной деревни Зубцовской, отмечалось, что среди «мужей», при которых вершился суд великокняжеским судьей Иваном Брехом Вельяминовым, был и «десятцкой Лука Мартынов сын»²⁶⁶.

Другие грамоты дают более разнообразные сведения о десятских. Наиболее интересные данные сохранились в самых ранних правых и разъезжих грамотах.

В начале 60-х гг. XV в. между посельским митрополичьего села Аксиньинского в Звенигороде Вавулой и посельским Лешей села Воиславского князя утличского и звенигородского Андрея Васильевича Большого возник спор относительно пустоши Бортеневской. Вавула обвинял Лешу в том, что тот «называет ту пустошь княжищиною», пашет и косит ее своими крестьянами, между тем как пустошь эта — митрополичья. Состоялся суд, который проходил очень обстоятельно, стороны представили своих свидетелей, а старый посельский митрополичьего села Аксиньинского Серапион предъявил и письменный документ: данную грамоту на спорную пустошь. В ходе расследования выяснилось следующее. Спорная пустошь была старинной звенигородской землей. Свое название она получила от Бортена, приданного холопа князя звенигородского и галичского Юрия Дмитриевича. По-видимому, он владел пустошью на праве полной собственности, поскольку от него пустошь перешла к некоему Николаю Мишне и Жеребиле, человеку «Иванова... Володимировичя», возможно одного из сыновей Владимира Григорьевича Ховрина, у которого были четыре сына с одинаковым именем Иван²⁶⁷. У Мишни и Же-

²⁶⁵ АСЭИ. Т. 2. № 429. С. 472.

²⁶⁶ АСЭИ. Т. 3. № 48. С. 70.

²⁶⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 446.

ребилы пустошь Бортеневскую купил другой холоп князя Юрия Дмитриевича Харя Лагирь. Он превратился в княжеского холопа потому, что женился на Ковернице, «робе» княгини Анастасии, жены Юрия Дмитриевича. От князя Юрия Дмитриевича Харя Лагирь получил село Воиславское. Сам Харя Лагирь жил «на Песку» или в самом Звенигороде, но наезжал жить и в село Воиславское. По словам воиславских крестьян-старожильцев Харя Лагирь владел Воиславским 10 лет, оставив это село за 20 лет до состоявшегося в начале 60-х гг. XV в. суда. Речь, следовательно, должна идти о делах начала 30-х гг. XV в. и начала 40-х гг. XV в. По свидетельству старого митрополичьего посельского Серапиона, Харя Лагирь дал пустошь Бортеневскую в митрополичий дом за 12 лет до суда, т. е. около 1450 г. Утверждение Серапиона не противоречит предъявленной им данной грамоте Хари Лагиря, которая адресована митрополиту Ионе, занявшему митрополичью кафедру в конце 1448 г.²⁶⁸ По утверждению Серапиона, именно он как посельский распоряжался в течение 12 лет пустошью Бортеневской, косил ее своими крестьянами или отдавал в наем. Крестьяне же села Воиславского настаивали на том, что они «ту землю орали и косили, а и за Савкою, господине, та земля наша была за нашим христианином в выти». На суд были вызваны свидетели свидетелей. Со стороны крестьян села Воиславского это были «люди добрые, дворской звенигородцкой старой Ларион Слинков, да дворской нынешней Ермола, да Федот Стряпко», а со стороны прежнего митрополичьего посельского Серапиона — Степан Кормилицын, Афанасий Тимошкин и Иван Селифонов. Все они были расспрошены судьей, из них наиболее интересные показания дал Иван Селифонов. Он сообщил, что знает Бортеневскую землю 50 лет, потому что «тогда яз был при князи при Юрье пятидесятник». Бортеневская земля, по его словам, была «изстарины звенигородцкаа, а к нам, господине, к черным не тянула, ни к бояром». То, что бывший пятидесятский Иван Селифонов называл звенигородской землей, другие участники судебного разбирательства называли княжщиной и были правы, поскольку самые ранние свидетельства о селе Воиславском, кстати говоря, неизвестные тянущимся сторонам, характеризуют его именно как княжеское село, о чем уже говорилось выше. Эта княжщина находилась под контролем пребывавших в Звенигороде дворских, которых и призвали в свидетели крестьяне Воиславского села. Но было время, когда княжщина передавалась в дер-

²⁶⁸ *Строва П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 5.

жание, очевидно условное, княжескому холопу-вассалу. От княжщины, а вместе с ней и от боярщины отличалась черная земля. Ее считал «нашей» Иван Селифонов, бывший пятидесятником «при князи при Юрье». Очевидно, будучи пятидесятником, Иван Селифонов должен был знать юридический статус разных околзвенигородских земель. В этой связи показательно, что среди семи лиц, присутствовавших на судебной тяжбе между посельскими Вавулой и Лешей в начале 60-х гг. XV в., названы «сотник звенигородцкой Найдено» и «Деша десяцкой», возглавлявшие, видимо, черных людей и следившие за владельческими изменениями в звенигородской округе²⁶⁹.

Правая грамота, выданная около 1463 г. властям московского Симона монастыря на селища Куземкино Чететкино и Дернково в районе верхнего течения р. Пахры в пределах московского городского уезда, зафиксировала очень интересные показания Лазаря Копорулина. Лазарь Копорулин вместе со старым десятским Иваном Лыко и тремя другими свидетелями защищал в суде интересы неких Корнилки и Ивашки, которые утверждали, что оба селища исстари являлись землей становой великого князя, тяглою. Лазарь Копорулин, сам старый пятидесятский, свидетельствовал, что за 15 лет до Едигеевой рати, т. е. в 1393 г., на спорных селищах жили Куземка Чететка и Дернко, «а то земли великого князя пустоши становые, — и дань, господине, давали и во все потуги с нами тянули». Тогда на тех землях пятидесятским был отец Лазаря. «И как, господине, отец мой мертв, ино, господине, после Едигеевы рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях»²⁷⁰. Десятский Лыко и его товарищи подтвердили слова Лазаря. Монастырские же власти утверждали, что селище Куземкино и еще одно, Стрыйнево, дал вкладом Тимофей Дыбин «по себе», а Дернково — тоже «по себе» Василий Михайлович Морозов, но произошло это лет 30 назад, т. е. в начале 30-х гг. XV в. Из этих свидетельств вырисовывается следующая картина. К началу 90-х гг. XIV в. существовала великокняжеская становая (не волостная!) тяглая земля, участками которой владели люди, бывшие под началом пятидесятского, отца Лазаря Копорулина. Они платили дань и «потуги... тянули». Судя по характеру повинностей, кормленщика на этих землях не было. Участки, которыми владели Куземка Чететка и Дернко, неизвестно каким образом были приобретены в частную собственность Тимофеем Дыбиным и В. М. Морозовым. Пятидесятский в эти

²⁶⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97–98.

²⁷⁰ АСЭИ. Т. 2. № 375. С. 372.

сделки не вступался. Сделки, очевидно, были законными, поскольку на суде 1463 г. их никто не оспаривал. Лазарь Копорулин получил свою должность после отца. Случилось ли так по выбору самих станowych людей, по приказу князя или просто по наследству, рассматриваемый источник не указывает. Но пробыл Лазарь Копорулин в должности пятидесятского довольно долго — восемь лет. Ему явно подчинялся десятский Ивашка Лыко, который в самой грамоте упомянут после пятидесятского Лазаря. Таким образом, эта грамота приоткрывает некоторые стороны жизнедеятельности децимальной тяглой организации, причем не только руководящих, но и рядовых ее членов. Попутно следует отметить, что среди участников судебного разбирательства 1463 г. грамота на первом месте называет сотского (вероятно, Шаховского стана) Федора Левского²⁷¹. Этот сотский присутствовал не только при разграничении становой великокняжеской земли и земли Симонова монастыря, но и при отводе этой же монастырской земли от великокняжеской численной земли, т. е. земли, принадлежавшей числякам²⁷². На последних возлагались специфические государственные повинности, они образовывали особую служебную организацию. Прямое отношение сотского и к станowym людям великого князя, и к его численным людям, возможно, указывает на тесную генетическую связь децимальной организации тяглых людей с известной по многим источникам служебной организацией числяков.

Правая грамота, данная между 1462 и 1478 гг. тому же Симонову монастырю на спорные луг и пашню Лжевские у реки Выходни (Горетов стан Московского городского уезда), указывает, что среди лиц, присутствовавших как на судебном разбирательстве, так и при отводе земли, были Матвейко десятский и сотский Иван Петрович Лугинин²⁷³, который, как уточняет упоминавшаяся выше правая грамота 1490–1498 гг., был сотником Горетовским²⁷⁴. Интересно отметить, что проигравшей стороной в споре с Симоновым монастырем был Исачко Шаблыка попов сын Андреев, который утверждал, что Лжевские луг и пашня — «земля черная великого князя моей деревни»²⁷⁵. Происхождение Исачки Андреева из семьи священнослужителя указывает пути формирова-

²⁷¹ АСЭИ. Т. 2. № 375. С. 374.

²⁷² Там же. № 374. С. 370; № 376. С. 374.

²⁷³ Там же. № 370. С. 365.

²⁷⁴ Там же. № 404. С. 417.

²⁷⁵ Там же. № 370. С. 364.

ния черного тяглого населения, что, кстати говоря, в общем виде предусматривалось еще ярлыком 1267 г. хана Менгу-Тимура, согласно которому на брата и на сына священника, живших вместе с последним, не распространялись налагаемые Ордой повинности, но они требовались и взимались, если попов сын или попов брат отделялись («выступились») от дома священника²⁷⁶. В споре с монастырем Исачка Андреев опирался не на поддержку какой-либо сельской общины, а только на одного знакомого ему знахаря-старожильца Григория Ошеру. Тот хотя и утверждал, что еще за 60 лет до суда Лжевская земля была великокняжеской, но его воспоминания не помогли, и попов сын проиграл спор с монастырем.

Интересные сведения содержит разъезжая грамота, полученная Симоновым монастырем между 1462 и 1485 гг. Грамота зафиксировала границу симоновских владений у одного из упоминавшихся выше озер Медвежьих с землями великого князя. Разъезд был осуществлен дьяком Ивана III, а свидетелями размежевания были «мужи: пехорской сотцкой Юрька Лычев, Гаска десятцкой, Иван повар, Мартын Маковников, Олфер Ревякинской, Михаль Жижнеевской, Перша Исаков, Якуш Бабин, Сысой десятцкой, Бабыня, Федко десятцкой Кошелева стану»²⁷⁷. Наряду с сотским названы трое десятских. Возможно, десятским был и Михаль Жижнеевский. Во всяком случае, в 60-х гг. XV в. вместе с пехорским сотским Юрием Лычевым, известным уже нам десятским Сысоем действовал и «десятцкой бортной Михалко»²⁷⁸, имя которого совпадает с именем Михаля Жижнеевского. Тогда все они выступали от имени всей «волости» «хрестиян Пехорского стану»²⁷⁹. Как бы то ни было, в 60-е гг. XV в. указание на сотского и трех десятских среди свидетелей размежевания в грамоте 1462–1485 гг. является уникальным и представляется весьма симптоматичным. Дело в том, что кроме сотского в грамоте названо ровно 10 «мужей»-свидетелей. Возможно, перед нами тот случай, когда при размежевании великокняжеских (дворцовых?) и монастырских земель присутствовали все руководящие лица Пехорской волости: 10 десятских во главе с сотским. О том, что децимальная система не выросла естественным образом снизу, а целенаправленно создавалась сверху, в интересах властных структур, сви-

²⁷⁶ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987. Вып. 3. С. 589.

²⁷⁷ АСЭИ. Т. 2. № 371. С. 366.

²⁷⁸ Там же. № 381. С. 377.

²⁷⁹ Там же. С. 380.

детельствует один малозаметный, но характерный штрих. Среди свидетелей назван повар Иван. В крестьянской общине человек с такой специальностью был не нужен, там варить и стряпать могла каждая крестьянская семья. А в организации, обслуживавшей князя или его окружение, человек такой профессии был необходим. Пребывание князя на стане, даже кратковременное, требовало приготовления еды и питья. В данном случае под поваром мог пониматься человек, который варил пиво на княжеском стане — переваре. Московские вари-перевары упоминаются в завещании 1359 г. великого князя Ивана Ивановича²⁸⁰ и в договорных грамотах московских князей XIV в.²⁸¹ О приготовлении ячменного пива на переварах сообщает новгородская берестяная грамота конца XIV — начала XV вв.²⁸²

Любопытные факты о десятских сообщает правая грамота, полученная властями Симонова монастыря между 1485–1490-ми гг. Речь в ней шла о расположенном недалеко от Москвы земельном участке, который вспахал и засеял Ивашка Саврасов. Ему эту землю дал сам «князь великий... осенесь о Покрове святыя богородицы», т. е. около 1 октября, и даже выдал на нее особую грамоту²⁸³. Однако архимандрит Симонова монастыря Зосима предъявил Ивашке Саврасову иск, утверждая, что распаханная им земля — монастырская. В ходе судебного расследования Ивашка Саврасов представил четырех свидетелей, утверждавших, что полученная им земля — «великого князя черная». Среди них был десятский Лучка Лазарев, показания которого оказались самыми содержательными. Десятский утверждал: «...дядя мой Онисим Пискло косил то Левково и Якушеве на великого князя конь, на становой, [с] становыми крестьяны при сотнике при Степане при Сарычине», который в прошлом участвовал в судебном разбирательстве относительно юридической принадлежности спорных земель²⁸⁴. Выясняется, что десят-

²⁸⁰ ДДГ. № 4. С. 17, 15.

²⁸¹ Там же. № 2. С. 11 («бортницы въ перев[ар]ахъ»); № 5. С. 20; № 11. С. 31; № 13. С. 38. Статьи о данщиках в № 5 и в № 13 указывают на тождественность понятий «вара» и «перевара».

²⁸² Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 222. Грамота № 3. На с. 307 эта грамота датирована 1396–1409 гг. (6 ярус).

²⁸³ АСЭИ. Т. 2. № 400, С. 406. Хотя грамота Ивана III Ивашке Саврасову была предъявлена на суде, в правой грамоте, выданной выигравшему дело Симонову монастырю, ее текст вопреки обыкновению не приведен, видимо, потому, чтобы не подчеркивать произвольность окончательного решения, вынесенного тем же Иваном III.

²⁸⁴ Там же. С. 407.

ский Лучка был причастен к той категории лиц, которая обслуживала княжеский стан, занимаясь по меньшей мере заготовкой сена для содержащихся на стане княжеских коней, и что во главе этих становых крестьян стоял сотник. И сотник, и десятский принимали участие (в данном случае — каждый в свое время) в судебных разбирательствах относительно юридического статуса спорных земель.

В спорном деле относительно земли Сонинской в московском Горетове стане, которую Семен Кожа называл старинной землей великого князя тяглою, а монастырский крестьянин Василий Узкий — землей Симонова монастыря, завершившемся выдачей в 90-е гг. XV в. правой грамоты Симонову монастырю, содержатся некоторые уточняющие данные о деятельности десятских и стоявших над ними сотских. В ходе судебного расследования выяснилось, что Сонинская земля получила свое название от имени дяди одного из свидетелей Семена Кожы Василия Ступина. Дядю звали Соней. Василий Ступин знал и границы Сонинской земли. В одном месте они подходили к вымлу, принадлежавшему десятскому Алексею и находившемуся близ р. Горетовки. Когда судьи спросили десятского Алексея: «Чья то земля с тобою в межу?», он сказал: «Яз, господине, живу в своей деревне пятьдесят лет, а ту, господине, землю со мною пашут о межу монастырские крестьяня к Болкошыну. А того, господине, не ведаю, чья то земля истарины»²⁸⁵. Выясняется, что десятский жил отдельно от остальных, в своей деревне, и, хотя жил полвека, не знал, на каких юридических основаниях пользуются соседней с ним землей монастырские крестьяне. Из показания Алексея невозможно заключить, был ли он те пятьдесят лет, что жил в своей деревне, десятским, или отправлял свою должность только в тот год, когда случилось судебное разбирательство. Зато показания другого свидетеля со стороны Семена Кожы — Кузьмы Панушина — проливают некоторый свет на вопрос о продолжительности деятельности десятского. Куземка Панушин заявил: «А отец мой, господине, сказывал мне, что был десяткой у трех сотнических, а то, господине, земля великого князя Сонинская истарины тяглая»²⁸⁶. Выясняется, что десятские пребывали в своей должности весьма длительное время. В правой грамоте названы и старые сотские, видимо те, при которых десятским был отец Куземки Панушина: Афанасий Сидоров, Федор Карачаров, Тимофей Лунов. Все они в свое время сдавали Сонинскую пустошь

²⁸⁵ АСЭИ. Т. 2. № 404. С. 416.

²⁸⁶ Там же. С. 415.

«в наем»²⁸⁷. К моменту суда их уже не было в живых, но к суду привлекался в качестве свидетеля действовавший горетовский сотский, уже известный нам Иван Лугинин. Ему был задан вопрос: «Сколько давно держишь сотцкое, а та земля Сонинская у тебя в сотнице написана ли?» И сотский ответил: «Сотцкое, господине, за мною лет с тридцать, а в сотнице, господине, тое земли Сонинские нет»²⁸⁸. Выясняется, что Иван Лугинин пребывал в своей должности очень долго. Его сотское началось в 60-е гг. XV в. Если до него было трое сотских, а известной временной гранью в показаниях свидетелей по делу о принадлежности Сонинской земли был великий мор, т. е. 1426–1427 гг.²⁸⁹, то можно предполагать, что эти трое сотских держали сотское в конце 20-х — начале 60-х гг. XV в. В таком случае свидетельство Куземки Панушина о своем отце, бывшем десятским при трех сотских, говорит о том, что и должность десятского сохранялась за одним человеком в течение нескольких десятилетий. А такая длительность указывает скорее не на выборность, а на назначаемость десятских и сотских.

Ценные данные о десятских извлекаются из трех грамот суздальского Спасо-Евфимьева монастыря: одной разъезжей и двух правых. Особенностью этих грамот является то, что в них фиксировались границы монастырских земель не с черными тяглыми землями московских великих князей, как было характерно для большинства подобных грамот, а с частными княжескими владениями, по сути дела — с боярщинами, располагавшимися вблизи г. Суздаля. В разъезжей грамоте 1497–1498 г. указывалось, что среди свидетелей разъезда был «городной десяцкой Лева Хомутина»²⁹⁰. Выясняется, что городской десятский имел отношение к определению юридического статуса подгородных земель, вовсе не принадлежавших черным людям. В правой грамоте того же времени среди свидетелей, присутствовавших на суде, назван «десяцкой Конша Завернихин»²⁹¹. К сожалению, источник не уточняет, был ли Конша Завернихин городским или сельским десятским. В другой правой грамоте свидетелями судебного разбирательства среди других были «десяцкой Ельсук да Лева Хомутина»²⁹². Десятский снова уча-

²⁸⁷ Там же. С. 414.

²⁸⁸ Там же. С. 415.

²⁸⁹ Об этом моровом поветрии см.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 168, 169.

²⁹⁰ АСЭИ. Т. 2. № 491. С. 531.

²⁹¹ АСЭИ. Т. 2. № 493. С. 541.

²⁹² Там же. № 491. С. 535.

ствуем в суде, но был ли он десятским городским или сельским, источник не указывает. Назван и Лева Хомутина, известный как городской десятский по разъезжей грамоте 1497–1498 гг. К сожалению, правая грамота, где Лева Хомутина фигурирует вместе с десятским Ельсуком, не имеет точной даты. Выше уже отмечалось, что она не одновременна с разъезжей 1497–1498 г., а насколько именно близка по времени последней, сказать трудно. Поэтому сложно определить, являлся ли Лева Хомутина десятским в момент составления правой грамоты и в этом ли качестве назван он среди свидетелей судебного разбирательства вместе с десятским Ельсуком. Последний вариант исключать нельзя, но если было именно так, это должно служить важным предостережением при интерпретации правых и разъезжих грамот. Вполне возможно, что писцы таких грамот не указывали или по меньшей мере не всегда указывали должностей лиц, присутствовавших при судебном разбирательстве или размежевании земель. Иначе говоря, участие десятских в такого рода делах в реальности было гораздо более частым, чем рисуется источниками. А это, естественно, должно влиять на окончательные суждения о месте и значении децимальной системы в истории средневековой Руси в целом.

Оставляя пока в стороне до особого разбора 5 грамот о десятских в митрополичьей московской Селецкой волости, можно подвести некоторые итоги рассмотрения сведений о десятских в правых, разъезжих, отводных и т. п. грамотах 60-х гг. XV в. — начала XVI в. Эти источники подтверждают прежнее заключение относительно того, что институт десятских в целом является частью децимальной системы. Десятские были связаны с сотскими и подчинялись им. Существовали еще и пятидесятские, которые, оказывается, действовали не только в городе, как то получается по жалованным тарханно-обельным и несудимым грамотам, но и в околгородных станах. Децимальная система охватывала не только различные категории великокняжеских и княжеских людей, включая так называемые служебные организации, в частности становых людей, но она была перенята в некоторых митрополичьих (Селецкая волость Московского уезда) и троице-сергиевых (земли в Городском стане Бежецкого Верха) и чудовских (село Филипповское в Маринине слободе Переяславля Залесского) монастырских владениях. Десятские (часто вместе с сотскими) выступали в судах по земельным тяжбам. Они выполняли роли мужей-послухов при ведении суда, были свидетелями размежевания земли или собственно межевщиками. Эти функции накладывались на них не только тогда, когда земельные споры

касались их собственной тяглой, или черной, земли, но и тогда, когда тяжба шла между церковными и светскими землевладельцами, в том числе представителями великокняжеского дворцового ведомства. Участвуя в таких качествах в суде низшей инстанции, десятские могли выступать и в суде самой высокой инстанции — великокняжеском, но там только в качестве свидетелей.

Сроки пребывания в должности десятских, пятидесятских и сотских были различны. Источники позволяют говорить о длительной (до 30 лет) деятельности десятского, до 8 лет — пятидесятского, до 30 лет — сотского. Такое длительное пребывание в должности скорее указывает на то, что в XV в. эти лица назначались, а отнюдь не выбирались. Есть намек на сохранение должности пятидесятского по наследству. Однако, сколь ни ценны эти данные, они касаются должностных лиц децимальной системы и почти не проливают света на характер взаимоотношений этих лиц с рядовыми членами такой организации. Некоторые сведения об этом содержатся в актовых источниках иного рода.

Кроме правых, разъезжих, отводных и разводных грамот, рассмотренных выше, существует еще три вида грамот XV в., где упоминаются десятские и которые позволяют полнее охарактеризовать их деятельность. В данной грамоте Маланьи Львовны, вдовы Алферия Борисова, Троице-Сергиеву монастырю на пустошь и дубраву в Городецком стане Бежецкого Верха, составленной между 1467 и 1474 гг., среди послухов на последнем месте упомянут «Осташко десяцкой присецкой». Ранее него в числе тех же послухов назван «Палка соцкой городецкой»²⁹³. Определение Евстафия (Остатки) как десятского присецкого примечательно. Данные вдовой Маланьей пустошь и дубрава стали землями села Присецкого²⁹⁴. Это село было владением Троице-Сергиева монастыря уже к началу 30-х гг. XV в.²⁹⁵. Следовательно, в 60–70-е гг. XV в. присецким десятским можно было назвать только монастырского десятского. Это заключение согласуется с наблюдениями, сделанными ранее: по меньшей мере еще в двух случаях грамоты фиксируют существование в Бежецком Верхе среди крестьян Троицкого монастыря десятских, причем в грамоте от 27 июля 1497 г. речь шла о земле, относив-

²⁹³ АСЭИ. Т. 1. № 372. С. 271.

²⁹⁴ Там же. С. 447. С. 335.

²⁹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 74. С. 65–66. Если грамота датирована по мартовскому летосчислению, то ее дата — 26 сентября 1433 г.

шейся к тому же селу Присецкому²⁹⁶. Но особенно примечателен тот факт, что десятский Осташко привлекался в качестве свидетеля при письменном оформлении земельного вклада в монастырь.

Десятских знает жалованная уставная грамота, данная 29 июля 1509 г. дмитровским и кашинским удельным князем Юрием Ивановичем бобровникам Каменского стана в Дмитрове. Бобровники находились в ведении ловчего, его тиунов и доводчиков. Статья 7 грамоты предусматривает, что корм ловчему и людям его аппарата взимается с деревень бобровников дворским «з десятцкими и з добрыми людьми», которые занимаются раскладом корма по деревням, затем собирают его и отвозят в город Дмитров ловчему трижды в год. В грамоте указывается, что делает это «староста с десятцкими»²⁹⁷. Дворский и староста здесь, видимо, синонимы. Десятские, скорее всего, входили в понятие «лутчих людей», которые упоминаются в статье 21 уставной грамоты: «а без дворьского и без лутчих людей ловчему и его тиуну суда не судити никакова»²⁹⁸. Земельные тяжбы, как можно было убедиться выше при разборе правых и разъезжих грамот, проходили при участии десятских. Возможно, имущественные споры, мелкие уголовные преступления также вершились в присутствии десятских.

Но уставная грамота 1509 г. раскрывает еще одну функцию этих людей. Десятские вместе с другими лицами раскладывают поборы на деревни, собирают их и отвозят в город ловчему, его тиунам и доводчикам. Несколько высветляется, таким образом, та сторона деятельности десятских, которая была обращена к рядовым тяглым людям. Но в целом десятские предстают как финансовые княжеские агенты, взимая и выплачивая денежные суммы.

Взаимоотношения подобного рода фиксируют и так называемые льготные грамоты. Таких грамот, в которых упоминаются десятские, за XV в. сохранилось всего три. Они датированы мартом 1496 г. и 23 июля 1497 г. (две грамоты). Все они дошли в составе подписного докладного судного списка, полученного властями Троицкого Калязина монастыря 26 января 1504 г. от того самого князя Юрия Ивановича, который пятью годами позже дал жалованную уставную грамоту бобровникам дмитровского Каменского стана. Суть дела, в результате которого был дан судный список, заключалась в следующем. Около 1503 г. власти

²⁹⁶ Там же. № 443. С. 330; № 613. С. 526.

²⁹⁷ АСЭИ. Т. 3. № 27. С. 48.

²⁹⁸ Там же. С. 49.

Калязинского монастыря предъявили иск к 7 крестьянам, жившим в 4 починках Жабенской волости Кашинского уезда, обвиняя их в том, что они захватили землю монастыря и что 4 крестьянских починка — монастырские. 7 ответчиков упрямо отрицали все претензии калязинского старца Агафона, утверждая, что они «сѣли... на тѣ места за великого князя». В ходе расследования, в котором обе стороны явно лукавили, а то и просто лживили, стремясь выиграть процесс, выяснилось, что еще в 1483 г., в период независимости Тверского княжества, тверской великий князь Михаил Борисович разрешил властям Троицкого Калязинского монастыря «копити слободу» в осваивавшихся землях по верхнему течению р. Жабны, правого притока Волги. При этом был очерчен рубеж монастырских слободских земель: «по рубеж по Углецкой, да по Бобровники, да по Курьшинской рубеж, да по Заозерской рубеж, да по слободку по Гридинскую, да по слободку по волостную по Жабенскую». Монастырский слободчик для заселения слободы мог звать людей «из зарубежья и из-за бояръ здѣшних, а не з выти моее великого князя»²⁹⁹. Под «вытью» тверского великого князя должна подразумеваться какая-то часть земли по верхней Жабне. И действительно, при определении границ земель Калязина монастыря в 1503 г. были названы «земли великого князя Гридинская слободка и волостная слободка Жабенская»³⁰⁰, правда, в начале XVI в. это были земли уже не великого князя тверского, а великого князя московского. Тем не менее юридическое различие двух слобод на великокняжеской выти было сохранено: одна слобода (Гридинская) была просто великокняжеской, другая (Жабенская) великокняжеской волостной. Жившие в начале XVI в. в 4 починках 7 человек и утверждали, что их рядил на эти починки, точнее, на «лѣс на старь», «дворьской Васюк Дѣв жабенской с волостными людьми з добрыми». В доказательство они предъявили судье великого князя Ивана III Андрею Хвостову три льготные грамоты. Одна из них была дана в марте 1496 г. «по слову великого князя Василья Ивановича всея Руси» дворским Тропыней Гридке (Григорию) и Иванку Степановым детям Трусанова на Матренкино селище. Гридя Степанов сын Трусанов был, очевидно, отцом ответчика 1503 г. Сеньки (Семена) Третьяка Гридина сына Московкина. Гридю Трусанова в 1496 г. рядил в Жабенскую волость дворский Тропыня вместе «з десятцким з Дѣм с Тюшынским да с Семеном с Панеевым, да з Гри-

²⁹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 172. С. 183.

³⁰⁰ Там же. С. 185.

дею с Савинским»³⁰¹. Две льготные грамоты были выданы по слову того же великого князя Василия Ивановича всея Руси в один день 23 июля 1497 г. В первой из них указывалось, что «Васко, дворьской Жабенские волости, да з десятцким з Данилком съ Ячковым, да с Самком с Колцевским, да з Бориском з Задовским» порядили «на лѣс на старь возле Старьское болото» одного из ответчиков 1503 г. Артемку Вострого, предоставив ему 15 лет льготы³⁰². Во второй грамоте было записано, что «дворьской Васьян Жабенския волости да з десятцким з Данилком съ Ячковым, да с Омосом з Дмитровым, да с Ывашком с Шылом» порядили другого ответчика 1503 г. Евдокима Афонаина «на лѣс на старь на Зеленой остров», дав ему льготу на 15 лет³⁰³.

Льготные грамоты вскрывают, таким образом, еще одну функцию десятских: они участвуют в составлении соглашений (ряда) с людьми, желавшими поселиться в волости, и в предоставлении им земельных наделов. В рассматриваемых грамотах они выступали вместе с дворскими, по сути дела, как представители великого князя. По слову последнего они вместе сажают на землю новопришельцев и предоставляют им льготу — налоговый иммунитет — на 15 лет. Интересно свидетельство льготных грамот о совместных действиях десятских с дворскими. Оно носит необычный характер и противоречит данным правой грамоты 1462–1464 гг. митрополиту Феодосию на пустошь Хари Лагирия, согласно которой княжеские дворские ведали дворцовыми селами, а десятские представляли княжескую черную тяглую организацию. Думается, что уникальность свидетельства жабинских грамот 1496–1497 гг. объясняется редкостной ситуацией, имевшей место в Жабенской волости. Ее территория только осваивалась, на великокняжеской выти планировалось создать и собственное княжеское хозяйство, и расселить волость. Отсюда совместные действия должностных лиц разных систем контролировавшегося великокняжеской властью хозяйства. Показания льготных грамот о действиях десятских в сопоставлении с замечанием ответчиков 1503 г. о том, что их принимали в волость жабинский дворский Васюк Деев «с волостными людьми з добрыми», подтверждает высказанную ранее мысль, что в число так называемых «добрых людей» волости должны были входить десятские.

³⁰¹ Там же. С. 183.

³⁰² Там же. С. 182.

³⁰³ Там же.

К сожалению, из этих грамот нельзя извлечь бесспорных данных о сроке отправления своих должностей дворскими и десятскими. Грамота 1496 г. называет в качестве дворского и десятского одних лиц, а грамоты 1497 г. — совершенно других. Шла ли речь о смене дворского и десятского через год, было ли в Жабенской волости одновременно несколько дворских и десятских, сказать сложно. Из дошедших источников таких сведений извлечь нельзя. Но любопытно то, что, принимая 23 июля 1497 г. в волость двух новых людей и предоставляя им участки в разных местах, десятский Данила Ячков действовал в обоих случаях с разными «добрыми людьми»: в одном случае с Самком Кольцевским и Борисом Задовским, в другом — с Осомом Дмитровым и Иваном Шилом. Можно предположить, что это были люди, земли которых соседили с теми участками, которые выделялись новоприбылым Артему Вострому и Евдокиму Афонину. Следует также указать на возможную родственную связь упомянутого в льготной грамоте 1496 г. жабенского десятского Дея Тупинского с жабенским дворским грамот 1497 г. Вассианом (Васюком, Васком, Васьяном) Деевым. Этими данными исчерпываются сведения о десятских в актовом материале Северо-Восточной Руси, но не о децимальной организации как таковой.

В некотором отношении ценный материал содержат документы, относящиеся к митрополичьей Селецкой волости. В свое время относительно этой волости С. Б. Веселовский писал следующее: «Уже в XV в. единство территории волости было разрушено и чересполосно с землями митрополитов и их слуг оказалось довольно значительное количество боярских вотчин. Это дает основание предполагать, что первоначально, в XIV в.³⁰⁴, территория волости была значительно больше той, которую мы можем определить по позднейшим актам. Судя по этим актам, большая часть волости находилась в пределах Манатьина и Быкова стана Московского княжения; в западной части волость немного захватывала Горетов стан Московского уезда, а в северной части переходила за границу Вышегородского стана Дмитровского уезда. Одно это обстоятельство говорит за то, что территория Селецкой волости была очень древнего происхождения»³⁰⁵. Исходя из этих соображений, С. Б. Веселовский утверждал, что Селецкая волость

³⁰⁴ О XIV в. С. Б. Веселовский писал потому, что владения митрополитов, переехавших из Киева во Владимир на Клязьме в 1299 г., в Московском княжестве не могли появиться ранее XIV столетия.

³⁰⁵ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 348.

была митрополичьим владением еще при митрополите Алексее (1354–1378 гг.)³⁰⁶. Однако полное отсутствие упоминаний этой волости в источниках до 60-х гг. XV в. рисует историю Селецкой волости совершенно в ином свете.

То обстоятельство, что земли этой волости в конце XV — начале XVI вв. захватывали как собственно московскую территорию (трех станов, входивших в московский городской уезд XIV в.), так и дмитровскую (часть Вышегородского стана, впервые упомянутого в 1389 г.), указывает на позднее происхождение митрополичьей Селецкой волости, своим появлением нарушившей более ранние административно-территориальные границы. Показательно и то, что различные акты на владения в Селецкой волости, зафиксированные в митрополичьей копийной книге конца 20-х гг. XVI в., в основном относятся к 90-м гг. XV в. — 20-м гг. XVI в.³⁰⁷. Старшей среди них является грамота 1464–1473 гг.³⁰⁸. Очевидно, Селецкая волость являлась новообразованием, таким же, как волость «Пехорского стана» Московского уезда или волости Кистемская и Гавинская, возникшие в пределах старой Усольской волости Переяславля Залесского. Селецкая волость организовывалась митрополитами по типу княжеских черных волостей, т. е. на митрополичьи земли назывались крестьяне, которые собирались в десятки во главе с десятским, а десятки — в сотню во главе с сотским. Уже второй по древности документ на митрополичьи владения в Селецкой волости — разъезжая грамота от 7 июня 1486 г., зафиксировавшая рубеж между митрополичьими Петровской и Лихорадовской землями и землей села Тарикова конюшего князя Ивана Юрьевича Патрикеева, — сообщает, что на разъезде «христиан селецких было: десяцкой Конь, да Филис, да брат его Кобачь, да Михал Сварягин, да Карп Березнищкой, да Карп Останин, да брат его Фомка, да Заня Качаловской, да Невер Воробьевской, да Измалко Фефилов»³⁰⁹. Этих селецких крестьян было ровно 10 человек во главе с десятским Конем. Грамота упоминает еще и старого десятского Евдокима, который размежевал землю митрополичью от земли Василия Лыскова³¹⁰. Когда образовался десяток десятского Коня, стоял ли десятский Евдоким во главе этого десятка раньше

³⁰⁶ Там же. С. 336.

³⁰⁷ АФЗХ. Ч. 1. № 43–44, 46, 47–54, 57–69.

³⁰⁸ Там же. № 43.

³⁰⁹ Там же. № 44а. С. 58.

³¹⁰ Там же. № 44а. С. 58.

или он возглавлял когда-то свой десяток, сказать трудно. Можно только отметить, что к 1510–1511 гг. в Селецкой волости было несколько десятских, которых возглавлял сотский Фока³¹¹. Через 10 лет после межевания Петровской и Лихорадовской земель случился новый разъезд тех же земель, на этот раз с Марфинской землей Ф. Г. Щибрина. На разъезде в октябре 1496 г. присутствовали «десяцкой Ивашко Конев, да Заня Максимов сын с Качалки, да Левон Носов з Березны, да Бориско Кобачев»³¹². Указание грамоты 1496 г., что Заня Максимов жил в месте, которое называлось Качалками, делает понятным его прозвище в разъезжей грамоте 1486 г.: Качаловский. Вместе с тем становится очевидным, что прозвище Карпа — Березницкий — связано с местом его проживания — Березной (ср. Левон Носов с Березны в грамоте 1496 г.), а прозвище Невера Воробьевского — с Воробьевым. Но если лица, входившие в десяток, жили в местах, носивших разные названия, это означает, что первоначально десяток строился на основе индивидуального владения жеребьями. Эти жеребьи, по-видимому, могли переходить от одного члена десятка к другому. На это намекает прозвище Невера в разъезжей грамоте 1495–1496 гг. Его имя названо наряду с именами Карпа Останина и Зани Качаловского среди свидетелей разграничения земель в Селецкой волости, но прозвище приведено не Воробьевский, как в грамоте 1486 г., а Березинский³¹³. Надо полагать, что к 1495–1496 гг. Невер из Воробьева перешел жить в Березну, где был жеребей его товарища по десятку Карпа. Разъезжая грамота от октября 1496 г. фиксирует представителей следующего поколения членов десятка 1486 г. Это Бориско Кобачев, очевидно сын Кобача, брата Филиса, грамоты 1486 г. и десятский Ивашка Конев, сын десятского Коня, названного в разъезжей 1486 г. При существовании старых и более опытных членов десятка переход должности десятского к Ивану, сыну Коня, трудно объяснить чем-то иным, кроме получения этой должности по наследству.

Состав межевщиков, упоминаемых в разъезжей грамоте 1495–1511 гг.: «Кобач да Демех Новинские, Фомка Останин, Заня Качаловской, Андреянко Филисов, Левко Овдокимов, Ортемко Старой, Деме Шило (Демешило? — В. К.) плотник, Левко Носов, Карп Останин,

³¹¹ АФЗХ. Ч. 1. № 44. С. 58.

³¹² Там же. № 47. С. 63.

³¹³ Там же. № 46а. С. 61.

Федько Неверов, Ивашко десяткой»³¹⁴, свидетельствует о том, что собранные к 1486 г. в десяток крестьяне укореняются в Селецкой волости. В конце XV — начале XVI в. здесь действуют уже не только старые члены десятка Кобач, Фомка и Карп Останины, Заня Качаловский, но и сыновья их товарищей: Андреянко Филисов, сын Филиса и племянник Кобача, Федька Неверов, сын Невера Воробьевского, десятский Ивашко, т. е. тот же Ивашко Конев. Левка Овдокимов был, вероятно, сыном старого десятского Овдокима. Теряются следы упомянутых в разбегжей грамоте 1486 г. Михаля Сварягина, Карпа Березницкого, Измалки Фефилова. Возможно, они оставили свои жеребья и ушли куда-то на другие места. Но в целом, десятичная система, введенная митрополитами в своей новообразованной Селецкой волости, упрочилась, пустила корни, впрочем, чтобы вскоре, уже в XVI в. превратиться в основу поместного землевладения митрополичьих детей боярских³¹⁵.

Данными о десятских в митрополичьей Селецкой волости конца XV — начала XVI вв. исчерпываются сведения о десятских в средневековых актовых источниках, относящихся к Северо-Восточной Руси.

* * *

Что касается другой Руси — Северо-Западной, то здесь также была распространена десятичная система. Ее низшие звенья — десятки и десятские — фиксируются новгородскими писцовыми книгами конца XV—XVI вв. Особенно четко проступает десятичная организация на тех новгородских землях, которые еще в пору независимости Великого Новгорода принадлежали занимавшим новгородский стол князьям. Так, в переписной оброчной книге Деревской пятины 1495 г. описана «Волость великого князя Морева»³¹⁶. Центром волости был соответствующий погост с церквями Успения богородицы и Николая, двором волостеля князя Федора Ивановича Бельского, обосновавшегося там уже после падения Новгорода³¹⁷, дворами его тиунов и доводчиков,

³¹⁴ Там же. № 49. С. 64.

³¹⁵ Ср.: АФЗХ. Ч. 3. М., 1961. № 42, 106, 187, 214, 225.

³¹⁶ Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 703.

³¹⁷ Там же. Стб. 703, 735. Князь Ф. И. Вельский бежал из Литвы в Москву в 1481 г. См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 151, а также с. 283, 287.

а также ямским двором. Кроме того, здесь стояли дворы 5 десятков, в одном из которых жил староста Васко (очевидно, Вассиан), представлявший Крековский десяток. Территория волости делилась на 12 десятков. Каждый из них состоял из нескольких деревень. Названия десятков: Погостский, Семеновский, Туковский, Толочинский, Селецкий, Бродский, Жабенский, Устьморевский, Крековский, Одовский, Чепятинский и Вельский ³¹⁸, показывают, что десятки могли получать свои названия как по личным именам и прозвищам, так и по своему географическому положению (десяток Устьморевский). Десяток Бродский состоял из 16 деревень ³¹⁹, из такого же количества деревень — десяток Устьморевский ³²⁰, а десяток Жабенский — всего из 4 ³²¹. Такое состояние десятков свидетельствует о имевшей место к концу XV в. деформации децимальной системы в волости Мореве. Вместе с тем нужно отметить факты и иного рода. Так, Селецкий десяток состоял из 11 деревень и 2 починков ³²². Но 2 починка и 1 деревня упомянуты в самом конце списка поселений Селецкого десятка. На починках крестьяне «сели ново», а деревня Кузьмино, вероятно, недавно превратилась в деревню из починка, поскольку с нее «старого дохода не было» ³²³. За вычетом 2 новых починков и 1 деревни Селецкий десяток насчитывал ровно 10 более старых деревень.

В Семеновском десятке писцовое описание 1495 г. застает 16 деревень и 1 починок ³²⁴. Починок носил характерное название Новоселка, и ранее «дохода с него не было» ³²⁵. Очевидно, починок был поставлен позднее 16 деревень. Из последних самой крупной была деревня Семеновская, где насчитывалось 9 дворов. В самом первом жил «Якуш Балагур десятцкой» ³²⁶. Наименование деревни, ее многодворность, проживание в ней в конце XV в. десятского указывают на то, что когда-то в данном месте жил десятский Семен, давший название и дерев-

³¹⁸ Новгородские писцовые книги. Т. 2. Стб. 704, 707, 710, 713, 716, 718, 721, 723, 726, 728, 731, 733.

³¹⁹ Там же. Стб. 718–721.

³²⁰ Там же. Стб. 723–726.

³²¹ Там же. Стб. 721–723.

³²² Там же. Стб. 716–718.

³²³ Там же. Стб. 718.

³²⁴ Там же. Стб. 707–710.

³²⁵ Там же. Стб. 710.

³²⁶ Там же. Стб. 707.

ни, и всему десятку. Помимо деревни Семеновской в десяток входили деревни Новоселка, Караваево, Лоптово, Голощапово, Федьково, четыре деревни Хлебаловы, Бердниково, Болтухово, Пугачево и Олисеево, где жили княжеские слуги, и две деревни Голицыны. Одинаковые названия деревень Хлебалово и Голицыно свидетельствуют о процессе расселения крестьян из двух первоначальных деревень Хлебалово и Голицыно. Кстати говоря, в одной из деревень Хлебалово ранее жил княжеский слуга³²⁷. Не входили в первоначальный десяток и деревни Пугачево с Олисеевым, которые также принадлежали княжеским слугам. За вычетом этих деревень, трех Хлебаловых и одного Голицына Семеновский десяток будет насчитывать ровно 10 деревень. И хотя дворов в этих 10 деревнях в конце XV в. оказывается значительно больше десяти, первоначальную территориальную структуру Семеновского десятка можно реконструировать. Сама допустимость подобной реконструкции указывает на то, что децимальная система в волости Мореве в конце XV в. отнюдь не являлась «пережитком седой старины», как в свое время утверждал А. Л. Шапиро³²⁸. Создание здесь такой системы должно связываться с княжеской властью, которой Морева и принадлежала. Искусственность децимального членения населения Моревы подчеркивается тем обстоятельством, что в конце XV в. с каждого десятка, несмотря на значительную разницу в количестве населения разных десятков, продолжали собирать на великого князя по 1 с четкою коробьи гороха, по 1 с четкою коробьи конопли, по 1 с четкою коробьи пшеницы и по 1 пуду меда³²⁹. Судя по бережанным грамотам, сбор натуральных повинностей в коробьях распространяется в Новгородской земле с XIV в.³³⁰. Следует заметить, что децимальная система в Мореве пришла на смену системе погостской, остатки которой в конце XV в. обнаруживаются в существовании погоста-места Моревы, который по сути дела превратился

³²⁷ Там же. Стб. 709.

³²⁸ Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 55.

³²⁹ Новгородские писцовые книги. Т. 2. Стб. 707, 710, 713, 716, 718, 721, 726, 731, 733. Только с Жабенского десятка вместо гороха в том же количестве собиралась рожь, если только слово «рожь» не описка вместо слова «гороха» — Там же. Стб. 723. Не показан размер сбора в пользу великого князя только с последнего Вельского десятка (стб. 735). Возможно, здесь просто пропуск копистов писцовой книги.

³³⁰ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 625 (указание грамот, содержащих слово «коробья»).

в центр волости, где располагался волостель с подчиненным ему аппаратом тиунов и доводчиков.

Великокняжеской была и соседняя с Моревой волость Велилия. Как и Морева, Велилия была дана Иваном III в кормление князю Федору Бельскому³³¹, но после прекращения этого кормления велильские земли в отличие от моревских были розданы в поместья разным помещикам. Поместья перекроили территории десятков. Поэтому деление волости Велилии на десятки не проступает столь отчетливо, как в Мореве. Тем не менее здесь фиксируются 8 десятков: Погостицкий³³², Порецкий³³³, Добрецкий³³⁴, Иломский³³⁵, Замошский³³⁶, Ляховицкий³³⁷, Онолецкий³³⁸ и Голодушский³³⁹.

В Погостицком, Добрецком, Порецком и Ляховицком десятках зафиксированы десятские³⁴⁰. Но если в трех последних десятках десятские несли такие же повинности, как и их соседи, рядовые члены десятка, то в Погостицком десятке десятскому уплачивались повинности: 1 1/2 четки ржи и 3 четки овса, а также, вероятно, 2 деньга померного³⁴¹. Последнее означает, что погостицкий десятский, возможно, выполнял функции померщика (отмерщика), которому полагалась особая плата³⁴².

В конце XV в. сохранялось деление на десятки и в еще одной старой новгородской княжеской волости — Холмской. Однако в отличие от Моревы и Велилии в Холмской волости, которая писцами 1495 г. называлась также и погостом, существовала несколько иная система административного устройства. Погост делился на станы. Упоминаются Лазаревский, Кунский, Ратновский и Морховский станы³⁴³. Первые три стана делились на десятки. В Лазаревском стане писцовая книга 1495 г. на-

³³¹ Новгородские писцовые книги. Т. 2. Стб. 736.

³³² Там же. Стб. 737.

³³³ Там же.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Там же. Стб. 742.

³³⁶ Там же. Стб. 748.

³³⁷ Там же. Стб. 758.

³³⁸ Там же. Стб. 771.

³³⁹ Там же. Стб. 779.

³⁴⁰ Там же. Стб. 737, 740 (ср. стб. 737), 767.

³⁴¹ Там же. Стб. 737.

³⁴² Ср. там же. Стб. 767–769.

³⁴³ Там же. Стб. 827, 836, 842, 844.

зывает Замошский, Лукинский, Хловицкий, Заячков и Стержинский десятки³⁴⁴; в Кунском — Зуевский, Галибинский и Прилуцкий³⁴⁵; в Ратновском — Муравьевский десяток³⁴⁶.

Кроме того, писцами упомянут Куравьевский десяток, но относился ли он к какому-либо стану — неизвестно, может быть, это описка или опечатка вместо Муравьевского десятка³⁴⁷. Обращают на себя внимание перечни деревень в станах Холмского погоста без уточняющих пояснений, к каким десяткам они относились³⁴⁸. Если здесь не отразились простые небрежности переписчиков текста, то перед нами, быть может, указание на то, что в станах, появление которых было связано с погостами, со временем заводились волости-десятки, но это затрагивало не все станы и не в одинаковой степени. Отсюда разное число десятков в станах Холмского погоста-волости и отсутствие десятков в Морховском стане.

В двух десятках Лазаревского стана — Замошском и Стержинском — писцовая книга 1495 г. фиксирует десятских. Они жили в деревнях и несли те же повинности, что и рядовые крестьяне³⁴⁹. В этом отношении их положение было идентичным положению десятских в Велильской волости.

С данными о существовании десятичной системы на княжеских землях в Новгороде, извлекаемыми из писцовой книги 1495 г. Деревской пятины, полностью согласуются показания более ранних актов источников.

Грамота Ивана Калиты, новгородского посадника Даниила и новгородского тысяцкого Авраама, адресованная коломгорскому посаднику и двинским боярам, датируемая в настоящее время 1329 г.³⁵⁰, передает Печерскую сторону, Кегрольский погост и Волок некоему Михаилу, который «ходить на море въ дватцати челоуѣкъ»³⁵¹. Несколько более поздняя грамота Ивана Калиты печерским сокольникам Жиле «съ дру-

³⁴⁴ Там же. Стб. 827, 844, 850, 856, 861.

³⁴⁵ Там же. Стб. 872, 876, 880.

³⁴⁶ Там же. Стб. 842.

³⁴⁷ Там же. Стб. 871.

³⁴⁸ Там же. Стб. 836, 841.

³⁴⁹ Там же. Стб. 830, 861.

³⁵⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 163.

³⁵¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 85. С. 142.

ги» перечисляет 19 сокольников. Все они названы исключительно по именам, лишь один назван по собственному имени и имени отца: «Микитица Ивановъ сынъ»³⁵². Упоминание в косвенной форме Ивана означает, что и он был причастен к той же организации сокольников, насчитывавшей вместе с ним ровно два десятка. Кстати говоря, значительно более поздняя жалованная грамота, данная 25 января 1507 г. московским великим князем Василием III сокольникам, но на сей раз переяславским, также фиксирует у них организацию, состоявшую из двух десятков³⁵³. Возможно, что первоначально из десятка или десятков состояла и организация княжеских старорусских тонников (рыболовов), созданная на новгородских землях при Дмитрии Донском. В сохранившихся жалованных грамотах, полученных ими от московских великих князей Василия Васильевича и его сына Ивана III, указывалось, что «давати им мнѣ, великому князю, по три берковски меду через год, а не будет меду, ино по три рубли»³⁵⁴. Как свидетельствуют документы кремлевской находки 1843 г., с одного десятка собиралось по полтора рубля в год. Если тонники были изоброченены только медом, который они должны были поставлять к великокняжескому столу на сумму в 3 рубля один раз в два года, тогда тонники были организованы в один десяток. Если они были изоброченены не только медом, но и обязаны работой (хотя эта повинность тонников в сохранившихся грамотах специально не оговорена, но могла быть указана в утраченных ими 4 грамотах³⁵⁵), которую они также должны были выполнять через год, тогда организация тонников состояла из двух десятков.

Другой термин — «десяток» в значении группы людей, фигурирующий в документах кремлевской находки 1843 г., — до последнего времени вообще не был известен исследователям средневековой Руси³⁵⁶.

³⁵² Там же. № 84. С. 142. В. Л. Янин, давая широкую датировку этой грамоты — 1327–1339 гг., — в то же время склоняется к мысли, что грамоту нужно относить к 1335 г. См.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 164. Последнее представляется верным, поскольку Иван Калита в этой грамоте в отличие от грамоты № 85 титулуется великим князем всея Руси (что В. Л. Яниным оставлено без внимания), а таким он мог стать только после смерти в 1332 г. владимирского великого князя Александра Васильевича Суздальского. См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 140–141.

³⁵³ АСЭИ. Т. 3. № 25. С. 46–47.

³⁵⁴ Там же. № 13. С. 29; ср. № 21. С. 37.

³⁵⁵ АСЭИ. Т. 3. № 21. С. 37, помета на обороте грамоты.

³⁵⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 659–660. Уникальное сообщение о десятке, которое сохранила жалованная тар-

В 1969 г. в Новгороде была обнаружена берестяная грамота XIV — начала XV в., содержащая следующий текст: «Поклонѣ от Федора и от Коузми и от хого десятиа Сидору и к Мафию. Переми посядници кунями. Неси подяи, а ото в лонихъ в недоборехъ, в нинишнихъ. И про- си борца о Петрови дни: лонции борицъ своимъ недоборомъ, а нишнии борицъ своимъ. В недоборехъ плати ми ся животиною»³⁵⁷. Хотя гра- мота оказалась весьма трудной для прочтения и истолкования, следу- ет согласиться с издателями, что слова «от хого десятиа» следует по- нимать как «от всего десятка»³⁵⁸. А. В. Арциховский и В. Л. Янин пред- ложили видеть в этом десятке орган республиканского новгородского управления, включавшего 10 сотских³⁵⁹. Думается, что теперь, после обнаружения данных о делении на десятки тяглых людей, в таком до- пущении нет необходимости. Речь в грамоте идет об уплате недоборов за два года (прошлый и нынешний) черноторцам, начинавшим сбор этого налога с Петрова дня (29 июня). Недобор должны были платить тяглые люди, объединенные в десяток. От их имени и пишут Федор и Кузьма новгородским адресатам, быть может своим сотским Сидору и Матвею, прося их внести соответствующие куны и обещая расплатить- ся за этот взнос скотом.

Случайное упоминание в новгородском источнике десятка и пол- ное отсутствие во всех известных к настоящему времени новгородских и псковских актах десятских может ставить под сомнение существова- ние децимальной системы в Новгороде и Пскове, ограничивая ее рас- пространение только некоторыми княжествами Северо-Восточной Руси. Однако существование децимальной системы обнаруживается и в нов- городских землях. В этом отношении большой интерес представляет берестяная грамота № 253, обнаруженная в 1956 г. на Неревском раскопе

ханная и несудимая грамота, данная около 1435–1437 гг. тверскими князьями во гла- ве с тверским великим князем Борисом Александровичем тверскому Отрочу мона- стырю: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его оправдати, ино тогда архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника дает по десятку тверскими кунами» (АСЭИ. Т. 3. № 117. С. 154), тем не менее не вполне ясно по сво- ему смыслу: идет ли речь о половниках, организованных в десятки, или в десятках собирается некая сумма для татарского посла.

³⁵⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1978. С. 9, 58–59 (грамота № 463). Уточнение правописания неко- торых слов сделано А. А. Зализняком. См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 521.

³⁵⁸ Там же. С. 59.

³⁵⁹ Там же. С. 60.

в Новгороде, в 7–8 ярусах, датируемых в настоящее время 1369–1396 гг.³⁶⁰ Текст грамоты очень короток: «От Маскима ко десясцянамо. Дать Мелеяну 8 деже, накладо и вешн. А ты, старосто, сberi»³⁶¹.

Первый издатель грамоты А. В. Арциховский так прокомментировал этот приведенный текст: «В имени Максима буквы переставлены. В имени Емельяна отпала первая буква. Небрежностью объясняется противоречие между множественным числом в адресе и единственным числом в приказании. Слово „Десясцянамо“ — дательный падеж множественного числа. В писцовой книге Шелонской пятины конца XV в. упомянута деревня Десятцкое. Грамота адресована ее жителям или жителям другой деревни с подобным названием. Грамота является хозяйственным распоряжением. Емельян должен был получить 8 деж, наклад и вешн»³⁶². Слово «наклад» А. В. Арциховский объяснял как «лихва, проценты», а слово «вешн» — как «вещи», в грамоте же исследователь видел письмо феодала своему ключнику, который кроме сбора хлеба, процентов и вещей должен был еще собрать и старост³⁶³. Поправки в прочтение грамоты внес Л. В. Черепнин. Он предложил читать вместо «вешн» — «верши», т. е. хлеб, зерно, а под словом «старосто» понимать не старост, а старосту, т. е. Емельяна, который упоминался в грамоте³⁶⁴. С такой интерпретацией грамоты согласился В. Л. Янин³⁶⁵. Трактовку Л. В. Черепниным слова «старосто» как звательный падеж единственного числа от слова «староста», а не как родительный падеж множественного числа принял А. А. Зализняк³⁶⁶. Мнения двух авторитетных исследователей в данном случае представляются бесспорными. Что касается других чтений грамоты и общей ее оцен-

³⁶⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 — 1957 годов). М., 1963. С. 80; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). М., 1986. С. 307; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 489.

³⁶¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте... С. 80.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же. С. 80–81.

³⁶⁴ Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969, С. 246, 247.

³⁶⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте... С. 241. В работе 1981 г. В. Л. Янин в интерпретации грамоты № 253 еще полностью следовал за А. В. Арциховским. См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 21.

³⁶⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте... С. 299, под словом «староста».

ки, то они нуждаются в коррективах. Прежде всего, по контексту грамоты напрашивается чтение не «и», а «8» («дать Мелеяну 8 деже, накладо 8 веш»). Написание цифры без титла, именно цифры «8», встречается в берестяных грамотах³⁶⁷. При таком чтении приказ Максима «ко десятицянамо» получает четкий и конкретный смысл. Но кто такие «десяцяне»? Если это жители некоей деревни с названием Десятцкое, как это кажется всем исследователям, тогда в новгородской деревне последней трети XIV в. мы столкнемся с порядками, типичными для русской деревни XVIII–XIX вв.: в деревне действует староста, который подчиняется приказам своего господина, в данном случае Максима. Но существование старосты в деревне XIV в., насчитывавшей, как правило, 1–3 двора, представляется более чем сомнительным. Следует напомнить, что в конце XV в. близ Москвы десятицкий, например, жил в своей деревне, а не вместе с другими крестьянами³⁶⁸. Послание Максима обращено к «десяцянам», т. е. членам десятка. Им предлагается отдать 8 дежей хлеба, очевидно, в зачет полученных ими «куп» (основной ссуженной суммы — «истины») и соответственно выросшие проценты — «наклад». Все это предписано собрать старосте Емельяну. Перед нами тот же механизм действия десятка, какой обнаруживается по документам кремлевской находки: десятицане отработывают «купу», с них взимается «истина» и «наклад», сбор осуществляется главой группы. В последнем случае это староста, а не десятский, хотя функции того и другого здесь, очевидно, аналогичны. Самое примечательное заключается в том, что Максим, который обращался к десятицанам с требованием выплат части «купы» и «наклада», был сотским. Об этом свидетельствует берестяная грамота № 279, обнаруженная в 8 ярусе на той же самой усадьбе Б, что и грамота № 253³⁶⁹. Речь идет о городском дворе, принадлежавшем Максиму Онцифоровичу, происходившему из известной новгородской посадничьей фамилии Мишиничей — Онцифоровичей³⁷⁰. Таким образом, берестяные грамоты позволяют выявить социальный облик представителей среднего звена деци-

³⁶⁷ См., например, грамоту № 218. О ней: *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте... С. 38; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект... С. 402–403.

³⁶⁸ АСЭИ. Т. 2. № 404. С. 416.

³⁶⁹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте... С. 105; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект... С. 498.

³⁷⁰ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина... С. 7–34.

мальной системы — сотских, которые в Средние века вовсе не являлись крестьянами, как выбиравшиеся миром сотские XVII — XVIII вв.

Думается, свидетельствами существования в Новгороде децимальной системы являются не только отраженные в берестяных грамотах факты, но и некоторые типы самих документов, написанных на бересте. Так, среди последних довольно многочисленны грамоты, в которых содержится перечень сельскохозяйственных продуктов, взимаемых с разных лиц. При этом нередко упоминаются и «наклады», которые эти лица должны были выплачивать ³⁷¹. Грамота № 119 (1116–1134 гг.); где речь идет о передаче какому-то Юрьевичу 2 гривен без 9 кун для последующей раздачи этих денег людям, возможно, фиксирует наделение людей «купами» ³⁷².

Грамота № 298, в которой перечислено несколько лиц (по нашему мнению — 5), скорее всего, не избирательный бюллетень, как интерпретировал эту грамоту А. В. Арциховский ³⁷³, а список людей, составивший полудесяток. Грамота № 298 датируется 1429–1446 гг. ³⁷⁴ Гораздо древнее грамота № 72 (1268–1281 гг.) ³⁷⁵, содержащая, по сути дела, подобный же перечень ³⁷⁶. Особый интерес представляет грамота № 390, датируемая теми же 1268–1281 гг.: «Бологожь 2 жерьбья. Козьлеско, Плутыць 2 жерьбья. Во Подогореи плисина 2 жьрьбья. Старо поле, Завьтьрение по Рыдино 2 жеребья. А бороть по руцы по Голиное и по коняжь людьшико до усть Волами 2 жьрьбья. А по Голиное руць за Ньтьце и до Колина вохо мое, и за Ивьницу. А Бориславу дорутая соторона Нетьца по Цьрьтово руцы и до вьрховья и по путь Рыдьньской» ³⁷⁷. Тип этого документа ни издателями, ни комментаторами не

³⁷¹ Новгородские берестяные грамоты № 161, 162, 278, 299, 320, 348, 403 и др.

³⁷² *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 годов). М., 1958. С. 52. О дате грамоты см.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте... С. 308. Ср. интерпретацию грамоты А. А. Зализняком, считающим, что деньги раздавались дружине. См.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект... С. 249.

³⁷³ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 годов). С. 128–129.

³⁷⁴ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте... С. 307.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 72.

³⁷⁷ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 годов). М., 1963. С. 91. Поправки к тексту см.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте... С. 249; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект... С. 410–412.

определен³⁷⁸. Это не мудрено, потому что похожих текстов до XVI в. нет. Но обращает на себя внимание перечисленные в грамоте ровно 10 жеребьев и то обстоятельство, что все они находятся в ведении одного лица. По-видимому, перед нами десятница — перечень участков, указание их местоположения и границ, что должно было быть под присмотром десятского. Параллель может быть приведена единственная: рассмотренное выше признание конца XV в. сотского московского Горетова стана Ивана Лугинина в том, что спорной Сонинской земли «в сотнице... нет»³⁷⁹, т. е. сотница содержала перечень находившихся в ведении сотского участков с описанием их местонахождения и границ. Очевидно, подобный документ должен был иметь и десятский. Возможно, грамота № 390 и является таким документом.

Крупницы данных о существовании самых низших звеньев децимальной системы в Новгороде не могут расцениваться как показатель малой распространенности такой системы в новгородских землях. Существуют свидетельства иного рода, которые говорят об обратном. Имеем в виду статью, которая впервые встречается в последней договорной грамоте великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом Великим: «А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою, или за кн[я]гынею, или за мужи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свои погостъ; тако пошло Новегородѣ, отпустите ихъ проць»³⁸⁰. Данная статья сохраняется и в новгородских соглашениях с великими князьями последующих XIV и XV вв.³⁸¹ От Н. М. Карамзина до Л. В. Черепнина считалось и считается, что процитированная статья имеет в виду горожан («купцов») и сельчан («смердов»), которые были по-разному организованы: «купцы» распределялись по сотням, а «смерды» — по погостам³⁸². Однако в тех же

³⁷⁸ Посвятившей географии этой грамоте специальную статью И. Ю. Акундинов предполагает, что грамота зафиксировала раздел земельных владений землевладельцами, по его мнению, предками Борецких. Но цифру в 10 жеребьев И. Ю. Акундинов никак не объясняет. См.: *Акундинов И. Ю. Историко-географический комментарий к новгородской берестяной грамоте № 390 // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 3.*

³⁷⁹ АСЭИ. Т. 2. № 404. С. 415.

³⁸⁰ ГВНП. № 3. С. 13.

³⁸¹ Там же. № 6. С. 16; № 9. С. 20; № 10. С. 22; № 14. С. 28; № 15. С. 30; № 19. С. 36.

³⁸² *Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 65, 224, примеч. 133; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 77 (раздел написан Л. В. Черепниным).*

новгородско-великокняжеских договорных грамотах содержатся статьи, которые заставляют сомневаться в правильности традиционного толкования слов «кто купец, тотъ въ сто». В более ранней докончальной грамоте Новгорода Великого с тем же владимирским великим князем Ярославом Ярославичем включено требование новгородцев к великому князю: «а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести»³⁸³. Данное требование представляется несколько странным, если полагать, что «купцы» грамоты — городские жители и к селам отношения не имели. Еще одна косвенная характеристика «купцов» дана в новгородско-великокняжеском докончании начала XIV в.: «И купчины въ силу не судити въ волости»³⁸⁴. Эти две статьи договорных грамот с несомненностью свидетельствуют о пребывании «купцов» в сельской местности (селах и волостях). Конечно, они могли находиться там временно, скажем, по своим торговым делам, и новгородско-великокняжеские соглашения как раз и имели в виду случайное пребывание «купцов» не в городе, а вне его. Однако сохранился любопытный документ, дата которого в последнее время уточнена В. Л. Яниным — 50-е гг. XV в.³⁸⁵, фиксирующий сделку между Авксентием Григорьевичем и княжостровцами. Княжостровцы выкупили у Авксентия Григорьевича принадлежавший ему участок земли и отдали его церкви св. Богородицы³⁸⁶. Среди свидетелей совершившегося «ряда» был и «Кузма Тимофьевичъ, староста купечкеи»³⁸⁷. Поскольку Княжостровская волость располагалась на острове в р. Лявле или по ее берегу у устья Северной Двины³⁸⁸, где в XV в. никаких городов не было, ясно, что княжостровскими «купцами», которых возглавлял староста Кузьма, были сельские жители. Тем самым становится понятным, почему в договорах XIII — начала XIV вв. Новгорода с князьями упоминаются «села», где у «купцов» нельзя было брать повозов, т. е. снаряженных, приготовленных для езды верховых

³⁸³ ГВНП. № 2. С. 11. Эта статья имеется и в других докончаниях XIII–XV вв. Новгорода с великими князьями, но без указания на села. См.: Там же. № 3. С. 13; № 6. С. 16; № 7. С. 18; № 9. С. 20; № 10. С. 22; № 14. С. 28; № 15. С. 30; № 19. С. 35.

³⁸⁴ Там же. № 7. С. 18.

³⁸⁵ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 329.

³⁸⁶ ГВНП. № 138. С. 192.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. Прилож. С. 21.

коней, и волости, в которых запрещалось насильно этих «купцов» судить. Очевидно, что «купцы» — категория сельского населения, получившая свое название от слова «купа», а не от слова «купить». И эта категория сельского населения была распределена в XIII–XV вв. в Новгороде по сотням.

Фиксируя распространение децимальной системы в Новгороде как на собственно новгородских землях, так и на землях княжеских, необходимо обратить внимание на еще одну важную информацию, которая содержится в новгородских материалах. Если сохранившиеся источники различных территорий Северо-Восточной Руси, свидетельствующие о существовании на этих территориях децимальной организации, относятся ко времени (за исключением документов кремлевской находки 1843 г.), когда на Северо-Востоке перестал существовать институт тысяцких и децимальная организация предстает уже в деформированном виде (есть десятские, пятидесятские, сотские, но нет тысяцких), то в Новгороде институт тысяцких сохраняется вплоть до падения Новгородской республики. Хотя этот институт серьезно реформируется в конце XIII — начале XV в.³⁸⁹, тем не менее он остается, и связь тысяцкого с черными людьми подчеркивается «Рукописанием» Всеволода, где говорится, что одним из трех старост купеческого объединения при новгородской церкви Ивана на Опоках является тысяцкий «от житых людей и от черных»³⁹⁰.

Косвенное свидетельство о такой связи содержит и нарративный источник. Речь идет об известном рассказе Ипатьевской летописи о киевском восстании 1113 г. 16 апреля названного года скончался киевский князь Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха. Он умер где-то за Вышгородом, откуда его тело привезли в Киев и похоронили под городом в созданной им Михайловской Златоверхой церкви. Вдова Святополка, дочь византийского императора Алексея I Комнина Варвара³⁹¹, по смерти мужа раздала богатые дары монастырям, священникам и нищим, но это не спасло киевлян от сильнейшего социального потрясения. «Наоутрия же, — пишет летописец, — въ семы на 10 день свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на столь отень и дѣдень“. Се слышавъ

³⁸⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. С. 77–78.

³⁹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 508.

³⁹¹ *Donskoi D. Genealogie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 33.*

Володимеръ плакася велми и не поиде, жаля си по братѣ. Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ тысячкого, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, гл(агол)юще: „Поиди, княже, Киеву. Аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло оуздвигнется. То ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровъ твою и на бояры, и на манастирѣ, и будеши отвѣтъ имѣль, княже, оже ти манастирѣ разграбятъ“. Се же слышавъ Володимеръ поиде в Киевъ». По приезде Владимира Мономаха в Киев «мятежь влече»³⁹², т. е. утих. Согласно Лаврентьевской летописи, Мономах приехал в Киев в воскресенье 20 апреля³⁹³. Интерес вызывает как описание восстания собственно летописцем, так и рассказ о нем самих киевлян, отраженный в их втором послании к Владимиру Мономаху. Летописец пишет о разграблении киевлянами двора киевского тысяцкого Путятя, родного брата прежнего киевского тысяцкого Яна Выпшатица, полководца и приближенного боярина князя Святополка Изяславича³⁹⁴, а также о грабеже евреев. Второе послание киевлян Владимиру Мономаху, княжившему в сравнительной близости от Киева в своем отчинном Переяславле, также содержит рассказ о восстании. В послании говорится о нападении киевлян на двор Путятя, хотя не объясняется, кем был Путятя, о грабеже евреев, что повторяет сведения самого летописца, но дополнительно сообщается о разграблении дворов сотских. Под угрозой подобного разграбления оказались дворы бояр, ятрови Мономаха, т. е. вдовы его двоюродного брата — скончавшегося киевского князя Святополка Изяславича, и монастыри. Опасность дальнейшего распространения восстания и вынудила Мономаха срочно отправиться в Киев. Почему же недовольные киевляне 17 или 18 апреля 1113 г. разграбили прежде всего дворы тысяцкого, сотского и евреев? Последнее более или менее понятно. Во всех крупных городах средневековой Европы евреи занимались разменом денег и ссудой их в кредит, взимая за это высокие проценты. Киев, конечно, не был исключением. Вероятнее всего, тяжелые условия займов и вызвали действия киевлян. Что же касается причин ненависти к тысяцкому и сотским, то здесь ответ не столь очевиден.

Он проясняется при обращении к Русской Правде. Еще Н. М. Карамзин, повествуя о киевском восстании 1113 г. и видя его причину в непомерных ростовщических процентах, связал с восстанием 1113 г.

³⁹² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 275–276.

³⁹³ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 290, под 6622 годом ультрамартовским.

³⁹⁴ О Путятя см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 272, 274, 280; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. С. 157, под 6614 годом.

«закон», как он выражался, Владимира Мономаха о третних ростах, включенный в «Устав Ярославов», т. е. Правду Русскую³⁹⁵. Речь идет об особом разделе Пространной редакции Русской Правды, озаглавленном «Оуставъ Володимѣрь Всеволодича»³⁹⁶. Хотя в науке высказано мнение, что к данному Уставу должны быть отнесены все статьи Пространной Русской Правды, следующие за приведенным заголовком, т. е. целиком вторая половина памятника³⁹⁷, большинство исследователей включает в мономахов Устав только статьи 53–66 Пространной Правды (по делению издателей «Правды Русской» 1940 г.)³⁹⁸. Эти статьи посвящены вопросам о возвращении взятого займа долга, о правовом статусе получившего купу-кредит закупа и отчасти холопа. Поэтому Устав Владимира Всеволодовича иногда расценивается в научной литературе как Устав о резах и закупах³⁹⁹. Статья 1 этого Устава (статья 53 Пространной Правды) сообщает, что «по Святополце», т. е. по смерти Святополка Изяславича, Владимир Всеволодович Мономах созвал на Берестовом — загородной резиденции киевских князей — свою дружину: киевского тысяцкого Ратибора, белгородского (по находившемуся близ Киева Белгороду) тысяцкого Прокопия, переяславского тысяцкого Станислава, Нажира, Мирослава и «мужа» черниговского князя Олега Святославича Ивана Чудиновича, с которыми установил правила возвращения взятых в долг денег. Князь вместе с тысяцкими и боярами «оуоставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть кунъ; аже кто возьметъ два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возьметъ три рѣзы, то иста ему не взяти. Аже кто емлетъ по 10 кунъ от лѣта на гривну, то того не отмѣтати»⁴⁰⁰. Из приведенного постановления сравнительно легко устанавливается смысл последнего распоряжения Владимира Мономаха и его советников: они оставляли в силе обычаи брать в год с 1 гривны 10 кун. Из статьи 28 Русской Правды

³⁹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3. С. 92–93.

³⁹⁶ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 110.

³⁹⁷ Последним из исследователей, придерживавшихся такой точки зрения, был С. В. Юшков. См.: Юшков С. В. Русская Правда. М., 1950. С. 331–338.

³⁹⁸ Правда Русская. Т. 1. С. 110–112 и др. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 423–543; Памятники русского права. Вып. 1. С. 161.

³⁹⁹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 161.

⁴⁰⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 110.

⁴⁰¹ Там же. С. 72, 80. О соотношении названных здесь денежных единиц см.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 82 (комментарий к статье 26).

Краткой редакции следует, что 1 гривна равнялась 25 кунам, или 50 резанам⁴⁰¹. Статья 42 («поклон вирный») того же памятника устанавливает, что вирнику при сборе виры в среду и пятницу должны были платить по резане. Такое решение в первой половине XI в. принял Ярослав Мудрый⁴⁰². В Русской Правде Пространной редакции в том же «Поклоне вирном» вместо резаны фигурирует куна⁴⁰³. Очевидно, при сыновьях Ярослава Мудрого, внесших целый ряд дополнений и уточнений в Русскую Правду, соотношение гривны и куны изменилось. Во второй половине XI в. куна стала равной резане, т. е. в 1 гривне оказалось уже не 25, а 50 кун. При указанном соотношении взимание 10 кун с гривны, о чем говорил Устав Владимира Мономаха, означало получение 20% годовых с отданной в долг суммы. Такой размер ростовщического процента был широко распространен в средневековой Руси, причем в течение многих столетий⁴⁰⁴. Очевидно, и во времена Владимира Мономаха этот процент представлялся приемлемым и кредиторам, и кредитуемым, а потому был оставлен киевским князем и его советниками без изменения. Новации коснулись, по-видимому, случаев, когда кредитор взимал с должника более 20% от ссуженной суммы.

Исходя из подобной мысли, исследователи и пытались разъяснить постановление о резах, предшествовавшее в Уставе Владимира Всеволодовича постановлению о незыблемости тех соглашений — «рядов», по которым займодавец получал 20% от одолженных денег. Наибольшее распространение получили комментарии В. О. Ключевского.

Исходя из того, что слово «рѣзь» означает «процент», а выражение «ем-леть въ треть куны» подразумевает получение 50% годовых — «на два третей», В. О. Ключевский гораздо конкретнее своих предшественников разъяснял трудный смысл постановления о резах Владимира Мономаха⁴⁰⁵. Неслучайно поэтому, что даже в переводе 1910 г. статьи 53 Простран-

⁴⁰² Правда Русская. Т. 1. С. 73, 81.

⁴⁰³ Там же. С. 105 (статья 9).

⁴⁰⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды... С. 97 (комментарий к статье 47); Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте... С. 225 (комментарий к грамоте № 45); Кучкин В. А. Рубль и гривна по документальным данным XIV–XV вв. // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 41.

⁴⁰⁵ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 1. С. 248.

⁴⁰⁶ Правда Русская. Т. 2. С. 426, перевод. Имеется в виду издание: Киевская Русь. М., 1910, под редакцией В. Н. Сторожева, которому и принадлежит перевод рассматриваемой статьи Русской Правды.

ной редакции Русской Правды на современный русский язык сильно сказалось влияние комментария В. О. Ключевского⁴⁰⁶, а в учебной литературе советского времени такое толкование статьи 53 было предпочтено всем другим⁴⁰⁷.

Между тем, уже само понимание резов как процентов (здесь В. О. Ключевский шел за своими предшественниками, начиная с историка XVIII в. И. Н. Болтина) противоречит тексту статьи 53. В самом деле, если в постановлении «аже кто возьмет два рѣза, то то ему взяти исто» под словом «рѣзь» еще можно разуметь проценты, поскольку «исто» (или «истинну» — одолженную кредитором сумму) заимодавцу еще предстояло вернуть, то клаузула статьи 53 «паки ли возьмет три рѣзы, то иста ему не взяти» четко приравнивала 3 реза не к процентам с суммы, а к самой одолженной сумме вместе с наросшими на нее процентами. Очевидно, что термином «рѣзь» обозначался не процент, а размер выплаты по погашению долга, включавший в себя как часть взятой займы суммы, так и часть следуемых с этой суммы процентов, которые в средневековой Руси обозначались совсем другими терминами: «нам», или «наклад»⁴⁰⁸.

Что касается выражения «в треть», под которым В. О. Ключевский разумел выплату процента «на два третий», то под ним следует понимать выплату по третям одолженной суммы вместе с оговоренными процентами. Именно такое условие содержится в датируемой 1313–1340 гг. новгородской берестяной грамоте № 45, где лицо, взявшее ссуду в 2,5 рубля, обязывалось вернуть ее с процентами в течение трех лет, выплачивая кредитору по 13,5 гривен ежегодно⁴⁰⁹. Очевидно, что постановление Владимира Мономаха о резах регулировало трехгодичные кредитные отношения не прямым путем снижения процентной ставки, а путем отсрочки платежей (при двух взносах сумма кредита погашалась не на третий год, а в последующие годы) или аннуляции долга при трех взносах.

Статья 54 Пространной Русской Правды (2-я статья Устава Владимира Мономаха) рассматривает вопрос о «купце» (неясно, купце-торговце или человеке, получившем «купу»), который, взяв чужие деньги, лишился их в результате стихийных бедствий (бурь, пожаров) или во время войны. Такого человека нельзя было продать в холопы, нельзя было и при-

⁴⁰⁷ Памятники русского права. Вып. 1. С. 162–163; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды... С. 98, комментарий к статье 48; Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 101–102 (комментарий Я. Н. Шапова).

⁴⁰⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 637.

⁴⁰⁹ Кучкин В. А. Рубль и гривна по документальным данным XIV–XV вв. С. 42.

менить к нему какого-либо насилия, он мог оставаться свободным, но с течением времени должен был выплатить свой долг. Если же такой купец терял деньги по собственной вине, прошивал их или проигрывал, то его судьба целиком вверялась в руки заимодавца: подобного должника можно было продать в холопы, но можно было и ждать от него получения долга, правда, в течение более длительного времени.

Следующая 55 статья регулировала отношения несостоятельного должника со многими кредиторами. Такого человека следовало продать в холопы, конфисковав его имущество. Полученные средства нужно было отдать сначала иноземным и иногородним кредиторам, а затем местным, но среди последних — в первую очередь князю. Если среди кредиторов указывался человек, уже бравший многие разы с должника, то такой заимодавец не получал ничего.

56 статья Пространной Русской Правды рассматривает случаи ухода закупа от своего господина. Если закуп бежал, чтобы скрыться, то он становился полным (обельным) холопом своего господина. Но если он уходил от него открыто на время, чтобы найти деньги или обратиться в суд князя или его представителей, то он оставался свободным, а судьи должны были рассмотреть его дело.

57 статья Пространной Русской Правды посвящена пользованию имуществом определенной категории закупов — ролейных, т. е. работавших на пашне. Если такие закупы получали от кредитора, становившегося их господином, помимо купы еще и орудия пахотного труда — плуги и бороны — и ломали их, то они должны были за такой ущерб платить господину. Но если плугу или бороне наносилось повреждение во время отсутствия закупа, которого господин мог привлечь для исполнения своих дел, закуп за поломку пахотных орудий не отвечал. Не платил он и за погубленного коня, который в самых древних списках Пространной редакции Русской Правды определен как «войский конь»⁴¹⁰, а в списках Оболенско-Карамзинского вида и Музейского вида (XV в.) как «своиский конь»⁴¹¹. Если речь шла о собственном коне закупа, как, по-видимому, полагали редакторы поздних видов Русской Правды, то тогда постановление о неуплате закупом штрафа за своего погубленного коня становится излишним. Речь, очевидно, должна идти о воинском коне, который был уже непригоден для военного дела в хозяйстве господина и передавался закупу для

⁴¹⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 111, 130, 287, 334 и др.

⁴¹¹ Правда Русская. Т. 1. С. 355, 381.

обработки пашни. Смерть такого старого или израненного коня под плугом у закупа не должна была сопровождаться взиманием штрафа с закупа в пользу хозяина коня. Случаи использования бывших военных коней в сельскохозяйственных работах известны по русским материалам более позднего времени ⁴¹².

Статья 58 продолжает тему о правах и обязанностях ролейного закупа. Если господский скот, за которым присматривал закуп, был украден из хлева, то закуп освобождался от штрафа за это. Но если закуп губил скот в поле, не загонял его во двор, не запирали ворота и скот пропадал, то закуп платил штраф. Он платил также и за порчу скота, когда использовал его для своих нужд ⁴¹³.

Статья 59 Пространной редакции Русской Правды рассматривает другую сторону взаимоотношений закупа и его кредитора-господина. Если статьи 57–58 трактовали вопрос об отношении закупа к имуществу кредитора, то статья 59 регулировала отношение господина к имуществу закупа. Если господин наносил какой-то урон взятым в качестве купы средствам закупа или его земельному участку — отарице, то он должен был возместить за купу весь ущерб, а за обиду заплатить ему еще 60 кун ⁴¹⁴.

Последующие статьи 60–62 Пространной редакции Русской Правды посвящены личностным отношениям закупа и его кредитора-господина. Наиболее сложна для понимания статья 60: «Паки ли прииметь на немь кунь, то опять ему воротити куны, что будеть прииметь, а за обиду платити ему 3 гривны продажи» ⁴¹⁵. Мнения ученых, изучавших данную статью, разделились. Одни считали, что речь идет о взимаемых кредитором с должника лишние по сравнению с оговоренными ранее сумм, другие усматривали в данной статье запрещение передавать закуп другому лицу за деньги, получаемые с последнего ⁴¹⁶. В первом случае выражение «на немь» статьи 60 должно переводиться как «у него», во втором — как «за него». Предлог «на» в значении предлога «у» не употреб-

⁴¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 101. Л. 359 об.

⁴¹³ Правда Русская. Т. 1. С. 111.

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Там же. Т. 2. С. 516–519. Последние комментаторы статьи 60 Пространной Русской Правды понимают эту статью как запрещающую взимать с должника лишние выплаты. См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 166 (А. А. Зимин); Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 104 (Я. Н. Щапов).

лялся, а в значении предлога «за» известен⁴¹⁷. В этом случае оказываются правы те исследователи, которые усматривали в статье 60 запрещение операций за спиной закупа о передаче его от одного господина к другому. В случае осуществления таких операций деньги, полученные первым хозяином закупа, возвращались второму, а с первого взыскивались еще и 3 гривны продажи в пользу князя. Сам же закуп не получал ничего, очевидно, потому, что менялось его фактическое положение, он обязан был возвращать ссуду новому хозяину, но юридический статус закупа оставался прежним.

Статья 60 тесно связана со статьей 61, запрещающей господину продавать закупа «обель», т. е. в полное холопство. Превращение закупа в обельного холопа уже резко меняло его правовое положение, а потому подобное насилие над «наймитом» (термин 61-й статьи) наказывалось строже, чем передача закупа другому хозяину: долговые обязательства закупа ликвидировались, а господин должен был заплатить князю 12 гривен «продажи»⁴¹⁸.

Следующая, 62-я, статья Пространной Русской Правды рассматривала случаи избияния закупа господином. Такое избияние признавалось законным, если закуп били «за дело». Но если господин избивал закупа по дурости, «не смысля, пьян» и «без вины», то он должен был платить штраф как за избияние свободного человека⁴¹⁹.

В статье 63 устанавливается размер штрафа, который уплачивал господин за покражу его холопом чужого коня.

Статья 64 снова возвращает нас к закупам. Она на более широком материале рассматривает вопрос, поднятый в статье 63, но только применительно к за купу. Если последний крал коня или что-то другое, то его господин был волен поступить двояко: он мог заплатить за закуп штраф за украденное, но тогда закуп превращался в его обельного (полного) холопа; но господин мог и отказаться от уплаты штрафа, возместив убытки потерпевшему за счет суммы, вырученной от продажи закупа в холопы, и взяв себе разницу между этой суммой и штрафом за украденное⁴²⁰.

⁴¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 263 (значение 11).

⁴¹⁸ Правда Русская. Т. 1. С. 111.

⁴¹⁹ Там же. Согласно статьям 29–31 Пространной редакции Русской Правды, человек, избивший другого, должен был заплатить пострадавшему 1 гривну, или 60 кун, за побои, а князю 3 гривны продажи — Там же. С. 106.

⁴²⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 111.

В статье 65 опять рассматривались нормы ответственности холопа, но на этот раз не за кражу, а за избиеение свободного человека.

Последняя статья, относимая исследователями к Уставу о резах и закупах Владимира Мономаха — 66-я статья Пространной редакции Русской Правды. Она рассматривает вопрос о послухах и постановляет, что «в малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа»⁴²¹, т. е. в мелких судебных исках по необходимости можно было ссылаться на закупа как на свидетеля.

Таков характер 14 статей, относимых большинством исследователей к «Уставу Володимерь Всеволодича». В трех из них (53, 54 и 55) речь идет о порядке выплаты резов — платежей взятых под проценты сумм, возвращение кредита в случае неплатежеспособности взявшего в долг, порядка очередности уплаты долга нескольким кредиторам. 9 статей посвящены положению закупа — свободного человека, взявшего кредит — купу и обязанного эту купу вернуть. Рассматриваются имущественные отношения закупа-наймита и его кредитора-господина, устанавливаются штрафы за нанесение ущерба хозяйству того и другого; в определенные юридические рамки вводятся личностные отношения закупа и господина. Закуп не мог уйти от господина, не заплатив ему долга; господин не мог передать закупа другому кредитору и тем более не мог превратить закупа в обельного холопа, но мог наказать (бить) его за дело; бездельное рукоприкладство не допускалось. Закупа можно было привлекать в качестве свидетеля в суде при рассмотрении мелких исков.

Если свести воедино сделанные обобщения относительно 12 постановлений Устава Владимира Мономаха, то отчетливо проступит одна особенность этих постановлений: регулирование отношений между кредиторами и заемщиками, которые часто называются закупами, или наймитами. Поскольку Устав явился своеобразным откликом на киевское восстание 1113 г., а оно было направлено против тысяцкого и сотских, ясно, что последние ведали организацией закупов, т. е. регулировали целый ряд финансовых, хозяйственных и социальных вопросов. Регулирование это касалось лиц, бравших займы как у чужестранцев и иногородних, так и у местных кредиторов, в числе которых мог быть и сам князь. В последнем случае речь должна вестись об организации княжеского хозяйства, где закупов-наймитов было несомненно больше, чем во дворе иного богатого лица.

⁴²¹ Там же. С. 112.

Сам размер княжеского хозяйства требовал более сложной организационной структуры, чем хозяйство отдельных лиц с зависимыми от них закупками. Очевидно, такой структурой здесь также была децимальная система, сохранявшаяся в княжеском хозяйстве Северо-Восточной Руси по меньшей мере до конца XV — начала XVI в., хотя и в преобразованном виде (без института тысяцких). При этом следует иметь в виду, что княжеское хозяйство, особенно на ранних стадиях своего развития, не было хозяйством, удовлетворявшим нужды одного только князя и его семьи. Оно всегда имело более широкий характер, обслуживая потребности не только князя, но и в определенной степени его двора, т. е. производство такого хозяйства было рассчитано и на личное, и на общественное потребление. Отсюда и децимальную организацию следует расценивать как систему, созданную господствующим классом для развития производства, вполне возможно, также и для расширения обмена в целях лучшего удовлетворения своих нужд.

Если в начале XII в., судя по статье Ипатьевской летописи о восстании в Киеве в 1113 г. и Уставу Владимира Мономаха о резах и закупках, включенному в Пространную редакцию Русской Правды, мы сталкиваемся уже с существовавшей децимальной системой, распространявшейся на должников-закупов и состоявшей по крайней мере из институтов сотских и тысяцких, то возникает вопрос, как рано стала складываться такая система.

В связи с этим чрезвычайно важным представляется летописный рассказ о пирах киевского князя Владимира Святославича. Помещенный под 996 г. в Новгородской I летописи младшего извода, Лаврентьевской, Ипатьевской и сходных с ними летописях, рассказ этот привлекает к себе внимание исследователей упоминанием лиц, входивших в децимальную систему. Приводим текст рассказа по древнейшей сохранившейся до наших дней летописи — Лаврентьевской: «Се же пакы творяше людем своимъ: по вся недѣля оустави на дворѣ въ гридьницѣ пирь творити и приходити боляром, и гридем, и сыцскимъ, и десяцскимъ, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясь, от скота и от звѣрины, бяше по изобилію от всего»⁴²². Упоминание в статье 996 г. сотских и десятских, определенно входивших в окружение князя (наряду с боярами и гридями — княжескими дружинниками, которые названы ранее сотских и десятских, и нарочитыми мужами, упоминаемыми в самом конце перечня), явно имеет в виду представи-

⁴²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

телей децимальной системы. Конечно, 996 год, датирующий статью, сообщающую о сотских и десятских, весьма условен. А. А. Шахматов показал, что хронологическая сетка, разделившая древнейшие летописные повествования на погодные статьи, была вставлена в летопись в конце XI в.⁴²³ Но сам рассказ о пирах Владимира и участниках этих пиров, согласно исследованию А. А. Шахматова, содержался в древнейшем летописном памятнике времен Ярослава Мудрого — киевском своде 1039 г.⁴²⁴ Очевидно, что рассказ представляет собой не современную летописную запись, а предание, но предание, близкое по времени к внесению его в летописный свод и, скорее всего, вполне достоверное. Иными словами, сообщение древнейших сохранившихся летописных сводов о сотских и десятских необязательно относить именно к 996 г., но безусловно к эпохе Владимира Святославича. Весьма показательно, что, согласно повествованию, десятские могли приходить на княжеский двор в любой воскресный день, «при князи и безъ князя». Такое было возможно, если десятские жили в сравнительной близости от гридницы Владимира. О дворах тысяцкого и сотских в самом Киеве свидетельствует уже цитировавшийся летописный рассказ о событиях 1113 г. Очевидно, что и десятские первоначально жили в городе. А это означает, что становление децимальной системы прежде всего было связано с городом. Оно приходится на время, когда в раннегосударственном русском обществе шли важные внутренние преобразования, когда господствующий класс отказался от суливших большую добычу крупных военных походов на богатые соседние страны, походов, приводивших и к неудачам, и перешел к более интенсивной эксплуатации собственного населения. Создание децимальной системы, частью которой был институт десятских, стало важным шагом в этом направлении.

⁴²³ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М; Л., 1938. С. 361.

⁴²⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1908. Вып. 20. С. 569.

С. М. Каштанов, Л. В. Столярова

Древнейшее московское евангелие и его двинской адресат

В июне 1829 г. во время археографической экспедиции на Двину П. М. Строев обнаружил в Антониево-Сийском монастыре лицевое пергаменное евангелие, относящиеся по палеографическим признакам и по имеющейся в нем записи с датой к первой половине XIV в.¹ По месту находки евангелие получило название «Сийское», утвердившееся за ним в литературе². Однако предназначалось оно не для Антониево-Сийского монастыря, основанного в 1520 г.³, а для монастыря св. Богородицы на Двине, как об этом свидетельствует выходная запись, помещенная в конце рукописи: «на Двину кь святеи Богородици». Г. Б. Бугославский (1902 г.), пользовавшийся консультациями известного знатока двинских древностей И. М. Сибирцева, пришел к выводу, что упомянутая в записи корпорация может быть отождествлена только с Успенским Лявлинским (Лявлинным) монастырем: «Другого Богородичного монастыря на р. Двине

¹ БАН. Археогр. ком. 189. Л. 216–216 об. Факсимильное воспроизведение записи: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. № 29. Л. 216–216 об. Текст записи неоднократно издавался — см., например: *Бугославский Г. [К.]* Рукописное пергаменное евангелие апракос Антониева-Сийского монастыря 1339 года // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 845–846; *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков* / Составители Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976. С. 79–80; *Вздорнов Г. И.* Искусство книги... № 29 (введение).

² Библиографию «Сийского» евангелия см.: *Вздорнов Г. И.* Указ. соч. № 29; см. также: *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // *Труды Московского нумизматического общества*. М., 1903. Т. 3. Вып. I. С. 119–121; *Черетин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 14; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 513–515; *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории. Сборник статей* 1989. М., 1989. С. 210–218. Описания кодекса см.: *Бугославский Г. [К.]* Указ. соч. // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 23. С. 812–827; № 24. С. 844–863; *Пергаменные рукописи...* С. 78–82.

³ *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. [Т.] 2. С. 57–59. № 618.

мы не знаем»⁴. Как же оказалось евангелие, предназначенное для Лявлинского монастыря, в Антониево-Сийском монастыре? На этот вопрос Бугославский дал следующий ответ: поскольку в 1633 г. Лявлинский монастырь был приписан к Антониево-Сийскому⁵, древние богослужебные книги присоединенной корпорации «как вышедшие уже из употребления» (благодаря наличию печатных книг) «были переданы на хранение в Сийский монастырь», и в числе этих рукописей находилось рассматриваемое евангелие⁶. В середине 60-х годов XVIII в.⁷ Лявлинский монастырь прекратил свое существование, будучи обращен в приход. Вот как характеризует этот монастырь В. В. Зверинский (1892 г.): «Успенский-Лявлинский, мужской, ныне погост Лявля, Архангельской губ. и уезда, в 29 вер. к юго-вост. от Архангельска по С.-Петербургскому почтовому тракту, на правом берегу р. Двины, при впадении в нее рч. Лявли»⁸.

Время основания Богородицкого Лявлинского монастыря достоверно неизвестно. В. В. Зверинский ссылался на «указ» царя Василия Шуй-

⁴ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 855. В литературе часто встречается написание названия монастыря через «е»: «Лявленский». Вместе с тем в XVII в. он назывался «Лявлин». В. В. Зверинский дает написание «Лявлинский», которому мы и следуем.

⁵ Приписка Лявлинского монастыря к Антониево-Сийскому датируется 1633 г. также в труде В. В. Зверинского (Зверинский В. В. Материал... [Т.] 2. С. 391. № 1322). Согласно А. И. Копаневу, «Лявлин монастырь был приписан к Сийскому монастырю царской грамотой 1632/33 г., подтвержденной царем в 1653 и 1684 гг.» (Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 33, примеч. 101; ср. С. 47–48). Копанев ссылался на указную грамоту царя Алексея Михайловича от 18 ноября 1653 г., подтвержденную 15 апреля 1684 г. царями Иваном и Петром. В ней упоминалась грамота царя Михаила Федоровича 7141 (1632/33) г. о приписке Успенского Лявлина монастыря к Антониево-Сийскому (Сборник грамот коллегин экономии. Л., 1929. Т. 2. № 14. Стб. 34–37). У Н. Козмина факт приписки упоминается под 1632 и 1639 гг. (Козмин Н. К истории Антониево-Сийского монастыря и причисленного к нему в 1632 году (ныне упраздненного) Лявленского Богородичного монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. Ч. неофициальная. Год XIX. № 5. С. 167, 168), у И. Легатова и в «Историческо-статистическом описании...» — под 1641 г. (Легатов И. Исторический очерк Лявленского прихода Архангельской епархии с приложением трех церковных поучений, сказанных в том приходе в день Успения Богородицы. СПб., 1879. С. 4–5; Историческо-статистическое описание церквей Архангельской губернии. Архангельск, 1895. [Вып.] 1. С. 178).

⁶ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 858.

⁷ По Зверинскому — в 1764 г., по Легатову — в 1765 г. (Зверинский В. В. Материал... [Т.] 2. С. 391. № 1322; Легатов И. Исторический очерк... С. 4).

⁸ Зверинский В. В. Материал... [Т.] 2. С. 391. № 1322.

ского 1610 г., из которого «видно, что в прежнее время на этом месте была поставлена церковь Успения посадницею новгородского Настасиею над гробом брата своего Стефана»⁹. Легенда о построении церкви Лявлинского монастыря посадницей Настасьей встречается в ряде сочинений, посвященных истории Двинского края. Ее находим у Н. Соколова (1858 г.)¹⁰, И. Легатова (1879 г.)¹¹, в «Историческо-статистическом описании церквей Архангельской губернии» (1895–1896 гг.)¹², в исследовании Г. К. Бугославского (1902 г.)¹³, при этом Соколов ни на какие источники не ссылается, Легатов дает глухую ссылку на «документы церковного архива», а Бугославский, опирающийся только на книгу Легатова и «Историческо-статистическое описание...», говорит о церковной летописи с. Лявли, в которой посаднице Анастасии приписывается построение местной церкви в 1589 г.

Честно признаваясь в незнании источников этой информации, Бугославский предполагает, что здесь смешаны два события: построение церкви в 1589 г. и основание монастыря в XIV в. Именно с основанием монастыря следует, по Бугославскому, связать имя Анастасии. Ее брата Стефана исследователь предположительно отождествляет с новгородским воеводой Степаном Ивановичем, упоминаемым в летописях под 1401 г.¹⁴ Автор, видимо, не заметил, что таким отождествлением он переносит основание монастыря в XV в., хотя сам же говорит, что «время основания Лявлинского монастыря должно отнести к XIV веку — ко времени написания Сийского евангелия»¹⁵.

Значительный вклад в разъяснение вопроса о «посаднице Настасье» внес А. И. Копанев, обнаруживший в Архангельском областном архиве грамоту царя Василия Шуйского 1608 г., в которой изложена челобитная крестьян Княжеостровской волости. Крестьяне жаловались на то,

⁹ Там же.

¹⁰ Соколов Н. Описание города Холмогор с очерком древней истории Двинского края // Архангельские губернские ведомости. 1858. Ч. неофициальная. № 30. С. 235.

¹¹ Легатов И. Исторический очерк... С. 4.

¹² Историческо-статистическое описание церквей Архангельской губернии. [Вып.] 1. С. 178–179.

¹³ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 856.

¹⁴ Там же. С. 875; ср. ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 186 (статья под 6909 г.).

¹⁵ Бугославский Г. [К.] Указ. соч. // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 858.

что их права в отношении Лявлина монастыря нарушаются¹⁶. Волостные крестьяне рассматривали монастырь как свое «строение» и, видимо, боролись со всякими попытками его «приватизации» или превращения в независимую от волости корпорацию. «Суть жалобы крестьян, — пишет А. И. Копанев, — заключается в том, что служивший в монастыре и высланный „за воровство“ дьячок этот „мирской монастырь“ представил местному воеводе („воровски и ябедничеством подал в 1596 г. изветную челобитную“) как „поставление новгородские посадницы Настасьи“, а в подтверждение „ябедничеством“ вписал в на престольное Евангелие подложную духовную грамоту той Настасьи. Хотя двинские воеводы убедились в подложности духовной, тем не менее, желая обобрать монастырь, от крестьян „тот монастырь, их строение, отвели“, не обратив внимания на то, что в книгах писцов Заболоцкого и Звенигородского написано, „что тот Лявлин монастырь искони вечно строение вси Княжеостровской волости крестьян“. Царь приказывает восстановить права волости...»¹⁷.

Вероятно, грамота 1608 г. и была источником информации об основании монастыря «посадницей Настасьей», причем позднейшая историография как бы прошла мимо содержащейся в грамоте критики достоверности этой информации. Конечно, текст грамоты был известен не всем. Не грамоту ли 1608 г. имел в виду Зверинский, говоря о грамоте 1610 г.? В перечне иммунитетных грамот 1584–1610 гг., составленном Д. А. Тебекиным, мы не находим указаний на грамоты 1608–1610 гг., которые касались бы Лявлина монастыря¹⁸.

Из всех известных Настасий «посадницей», т. е. женой посадника, могла быть с полным правом названа Настасья, жена (с 1467 г. вдова) посадника Ивана Григорьевича, «пойманная» Иваном III в 1484 г.¹⁹. Софийская II летопись называет ее «славной, богатой»²⁰. В 1476 г. Настасья и ее сын Юрий устроили пир на Городище в честь великого князя²¹.

¹⁶ Гос. архив Арханг. обл. Ф. 1408. Оп. 2. № 2; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 227, примеч. 44.

¹⁷ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 227.

¹⁸ Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 250–255.

¹⁹ О ней см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 258. № 191; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 33, 34, 38.

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 236.

²¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 307.

Был ли у этой Настасьи брат Стефан и имела ли она владения в Лявле, нам неизвестно. Зато землями в районе Лявлина монастыря располагала другая Настасья, дочь Степана Есиповича, крупного двинского землевладельца, который был сыном двинского посадника Есифа Филипповича²². Большой интерес представляет «рядная» или «дельная» грамота, по которой Яков Александров сын Мартемьянов и его братья учинили полюбовный раздел «Заволоцкой земли» с Настасьей Степановой и ее детьми²³. Издатели сборника документов «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (1949 г.), обозначаемого нами далее как ГВНП, датируют этот акт временем «до 1478 г.», В. Ф. Андреев относит его к периоду «не позднее 1469 г.», В. Л. Янин — к 60-м годам XV в.²⁴ По мнению А. И. Копанева, Настасья и Мартемьяновы могли иметь общего предка где-то на уровне прапрадеда²⁵.

В документе говорится, что Настасья должна владеть землями по отцу ее «по Степанову владению, и по Степанову рукописанию, и по грамотамъ, и по сей по рядной и по делной грамоте и в веки...»²⁶. Одному из контрагентов сделки, Якову Мартемьянову, «досталось... на Лявле острове села и земля, и вода, и пожни»²⁷. Лявлин остров находился, по-видимому, в рч. Лявле, из чего можно заключить, что участники сделки, в том числе Настасья Степанова, являлись близкими соседями Богородицкого монастыря. Этот монастырь не был, конечно, монопольным владельцем земель порч. Лявле. Так, некий Петр купил у Трофима «наволоку в Лявле в реке»²⁸. Нет сведений о владениях Богородицкого монастыря на «Лявле острове», который неоднократно упоминается в источниках. В начале XV в. Марфа, жена Филиппа, отдала «куплю» своего мужа, село «на Лявле острове», Николаевской церкви на Корельском берегу²⁹.

²² См.: Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 36, 74, 77–80, 91; Янин В. Л. Новгородские акты... С. 239, 243, 305, 306, 343; Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986. С. 47, 122.

²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП. № 221. С. 244–245.

²⁴ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт... С. 48, 135. № 221; Янин В. Л. Новгородские акты... С. 342–343. № 342.

²⁵ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 79.

²⁶ ГВНП. № 221. С. 245.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. № 252. С. 263. В ГВНП акт датирован XV в. В. Л. Янин относит его к первой половине 40-х годов XV в. (Янин В. Л. Новгородские акты... С. 320. № 274).

²⁹ ГВНП. Л 129. С. 185–186. В. Л. Янин датирует акт началом XV в., «до 1417 г.» (Янин В. Л. Новгородские акты... С. 298. № 223).

О землевладении Богородицкого монастыря свидетельствуют по крайней мере четыре акта XV в. 1) Некий Василий дал монастырю «святии Богородицы в Лявлю» «село в Лявли в векъ, где Повоша сел»³⁰. Видимо, село находилось где-то рядом с монастырем, на берегу рч. Лявли. 2) В середине XV в. княжеостровцы (староста и крестьяне) купили у Харитона Родионова «церковными кунами святои Богородицы» «село земли на Княжеострове» с тоней и лесом на Лявлинской стороне³¹. Богородицкий монастырь покупал землю не непосредственно у владельца, а через посредство волостных властей Княжеострова, разрешение которых на покупку участка земли в их волости было, вероятно, необходимым условием сделки. Ясно, однако, что фактическим покупателем являлся монастырь, а не староста «и вси княжеостровцы», ибо сделка совершалась «церковными кунами». 3) Кирилло Юрьевич дал Богородицкому монастырю село в Емецкой слободе³², по поводу чего 4) состоялось соглашение вкладчика с представителями слободы о невзимании податей с половников, живущих в этом селе³³. В четвертом акте, так же, как и во втором, наблюдается явная стесненность прав частных лиц в распоряжении своими владениями: коллективный землевладелец в виде волости или слободы решал вопрос о тягловых обязанностях жителей отчуждаемой земли.

Известен по имени игумен монастыря св. Богородицы Григорий, являвшийся духовным отцом игумена Николаевского Чухченемского монастыря Василия и послухом акта середины XV в.³⁴

До исследования А. А. Шахматова пергаменные двинские акты в литературе было принято датировать XIV в. Такой датировки придержива-

³⁰ ГВНП. № 258. С. 267. В. Л. Янин датирует документ XV в., не находя возможным сузить его хронологию (*Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 350. № 370).

³¹ ГВНП. № 164. С. 208. В. Ф. Андреев относит документ к 20–30-м годам XV в. (*Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт... С. 28–29, 132. № 164), В. Л. Янин — к 60-м годам XV в. (со знаком вопроса — см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 340. № 335).

³² ГВНП. № 192. С. 226. Издатели относят акт к середине XV в., В. Ф. Андреев — к 1398–1410 гг. (*Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт... С. 134. № 192), В. Л. Янин — к 1398 г. — второй половине 10-х годов XV в. (*Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 299–300. № 225).

³³ ГВНП. № 191. С. 226. В. Ф. Андреев относит грамоту к началу XV в. (*Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт... С. 89, 134), В. Л. Янин — к концу первой четверти XV в. (*Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 306. № 235).

³⁴ ГВНП. № 176. С. 217. В. Л. Янин датирует документ первой половиной 60-х годов XV в. (*Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 336. № 322).

лись А. Х. Востоков, И. И. Срезневский и др. Шахматов доказал, что двинские акты на век моложе, т. е. их надо относить к XV столетию³⁵. Вместе с тем некоторые авторы, писавшие после появления труда Шахматова, продолжали по традиции считать пергаменные двинские акты документами XIV в. Н. Козмин (1906 г.) обнаружил два таких акта в архиве Антониево-Сийского монастыря. Это были рассмотренные выше данная и рядная Кирилла Юрьевича (акты № 3, 4)³⁶. Козмин отнес их к XIV в.³⁷ Г. И. Вздорнов, следуя датировке Козмина, утверждает, что эти грамоты доказывают факт основания Богородицкого Лявлинского монастыря в первой половине XIV в.³⁸ Опубликованные в 1909 г. И. М. Сибирцевым и А. А. Шахматовым и переизданные в 1949 г. в ГВНП, акты Кирилла Юрьевича стали объектом внимательного изучения. Издатели ГВНП датируют их серединой XV в., В. Ф. Андреев и В. Л. Янин — концом XIV — первой четвертью XV в. (*terminus post quem* — 1398 г.)³⁹.

Таким образом, дошедший актовый материал не позволяет сомневаться в том, что Богородицкий монастырь существовал уже в первой половине XV в. В челобитной настоятеля Антониево-Сийского монастыря Иова 1632 г. говорилось, что Лявлинский монастырь «зачался с полтретьяста [лет] и болши»⁴⁰. В челобитной крестьян Княжеостровской волости начала 30-х годов XVII в. указан тот же возраст Лявлинского монастыря: «более полтретьихсот лет»⁴¹. Следовательно, к 1630 г. монастырю было не менее 250 лет⁴², т. е. он возник, если верить этим известиям, не позже 1380 г.⁴³ О его более раннем существ-

³⁵ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 3–2.

³⁶ Козмин Н. К истории... С. 168–169; ср. ГВНП. № 191, 192. С. 226; см. также выше, примеч. 32 и 33.

³⁷ Козмин Н. К истории... С. 168.

³⁸ Вздорнов Г. И. Искусство книги... С. 68.

³⁹ См. выше, примеч. 32 и 33.

⁴⁰ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 857.

⁴¹ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 33, примеч. 101.

⁴² В «Аграрной истории...» числительное «полтретьихсот» неверно расшифровывается как — 150: «...Лявлина монастыря, существовавшего на волостной черной земле более полутора лет» (Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 110).

⁴³ Второй половиной XIV в. датируется основание Лявлина монастыря в «Историческо-статистическом описании церквей...» (1895 г.) — см.: Историческо-статистическое описание церквей Архангельской губернии. [Вып.] 1. С. 178.

вовании свидетельствует только надпись на так называемом «Сийском» евангелии.

Акты Кирилла Юрьевича, найденные Н. Козминым в Антониево-Сийском монастыре, перешли сюда, безусловно, из Лявлинского Богородицкого монастыря, так же, как и знаменитое «Сийское» евангелие. Вероятно, до приписки к Антониево-Сийскому монастырю в Богородицком монастыре хранился и ряд других документов. Тот пресловутый дьячок, который в конце XVI в. составил подложное завещание Настасьи и изобразил монастырь в качестве ее «строения», творил не на пустом месте. Он, конечно же, пользовался документами монастырского архива. Встретив в нем акты с именами Настасьи и Степана, фальсификатор, по-видимому, отождествил упоминаемую в документах Настасью с «богатой» и «славной» новгородской посадницей второй половины XV в. Настасья Степанова, которая фигурирует в двинских актах, являлась внучкой двинского посадника, что тоже могло послужить основанием для определения ее в качестве «посадницы».

Было ли то напрестольное евангелие, куда фальсификатор вписал подложное завещание Настасьи, «Сийским» евангелием, сказать трудно. Сейчас в «Сийском» евангелии этого завещания нет, хотя оно могло быть из него удалено позднее. Фальсификатор не воспользовался записью на «Сийском» евангелии, чтобы удревнить историю монастыря. Возможно, эта запись была ему неизвестна, или она не давала, с его точки зрения, достаточных аргументов для доказательства «частного» происхождения Лявлинского монастыря.

Выходная запись на последнем листе «Сийского» евангелия (л. 216–216 об.) начинается с указания даты его написания. Затем говорится, где евангелие было написано («въ граде Москве»). После этого сказано, куда оно направляется («на Двину къ святей Богородици»). Затем упоминается заказчик кодекса («повелениемъ рабомъ божьимъ Ананиею чернцемъ»). Далее идет пространная похвала великому князю Ивану (Ивану Калите), который дважды как бы отождествляется с чернецом Ананией: «Ананиею чернцемъ. О семь бо князи великомъ Иване...»; «Сии бо великии рабъ божии Ананія чернець». Заклочительная фраза написана кинноварью, отступая на одну строку от предшествующего текста, более крупными буквами: «А писали многогрешнии дѣяци Мелентии да Прокоша, благословите ихъ, а не клените».

Текст записи написан одним из основных почерков кодекса (почерк Ia по нашей классификации; подробнее см. ниже). Это свидетельствует о том, что запись более или менее синхронна основному тексту кодекса. Вместе

с тем дата, содержащаяся в начале записи, состоит из ряда противоречащих друг другу элементов: «В лѣт(о) 6000-іе 800-іе 47-іе, индикта 12, миротворенаго и с(о)лн(е)чного круга въ 4-іе лѣт(о) високостное, жидовьсего ирукъ въ 7-іе лето, іеpekта 18 лѣт(о), въ 5-и каландъ м(е)с(я)ца марта, жидовьскы нисана, написано быс(тъ) си Іѹа(н)г(ели)е...». В записи поражает обилие и разнообразие элементов датировки, собранных как будто нарочно для того, чтобы показать читателю хронологическую эрудицию составителей или сбить с толку тех, кто захочет разобраться, когда же на самом деле евангелие было написано.

В дату, приведенную в начале записи, входят десять элементов: 1) число года по византийской эре от С. М. — 6847; 2) индикт — 12; 3) номер года в «миротвореном» круге — [4?]; 4) номер года в солнечном круге — 4; 5) указание на високость; 6) указание типа года по еврейской эре — «ирук»; 7) номер года в еврейском «малом цикле» — 7; 8) эпакта — 18; 9) число дня и месяц по римскому календарю — «5-и каландъ месяца марта»; 10) еврейское название месяца — «жидовьскы нисана».

Номер года в «миротвореном» круге автор записи не указывает, как бы отождествляя его с номером года в солнечном круге. Вместе с тем это разные понятия. Номер года в «великом миротворном круге» есть остаток от деления числа года по византийской эре на 532⁴⁴. Для 6847 г. он равен 463.

При установлении даты кодекса большинство исследователей не принимало в расчет иных хронологических показателей, кроме года, индикта, месяца и числа. Уже первые описатели «Сийского» евангелия считали указание на 12-й индикт ошибкой, т. к. 6847-му сентябрьскому году соответствует 7-й индикт. Путем вычитания 5508 из 6847 год написания рукописи был определен как 1339 (И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, И. М. Сибирцев, Е. Ф. Карский, Е. М. Сморгунова и др.). Поскольку 5-й день мартовских календ равен 25 февраля, датировка записи 25 февраля 1339 г. возможна при сентябрьском и ультрамартовском стилях. При мартовском же начале года из 6847 надо вычитать для февраля не 5508, а 5507, что дает 1340 г. Н. А. Мещерский впервые попытался истолковать термин «ирук» записи. Он сопоставил его с древнееврейским понятием «сана ирук», обозначающим «долгий год», который иначе может быть определен как високосный год. Древнееврейский «долгий», или високос-

⁴⁴ Пейтковский А. М. Календарные таблицы в русских рукописях XIV–XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 141.

ный, год отличается от простого наличием второго месяца адар. 1340 г. был високосным по эре от Р. Х., а в еврейском календаре ему соответствовал високосный же 5100 г. На основании этого совпадения Н. А. Мещерский предположил, что в записи имелся в виду не 6847 простой год, а 6848 високосный год, и датировал запись 25 февраля 1340 г.⁴⁵ Однако указанию на високосный год противоречит 7-й номер года в «малом» (19-летнем) цикле. 7-й год цикла никогда не был високосным или «долгим». Таковыми являлись соседние с ним 6-й и 8-й годы⁴⁶. Следовательно, предложенная Н. А. Мещерским датировка отнюдь не сняла всех противоречий, имеющихся в хронологической части записи.

В отличие от Н. А. Мещерского, Г. И. Вздорнов исходил из допущения, что автор записи пользовался мартовским стилем. Он предложил два варианта даты: либо 25 февраля 1339 г., либо (если отбросить слово «каландъ») 5 марта 1340 г.⁴⁷ Но оба варианта невозможны при мартовском начале года, ибо в первом случае для февраля надо вычесть 5507 из 6847, что дает 25 февраля 1340 г. (вариант Мещерского), а во втором случае для марта следует вычесть 5508 из 6847, что дает 5 марта 1339 г.

Новую попытку решить загадку записи «Сийского» евангелия предпринял Я. Н. Шапов. С одной стороны, он признал вероятной ту датировку евангелия, которую предложил Г. И. Вздорнов: 5 марта 1340 г. С другой стороны, ссылаясь на частые случаи датировки календами при указании не следующего, а текущего месяца, Шапов допустил, что в записи речь шла не о календах марта, а фактически о календах апреля: 28 марта 1340 г.⁴⁸ Этот вариант возможен лишь при дате «6848».

Нам представляется, что в литературе не было найдено удовлетворительного объяснения хронологических противоречий в записи на «Сийском» евангелии. В настоящей работе авторы ставят своей целью не толь-

⁴⁵ Мещерский Н. А. К датировке «Похвалы Ивану Калите» // Вестник Ленинградского университета. Л., 1967. № 2. История-язык-литература. Вып. 1. С. 137–139; Он же. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 93–103; Он же. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 236–237.

⁴⁶ Mahler E. Handbuch der jüdischen Chronologie. Leipzig, 1916. S. 356, 372. Ср.: Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 216.

⁴⁷ Вздорнов Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 142–143.

⁴⁸ Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей. М., 1978. С. 340–341.

ко показать степень несогласованности различных элементов записи, но и попытаться раскрыть причины этой несогласованности в связи с изучением вопроса о происхождении рукописи.

Начнем с числа года: 6847. Ему могли соответствовать месяц и число (25 февраля), а также номер года в еврейском «малом цикле» — 7. В 268-м «малом цикле» 7-м был 5099 г. эры от Адама. Он начинался 15 сентября 1338 г. (1 тишри) и кончался 3 сентября 1339 г. (1 тишри нового, 5100 г. приходилось на 4 сентября 1339 г.)⁴⁹. 25 февраля находилось в пределах совпадения 5099 г. эры от Адама с 1339 г., что говорит в пользу датировки записи 1339, а не 1340 г. 6847 г. византийской эры приравнивается к 1338/39 г. по сентябрьскому и ультрамартовскому стилям и к 1339/40 г. по мартовскому стилю. При сентябрьском начале года на 1338 г. приходятся месяцы с сентября по декабрь, а на 1339 г. — месяцы с января по август. При ультрамартовском стиле к 1338 г. относятся март–декабрь, а к 1339 г. январь и февраль. Мартовское начало года предполагает, что март–декабрь 6847 г. проходят в 1339 г., а январь–февраль в 1340 г. Наибольшее по протяженности совпадение с годом эры от Адама имеет, следовательно, сентябрьский год, он близок к нему по датам начала и конца года. Одновременное использование эры от Адама и эры от С. М. вообще наиболее логично при сентябрьском начале года.

Сравнивая число года — 6847 — с другими элементами даты в записи, легко установить, что большая часть этих элементов не согласуется с числом года. Таковы индикт 12 (в 6847 г. — 7), круг солнца 4 (в 6847 г. — 15), эпакта 18 (в 1338, 1339 и 1340 гг. соответственно 28, 9 и 20)⁵⁰, указание на високост (6847 г. не был високосным).

Но согласуются ли приведенные элементы между собой? Оказывается, что согласуются попарно. В XIV в. 12-й индикт приходился на годы 6822, 6837, 6852, 6867, 6882 и 6897, из которых лишь один — 6837 — помещается в хронологических рамках княжения Ивана Калиты. На эру от Р. Х. он может быть переведен как 1328/29 или 1329/30. 12-й индикт в 1329 г. совпадал с 18-й эпактой. Это единственное их совпадение на протяжении XIV–XV вв.

4-й круг солнца в XIV в. приходился на 6808, 6836, 6864 и 6892 гг. Все они были високосными. Из них к периоду княжения Ивана Калиты относится только один год — 6836, т. е. 1327/28 или 1328/29.

⁴⁹ Mahler E. Handbuch... S. 568–569.

⁵⁰ Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Leipzig, 1914. Bd. 3. Tafel 1. S. 402.

Обратим внимание на хронологическую близость индикта и эпакты, с одной стороны (6837 г.), и круга солнца, — с другой (6836 г.). В рамках 6837 г. имеется период, которому соответствует 4-й круг солнца. Это март–декабрь 1328 г. при ультрамартовском начале года. Но на данном отрезке времени индикт ультрамартовского 6837 г. уменьшается на 1 и становится 11, превращаясь тем самым в индикт сентябрьского 6836 г. Остается признать, что круг солнца указан в записи с разницей в год сравнительно с индиктом и эпактой.

Итак, наиболее ранняя дата, которую мы косвенным путем (через круг солнца) устанавливаем в записи, — это 6836 г. Следующая дата, прикрытая ссылкой на индикт и эпакту, — 6837 г. И, наконец, последняя, открыто объявленная дата, — 6847 г.

Если не считать запись позднейшей подделкой (а против этого свидетельствует совпадение ее почерка с одним из почерков основного текста), хронологическую трехслойность даты записи можно объяснить только тем, что в ней объединена информация нескольких записей. Мы полагаем, что позднейшая запись, 1339 г., заменила предыдущие, вобрав в себя элементы их хронологии. Но где могли находиться предшествовавшие ей, несохранившиеся записи? Для ответа на этот вопрос надо внимательнее присмотреться к палеографическим и кодикологическим особенностям «Сийского» евангелия.

Кодекс, заключающий в себе «Сийское» евангелие, представляет собой пергаменную рукопись на 216 нумерованных листах. Текст написан уставом в два столбца. Имеются заставка и инициалы, выполненные в стиле тератологического орнамента. На л. 172 об. помещена миниатюра «Отослание апостолов на проповедь». Как уже говорилось, в выходной записи указано, что писцами рукописи являлись «многогрешнии дьяци Мелентии да Прокоша» (л. 216 об.) Г. К. Бугославский различал в рукописи два почерка и считал, что они идут вперемежку. Так, по его мнению, первые две строки кодекса написаны первым, лучшим почерком, третья строка — «как бы вторым почерком и т. д.»⁵¹. Бугославский отметил, что во втором столбце л. 81 об. почерк «крупнее принятого в евангелии и не так чист». Почерк I (лучший) он приписывал Мелентию, считая его старшим, более опытным писцом, почерк II («неустановившийся») — Прокоше, чье имя, приведенное в уменьшительной форме, давало исследователю основание для заключения, что это был молодой

⁵¹ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год. XV. № 24. С. 861.

человек⁵². Кроме того, Бугославский связал с разницей почерков и различие в употреблении гласных «о» и «е»: «собе», «тобе» в тексте, написанном поч. I, и «себе», «тебе» в тексте, написанном поч. II. Принимая во внимание это различие, Бугославский допускал, что обладатель поч. I (Мелентий) был выходцем из южной Руси (откуда происходил митрополит Петр, и, возможно, часть его клириков), обладатель же поч. II (Прокоша) являлся уроженцем северной или средней Руси⁵³. Вместе с тем указывающее на московский говор написание «апустевшии земли» в выходной записи, почерк которой Бугославский отождествляет с почерком Мелентия, заставило его предположить, что этот, старший писец тоже был уроженцем средней полосы, а не юга: он строго следовал южному правописанию в основном тексте исключительно в силу своей профессиональной опытности, не позволяя себе, в отличие от Прокоши, невольных отступлений от списываемого «образца»⁵⁴.

В последующих трудах, посвященных «Сийскому» евангелию, речь идет, как и в работе Бугославского, только о двух почерках этой рукописи⁵⁵. Однако палеография евангелия представляется нам более сложной. При наличии двух почерков, которые можно считать основными, наблюдаются и определенные отступления от них. По близости почерковых вариантов к тому или иному основному почерку мы обозначаем эти варианты как Ia, IIa и IIб. В целом картина распределения почерков выглядит, с нашей точки зрения, следующим образом: поч. I — л. 1–49, 58 об. (строки 10–24 второго столбца) — 81 об.; поч. Ia — л. 49 об. — 58, 58 об. (строки 1–9 второго столбца), 82–111, 173–216 об.; поч. II — л. 112–113 об.; поч. IIa — л. 114–144; поч. IIб — л. 144 об. — 172 об. Не менее 15 раз писцы меняли чернила. Кроме писцов основного текста, над рукописью работал еще некто Иоанн, рисовальщик заставки и инициалов, а также безымянный художник, автор миниатюры, помещенной в евангелии. Имя Иоанна известно из его записи в основании заставки на л. 1: «Г(оспод)и, помози много(гре)шному Іwани(у) напис(а)ти ми⁵⁶ за-

⁵² Там же. С. 861–863.

⁵³ Там же. С. 862.

⁵⁴ Там же. С. 862–863.

⁵⁵ *Сморгулова Е. М.* Древнейший московский рукописный памятник (Палеографическое описание и вопрос об оригинале рукописи 1339 г. БАН, № 338) // *Источниковедение и история русского языка*. М., 1964. С. 121; *Пергаменные рукописи...* С. 78 и др.

⁵⁶ В рукописи полусмыто; читается неотчетливо.

ставицю сию». Г. К. Бугославский отождествлял Иоанна с автором миниатюры⁵⁷.

Кодекс, содержащий «Сийское» евангелие, состоит из 28 тетрадей⁵⁸. Большинство тетрадей пронумеровано буквенными цифрами. Номер тетради ставился на обороте ее последнего листа, на нижнем поле. Не имеют буквенного номера тетради № 2 и 22 (по нашей нумерации). Обычный размер тетради — 8 листов. От этой нормы отступают тетради № 1, 22 и 28. В тетради № 1 (л. 1–7 об.) отсутствует лист, предшествовавший современному л. 1. По сохранившейся узкой полоске пергамена у корешка перед л. 1 видно, что он был вырезан. Этот лист составлял пару с нынешним л. 8 (сейчас в тетради только 7 листов). К остатку вырезанного листа позднее был приклеен лист бумаги, соединенный с переплетом.

Тетрадь № 22 состоит из 5 листов (л. 168–172 об.). От одного листа сохранился остаток у корешка шириной в 0,12 см внизу, 0,2 см в середине и 0,17 см сверху листа. Этот остаток расположен после л. 172. В тетради № 22 парными являются л. 169 и 172, 170 и 171. Вырезанный лист составлял пару с л. 168. Тетрадь № 28 содержит 4 листа (л. 213–216 об.). Они представлены двумя парами: 1) л. 231 и 216; 2) л. 214 и 215.

Кроме неполных тетрадей, следует отметить наличие в рукописи места, где текст был смыт на довольно значительном протяжении. Это л. 111–111 об.: на л. 111 смыты четыре последние строки первого столбца и весь второй столбец, на л. 111 об. — текст обоих столбцов.

Таким образом, из рукописи явно удалялись какие-то части текста, что подкрепляет наше предположение о возможности существования в ней более ранних записей, впоследствии изъятых. Однако где именно, в какой тетради могли находиться эти записи или запись? У нас нет уверенности в том, что выходная запись была помещена на первом, ныне отсутствующем листе первой тетради. По предположению О. С. Поповой⁵⁹, поддер-

⁵⁷ Бугославский Г. К. Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч неофициальная. Год XV. № 23. С. 818.

⁵⁸ Состав тетрадей следующий: № 1 — л. 1–7 об., № 2 — л. 8–15 об., № 3 — л. 16–23 об., № 4 — л. 24–31 об., № 5 — л. 32–39 об., № 6 — л. 40–47 об., № 7 — л. 48–55 об., № 8 — л. 56–63 об., № 9 — л. 64–71 об., № 10 — л. 72–79 об., № 11 — л. 80–87 об., № 12 — л. 88–95 об., № 13 — л. 96–103 об., № 14 — л. 104–111 об., № 15 — л. 112–119 об., № 16 — л. 120–127 об., № 17 — л. 128–135 об., № 18 — л. 136–143 об., № 19 — л. 144–151 об., № 20 — л. 152–159 об., № 21 — л. 160–167 об., № 22 — л. 168–172 об., № 23 — л. 173–180 об., № 24 — л. 181–188 об., № 25 — л. 189–196 об., № 26 — л. 197–204 об., № 27 — л. 205–214 об., № 28 — л. 213–216 об.

⁵⁹ Попова О. С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Руко-

жанному Г. И. Вздорновым⁶⁰, вырезанный первый лист «Сийского» евангелия можно отождествить с пергаменным листом из коллекции Гос. Русского музея, содержащим миниатюру «Поклонение волхвов»⁶¹. Против этого отождествления говорит меньший размер листа из коллекции Русского музея (22,2 × 30,6 см) по сравнению с форматом листов основной части «Сийского» евангелия (24,5 × 41,4 см).

Разницу форматов листов «Сийского» евангелия и листа с миниатюрой из коллекции ГРМ можно было бы объяснить тем, что лист ГРМ обрезан. Но ведь и листы кодекса, содержащего «Сийское» евангелие, тоже обрезались. От этого сильно пострадали пояснительные записи к евангельским чтениям на нижних полях листов, сделанные почерком XV в. Видимо, вскоре после XV в. у «Сийского» евангелия сменился переплет. Возможно, он менялся и позже. Сейчас рукопись «Сийского» евангелия имеет пергаменный переплет (XVIII в.?). Его верхняя и нижняя крышки расписаны акварелью в стиле барокко. Хорошая сохранность листа, находящегося в коллекции ГРМ, позволяет думать, что он в течение долгого времени помещался внутри кодекса и был обрезан, вероятно, не раньше XVIII–XIX вв. Если этот лист являлся до XVIII–XIX вв. частью рукописи «Сийского» евангелия, то, будучи вырезан из него, он мог быть подогнан под формат другого кодекса, меньшего по размеру, чем «Сийское» евангелие. Вместе с тем на листе из коллекции ГРМ как будто не видно следов его прикрепления к корешку рукописи.

В пользу гипотезы О. С. Поповой свидетельствует, по мнению Г. И. Вздорнова, наличие отпечатков изображения золотых капителей и стилизованных цветов миниатюры на л. I кодекса, к которому предшествующий лист (ныне отсутствующий в евангелии) прилегал своей оборотной стороной, где, видимо, и была помещена миниатюра, тогда как лицевая сторона листа оставалась чистой.

писная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 40–42; ср.: *Попова О. [S.] Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. P. 66–72.* Первоначально О. С. Попова сообщила свое наблюдение Г. И. Вздорнову в устной форме — см.: *Вздорнов Г. И. Из истории искусства... С. 149–150.*

⁶⁰ *Вздорнов Г. И. Из истории искусства... С. 149–150.*

⁶¹ Гос. Русский музей. Др. гр. № 8. Миниатюра издана: *Вздорнов Г. И. Искусство книги... № 29, дополнение. См. также: Белова Л. Б., Кукушкина М. В. К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 156–157.*

Загадку представляет смытое место на л. 111–111 об. Теоретически здесь могла находиться какая-то запись типа выходной, поскольку на листе 111 об. кончалась одна из тетрадей кодекса (№ 14) и проходила граница почерков (поч. Ia на л. 82–111 и поч. II на л. 112–113 об.).

Еще больше оснований предполагать наличие выходной записи в первоначальном составе тетради № 22, где отсутствует по крайней мере один лист, находившийся после л. 172. Обозначим его условно как л. 172а. Если тетрадь № 22 была шестилистной, то л. 172а являлся последним листом этой тетради, и на нем мог стоять буквенный номер «22». Тетрадь № 22 явно завершался какой-то этап работы над «Сийским» евангелием. Во-первых, здесь проходит очередная граница почерков и чернил: на л. 172–172 об. заканчивается почерк Пб, а с л. 173 возобновляется другими чернилами прекратившийся после л. 111 почерк Ia, который затем господствует до конца книги.

Во-вторых, на л. 172 об. помещена миниатюра. Если согласиться с мнением О. С. Поповой и Г. И. Вздорнова о том, что миниатюра была также на обороте ныне отсутствующего первого листа кодекса, факт присутствия миниатюры на л. 172 об. может рассматриваться как признак окончания на л. 172 основного текста евангелия: оно открывалось миниатюрой и миниатюрой же заканчивалось. К тому же, миниатюра на л. 172 об. помещалась в конце евангелия от Матфея.

В-третьих, шестилистный состав тетради № 22 (если не считать, что в ней могли находиться еще два листа, которые впоследствии были удалены) служит намеком на ее расположение в конце кодекса. В древнерусских кодексах последняя тетрадь часто была меньшего размера, чем предшествующие: предвидя окончание работы, писцы отводили на последнюю тетрадь ограниченное число листов пергамента, дабы не расходовать зря этот дорогостоящий материал.

Обращение к нумерации тетрадей показывает, однако, что почерк и чернила буквенных номеров меняются не после 22-й, а лишь после 24-й тетради: номера 25–27 написаны другим почерком, чем предшествующие, и очень светлыми, полустершимися чернилами. Особую палеографическую проблему представляет номер последней, 28-й тетради⁶². Он принадлежит к тому же типу и написан тем же почерком (Ia), что и номера 1, 3–21, 23, 24. Номер находится в середине нижнего поля л. 216 об. Первая

⁶² Трудно согласиться с утверждением Е. М. Сморгуновой, что «тип нумерации во всей рукописи единый... Нумерация тетрадей последовательная, без пропусков (от а до ки...)» (Сморгунова Е. М. Древнейший московский рукописный памятник... С. 122).

цифра номера — «К» (20) — читается без затруднений, в то время как вторая цифра испорчена круглым штампом «Рук. отд. БАН СССР». Она может быть прочитана как «В» (2) или «И» (8). Поскольку тетрадь, которая помечена этим номером, является по счету 28-й, большинство исследователей читали вторую цифру номера как «И» (8). При просмотре ее через увеличительное стекло можно заметить тончайшую соединительную линию между верхними концами левой и правой «вертикалей» буквы. Кроме того, создается впечатление, что правая «вертикаль» состоит из двух круглящихся верхней и нижней линий. Прочтение второй буквы номера как «В»⁶³ и, следовательно, всего номера как «КВ» (22) дает основание для допущения, что л. 216 и парный с ним л. 213 находились раньше в составе 22-й тетради, где л. 216 об. являлся последним, поскольку на нем стоял номер тетради, а л. 213 — первым.

В этом случае получается, что тетрадь № 22 была нормальной восьмистраничной тетрадью. Тогда наличие на тетрадях № 23 и 24 номеров того же типа, что и на предыдущих тетрадях, можно объяснить тем, что они нумеровались заранее, в расчете на продолжение текста евангелия, но после того, как работа по нумерации тетрадей была доведена до № 24, переписка евангелия остановилась на тетради № 22. Впрочем, такой ход дела был возможен и при шестистраничном составе тетради № 22.

Гипотеза о вхождении л. 213 и 216 в состав 22-й тетради предполагает, что л. 213 (как первый в тетради № 22) шел сразу после л. 167 об. (последнего в тетради № 21). Однако в рукописи мы не наблюдаем никакой стыковки текста л. 167 об. с текстом л. 213. Более того, текст л. 167 об. продолжается без перерыва на л. 168, а текст л. 213 является естественным продолжением текста л. 212 об., последнего в тетради № 27. Итак, по тексту, л. 213–213 об. между л. 167 об. и 168 совершенно не нужен и является здесь инородным телом, в то время как в тетради № 28 он на своем месте и продолжает текст тетради № 27. Остается допустить, что в составе тетради № 22 л. 213–213 об. и 216–216 об. были чистыми. Они могли предназначаться для миниатюр, для пропущенных часов великой пятницы, для чтения субботы великой недели (к которому был составлен только заголовок) и т. п. Мы можем предполагать все, что угодно, но это не докажет факта пребывания л. 213 и 216 в составе тетради № 22. Столь же

⁶³ Мы пользовались также консультациями сотрудников ОР БАН, из которых М. В. Кукушкина и Е. В. Афанасьева склоняются к чтению неясной буквы как «В», а О. П. Лихачева — скорее как «И», хотя и она не исключает возможности другого чтения («В»).

трудно доказать, что номер тетради на л. 216 об. — «КВ» (22), а не «КИ» (28). Бесспорно лишь то, что из тетради № 22 был вырезан лист, следующий за л. 172, и на этом утраченном листе вполне могла находиться выходная запись, более ранняя, чем та, которая ныне присутствует на л. 216–216 об.

Принадлежность почерка записи на л. 216–216 об. к варианту Ia не позволяет говорить о большом разрыве во времени между окончанием текста евангелия на л. 215 об. и появлением записи на следующем листе. Вместе с тем некоторые особенности соотношения текста записи и евангелия, а также специфика разлиновки л. 216–216 об. показывают, что запись возникла как особый документ и, по-видимому, не сразу после окончания основного текста кодекса. На л. 215 об. во втором столбце заполнены только 14 строк, остальные 10 оставлены чистыми, запись же начата не на этих свободных строках, а на новом, 216 листе. Она выполнена более мелким письмом, чем текст евангелия. Лишь в конце записи фраза о писцах, отделенная от предыдущего текста чистой строкой, написана крупными буквами киноварью⁶⁴.

Запись отличается от текста евангелия количеством строк в столбце. Во всем кодексе, кроме л. 216–216 об., столбцы имеют по 24 строки. Листы были разлинованы по трафарету. Расстояние между столбцами составляет 1,4 см, ширина каждого столбца — 8 см, высота — 24 см. Некоторые колебания этих величин от листа к листу (до 0,1–0,2 см) связаны с особенностями способа разлиновки: расчерчивалось по два развернутых пергаменных листа, наложенных друг на друга, т. е. за один присест разлиновывалось сразу полтетради (4 листа in-2°). Линии продавливались на верхнем и опечатывались на нижнем листе. Иногда из-за большой плотности пергамена линии разлиновки на нижнем листе несколько смещались или отпечатывались неотчетливо.

Развернутый лист, из которого сформированы л. 213 и 216, был первоначально разлинован на 24 строки по общему правилу с помощью трафарета. Об этом свидетельствует прежде всего то, что на л. 213 насчитываются 24 строки и имеются все другие признаки трафаретной разлиновки. Более сложная картина на л. 216. Сейчас здесь 25 строк в каждом из двух столбцов и столько же строк в первом столбце л. 216 об., второй столбец которого не дописан до конца (окончание записи занимает в нем первые 11 строк, написанные чернилами, 4 строки, написанные кинова-

⁶⁴ В отличие от чернильных строк записи, содержащих примерно по 18 букв каждая, киноварные строки состоят в среднем из 15 букв.

рию, и одну чистую строку между чернильным и киноварным текстом). Ширина левого и правого столбцов л. 216 различается и составляет соответственно 9,7 и 7,7 см (на остальных листах ширина обоих столбцов — 8 см), высота столбца — 25 см (на других листах — 24 см), расстояние между столбцами равняется 1,5 см сверху и 1,4 см снизу (на других листах — 1,4 см на всем протяжении столбцов).

Вместе с тем эта разлиновка накладывалась на уже бывшую здесь трафаретную разлиновку. Так, через весь первый столбец л. 216, на расстоянии 8 см вправо от его левого края, проходит вертикальная линия, особенно заметная на уровне 1–3 и 22–23 строк. По трафаретной разлиновке эта линия должна была служить правой границей первого столбца. Однако при новой разлиновке правая граница первого столбца передвинулась на 1,7 см вправо и совпала с бывшей левой границей второго столбца. Впрочем, следы первоначальной разлиновки не всегда отчетливы на л. 216–216 об. Это объясняется не только воздействием вторичной разлиновки, но, возможно, и тем, что открытый лист, из которого образовались л. 213 и 216, занимал нижнее положение в паре листов, подвергавшихся одновременной разлиновке.

Таким образом, палеографический и кодикологический анализ рукописи позволяет предполагать, что ее формирование прошло несколько этапов. Какая-то остановка в создании кодекса произошла, возможно, после того, как была закончена тетрадь № 22. Не исключена вероятность паузы и перед включением в книгу выходной записи на л. 216–216 об. Можно указать по крайней мере три места в изучаемой рукописи, куда могли быть внесены записи, предшествовавшие ныне существующей выходной записи 1339 г. Это, во-первых, утраченный первый лист первой тетради (если не принимать в расчет гипотезу О. С. Поповой и Г. И. Вздорнова о тождестве первого листа «Сийского» евангелия с листом, хранящимся отдельно в Русском музее и содержащим миниатюру «Поклонение волхвов»); во-вторых, л. 111–111 об., где смыт какой-то текст, и, наконец, в-третьих, вырезанный лист тетради № 22, находившийся после л. 172 об. и условно обозначаемый нами как л. 172а. Последняя локализация представляется наиболее вероятной.

Выше отмечалось, что самая ранняя дата, фигурирующая в записи, — 4-й круг солнца, соответствующий в пределах княжения Ивана Калиты 6836 високосному году. Выражение «лето високостное, жидовьсего ирук» восходит, вероятно, к записи 6836 г., но только после «ирук» в этом случае могло или совсем не быть указания на номер года в «малом цикле» эры от Адама, или вместо 7-го должно было быть указано 14-е «лето». Сентябрь-

ский 6836 г. при переводе на эру от Р. Х. составляет промежуток между 1 сентября — 31 декабря 1327 г. и 1 января — 31 августа 1328 г. Ближайшим к нему високосным годом по эре от Адама был 5087 г., 14-й в 267-м «малом цикле». Он начинался 30 августа 1326 г. (1 тишри) и кончался 16 сентября 1327 г. (1 тишри нового, 5088 г., падало на 17 сентября 1327 г.)⁶⁵. Следовательно, совпадение високостов по византийскому и иудейскому календарям в пределах 4-го круга солнца, или 6836 г., имело место 1–16 сентября 1327 г. Какова была политическая ситуация на Руси в это момент?

После событий в Твери 15 августа 1327 г., приведших к гибели Шейкала (Шолкана) и его войска, Иван Калита отправился в Орду⁶⁶ (возможно, он был вызван туда ханом Узбеком)⁶⁷. Легко догадаться, что Калита хотел снять с себя ответственность за действия тверского великого князя Александра Михайловича, руководителя августовского восстания против татар, и, воспользовавшись его виной перед ханом, получить ярлык на великое княжение. Точная дата отъезда Ивана Даниловича неизвестна. Из Орды Иван Калита вернулся «зимой», значит, уехал туда он не позже сентября–октября 1327 г. В политической обстановке, создавшейся после 15 августа 1327 г. московской власти было очень важно укрепить свои политические связи с Новгородом и Двинской землей. Новгородцы, имевшие договор с Александром Михайловичем, заключенный, по-видимому, между 12 апреля и 15 августа (по Янину, в первые месяцы) 1327 г.⁶⁸, разорвали союз с тверским князем, опасаясь татарской расправы, и признали суверенитет Ивана Даниловича. По мнению Янина, это произошло в августе 1327 г.⁶⁹. Конечно, такой поворот мог совершиться только после 15 августа 1327 г. Во всяком случае, когда тверской великий князь Александр Михайлович сделал попытку скрыться в Новгороде, он не был там принят⁷⁰. Это и неудивительно: еще до отъезда в Орду Иван Калита по-

⁶⁵ Mahler E. Handbuch... S. 568–569.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 168.

⁶⁷ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 73.

⁶⁸ ГВНП. № 14. С. 26–28; Черетин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. I. С. 301; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями // Проблемы источниковедения М., 1956. [Вып.] 5. С. 313, 327; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 179; Он же. Новгородские акты. С. 161–163.

⁶⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 180.

⁷⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 341; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 1. С. 73.

слал в Новгород своих наместников⁷¹. В Псковской I летописи рассказывается под 6835 (1327) г. о том, что русские князья (во главе с Иваном Калитой) «подъяша... всю область Новгородскую от Белоозера и от Заволочия» для соединения с новгородской и прочей русской ратью, собранной против Александра Тверского⁷².

«Заволочием» называлась, как известно, Двинская земля. Ей придавалось большое значение в политических планах московских князей XIV–XV вв. Иван Калита стремился усилить свою власть в Новгороде и на Двине не только с помощью военных и административных мер, но и посредством превращения некоторых местных монастырей в опорные пункты московского влияния. Так, в середине 30-х годов он выдает жалованную грамоту Новгородскому Юрьеву монастырю⁷³. Не без участия Калиты (даже если не отождествлять его с чернецом Ананией) состоялась, по-видимому, и отправка евангелия в Богородицкий монастырь на Двине. Думается, что само основание этого монастыря было связано с политической ситуацией, сложившейся после тверского восстания в августе 1327 г.

В надписи на «Сийском» евангелии монастырь именуется «святой Богородицей». Так же определяется он и в актах XV в. О его посвящении Успению Богородицы говорится в источниках XVII в.⁷⁴ и более поздних⁷⁵. В XIX в. в Лявлинском приходе существовали две церкви — каменная и деревянная, в каждой из которых имелось по чудотворной иконе Успения божьей матери⁷⁶. Обе эти церкви достаточно поздние: каменная была сооружена в 1804 г. на средства архангельского купца Андрея Харитонов; строительство деревянной церкви И. Легатов относит к 1589 г., а А. И. Давыдов — к 1580/81 г.⁷⁷ Монастырь «святой Богородицы» мог

⁷¹ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 217; ср. НПЛ. С. 341.

⁷² Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 16.

⁷³ ГВНП. № 86. С. 143. В. Л. Янин датирует грамоту 1335 г. (Янин В. Л. Новгородские акты. С. 164. № 84).

⁷⁴ См., например, определение монастыря в писцовых книгах: *Богословский М. [М.] Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909. [Т.] I. Прил. С. 21; см. также грамоту 1653 г.: Сборник Грамоты коллегии экономии... Т. 2. № 14. Стб. 36.*

⁷⁵ *Соколов Н. Описание... // Архангельские губернские ведомости. 1858. Ч. неофициальная. № 30. С. 235; Зверинский В. В. Материалы... [Т.] 2. С. 391. № 1322 и др.*

⁷⁶ *Легатов И. Указ. соч. С. 7.*

⁷⁷ Там же. С. 7–11; *Давыдов А. И. К вопросу о хронологической атрибуции памятников архитектуры — шатровой церкви в селе Лявля Приморского района Архангельской области // Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР. Тез. докл. к 3-й зональной научно-теоретической*

быть посвящен одному из трех богородичных праздников: Рождеству, Успению или Покрову Богородицы. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств XIV–XV вв. о посвящении монастыря именно Успению Богородицы, позднейшая информация кажется в данном случае заслуживающей доверия, ибо маловероятно, чтобы монастырь менял свое посвященное имя на протяжении веков.

Избиение татар в Твери в 1327 г. произошло в день Успения Богородицы, 15 августа. Не связано ли с этим событием избрание посвященного имени, на первый взгляд совершенно традиционного, для монастыря на Лявле? Мы полагаем, что Лявлинский монастырь возник вскоре после 15 августа 1327 г. Упоминаемые в записи на «Сийском» евангелии 4-й круг солнца и високост ведут нас к 6836 (1327/28) г. Судя по названию монастыря, его создателем мог быть сторонник тверского великого князя Александра Михайловича, с которым новгородцы были в союзе в 1327 г. и чей подвиг основатель монастыря хотел увековечить в самом имени обители.

У «Сийского» евангелия, вероятно, был протограф, где имелась запись об основании монастыря в високосный год 4-го круга солнца. Не исключено, что запись сопровождалась похвалой великому князю Александру Михайловичу. Последний находился в Твери по крайней мере до зимы 1327/28 г., пока не вернулся из Орды Иван Калита, организовавший поход на Тверь⁷⁸. Возможно, за это время в Твери было создано начатое в первых числах сентября 1327 г. евангелие, предназначенное для отправки на Двину. Однако послать его по назначению, видимо, не успели до прихода московских войск, и оно попало в руки Ивана Калиты в результате взятия Твери объединенными московско-суздальско-татарскими силами. Что касается развития книжной культуры в Твери в 20-х годах XIV в., то оно зафиксировано источниками⁷⁹.

Тверская идея не была оставлена без внимания в Москве. Глубокая заинтересованность московского князя в создании форпостов своего влияния на Двине побуждала его искать себе союзников. Не позднее 1329 г. Иван Калита совместно с новгородским посадником Даниилом и тысяцким Авраамом отправляет грамоту двинскому посаднику «на Кол-

конф. молодых ученых по общественным наукам, Архангельск, 2–3 июня 1982 года. Архангельск, 1982. С. 72–74. Последнюю работу нам указал А. Г. Мельник, которому выражаем искреннюю признательность.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 168.

⁷⁹ См.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги... С. 42–43, 46–47, 54. № 18, 19.

могоры» с предписанием соблюдать интересы некоего Михаила, которому великий князь «приказал... Печерскую сторону», Кергольский погост и Волок⁸⁰. Местные землевладельцы характеризуются в грамоте как «бояре двинские». Им запрещалось «вступаться» в промысловые угодья и «места», пожалованные ватаге Михаила. Богородицкий Лявлинский монастырь, находясь в Княжеостровской волости, тоже зависел (прямо или косвенно) от «бояр двинских», представленных в XV в. Степаном Есифовичем и его дочерью Настасьей, а в XIV в., вероятно, их предками.

М. М. Богословский относил Лявлю к числу владений новгородских бояр Борецких: «Борецким принадлежали области Лявля и Малокурье в устье Двины, земли по р. Кудиме к 3. от двинского устья, Ненокса, Сумский посад, Вирма, устье реки Выга, Кемь...»⁸¹. Исследователь ссылается на известный труд К. А. Неволлина о пятинах и погостах новгородских, а также на предисловие к «Списку населенных мест» Архангельской губернии и на «Описание» Холмогор и Двинского края Н. Соколова. Между тем Неволлин говорит о бывшей «боярщине» Марфы Исаковой только применительно к вотчине Соловецкого монастыря в Выгоозерском уезде на устье р. Выга и по р. Вирме⁸². Неволлин цитирует показания писцовых книг, и приводимые им сведения заслуживают доверия, чего нельзя с такой же уверенностью сказать об информации, содержащейся в работе Н. Соколова, который, не ссылаясь на источники, утверждает, что Борецким «принадлежала Борецкая волость в нынешнем Шенкурском уезде — Кемь, Сумский посад, земли по Двинскому устью в нынешнем Архангельске и его уезде: Лявля, Малокурье, Кудьма, Ненокса и проч.»⁸³. Правда, остановившись на слове «уезде», как раз перед словом «Лявля», автор делает подстрочное примечание: «На другие волости Борецких нет указаний; по всей вероятности, их было много в Заволочье, если Борецкие могли делать такие подарки монастырю Соловецкому в 1450 г., каковы были целая Кемская волость и Сумский посад, Малокурье, Кудьма, Не-

⁸⁰ ГВНП. № 85. С. 142–143; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 3. С. 16. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские акты. С. 163. № 83.

⁸¹ Богословский М. [М.]. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. [Т.] 1. С. 8.

⁸² Неволлин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки имп. Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8. Прил. С. 168–169.

⁸³ Соколов Н. Описание... // Архангельские губернские ведомости. 1858. Ч. неофициальная. № 30. С. 234.

⁸⁴ Там же. С. 234, примеч. 22.

нокса и проч.»⁸⁴. Таким образом, ясно, что у Соколова, на чей труд впоследствии ссылался М. М. Богословский, Лявля попала в число владений Борецких не на основании сведений источников, а по аналогии с другими северными волостями.

В актах XV в., касающихся волости Княж-остров, где находился Лявлинский монастырь, никаких упоминаний о принадлежности этой волости Борецким нет. Не входил Княж-остров и в сферу ведения ростовских князей, на землевладение которых в Подвинье было обращено особое внимание в новейшей историографии⁸⁵. Земли, принадлежавшие ростовским князьям, лежали значительно южнее Лявли, и если «Сея» упоминается в числе их владений⁸⁶, то это еще не значит, что к ним же относилась и Лявля. «Речка Сея», в районе которой позднее возник Антониево-Сийский монастырь, числилась в XV в. за князем Константином Владимировичем Ростовским, но она — левый приток Двины, а Лявля — правый. Сия протекает юго-западнее Лявли, в достаточном удалении от нее. К тому же в XIV–XV вв. Лявлинский монастырь не имел еще никакого отношения к Антониево-Сийскому, основанному в XVI в. и ставшему патроном Лявлинского монастыря лишь с 30-х годов XVII в.

В документах второй половины XV в., возникших в связи с новгородско-московскими земельными разборками, Княж-остров определяется как владение московских великих князей⁸⁷. Так, в списке двинских земель 70-х годов XV в. он фигурирует в следующем контексте: «Княж остров, Низовская лука вся до моря, Солонбал, Терпилов погость, Уна, Ненокса — то все вотчина осподареи великих князеи. А искал того Строганов на Есипе на Ондrejaнове да на Иване на Григориеве, на всех боярех на двинских»⁸⁸. Распространение власти «всех» двинских бояр на перечисленные территории, равно как и признание последних «вотчиной» московских великих князей, служит показателем того, что Княж-остров и соседние с ним земля искони были общим достоянием Двинской земли, не являясь доменом ни ростовских князей, ни какой-либо семьи новго-

⁸⁵ Зарубин. Л. А. Важская земля в XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 1. С. 180–187; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 275–279; Копыков Н. Л. «Двинская служба» ростовских князей в 1397–1398 гг. // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 219–221.

⁸⁶ АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 33; Кучкин В. А. Формирование. С. 278.

⁸⁷ АСЭИ. Т. 3. № 14, 16. С. 30, 33.

⁸⁸ Там же. № 16. С. 33.

родских бояр. В уставной грамоте великого князя Василия I Дмитриевича Двинской земле (около 1397 г.) размер «хоженого» «до Княжа острова» устанавливается в размере 4 белок⁸⁹. «Хоженое» получал «дворянин» (пристав) великокняжеского наместника за вызов в суд. Поскольку в уставной грамоте великий князь «пожаловал боярь своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли», можно думать, что упоминаемые в грамоте территориально-административные единицы, оказавшиеся под эгидой московского наместника (в том числе и Княж-остров), находились в непосредственном ведении местных властей, представленных теми же «боярами двинскими» и сотским. Следовательно, посылка евангелия на Двину, кто бы ни планировал эту акцию — тверской князь или московский, имела целью заручиться поддержкой именно Двинской земли, «двинских бояр» и «черных людей».

Вернемся теперь к нашему предположению о том, что осенью-зимой 1327/28 г. какой-то протограф «Сийского» евангелия был создан в Твери и попал в Москву в результате похода Ивана Калиты на Тверь. К сожалению, подтвердить эту догадку невозможно ничем, кроме указания на 4-й круг солнца и високост в записи на «Сийском» евангелии. Следующая дата, которая устанавливается по той же записи, — сентябрьский 6837 (1328/29) г. (= 12-й индикт и 18-я эпакта). Что скрывается за этой датой? Окончание работы с протографом «Сийского» евангелия и появление в нем новой записи вместо старой или окончание какого-то этапа по составлению самого «Сийского» евангелия? Если Калита действительно обрел в Твери евангелие, адресованное двинскому Богородицкому монастырю, то дальнейшая работа над этим кодексом могла быть поручена скорее всего митрополиту и его клирикам. Судя по летописным известиям, Калита действовал в тесном контакте с митрополитом Феогностом, греком, прибывшим на Русь в 6836 (1327/28) г.

Во времена Калиты составление книг было для Москвы делом новым. «Сийское» евангелие считается первым датированным кодексом, созданным в Москве. Вместе с тем в летописях отмечается развитие книжного дела при Калите. Заложив в 1330 г. Спасо-Преображенский монастырь в Кремле, Иван Калита «приведе ту первого архимандрита, Иоана именемъ, мужа честна, сказателя книгамъ...»⁹⁰. Однако до основания Спасо-Преображенского монастыря единственным центром книгописания в Москве являлся, по-видимому, митрополичий двор. Г. К. Бутославский

⁸⁹ Там же. № 7. С. 21.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 169.

полагал, что писавшие «Сийское» евангелие «дьяци Мелентии да Прокоша» принадлежали к митрополичьему «штату», перебравшемуся из Владимира в Москву вместе с митрополитом Петром⁹¹. Словом «дьяки», «дьяци» в записях на книгах определяли себя обычно дьяконы и причетники. Социально-сословный статус книжных переписчиков XIV в. выясняется главным образом по записям на кодексах новгородского происхождения. Среди установленных нами 40 писцов рукописных книг XIV в. было 13 дьяконов и 1 протодьякон⁹².

Что представляли собой «дьяки», писавшие великокняжеские завещания, не вполне ясно. Первую духовную Ивана Калиты «писаль дьякъ князя великого Кострома»⁹³. Во второй духовной Калиты и в завещании Семена Гордого писец не упоминается. Обе духовные Ивана II «писаль Нестерко», не названный дьяком⁹⁴. Видимо, он же, но уже как «дьякъ Нестерь», писал первую духовную Дмитрия Донского⁹⁵. Вторую духовную Дмитрия Донского «писаль Внукъ»⁹⁶, должностное положение которого в документе не указано. Особенно интересно выражение «дьякъ князя великого» в первой духовной Ивана Калиты. Оно свидетельствует о том, что при Калите должность дьяка могла быть не только церковной, но и придворной. Мы, однако, не думаем, что писцы «Сийского» евангелия Мелентий и Прокоша входили в состав великокняжеских дьяков. Если бы они выступали в этой официальной роли, едва ли перед определением их должности стоял бы уничижительный эпитет «многогрешнии». К тому же, поскольку институт великокняжеских дьяков был явлением новым в первой половине XIV в., в записи следовало бы ожидать такого же уточнения статуса дьяков, какое имеется в первой духовной Ивана Калиты: «князя великого». Текст записи на «Сийском» евангелии характеризует ее автора как человека образованного — не только начитанного в Библии, но и свободно оперирующего фактами византийской истории (см. Похвалу Ивану Калите), знакомого с иудейской и римской кален-

⁹¹ Бугославский Г. [К]. Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902. Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 860.

⁹² Столярова Л. В. К вопросу о социальном составе древнерусских писцов XIV в. // Уваровские чтения — II. Муром, 21–23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 185, 187.

⁹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 1 (а). С. 8.

⁹⁴ Там же. № 4 (а, б). С. 17, 19.

⁹⁵ Там же. № 8. С. 25.

⁹⁶ Там же. № 12. С. 37.

дарными системами. С грамматической точки зрения особый интерес представляет оборот «повелениемъ рабомъ божымъ Ананиею чернцемъ». Постановка слов, определяющих действие («повелениемъ...») и действующего («рабомъ божымъ...»), в одном и том же (творительном) падеже не свойственна русскому языку. Действующий должен был обозначаться словами, стоящими в родительном падеже. Именно такое соотношение падежей наблюдаем в других записях на кодексах XIII–XIV вв.: «...по[в]елѣниемъ благовѣрнаго князя новгородскаго Дмитрия...» (Кормчая, около 1285–1291 гг.)⁹⁷, «...повѣлениемъ и стяжаниемъ раба божия Власия черныца и Смена попа Парушкова внука...» (Ирмологий, 1344 г.)⁹⁸, «...замышленьемъ Олексия Костянтиновича...» (Евангелие-апрокос, 1354 г.)⁹⁹, «...повелѣниемъ боголюбиваго архиепископа новгородскаго Моисѣя...» (Евангелие-апрокос, 1355 г.)¹⁰⁰ «...повѣлениемъ архиепископа новгородскаго Моисея...» (Пролог на сентябрь–февраль, 1356 г.)¹⁰¹.

Необычное для русского языка согласование слов, определяющих действие и действующего, нельзя считать ошибкой писца, поскольку в записи на «Сийском» евангелии не одно слово, а все четыре слова, обозначающие действующего, последовательно даны в творительном падеже. Эта конструкция напоминает форму латинского герундива в творительном падеже или форму абсолютного причастного оборота. Слово «повелениемъ» не является причастием, но оно выражает действие и поэтому играет роль, аналогичную герундиву. Наличие в записи латиноподобного оборота наряду с употреблением в дате римских календ и эпакты позволяет думать, что к составлению рассматриваемого текста имел отношение сам митрополит Феогност, известный своей образованностью и прошедший школу «латинской дипломатики» в постлатинской Византийской империи. Упоминание в Похвале святительского сана, божественных писаний и в особенности «правил моноканунных», столь ценимых митрополитами, также косвенно свидетельствует о причастности Феогноста к составлению записи. Если он и не приложил к ней «руку» в буквальном смысле слова, то, по крайней мере, здесь угадывается его «диктат» (*dictat*).

Весьма интересно правописание имени «Анания». В обоих случаях его употребления в записи оно начинается с буквы «А». Между тем в летопи-

⁹⁷ ГИМ. Син. № 132. Л. 1.

⁹⁸ Там же. № 932. Л. 82 об.

⁹⁹ Там же. № 67. Л. 189.

¹⁰⁰ Там же. № 70. Л. 176 об.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 381. № 163. Л. 82 об.

сах и актах это имя представлено, как правило, вариантом «Онания». Еще Г. К. Бугославский отмечал наличие в записи признаков аканья («...апу-स्थ्यи земли») и считал это характерной чертой говора северной или северо-восточной Руси (см. выше). Однако в севернорусских памятниках XIV–XVI вв. мы чаще всего встречаем «о» на месте теперешнего «а» в именах типа «Андрей», «Александр» и др. Поэтому замеченные в записи признаки аканья едва ли можно считать результатом московского влияния. Думается, что тут можно видеть, скорее, следы греческого влияния, которое шло от митрополита Феогноста и его клириков, привезенных из Византии.

Участием митрополита могла быть отмечена не только последняя редакция записи, содержащая Похвалу Ивану Калите, но и более ранняя стадия работы над «Сийским» евангелием. Имеющаяся в выходной записи на «Сийском» евангелии отсылка к 12-му индикту и 18 эпакте дает основание предполагать, что какая-то запись появилась в 1329 г. либо в протографе этого кодекса, либо в нем самом. При втором варианте мы должны допустить факт начала работы над «Сийским» евангелием в 1328 г. Не исключено, что в записи 6837 (1328/29) г. уже указывались месяц и число, приведенные в более поздней редакции записи: «въ 5-и каландъ м(е)с(я)ца марта, жидовьскы нисана». Нисан в 1329 г. начинался 2 марта¹⁰², т. е. его начало почти совпадало с началом марта по юлианскому календарю, и отождествлять нисан с мартом не было большой натяжкой. Но в записи имелся в виду счет дней по римскому календарю, поэтому едва ли под 5-м днем от мартовских календ подразумевалось не 25 февраля, а 5 марта, как думает Г. И. Вздорнов.

26 марта 1329 г. Иван Калита прибыл в Новгород, чтобы сесть на новгородском столе. Его приезд был внушительно обставлен. Вместе с ним приехали два тверских князя, один суздальский «и иных много князей русских». Явился и митрополит Феогност¹⁰³. Сопоставляя дату приезда Ивана Калиты в Новгород с предполагаемой датой записи на «Сийском» евангелии или на его протографе в 1329 г., нетрудно заметить, что рукопись могла быть в каком-то виде подготовлена к «выходу в свет», а вернее, к отправке в монастырь непосредственно перед отъездом великого князя из Москвы. Если в это время первая часть «Сийского» евангелия была го-

¹⁰² Mahler E. Handbuch... S. 569.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 25. С. 169; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 342; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. I. С. 74; *Янин В. Л.* Новгородские акты. С. 163.

това, то запись в нем находилась, скорее всего, в конце тетради № 22, на л. 172а, впоследствии отрезанном (подробнее о кодикологических особенностях рукописи см. выше).

Возможно, ссылка на чернеца Ананию восходит к записи 1329 г. Принятое в последнее время в литературе отождествление Анании с великим князем Иваном Даниловичем как будто вытекает из текста сохранившейся записи. Вместе с тем не все исследователи склонялись к такому отождествлению. Г. К. Бугославский полагал, что Анания был чернецом или даже строителем вновь основанного монастыря и почитателем великого князя Ивана Даниловича, чем и объясняется «заказ им евангелия для Лявлинского монастыря в Москве, а не в Великом Новгороде, к которому Двинская земля тянула в религиозном отношении»¹⁰⁴. По мнению автора, после указания заказчика (чернеца Анании) в рукописи пропущен характерный для многих записей оборот типа «при великомъ князе Московскомъ Иване Даниловиче»¹⁰⁵. «Если вставить в запись эти слова, — замечает Бугославский, — то усматриваемая в ней несклада совершенно исчезает»¹⁰⁶. Исследователь не вполне прав относительно исчезновения «нескладицы», ибо в конце записи имеется еще одно место, где Анания ассоциируется с Иваном Калитой. Как дополнить или изменить текст в этом месте, Бугославский не указывает.

М. Н. Тихомиров видел в чернеце Анании заказчика кодекса и не отождествлял его с Иваном Калитой, полагая, что в существующей записи соединены два текста — собственно запись о написании книги и «особый памятник» — Похвала Ивану Калите¹⁰⁷. Мысль М. Н. Тихомирова о соединении в дошедшем тексте двух разных источников кажется нам плодотворной. В отличие от Бугославского, который авторство Похвалы приписывал все тому же Анании¹⁰⁸, мы полагаем, что Похвала возникла позднее первоначальной записи на «Сийском» евангелии.

¹⁰⁴ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902, Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 860; ср. С. 859.

¹⁰⁵ Там же. С. 847.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 187, примеч. 1; *Он же*. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 241, примеч. 1; *Он же*. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 27–29.

¹⁰⁸ Бугославский Г. [К.] Рукописное пергаменное евангелие... // Архангельские епархиальные ведомости. 1902, Ч. неофициальная. Год XV. № 24. С. 859–860.

В дошедшем тексте записи на л. 216–216об. изучаемой рукописи есть два места, которые позволяют отождествлять Ананию с Иваном Калитой. Первое место находится в начале записи: «...повелениемъ рабомъ б(ожь)имъ Ананиею чернцемъ. Ѡ семь бо князи великомъ Иванѣ пр(о)рокъ Іезекии гл(а)г(о)л(е)тъ...». Предположить, как это делал Бугославский, наличие пропуска между словами «чернцемъ» и «О семь бо князи великомъ...» вполне логично. Читатель еще не догадывается, что чернец Анания — это и есть великий князь Иван, а автор записи уже говорит: «Ѡ семь бо князи великомъ Иванѣ...». Следуя Бугославскому, который ссылаясь на записи XV–XVI вв.¹⁰⁹, можно указать и целый ряд записей XIV в., где наряду с заказчиком упоминается князь, в чье правление составлялся кодекс: «...при великом князи...»; «...при благовернемъ великомъ князи...»; «...при князи великомъ...»; «...при велицемъ и благороднемъ князи...»; «...при благовернемъ и богохранимемъ князи нашемъ...»; «...при державе великого князя...»¹¹⁰. В том случае, когда сам князь был заказчиком, это прямо оговаривалось в записи: «...повелениемъ благовернаго князя...»¹¹¹.

В «Сийском» евангелии великий князь не значится в качестве заказчика рукописи. Эту роль исполнял чернец Анания. Обычно чернецы не сообщали в записях своего светского имени. Из десяти известных нам чернецов, являвшихся писцами или заказчиками книг в XIII–XIV вв., только Анания может оказаться в этом плане исключением, если считать, что он именовался одновременно в. кн. Иваном. Все остальные выступают лишь под монашескими именами. Таковы Симон, «чернец» Юрьева монастыря в Новгороде (1270 г.); Родион, «чернец» Пантелеймонова монастыря в Пскове (1313 г.); Пахомий, «чернец» (1343 г.); Власий, «чернец» (1343/44 г.); Иоанн Телеш, «чернец» (1354 г.); Афонасий, «черноризец» (1369 г.); Антоний, «чернец» (1388 г.); Алексей, «инок» (1395/96 г.); Иоанн, «черноризец» (1397/98 г.)¹¹². Следовательно, указание чернеца под двумя именами — монашеским и светским — несвой-

¹⁰⁹ Там же. С. 847.

¹¹⁰ ГИМ. Син. № 67. Л. 189; № 68. Л. 178 об.; № 837. Л. 137; Хлуд. № 37. Л. 182; БАН. 31.7.2. Л. 259; РНБ. Ф.п.1.18. Л. 207; Ф.п.1.41. Л. 222; Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Кп. 952. Л. 271 об.

¹¹¹ ГИМ. Син. № 132. Л. 1.

¹¹² РГБ. Ф. 178. № 1364. Л. 148; Ф. 256 (Румянц.). № 105. Л. 167 об.; № 302. Л. 113; ГИМ. Син. № 67. Л. 189; № 172. Л. 202 об.; № 333. Л. 151 об.; № 932. Л. 82 об.; Чуд. № 10. Л. 216 об.; Муз. № 4040. Л. 156 об.

ственно записям XIV в. Это обстоятельство в сочетании с отсутствием плавного перехода от обозначения заказчика к Похвале Ивану Калите делает вероятным предположение, что в начале записи пропущено выражение о составлении рукописи в период правления Ивана Калиты.

Второе место в записи, где Анания как бы отождествляется с Иваном Калитой, находится в конце Похвалы, перед фразой о писцах рукописи: «...поминана велегл(а)сно державу юго ц(а)рства. Сии бо великии рабъ божи(е) Анания черн(е)ць поминана юго с(вя)т(ите)льский санъ, гора д(у)х(о)вною мыслию къ Б(о)гови, хотяи видѣти вышнии Юр(у)с(а)л(и)мъ, поминае д(у)шею первыхъ правовѣрныхъ ц(е)с(а)рии всѣхъ с(вя)т(ы)хъ и м(о)л(и)твою прародитель своихъ». Выражение «великии рабъ божи» нельзя считать нормальным оборотом речи, характерным для языка и стиля XIV–XV вв. Определение «рабъ божий» употреблялось либо без эпитетов, либо предварялось уничижительными эпитетами — «грешный», «грешный худый», «многогрешный», «смиранный» и т. п. Назвать «раба божьего» «великим» значило войти в противоречие с самим смыслом понятия «рабъ божи». Выражение «великии рабъ божи» не встречается больше ни в одной из записей XI–XV вв. Поэтому, скорее всего, слово «великий» относилось в первоначальном тексте к титулу Ивана I, т. е. к слову «князь».

Порядок слов в великокняжеском титуле зависел от характера документа и от фразы, в составе которой употреблялся титул. В интитуляции княжеских актов слово «великий» ставилось после слова «князь». Такой порядок весьма строго соблюдался в договорных и жалованных грамотах. Но вне интитуляции он мог нарушаться даже в актах. В докончании Семена Гордого с братьями наряду с оборотом «князь великий» дважды употреблено выражение «к великому князю»¹¹³. В записях на книгах слово «великий» ставилось перед словом «князь» довольно часто¹¹⁴. В выходной записи на «Сийском» евангелии сочетание этих слов встречается трижды, и каждый раз слово «князь» предшествует слову «великий». Как видно, авторы записи придерживались интитуляционной схемы. Перед словами «рабъ божи» слово «великий» употребляется в записи в последний раз. Можно думать, что и в этом случае ему должно было предшествовать слово «князь».

¹¹³ ДДГ. № 2. С. 11–13.

¹¹⁴ См., например: ГИМ. Син. № 6. Л. 189; № 68. Л. 178 об.; БАН. 31.7.2. Л. 259; РНБ. Ф.п.141. Л. 222.

Слово «великий» перед словами «раб божий» появилось, скорее всего, в результате ошибки диктатора. Диктатор продолжал говорить о великом князе («Сии бо...») и поставил на первое место в его титуле эпитет «великий», однако, осознав свою ошибку, он переключился с великого князя на заказчика кодекса, Ананию, и всю последующую похвалу адресовал ему. Вполне естественно, что в этой похвале упоминается в первую очередь «его святительский сань». Вся остальная часть похвалы заказчику евангелия в значительной мере повторяет то, что уже ставилось в заслугу великому князю: любовь к Богу, поминание первых правочерных цесарей.

Новым моментом является только ссылка на молитву прародителей. Нанизывая одну серию похвал на другую, диктатор создавал впечатление близости или идентичности великого князя и Анании, хотя, строго говоря, прямого отождествления этих персонажей в записи нет.

Похвала, в которой как бы подводятся итоги княжения Ивана Калиты, конечно, не могла быть написана в 1329 г. Она — продукт более позднего дополнения и обработки краткой записи 1329 г. Применяя догадку Бутославского к записи 1329 г., можно предположить, что после обозначения заказчика в ней делалось указание на время княжения Ивана Калиты. Какое именно выражение было при этом употреблено, сказать трудно. Поскольку в последней редакции записи, где помещена Похвала Ивану Калите, упоминается «держава его царства», не исключено, что в первоначальной записи говорилось: «при державе великого князя...» (ср. выше, примеч. 110). Однако выражение «при князи великомь...» (ср. там же) больше соответствует порядку слов в титуле Ивана Калиты, трижды приводимом в Похвале.

Сомнения в возможности отождествления «чернеца Анании» с Иваном Калитой требуют поиска иных вариантов идентификации личности этого монаха. В Московской Руси XIV в. имя «Анания» было распространено, по-видимому, довольно слабо. Первый зафиксированный в летописях случай употребления его здесь в качестве крестильного имени относится к 1390 г., когда митрополит Киприан крестил на р. Москве под именем Анании выезжего из Орды татарина Бахтыхозя ¹¹⁵. Правда, в докончании Семена Гордого с братьями середины XIV в. среди послухов фигурирует «Онанья околничий» ¹¹⁶. В Новгороде и Пскове XIII–XV вв. имя «Анания» («Онания») встречается чаще, чем в Москве. Это имя носили

¹¹⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 97–98; JL, 1925. Т. 4. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 2. С. 369; Т. 5. С. 244.

¹¹⁶ ДДГ. № 2. С. 13.

некоторые видные политические и военные деятели северных республик: новгородский посадник в 1254/55 и 1256/57 гг., псковский посадник в 1364/65 — 1366/67 гг., новгородский тысяцкий в 1397/98 г. (Онания Константинович), новгородский воевода в 1434/35 г. (Онания Семенович) ¹¹⁷.

Во всех приведенных случаях дело касалось распространения имени «Анания» среди мирян. По-видимому, его получали люди, родившиеся в дни памяти этого или иного из святых Ананий. Память библейских отроков Анании, Азарии и Мисаила праздновалась, согласно Гротефенду, 16 декабря ¹¹⁸, согласно Сергию — 17 декабря ¹¹⁹. Память пророка Анании русская церковь отмечала 27 марта ¹²⁰, а память преподобного Анании — 21 марта ¹²¹. Святой Анания, живший в I в. н.э. ученик апостолов, или один из 70 апостолов, почитался и римской, и греческой церковью. В церковно-историческом словаре Бодриляра говорится, что римская церковь празднует его память 25 января, греческая — 1 октября ¹²². Сергий относит память этого святого к 4 января и 1 октября ¹²³. Святой мученик Анания времен Диоклетиана (начало IV в. н.э.) упоминается в латинских мартиролагах под 27 января, 15 февраля и 27 марта. Греческая церковь посвящает его памяти день 26 января ¹²⁴. Что касается русской церкви, то Сергий указывает праздник священномученика Анании под 26 января ¹²⁵, а Богословский словарь — под 27 января ¹²⁶.

Святой Анания Перс («Персиянин»), время жизни которого не поддается датировке, почитался как западной, так и восточной церковью. Его память праздновалась обеими церквями 1 декабря. Тогда же отмечается

¹¹⁷ Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. СПб., 1898. Отдел I: Указатель лиц. С. 18.

¹¹⁸ Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit / Entworfen von Dr. H. Grottefend. 10. erweiterte Aufl. / Hrsg. von Dr. Th. Ulrich. Hannover, 1960. S. 33.

¹¹⁹ Сергий [Спаский], архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 583.

¹²⁰ Там же. С. 629.

¹²¹ Там же.

¹²² Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques / Publié sous la direction de Mgr. A. Baudrillart, recteur de l'Institut Catholique de Paris, P. Richard, U. Rouziès et A. Vogt avec le concours d'un grand nombre de collaborateurs. Paris, 1914. T. 2. Col. 1431–1432. № 1.

¹²³ Сергий [Спаский], архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 7, 406.

¹²⁴ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. Т. 2. Col. 1432. № 3.

¹²⁵ Сергий [Спаский], архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 40.

¹²⁶ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1. Стб. 151.

память Анании, епископа Эфесского¹²⁷. Память другого Анании, мученика персидского, русская церковь отмечала 17 апреля¹²⁸. Наконец, память еще одного священномученика Анании греческая и русская церковь праздновали 9 июня¹²⁹. Сергей упоминает также Ананию, мученика коптского, не внесенного в месяцеслов греко-русской церкви. Его память он относит к 3 октября и 12 декабря¹³⁰.

Таким образом, наибольшее количество дат празднования памяти св. Анании приходится на январь (4, 25, 26, 27) и декабрь (1, 12, 16, 17), затем идут март (21, 27) и октябрь (1, 3). Единичными датами отмечены февраль (15), апрель (17) и июнь (9). Полное отсутствие дней памяти св. Анании наблюдается в мае, июле, августе, сентябре и ноябре. Если мы возьмем только те дни, которые признавались русской церковью, то число дат сократится не намного: выпадут лишь 25 января, 15 февраля и 16 декабря. Концентрация «ананиевских» дат в январе и декабре сохранится.

В дни памяти св. Анании имя «Анания» («Онания») могли получить, вероятно, как новорожденные или новообращенные, которых крестили, так и те, кто постригался в монахи. По наблюдениям С. В. Сазонова, русских князей вплоть до 1364 г. нарекали при постриге именем того святого, чья память отмечалась в день пострижения¹³¹. Возможно, это правило распространялось не только на князей, но и на всех мирян вообще. Поскольку смена эпакты происходила в сентябре¹³², 6837 г., характеризующийся совпадением 12-го индикта и 18-й эпакты, следует считать сентябрьским, т. е. начинавшимся 1 сентября 1328 г. и кончавшимся 31 августа 1329 г. Если связывать появление записи на «Сийском» евангелии с пострижением какого-либо светского лица в монахи под именем Анании, то факт такого пострижения надо отнести к одной из дат, когда праздни-

¹²⁷ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. T. 2. Col. 1436. № 8; *Сергий [Спаский]*, архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 372, 583; ср. С. 629; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Стб. 151.

¹²⁸ *Сергий [Спаский]*, архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 583; ср. С. 629; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Стб. 151.

¹²⁹ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. T. 2. Col. 1432. № 2; *Сергий [Спаский]*, архиеп. Полный месяцеслов... Т. 2. С. 629.

¹³⁰ *Сергий [Спаский]*, архиеп. Полный месяцеслов... Владимир, 1901. Т. 1. С. 686, 697, 703.

¹³¹ Сазонов С. В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского именанеречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 21.

¹³² *Grotefend H. Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit*. Scientia Verlag Aalen, 1970. Nachdruck der Ausgabe Hannover 1891. Bd. 1. Glossar und Tafeln. S. 50–51.

валясь память св. Анании. В 6837 г. это был период с 1 октября 1328 г. по 9 июня 1329 г. Ближе других к дате, указанной в «Сийском» евангелии, т.е. к 25 февраля, стоит 15 февраля. Память св. Анании отмечалась 15 февраля римской церковью, но не отмечалась греческой и русской, вследствие чего этот день едва ли можно считать вероятной датой предполагаемого пострижения. Вернее относить его к 26 или 27 января, хотя любое приурочение такого рода гадательно, тем более, что мы не знаем, какое число и месяц приводились в записи 1329 г. и приводились ли они там вообще.

Из послефевральских дат памяти св. Анании обращает на себя внимание 27 марта, когда русская церковь праздновала день пророка Анании, а римская — священномученика Анании. В 1329 г. это был следующий день после приезда Ивана Калиты в Новгород (26 марта). Возможно, кто-то из новгородцев стал 27 марта постриженником и получил иноческое имя Анании, столь любимое и распространенное в Новгороде. Думается, что этим постриженником мог оказаться новгородский посадник Данииил. Он упомянут в новгородско-тверском договоре (1327 г.)¹³³ и в грамоте Ивана Калиты на Двину (1327–1329 гг.)¹³⁴. В. Л. Янин предполагает, что ему принадлежала печать с надписью «Данилова печать»¹³⁵. Не зафиксированное в летописях посадничество Данииила В. Л. Янин относил сначала к периоду с февраля 1327 г. по февраль 1328 г.¹³⁶, а затем — к 1327–1329 гг.¹³⁷. По словам ученого, «...Данила умер (или перестал быть кончанским представителем в посаднической элите) не позднее 1329 г.»¹³⁸.

«Дотягивать» посадничество Данииила до 1329 г. исследователя побуждали, вероятно, два факта: 1) приезд Ивана Калиты в Новгород 26 мая 1329 г. и его довольно длительное пребывание там (около года)¹³⁹; 2) наличие грамоты на Двину, составленной от имени Ивана Калиты, посадника Данииила и тысяцкого Аврама. Последний упоминается в летописях

¹³³ ГВНП. № 14. С. 26–28; ср. выше, примеч. 68.

¹³⁴ Там же. № 85. С. 142–143; АСЭИ. № 3. С. 16; ср. выше, примеч. 79.

¹³⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 226, 227, 231; ср.: Он же. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 119, 217. № 692.

¹³⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 41, 179, 180, 182–184, 227.

¹³⁷ Янин В. Л. Новгородские акты. С. 23, 163. № 83.

¹³⁸ Там же. С. 163, № 83.

¹³⁹ 10 мая 1330 г. Иван Калита заложил в Москве церковь «во имя Преображенья Господа нашего Иисуса Христа» (ПСРЛ. Т. 25. С. 169). Значит, он вернулся в Москву из Новгорода до этого срока. В 1331 г. Иван Калита ездил в Орду (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 75).

в качестве тысяцкого в 1328, 1340 и 1348 гг. Что касается посадника, то кто им был непосредственно после Даниила, неясно. В 1332 г. посадником являлся Варфоломей Юрьевич, а тысяцким Остафий Дворянинец¹⁴⁰. В 1332 г. новгородцы отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захарию Михайловичу, затем отняли у Захария и дали Матвею Коске¹⁴¹.

Когда В. Л. Янин а своей более ранней работе ограничивал пребывание Даниила в посадниках 1327–1328 гг., он исходил из «регулярного срока» посадничества, длившегося с февраля по февраль, в данном случае с февраля 1327 г. по февраль 1328 г.¹⁴² Соглашаясь с предположением, что Даниил действовал в качестве посадника еще и в 1329 г., мы должны допустить возможность факта его избрания на второй срок в феврале 1328 г. Но в этом случае посадничество Даниила кончалось в феврале 1329 г. Следовательно, грамота на Двину, составленная от имени Ивана Калиты, посадника Даниила и тысяцкого Аврама, могла быть выдана скорее до, чем после приезда Калиты в Новгород. Не исключена полностью и вероятность продолжения посадничества Даниила до 1332 г. Впрочем, отсутствие сведений о посадниках за 1329–1331 гг. является признаком нарушения новгородского самоуправления во время пребывания в Новгороде Ивана Калиты. В этот период произошли «кадровые» перемены в составе не только светских, но и церковных властей. В 6838 (1330) г. постригся в схиму новгородский архиепископ Моисей — добровольно, как подчеркнуто в летописи, хотя новгородцы умоляли его остаться на своем посту. В результате новгородцы «быша без владыкы 8 месяць», а затем избрали в архиепископы Григория Калику, нареченного в иноческом чину Василием¹⁴³. Если Новгород обходился в течение 8 месяцев без владыки, то на время он мог оказаться и без посадника — особенно в условиях, когда в Новгороде находился великий князь, а Новгородской землей управляли его наместники. Конечно, пострижение посадника Даниила не обязательно относить к 27 марта 1329 г. Для датировки этой акции подходят также 17 апреля или 9 июня 1329 г., когда отмечались в первом случае память Анании, мученика персидского, во втором — память священномученика Анании.

Изложенные соображения склоняют нас к отказу от предположения, что дата 25 февраля имела уже в записи 6837 г. на «Сийском» еванге-

¹⁴⁰ Янин В. Л. Новгородские акты. С. 163. № 83.

¹⁴¹ НПЛ. С. 344–345; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 353.

¹⁴² Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 180.

¹⁴³ НПЛ. С. 342–343; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 352.

лии. Более вероятным представляется факт пострижения Даниила под именем Анания между 27 марта и 9 июня 1329 г., за чем последовало внесение записи в евангелие. Но запись возникла не позднее 31 августа 1329 г., когда оканчивался сентябрьский 6837 г. с 12-м индиктом и 18-й эпактой. Составление записи в Москве позволяет думать, что новопостриженный был отправлен из Новгорода в Москву, где находился сначала на митрополичьем подворье, а потом, возможно, в Спасо-Преображенском монастыре, созданном в 1330 г. Отсутствие в 1329 — начале 1330 г. в Москве как великого князя, так и митрополита не позволило решить вопрос об отправке «Сийского» евангелия на Двину. Оно осталось в Москве и было дополнено, вероятно, тетрадами № 23–28, где впоследствии появилась новая выходная запись, заменившая старую.

Вторичное посещение Новгорода Иваном Калитой относится к 1334–1335 гг.¹⁴⁴ Великий князь приехал в Новгород 16 февраля 6842 (1334) г., «в четверток на мясопустной недели»¹⁴⁵. Характеристиками 1334 г. являются индикт 2, эпакта 14 и круг солнца 10. Соответствующие показатели 1335 г. — 3, 25 и 11¹⁴⁶. В дате записи на «Сийском» евангелии этих цифр не находим. Следовательно, нет оснований предполагать, что во время второго пребывания Ивана Калиты в Новгороде рукопись как-то использовалась.

Окончательная, дошедшая до нас редакция записи возникла в 6847 г. В ней элементы старых датировок были объединены под новым, 6847 г. без какой-либо корректировки их с числом года, за исключением указания номера года в иудейском «малом цикле»: 7. Этот номер, как мы уже говорили, соответствует 5099/1339 г. Но определение 6847/5099 г. в качестве високосного, или «ирук», было очевидной ошибкой. Ни по византийской, ни по иудейской эре этот год не был високосным: им являлся следующий, 6848/5100 г., 8-й в «малом цикле».

Но, может быть, термином «ирук» обозначался не високосный, а «избыточный» простой год в 355 дней, отличный от «правильного» года в 334 дня и «недостаточного» в 353 дня? Для установления продолжительности года в еврейском календаре надо знать день недели 1 тиспри и день недели 15 нисана. 1 тиспри 5099 г. приходилось на 15 сентября 1338 г., вторник. 1 нисана 3099 г. совпадало с 11 марта 1339 г., которое бы-

¹⁴⁴ НПЛ. С. 346–347; ПСРЛ. Т. 25. С. 171; *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 1. С. 75; *Янин В. Л.* Новгородские акты. С. 163–164.

¹⁴⁵ НПЛ. С. 346.

¹⁴⁶ *Ginzel F. K.* Handbuch... Bd. 3. Tafel 1. S. 402.

ло четвергом ¹⁴⁷. 15 нисана 5099 г. также было четвергом. Следовательно, число дней 5099 г. равнялось 354 ¹⁴⁸. Этот год относился к числу «правильных» и не мог быть определен как «ирук» ¹⁴⁹.

Поскольку 5099 г., 7-й в 268-м «малом цикле», не был ни високосным, ни «избыточным», определение «ирук» можно считать заимствованным из более ранней записи, относящейся к другому году. Выше мы пытались доказать, что ссылка на високост и «ирук» связана с упоминанием 4-го круга солнца, приходившегося на 6836 г. Таким образом, нет необходимости совмещать несовместимое: 6847/5099 г. (7-й в «малом цикле») и високост. Отбросив указание на високост как восходящее к более ранней записи, мы имеем все основания датировать последнюю редакцию записи 1339, а не 1340 г.

Косвенным подтверждением вероятности возникновения записи на евангелии в феврале 1339 г. является ход событий в 1338–1339 гг. Ряд обстоятельств вызывал в это время беспокойство у Ивана Калиты. В 1338 г. его старинный соперник Александр Михайлович Тверской вышел из Орды с ярлыком на тверское княжение ¹⁵⁰. Среди князей Ростово-Суздальской земли зрело недовольство действиями московского великого князя ¹⁵¹. В конце 1338 или в начале 1339 г. Иван Данилович со старшими сыновьями Семеном и Иваном отправился в Орду, послав в Новгород своего младшего сына Андрея ¹⁵². Для малолетнего князя (ему было в начале 1339 г. только 11 лет) ¹⁵³ евангелие могло служить и «верительной грамотой», и гарантией безопасности, и залогом успеха при выполнении поручений отца.

Вполне вероятно, что чернец Анания, доживший до 1339 г., был отправлен в Новгород вместе с князем Андреем Ивановичем. Он-то и мог быть непосредственным доставщиком евангелия в монастырь Богороди-

¹⁴⁷ Mahler E. Handbuch... S. 525, 568–569.

¹⁴⁸ Ср.: Ермолаев И. П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 201. Табл. 39а.

¹⁴⁹ Слово «ирук» означает «длинный», «долгий»: [арук, арох] ← длинный; [орок] ← длинный, долгий (Шатило Ф. Л. Иврит-русский словарь. М., 1963. С. 51–52). Ср. термин «иббур», которым обозначался високосный год (Цыбульский В. В. Современные календари... С. 215, примеч. 2).

¹⁵⁰ НПЛ. С. 349; ПСРЛ. Пр., 1915. Т. 4. Изд. 2. Ч. 1. Вып. 1. С. 267; Т. 5. С. 221; СПб., 1856. Т. 7. С. 205; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 76.

¹⁵¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 76–77.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 7. С. 205; СПб., 1863 (М., 1965). Т. 15. Стб. 421; Т. 25. С. 172; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 77, 355.

¹⁵³ Андрей родился 4 июля 1327 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 168).

цы на Двине. Похвала ему в конце Похвалы Ивану Калите играла роль необходимой рекомендации для вновь прибывшего, который должен был стать монахом или настоятелем Богородицкого монастыря. Политическое значение этого монастыря в конце 1338 — начале 1339 г. определялось не только его стратегическим положением на севере Двинской земли, у моря, но и возможной связью с тверским князем Александром Михайловичем. Сопоставляя наиболее раннюю дату, отразившуюся в записи на «Сийском» евангелии, — 6836 (1327/28) г., и факт посвящения монастыря Успению Богородицы, т. е. празднику, во время которого Александр Михайлович совершил свой ратный подвиг (15 августа 1327 г.), мы пытались доказать, что оригинал «Сийского» евангелия возник в Твери не позже зимы 1327/28 г. Кодекс предназначался для монастыря Успения св. Богородицы, создаваемого в Двинской земле, чьей поддержкой тверской князь хотел заручиться, бросив вызов Орде и предвидя враждебные действия со стороны Москвы и ее союзников. Иван Калита подхватил тверскую инициативу и намеревался еще в 1328–1329 гг. завязать отношения с Богородицким Успенским монастырем, однако интронизация московского князя в Новгороде в марте 1329 г. и бегство тверского князя в Псков уменьшили актуальность поставленной задачи, и посылка евангелия задержалась (может быть, также из-за того, что переписка рукописи остановилась на тексте Евангелия от Матфея, и кодекс нуждался в завершении).

В 1338 г., когда Александр Михайлович получил ярлык на тверское княжение, соперничество между тверским и московским великими князьями вновь обострилось. В этих условиях Иван Калита счел нужным послать в Богородицкий монастырь на Двине «своего человека» (чернеца Ананию), чтобы тот личным авторитетом и богатым даром в виде роскошного кодекса склонил монастырь к союзу с московским князем, которому в рукописи посвящалась пышная Похвала. В 1338/39 г. налаживать отношения с Двиной было самое время. Неудачный поход московской рати на Двину, за Волок, в 1337 г. сильно скомпрометировал Ивана Калиту, чьи люди «посрамлени быша и ранени»¹⁵⁴. В 1338 г. велись военные действия со шведами в Кореле, Обонежье и др.¹⁵⁵.

Если наша идентификация чернеца Анании как бывшего новгородского посадника Даниила верна, то, скорее всего, авторитет заказчика

¹⁵⁴ НПЛ. С. 347–348; ПСРЛ. Т. 5. С. 220; Т. 7. С. 204; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 76.

¹⁵⁵ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 354.

Евангелия и посланца великого князя был значительным. Туманная легенда о посаднице Настасье, поставившей церковь над могилой своего брата Стефана, могла иметь одним из источников какие-то дошедшие в искаженном виде сведения о посадническом прошлом чернеца Анании. Не превратили ли «старые памятухи»¹⁵⁶ Ананию в Анастасию под влиянием позднейших данных о посаднице Настасье и Настасье Степановой, внучке двинского посадника? И не был ли Стефан «братом» в монашеском смысле слова, первооснователем Богородицкого монастыря?

Датировка последней редакции записи на «Сийском» евангелии 25-м февраля 1339 г. исключает возможность отождествления чернеца Анании с Иваном Калитой. Из православных памятней св. Анании ближайшими к 25 февраля были 26 и 27 января, из католических — 15 февраля. Очень маловероятно, чтобы в один из этих дней 1339 г., т. е. более чем за год до смерти, Иван Калита постригся в монахи под именем Анании. В 6847 (1338/39) г. великий князь был еще жив и бодр. Ни одна летопись не относит его смерть к этому году. Согласно летописям, Иван Калита умер 31 марта¹⁵⁷ 6848 (1340) или 6849 (1341) г.¹⁵⁸ Дату «6848» находим в летописях Новгородской I¹⁵⁹, Авраамки¹⁶⁰, Симеоновской¹⁶¹, Никоновской¹⁶², Устюжской¹⁶³, Супрасльской¹⁶⁴, Никифоровской¹⁶⁵, в Рогожском¹⁶⁶ и Владимирском¹⁶⁷ летописцах, в сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг.¹⁶⁸ По свидетельству Н. М. Карамзина,

¹⁵⁶ Такое выражение употреблено в Новгородской II летописи под 6947 (1438/39) г.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 199.

¹⁵⁷ В одном из списков Ермолинской летописи вместо 31 указано 30 марта 6849 г. (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 105).

¹⁵⁸ В Холмогорской летописи о смерти Ивана Калиты сообщается под 6851 (1343) г. — см.: ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 82.

¹⁵⁹ НПЛ. С. 351.

¹⁶⁰ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 70.

¹⁶¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 93.

¹⁶² ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 211.

¹⁶³ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 72.

¹⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 31, 125; М., 1980. Т. 35. С. 46.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 28.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Пг., 1922 (М., 1965). Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 52.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 30. С. 106.

¹⁶⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 239, 324.

тот же год значился в Троицкой летописи¹⁶⁹. Напротив, летописи Новгородская IV¹⁷⁰, Софийская I¹⁷¹, Суздальская по Академическому списку¹⁷², Ермолинская¹⁷³, Тверская¹⁷⁴, Воскресенская¹⁷⁵, Вологодско-Пермская¹⁷⁶, Никаноровская¹⁷⁷, Типографская¹⁷⁸, Львовская¹⁷⁹, Московский летописный свод конца XV в.¹⁸⁰, летописные своды 1497 и 1518 гг.¹⁸¹, Пискаревский летописец¹⁸² помещают известие о смерти Ивана Калиты под 6849 г.

Каждая группа летописей представлена разновременными сводами, и трудно согласиться с мнением, что 6848 г. указывается в более древних летописях, а 6849 — в более поздних¹⁸³. Нельзя признать точным и утверждение о том, что в дореволюционной историографии смерть Калиты датировалась обычно 1341 г.; а в советской — 1340¹⁸⁴. Еще Н. М. Карамзин датировал смерть Калиты 1340 г.¹⁸⁵ Этой же датировки придерживался М. Д. Хмыров¹⁸⁶. А. В. Экземплярский колебался между двумя датами, приводя и ту, и другую¹⁸⁷. К 1341 г. относили смерть Ивана Калиты

¹⁶⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. (М., 1988). Кн. 1. Т. I–IV. Примеч. к т. IV. Стб. 120, примеч. 318; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (Düsseldorf, 1970. Slavica. Reprint № 37). С. 364.

¹⁷⁰ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 55; Пг., 1915. Т. 4. 2-е изд. Ч. 1. Вып. 1. С. 270.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 5. С. 222.

¹⁷² ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1. С. 531; Л., 1928. Т. 1. 2-е изд. Вып. 3. С. 531. В первом издании т. 1 эта летопись определяется как Троицкая (ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 231).

¹⁷³ Т. 23. С. 105.

¹⁷⁴ ПСРЛ. СПб., 1863 (М., 1965). Т. 15. Стб. 422.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 206.

¹⁷⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 113.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 27. С. 64.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 117.

¹⁷⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 180.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 172.

¹⁸¹ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 70, 230.

¹⁸² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 109.

¹⁸³ Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот... С. 217.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Карамзин Н. М. История... Кн. 1. Т. IV. С. 131 и Примеч. к Т. IV. Стб. 120, примеч. 318.

¹⁸⁶ Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови // Календарь для всех на 1870 г. СПб., 1870. С. 42–43. № 97.

¹⁸⁷ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 79, 355.

С. М. Соловьев¹⁸⁸ А. Е. Пресняков¹⁸⁹, а позднее Н. А. фон Баумгартен¹⁹⁰. Тот же год фигурирует в некоторых публикациях и исследованиях советского периода, например, в ГВНП¹⁹¹, в работах В. Л. Янина¹⁹².

Как особая проблема датировка смерти Ивана Калиты была поставлена Н. Г. Бережковым в рамках его общего исследования хронологии русского летописания. Монография Бережкова вышла в свет в 1963 г., после смерти автора. Однако еще в 1958 г. на мнение Бережкова ссылался А. А. Зимин, объясняя противоречие в летописных датах тем, что 6849 г. мог быть дан по ультрамартовскому стилю, при котором для месяцев с марта по декабрь из числа года по эре от С. М. надо вычитать 5509. Поскольку 6849 минус 5509 равно 1340, Зимин склонялся к датировке смерти Калиты 1340 г.¹⁹³ Эту же дату приводит Л. В. Черепнин в своей книге о Русском государстве XIV–XV вв. К «6849 (1340) г.» относил смерть Ивана Калиты Н. А. Мещерский¹⁹⁴.

Выход в свет монографии Н. Г. Бережкова в 1963 г. позволил читателям познакомиться с его обоснованием датировки смерти Ивана Калиты. Бережков связывал появление в летописях даты 6849 г. не с применением в них ультрамартовского стиля, а с тем, что в ряде летописей статья 6847 г., предшествующая известию о смерти Ивана Калиты, «была искусственно разбита на две, под 6847 и 6848 гг.»¹⁹⁵. Бережков сопоставил дату смерти Калиты с датами последующих событий, представив определенную систему датировок, в рамках которой смерть Калиты может быть отнесена только к 1340 г.¹⁹⁶

¹⁸⁸ Соловьев С. М. Соч. в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн. II: История России с древнейших времен. Т. 3–4. С. 234 (интересно, что ссылка дается на Никоновскую летопись, где указан 6848, а не 6849 г.).

¹⁸⁹ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 160.

¹⁹⁰ Baumgarten N. de. Généalogie des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1934. Vol. XXXV–1. № 94. P. 13, 14. Table II. № 5.

¹⁹¹ ГВНП. № 84, 85. С. 142.

¹⁹² Янин В. Л. Новгородские акты. С. 163. № 83: «...до самой смерти великого князя в 1341 г.»

¹⁹³ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. [Вып.] 6. С. 279 и примеч. 26.

¹⁹⁴ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 511, 512, 520; Мещерский Н. А. Избранные статьи. С. 237.

¹⁹⁵ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 296, 345, примеч. 17.

¹⁹⁶ Там же. С. 296.

После выхода в свет монографии Н. Г. Бережкова датировка смерти Ивана Калиты 1340 г. стала господствующей в нашей историографии. Из этой даты исходил И. А. Голубцов при установлении *terminus ad quem* недатированных грамот с именем Ивана Калиты в интитуляции¹⁹⁷. В. А. Кучкин, безусловно принимая в качестве даты смерти Ивана Калиты 1340 г., высказал мысль, что правильная дата — 6848 г. — встречается «в более древних летописях и в летописях, использовавших старую летописную традицию»¹⁹⁸.

Датой «Сийского» евангелия Кучкин вслед за Н. А. Мещерским признает 25 февраля 1340 г. и, отождествляя чернеца Ананию с Иваном Калитой, рассматривает эту дату как *terminus ad quem* последней духовной Ивана Калиты, где тот фигурирует под именем «Ивань», а не «Анания»¹⁹⁹. Однако какой смысл отодвигать датировку духовной до 25 февраля 1340 г., если в ней есть прямое указание на то, что она составлена перед поездкой Ивана Калиты в Орду²⁰⁰? Последняя из его поездок в Орду состоялась в 6847 (1338/39) г., когда он взял с собой старших сыновей, Семена и Ивана²⁰¹. По возвращении из этой поездки Иван Калита больше в Орду как будто не ездил, но осенью 1339 г. направил туда своих сыновей Семена, Ивана и Андрея²⁰². Правда, Суздальская летопись по Академическому списку сообщает, что в 6848 (1339/40) г. Иван Данилович вновь отправился в Орду²⁰³. Эта летопись принадлежит к числу тех, которые относят смерть Калиты к 6849 г. Однако в других летописях ничего не говорится о поездке Ивана Калиты в Орду после возвращения оттуда его сыновей. Поездка 6848 г. не укладывается в хронологию событий последних месяцев жизни Ивана Калиты при датировке его смерти 1340, а не 1341 г.

Запись на «Сийском» евангелии, если датировать ее 25 февраля 1339 г. и связывать с миссией Андрея, может послужить ориентиром для

¹⁹⁷ АСЭИ. Т. 3. № 2, 3. С. 15–16.

¹⁹⁸ Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот... С. 217.

¹⁹⁹ Там же. С. 218.

²⁰⁰ ДДГ. № 1 (а, б). С. 7, 9: «ида въ Ворду».

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 205; СПб., 1863 (1965). Т. 15. Стб. 421; ПСРЛ. Т. 25. С. 172; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 77, 355.

²⁰² ПСРЛ. Т. 7. С. 205; Т. 25. С. 172; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 78.

²⁰³ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 230 (летопись именуется Троицкой); Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1. С. 531; Л., 1928. Т. 1. 2-е изд. Вып. 3. С. 531. А. В. Экземплярский отмечает это событие под 1340 г. (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 78).

уточнения даты поездки Ивана Калиты в Орду со старшими сыновьями в 6847 г. Вероятно, отъезд Андрея в Новгород состоялся более или менее одновременно с отъездом Ивана Калиты, Семена и Ивана в Орду, т. е. вскоре после 25 февраля 1339 г. По-видимому, в феврале 1339 г. была написана и последняя духовная Ивана Калиты.

Датировка записи на «Сийском» евангелии 25 февраля 1340 г. кажется нам невозможной по ряду причин. Такая датировка предполагает, что составитель записи пользовался мартовским стилем. Это не согласуется с его ориентацией на эпакты, которые менялись 1 сентября, и на иудейский календарь, в котором начало года было близко к началу года по сентябрьскому стилю. 6847 г. мог быть определен как високосный лишь в том случае, если принималось мартовское начало года и эра не от С. М., а от Р. Х. При подобном допущении 6847 г. в январе-феврале был тождествен високосному 1340 г. по эре от Р. Х. Високосный 5100 г. по эре от Адама (год «ирук») начинался 4 сентября 1339 г. и кончался 22 сентября 1340 г. (на 23 сентября 1340 г. приходилось 1 тишри нового, 5101 г.)²⁰⁴. Однако в записи указан не 8-й год в «малом цикле», которым являлся 5100 г., а 7-й, представленный 5099 невисокосным годом. Поскольку 5099 г., 7-й в 268-м «малом цикле», соответствовал сентябрьскому 6847 г. (об этом см. выше), мы имеем два согласующихся между собой показателя — 6847 и 7 — при одном показателе, который им противоречит (високост). Следовательно, перевес данных — в пользу восприятия 6847 г. как сентябрьского, т. е. 1338/39 г.

Когда мог Иван Калита постричься в монахи и принять схиму перед смертью 31 марта 1340 г.? Летописи сообщают о том, что он умер «в чернецах и во схиме»²⁰⁵, но не указывают дату его пострижения. Обычно акт принятия князем схимы совпадал с соборованием и непосредственно предшествовал кончине²⁰⁶. Промежуток в 8 дней между пострижением и смертью тверского князя Михаила Александровича в 1399 г.²⁰⁷ можно считать необычно длинным²⁰⁸. Иван Калита, если полагать, что он был постриженником уже 25 февраля 1340 г., прожил в схиме более месяца и оставался при этом великим князем. Русским

²⁰⁴ Mahler E. Handbuch... S. 525, 568–570.

²⁰⁵ См., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 172.

²⁰⁶ Сазонов С. В. Монашеское имя... С. 21.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 145–148.

²⁰⁸ Сазонов С. В. Монашеское имя... С. 21.

государям, в отличие от сербских²⁰⁹, было несвойственно совмещать светскую власть с монашеским чином. Месяц такого совмещения в 1340 г. кажется маловероятным. Еще менее вероятен год с лишним при датировке записи 1339 г. К тому же едва ли Иван Калита постригался под именем Анании в ближайший к 25 февраля день памяти св. Анании — 15 февраля. Это был католический, но не православный праздник. Следовательно, предполагаемое пострижение великого князя под именем Анании надо отодвинуть к 26 или 27 января, когда св. Анания поминался православной церковью. Однако это еще больше удаляет дату пострижения от даты смерти Ивана Калиты и тем самым увеличивает до двух месяцев период совмещения им светской власти и чернецкого чина.

Придерживаясь гипотезы относительно тождества Ивана Калиты и Анании, остается только встать на точку зрения Я. Н. Щапова, считавшего возможным датировать запись календами апреля, т. е. 28 марта²¹⁰. В этом случае мы вправе думать, что Калита постригся под именем Анании 21 или 27 марта, на память преподобного Анании или пророка Анании (о датах праздников св. Анании см. выше). Между тем датировка записи апрельскими календами меняет год записи: для марта–апреля при мартовском или сентябрьском начале года из 6847 следует вычитать не 5507, как для января–февраля, а 5508, что дает 1339 г. Предположение об ультрамартовском стиле потребует вычитания 5509 и даст 1338 г. Следовательно, отождествление Ивана Калиты с чернцом Ананией ведет либо к тупиковым вариантам датировки записи, либо к предположению, что великий князь, в нарушение обычаев, более или менее длительное время совмещал светскую власть и монашеский сан.

Против датировки записи на «Сийском» евангелии 1340 г. свидетельствуют не только хронологические расчеты, но и факты, говорящие о существенном изменении политической ситуации к февралю 1340 г. по сравнению с февралем 1339 г. В конце октября 1339 г. в Орде были убиты тверской великий князь Александр Михайлович и его сын Федор, а сыновей Ивана Калиты хан отпустил зимой 1339/40 г. «с пожалованием..., с любовью»²¹¹. Таким образом, положение Ивана Калиты в конце 1339 — начале 1340 г. упрочилось, исчез его главный политический противник — тверской князь Александр Михайлович, соперничество с которым, возможно, являлось одной из причин посылки еванге-

²⁰⁹ На эту разницу наше внимание обратил В. А. Водов.

²¹⁰ Щапов Я. Н. Древнеримский календарь... С. 340–341.

²¹¹ Цит. по: ПСРЛ. Т. 25. С. 172.

лия на Двину в феврале 1339 г. Зимой 1339/40 г. Иван Калита разорвал союзнические отношения с Новгородом и свел оттуда своих наместников²¹². Завязывать в этих условиях дружеские связи с двинским монастырем было делом не только политически малоперспективным, но и практически трудным. Посланцу Ивана Калиты пришлось бы, в частности, ехать по враждебному краю, из которого были удалены великокняжеские наместники.

Итак, в настоящей работе мы попытались обосновать наибольшую вероятность датировки «Сийского» евангелия 25 февраля 1339 г. и малую вероятность отождествления его заказчика, чернеца Анании, с Иваном Калитой. Наши предположения о личности чернеца Анании носят, конечно, гипотетический характер и рассматриваются нами как один из возможных вариантов решения вопроса.

В последнее время вопрос о датировке записи на «Сийском» евангелии был еще раз поднят в монографии А. А. Романовой, посвященной изучению русских календарно-хронологических источников XV–XVI вв.²¹³ Романова не подвергает сколько-нибудь подробному рассмотрению нашу аргументацию²¹⁴. Она приводит лишь отдельные соображения в пользу мнения о согласованности некоторых второстепенных элементов даты с основным ее элементом — числом года. Автор справляется с проблемой несогласованности между числом года (6847) и кругом солнца (4), произвольно предполагая, что под кругом солнца подразумевалась вруцелета (Д). Также легко решает она вопрос о високосте, объясняя его упоминание тем, что январь–февраль мартовского 6847 г. приходится на високосный 1340 г. по эре от Р. Х. Значит, составитель записи год приводил по эре от С. М., а високост определял по эре от Р. Х. Как-то трудно в это поверить. К тому же у 1340 г. вруцелета не Д, а S. Романова не ликвидирует и противоречия между числом года с одной стороны, и индиктом и эпактной с другой. Об этом противоречии она вообще не упоминает. Автор игнорирует и наше на-

²¹² НПЛ. С. 350–351; ПСРЛ. Т. 5. С. 222; Т. 7. С. 205; Т. 10. С. 208; Т. 25. С. 172; *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 1. С. 78, 555.

²¹³ *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 56–57, см. также С. 57–58. Примеч. 138.

²¹⁴ См.: *Капитанов С. М., Столярова Л. В.* Еще раз о дате т. н. «Сийского» евангелия // *Собеседования Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. 8. С. 3–48; Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 332–337; *Она же.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 237–258.

блюдение о том, что приведенное в записи число года в еврейском малом цикле (7) согласуется с 6847 сентябрьским или ультрамартовским, а не мартовским годом.

Датируя запись 26 февраля 1340 г., А. А. Романова вернулась к датировке Н. А. Мещерского (25 февраля 1340 г.), но по-другому, чем он, интерпретировала ссылку источника на «жидовьсего ирук в 7-е лето». Вместо этого чтения, имеющегося в источнике, Романова предлагает свою реконструкцию: «жидовь сего [года] и рук(а)»²¹⁵. Нам представляется, что такая реконструкция, во-первых, текстологически не оправдана и, во-вторых, ничего не меняет в том факте, что 6847 г. действительно соответствует 7-му году еврейского «малого цикла». В 268-м «малом цикле» 7-й год равен 5099 г. от Адама, синхронному в основной своей части 1339 г.

Можно выразить сожаление, что А. А. Романова, коснувшись некоторых календарно-хронологических моментов, не уделила внимание другим сторонам нашей концепции, связанным с изучением проблем кодологии, источниковедения и политической истории Руси XIV в.

²¹⁵ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники... С. 57.

А. Г. Плахонин

«История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей

Среди многочисленных оригинальных сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева обращают на себя внимание и генеалогические сюжеты. Целый ряд из них, еще в XIX столетии вызывавший справедливые сомнения историков, в наше время приобрел характер аксиом, без всяких комментариев повторяемых в многочисленных генеалогических схемах. Так, еще Н. М. Карамзин в комментариях к «Истории государства Российского» обратил внимание на несоответствие сообщения «Истории Российской» и летописной статьи о браке дочери Мономаха Агафии с Всеволодом Городенским: «Татищев написал, что Мономах в 1116 г. выдал за этого князя (Всеволода Ольговича. — А. П.) Мстиславову дочь Агафию; но Агафия была дочерью Мономаха и вышла за Всеволода Городенского или Городненского, а не Черниговского»¹. Позднее уже М. С. Грушевский в «Очерках истории Киевской земли» отметил, что «в сыновья Давиду обычно дают т. н. Всеволодка, князя Городна (местечко в Пинском уезде, между устьями Горыни и Стыра); происхождение этого князя в летописях нигде не указано, предположение, что он был сыном Давида, довольно вероятно»². В ссылке же М. С. Грушевский, обратившись к источникам, на которые ссылаются те историки, которые называют Всеволодка Давидовичем, отметил, что «Давидовичем Всеволодка назван у Татищева и в старом издании Радзивилловского (Кенигсбергского) списка, но в оригинале последнего Всеволодка Давидовичем не назван, это дополнение взято, вероятно, из Татищева, который, таким образом, является единственным источником»³.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Примеч. 254 к т. 2. Гл. VII. С. 104.

² Грушевский М. С. Волынский вопрос 1087–1102 гг. // Киевская старина. № 5. 1891. Т. 33. С. 267.

³ Грушевский М. С. Волынский вопрос... С. 267.

Свое отношение к В. Н. Татищеву как историку М. С. Грушевский сформулировал в другом месте: «Элемент выдумки, иногда тенденциозной, широко входит в его сообщения, и последние требуют еще суровой и внимательной проверки и оценки... Может быть, со временем мне удастся подробнее изложить и обосновать свой взгляд на этот предмет в отдельной работе»⁴. Но М. С. Грушевскому так и не было суждено посвятить отдельную работу освещению творческого метода В. Н. Татищева.

Уже после передачи первого варианта этой нашей работы в печать⁵ вышла в свет статья А. В. Назаренко, в большей своей части посвященная проблеме идентификации Всеволодка Городенского⁶. Однако различия в методах исследования и некоторые отличия в выводах убедили нас в необходимости продолжения исследования, тем более что одновременное, не зависящее друг от друга появление в печати двух работ, посвященных одной довольно узкой теме, как нельзя лучше свидетельствует в пользу актуальности пересмотра значения труда В. Н. Татищева как источника по генеалогии Рюриковичей.

Исходя из этого, нами была сформулирована задача определить происхождение оригинальных сообщений о Всеволодке у Татищева и в издании Радзивиловской летописи 1767 г. Для этого нами была использована методика сравнения двух редакций второй части «Истории Российской» и изучения кодикологии ее рукописей, сформулированная Е. М. Добрушкиным⁷ (в свое время ее предлагал еще А. А. Ша-

⁴ *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. К., 1891. С. VII.

⁵ См.: *Плехонин А.* Всеволодка Городенський: Василь Татищев і джерела до вивчення генеалогії Рюриковичів // Зап. наукового товариства ім. Шевченка. Праці комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. Т. 240. С. 219–235.

⁶ *Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 169–188.

⁷ *Добрушкин Е. М.* О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3; *Добрушкин Е. М.* К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя русской истории (Древнерусский «объём» в «Истории Российской») // Проблемы развития в России первой трети XVIII в. XVIII в. Л., 1974. Т. 9; *Добрушкин Е. М.* Изучение «Истории Российской» В. Н. Татищева и «Сокращение истории русской» // Историографический сборник. Саратов, 1974. Вып. 2 (5); *Добрушкин Е. М.* К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева // Исторические записки. 97. М., 1976; *Добрушкин Е. М.* О методике изучения

хматов⁸, в последние же годы ею удачно пользовался А. П. Толочко⁹). Нами был выделен целый ряд параллельных сообщений о Всеволодке в летописных списках, которыми пользовался В. Н. Татищев: Радзивилловская летопись, Киевская летопись (очевидно, что так называемый Голицынский список, который был в распоряжении Татищева, являл собою Киевскую часть Ипатьевского свода), Никоновская летопись, Синописис издания 1680 г.

Статья 6624 (1116) г.

Киевская летопись	«История Российская»
1116 г. ...Томъ же лѣтъ Володимерь отда дщерь свою Огафью за Всеволодка... ¹⁰	1116 г.: Владимир отдал дочь Мстиславу Агафию за Всеволода Ольговича... ¹¹

Сообщение о браке Всеволодка с дочерью Владимира Мономаха приводится только в списках Ипатьевской группы. Следовательно, В. Н. Татищев заимствовал это свидетельство из какого-то летописного списка, близкого к Ипатьевскому. Такими среди источников «Истории Российской» считаются упомянутые Татищевым «Раскольниковская» и «Голицынская» летописи, ныне утраченные, которые заканчивались, по свидетельству историка, соответственно 1199 и 1198 гг., т. е. очень близко к конечной дате Киевской летописи XII столетия. Но, с другой стороны, специфика сообщения В. Н. Татищева состоит в том, что он называл Агафью не дочерью Мономаха, а его внучкой, дочерью Мстислава Владимировича, а мужа ее идентифицировал как Всеволода Ольговича. Происхождение этого сообщения «Истории Российской» трудно объяснить без обращения к рукописным спискам этого монументального труда В. Н. Татищева. Один из рукописных списков сообщения «Истории Российской» — Воронцовский — сберег

татищевских известий // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 76—96; Добрушкін Е. М. К вопросу о творческой лаборатории В. Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 131—138.

⁸ Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. С. 80—95.

⁹ Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: Опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 284.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 132.

следы собственноручной правки автора. По этому списку первоначальный вид сообщения может быть восстановлен таким образом: «Владимир отдал дочь *свою* (зачеркнуто и исправлено на: *Мстиславлю*. — А. П.) *Марию* (зачеркнуто и исправлено на: *Агафью*. — А. П.) за Всеволода Ольговича»¹².

В этом месте В. Н. Татищев попытался обобщить несколько сообщений источников: 1) упомянутый в летописях Ипатьевской группы брак какого-то Всеволодка с дочерью Мономаха Агафьей; 2) сообщения летописей о родственных связях между сыновьями Мстислава Владимировича и женой Всеволода Ольговича, сыновьями Мстислава и самим Всеволодом Ольговичем («Всеволодъ же... даи ны (новгородцам. — А. П.) шюрина своего Мстиславича»¹³, — под 1140 г. — следовательно, летописец называл сыновей Мстислава братьями жены Всеволода Ольговича. В статье следующего года читаем в Ипатьевской летописи: «В то же лѣто посла Изяславъ (Мстиславич. — А. П.) къ сестрѣ своей, рече: „Испроси ны оу зяте Новгородъ Великий братоу своему Святополку (Мстиславичу. — А. П.)“. Она же тако створи»¹⁴. Об этом же в Лаврентьевской: «В то же лѣто опять оуладися Всеволод с шюринома свома и да има Новѣгородъ. И посадиша Святополка Новѣгородѣ»¹⁵; 3) сообщения источников об имени жены Всеволода Ольговича.

Восстановить ее имя удалось только в XIX в. М. А. Максимович проанализировал сообщения летописей (в том числе и летописные статьи 6686 (1179) г. Ипатьевской летописи («Преставися княгини Всеволожая, приемши на ся чернечкоу скимоу. И положена бысть в Киевѣ оу святого Кюрила юже бѣ сами создала»)¹⁶, статью под этим же годом в Густынской летописи («Преставися благовѣрная княгиня Мария Всеволодовая, мати Святославля, дщи Казимера короля Польского Мниха, иже пострижеса въ схиму и положена бысть въ церквѣ святого Кирила, юже сама создала бѣ»)¹⁷. «Выбросьте это лишнее до-

¹² Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 287.

¹³ Ипатьевская летопись... Стб. 308; ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 308.

¹⁴ Ипатьевская летопись... Стб. 309.

¹⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 309.

¹⁶ Ипатьевская летопись... Стб. 612.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 317 (Густынская летопись).

¹⁸ Максимович М. А. О создании киевской церкви св. Кирилла // Максимович М. А. Собрание сочинений. Киев, 1877. Т. 2. С. 165.

полнение: „дщи Казимера-Мниха“, и в словах Густинской хроники остается чистая историческая истина», — провозгласил он ¹⁸. Основания для этого у М. А. Максимовича были. Ведь Казимир I Мних умер в ноябре 1058 г. ¹⁹ Как считает В. А. Кучкин, причиной путаницы в Густинской летописи стала попытка ее составителя разобраться в противоречивых сообщениях нескольких источников, к которым относятся уже приведенные нами статьи Ипатьевской летописи и свидетельства княжеского помянника, близкого по содержанию к тому, что содержится в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны, и киевского Синописиса ²⁰. В этом помяннике, как и в Патерике ²¹ и Синописисе ²², имена жены Всеволода Ольговича, дочери Мстислава, и жены внука Всеволода Святославича, дочери Казимира II, перепутаны, причем жена Всеволода Ольговича была принята за дочь польского короля Казимира. В. А. Кучкин считает, что жену Всеволода Ольговича, несмотря на путаницу в источниках, все-таки звали Марией. Ведь имя дочери Мстислава Владимировича, киевской княгини, основательницы Кирилловского монастыря в Киеве, должно было сохраниться скорее, чем имя польской княжны, и дошло до составителей поздних источников в одном из летописных списков, близком Ипатьевскому ²³, какими, как мы уже отмечали, считаются утраченные Голицынский и Раскольниковский списки.

Таким образом, В. Н. Татищев мог обнаружить имя жены Всеволода Ольговича или в этих летописных списках, или, что кажется более вероятным, в Синописисе, который он, по его собственному утверждению, имел в четырех экземплярах ²⁴. Редактируя статью 1116 г., В. Н. Татищев руководствовался несколькими противоречивыми сообщениями. Зная о браке дочери Мстислава с Всеволодом Ольговичем, установив по Синописису имя его жены, с другой стороны, Татищев должен был учесть и то, что за какого-то Всеволода вышла замуж сестра Мстислава Агафья. Свидетельствам Синописиса он не доверял: «сокращенная история, имянуемая Синописис... хотя и весьма кратка и многое нужное пропущено, но вместо того польских басен и недоказательных включе-

¹⁹ Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 86–87.

²⁰ Кучкин В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 203.

²¹ Там же. С. 231.

²² Синописис. Киев, 1680. С. 101.

²³ Кучкин В. А. Княжеский помянник... С. 204.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 307.

ний с избытком внесено»²⁵. Именно поэтому он решил остановиться на имени из летописного списка. В других спорных местах В. Н. Татищев исходил уже только из собственных соображений — для объяснения непонятных мест в источнике он исправлял его по собственному разумению, — определил Агафью дочерью Мстислава, а Всеволода идентифицировал как Всеволода Ольговича²⁶.

А. В. Назаренко обратил внимание и на еще одно обстоятельство²⁷ — связь в сообщении 6624 г. «Истории Российской» между упоминанием о браке дочери (внучки) Мономаха с неким Всеволодом с сообщением под тем же годом о походе на половцев Всеволода Давыдовича в первой редакции второй части²⁸ и Всеволода Ольговича (исправлено, очевидно, под влиянием сообщения о его браке под тем же годом у Татищева) во второй редакции²⁹.

Интересно, что до Татищева подобную попытку идентификации Всеволода сделал и автор Густынской летописи: «Въ се же лѣто Володимеръ отдаде дщерь свою Агафію за Всеволода Давыдича Чернѣговскаго»³⁰, на что обратил внимание еще Р. В. Зотов³¹.

В свое время М. Н. Тихомиров, исследуя источники «Истории Российской», сделал акцент на том, что «представить себе дело таким образом, что Татищев верно передавал текст Ипатьевской летописи, а потом неожиданно, по каким-то причинам, придумывал отдельные сообщения, которые имеют полную правдоподобность, совершенно невозможно»³². Как нам кажется, наши наблюдения позволяют опровергнуть эту точку зрения.

²⁵ Там же. С. 84.

²⁶ Эту ошибку Татищева не заметил О. М. Рапов, который уверенно ссылаясь на сообщения «Истории Российской», в частности и на приведенное в ней имя дочери Мстислава (Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1997. С. 111). М. Баумгартен (*Baumgarten N. De. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927. Table IV. P. 18*) и Д. Донской (Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ч. 1. (Середина IX — начало XIV вв.) / Société et noblesse russe bibliothèque. Ренн, 1991. С. 74) уже называют ее Марией.

²⁷ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 173–174.

²⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 181.

²⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 131.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 291.

³¹ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любечскому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 261.

³² Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 49.

Статья 6636 (1127) г.

Киевская летопись	Радзивиловская и Лаврентьевская летописи	«История Российская»
1128 г.: Посла князь Мстиславъ съ братиею своею многы Кривичи четырьми путями: Вячеслава ис Турова, Андрѣя из Володимеря, Всеволодка из Городка, Вячеслава Ярославича ис Кльчьска... ³³	1127 г.: Посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичъ четырьми пути: Вячеслава ис Турова, Андрѣя из Володимеря, а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича ис Кльчьска... ³⁴	1127 г.: В то ж время Мстислав, великий князь, видя полоцких князей великое безпокойство, что области, данные братиям и сынам его, непрестанно нападая, разоряли, послал на них братьев своих четырьмя пути: Вячеслава — из Турова, Андрѣя — из Володимирия, Всеволода — из Городца, Изяслава Ярославича — из Луцка... ³⁵

Принимая во внимание дату похода Мстислава на полоцких князей в «Истории Российской», можно утверждать, что В. Н. Татищевым был использован летописный источник севернорусского происхождения, поскольку в источниках «Истории Российской», которые происходят от Ипатьевской летописи, этот поход датирован 6637 (1128) г. В «Истории Российской» Всеволодко Городенский упомянут без уточнения по отчеству. В этом фрагменте Татищев не заинтересовался вопросом его происхождения и не попробовал его идентифицировать. В пользу того, что это упоминание Всеволодка не обратило на себя внимание В. Н. Татищева, свидетельствует и тот факт, что в комментариях к 16-й главе под 1141 г. он по поводу сообщения о смерти Всеволодка заметил, что это единственное летописное упоминание этого князя³⁶. В этой части текста его внимание было обращено на личность другого князя — загадочного Изяслава Ярославича Луцкого. В комментарии В. Н. Татищев объяснял, что упомянутый им Изяслав Ярославич, «мнится, сын Ярослава Ярополчича, которого брат Юрий Ярославич после упоминается, или сын Ярослава Святополчича, внук Мстиславу по матери»³⁷. Нетрудно заметить, что во всех летописных списках на месте татищевского Изяслава Ярославича Луцкого

³³ Ипатьевская летопись... Стб. 292.

³⁴ Лаврентьевская летопись... Стб. 297; ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38: Радзивиловская летопись. С. 106.

³⁵ Татищева В. Н. История Российская... Т. 2. С. 139–140.

³⁶ Там же. Т. 1. С. 49.

³⁷ Там же. Т. 2. С. 267.

фигурирует Вячеслав Ярославич Клецкий. Выдумкой Татищева имя Изяслава считать вряд ли возможно, поскольку в приведенном нами авторском комментарии он целиком верно идентифицирует этого князя как брата Юрия-Георгия Ярославича, внука Святополка Изяславича. Таким образом, нам следует выявить источник, в котором Вячеслав ошибочно был бы назван Изяславом, а на месте Клецка упоминался бы Луцк.

Как вероятный путь разрешения этой проблемы можем предположить возможность использования Татищевым при написании этого фрагмента, наряду с Радзивилловской летописью и летописью Ипатьевской группы, также и Никоновской летописи. Во всех изданиях последней это сообщение имеет такой вид: «Вячеслава ис Турова, Андрѣа изъ Володимеря, а Всеволодка изъ Городна и Вячеслава Ярославича изъ Клеческа». Но при издании летописи этот фрагмент дополнялся по Лаврентьевской летописи, а во всех списках Никоновской на самом деле выглядит несколько иначе: «Вячеслава ис Турова, Андрѣа изъ Володимеря, а Всеволодка изъ влеческа»³⁸. Сравнивая этот текст с другими летописями, Татищев, возможно, мог из фрагмента «изъвлеческа» сконструировать «Изяслава леческа» — Изяслава Ярославича Луцкого. Возможно и то, что составитель одного из утраченных летописных источников Татищева мог совершить ошибку, подобную ошибке составителя Никоновского свода.

Статьи 6637–6638 (1130–1131) гг.

Киевская летопись	Радзивилловская и Лаврентьевская летописи	«История Российская»
1132 г.: Ходи Мьстиславъ на Литву съ сыньми своими и съ Лговичи и съ Всеволодом Городеньскимъ, и пожгоша я, а сами ся расхорониша... В се же лѣто заложена бысть церкви камяна святая Богородица, рекомаа Пирогоща... ³⁹	1131 г.: Князь великий Мстиславъ ходи на Литву, и вземъ полонъ многъ, и воротися опять. В то же лѣто заложилъ церковь Мстиславъ святая Богородица Пирогощою... ⁴⁰	1130 г.: Великий князь со Мстислав ходил с войском в Литву и разоря многие их жилища, со многим полоном возвратился в Новгород и заложил в Пирогосчи церковь святая Богородицы. А оттуда пришел в Киев... 1131 г.: Ходил Мстислав со сыньми и с черниговскими князи второе на Литву... ⁴¹

³⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 9–10: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 154.

³⁹ Ипатьевская летопись... Стб. 294.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись... Стб. 301; Радзивилловская летопись... С. 107.

⁴¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 142–143.

На еще один источник возможных заимствований В. Н. Татищева нас натолкнуло сообщение Густынской летописи под 1077 г. «Егда приїде Изяславъ съ Болеславомъ королемъ Полскимъ, реченнымъ Смѣлымъ, тогда взятъ Болеславъ Володимеръ, Холмъ (sic! город построен в 1236—1237 гг. — А. П.), и Игоръ Ярославичъ Луцкий (выделено нами. — А. П.) поддались Болеславу»⁴². На полях рукописи напротив этого сообщения отмечен источник — М. Кромер (кн. 4, 78) и М. Бельский (81). Таким образом, Татищев сопоставил «Изяслава леческа» дефектного списка Никоновской летописи с Игорем Ярославичем в сообщении Кромера. М. Кромеру В. Н. Татищев, как мы уже указывали, не доверял, поэтому из этого сообщения он заимствовал лишь упоминание отчества этого князя, определив его по летописи не Игорем, а Изяславом. Возможно, В. Н. Татищев определил для себя этого Изяслава как брата Игоря Ярославича Луцкого — ведь летописи умалчивают о возможных луцких князьях (хотя, как это нам уже известно, в 1084—1085 гг. Луцк принадлежал Ярополку Изяславичу — он оставлял в этом городе свою мать и жену, а позднее завещал Луцкую волость Печерскому монастырю). Сомнительной во всех этих наблюдениях остается лишь хронологическая лакуна между 1070-ми и 1120 гг. Как мы уже указывали, Татищев сам был не уверен в идентификации Изяслава Луцкого, а Бельский и Кромер в свое время имели в виду сына Ярослава Мудрого Игоря Ярославича, княжившего тогда на Волыни.

В пользу того, что В. Н. Татищев был знаком с рассказами под 1077 г. у Бельского и Кромера, свидетельствуют ссылки к «Истории Российской». Уже в первой редакции в ссылке к сообщению о походе Мономаха к Чешскому лесу сообщается: «...равномерно ниже в приходе Изяслава Бельский и Гвагин пишут, якобы Всеволод от Болеслава побежден. А Стрыковский пишет: „Винцент, Кадлубек, Длугош, Меховий и Бельский пишут, якобы Всеволода победили. Но русские доказательнее в том согласуют, и Всеволод, помиряся с братом, Киев уступил“, кн. 5, гл. 4»⁴³. Однако в этой редакции появился уже и отдельный комментарий к статье о возвращении Изяслава: «О сем приходе Изяслава польские Длугош и Кромер, а из них Гвагин ложь сложили, якобы Владислав Всеволода в битве победил; но Стрыковский правильно ложь ту обличает, что они, не имея своих историй, писали по руским, а в руских того нет...»⁴⁴

⁴² ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 274.

⁴³ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. Примеч. 285. С. 248—249.

⁴⁴ Там же. Т. 2. Примеч. 288. С. 249.

Однако наиболее интересным для нас является комментарий к статье 1079 г. второй редакции «Истории Российской»: «В сие время летописец никакого похода в Польшу не упоминает, токмо в 1076 в помощь против чехов Володимир и Олег ходили... Но Стрыйковский из Кадлубка, кн.5, гл.6, в 1079 сказует: „Руские князи Владимир новгородский, Давид и Олег переяславский, Владимир перемышльский и **Ярослав Ярополкович Луцкий**» (выделено нами. — А. П.), усмотря время способное, разделенными на четыре части войска, вошли в Польшу во время короля Владислава Германа, брата Болеславова...»⁴⁵. Действительно, М. Стрыйковский дает описание этого похода со ссылкой на Кадлубка, Длугоша, Меховского и Кромера, в котором упоминается и «Ярослав Ярополчич, луцкий и владимирский князь»⁴⁶. Понятно, что этот список князей является абсолютно мифическим, однако для Татищева важно было то, что Стрыйковский воспринял его некритично. Таким образом, в его представлении в 1079 г. на Луцком столе сидел Ярослав Ярополчич, а под 1077 г. у Кромера упоминается Игорь Ярославич Луцкий (понятно, подозрительный, как и все у Кромера, персонаж). Как нам кажется, в результате всех этих совпадений наблюдений над ними Татищева стало появление в «Истории Российской» упоминания о Изяславе Ярославиче Луцком.

Как видно из составленной нами сравнительной таблицы, информация «Истории Российской» о походах Мстислава Владимировича на Литву значительно отличается от сообщений летописей. Во-первых, В. Н. Татищев выделил два похода вместо одного, упомянутого в летописях. Как нам кажется, причиной этого стало то, что в данном месте историк обратился к Никоновской летописи («Летописец Воскресенского монастыря, подписанной рукою Никона патриарха»⁴⁷), Степенной книге или Хронографу («из Белаозера Кириллова монастыря»⁴⁸). В Никоновской летописи это сообщение помещено в несколько отличной форме: «В лѣто 6639 Мстиславъ, сынъ Володимировъ Манамашь, со всею Новгородскою силою и съ Низовци ходи на Литву, и многа воевавъ и плѣнивъ, возвратися въ своа съ радостію великою... Того же лѣта заложи Мстиславъ Володимеричъ церковь святыя Богородици въ Пирогощитѣ»⁴⁹.

⁴⁵ Там же. Т. 2. Примеч. 292. С. 249.

⁴⁶ *Strzykowski M. Kronika polska, Litewska, Żmodska i wszystkiej Rusi etc.* Warszawa, 1846. S. 172.

⁴⁷ Там же. Т. 2. С. 264.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 124.

⁴⁹ Патриаршая, или Никоновская летопись... С. 157.

Сопоставив сообщение Никоновской летописи о походе Мстислава на Литву с новгородцами и низовцами со сведениями о походе Мстислава на Литву с черниговскими князьями и киевлянами, В. Н. Татищев пришел к выводу, что походов было два. Поскольку один из походов фиксируется летописями под 1131–1132 гг., а статья 6640 г. к тому же содержит сообщение о смерти Мстислава, Татищев нашел возможным перенести поход с новгородцами на 1130 г. В пользу этого свидетельствует и упоминание Татищевым строительства церкви святой Богородицы. Ведь вслед за Никоновской летописью В. Н. Татищев заметил, что церковь была построена «в Пирогосчи» (ср.: «въ Пирогошитѣ». — Никон). Это название историк принял за название исторической местности в Новгороде, поэтому и решил (учтя к тому же, что главными участниками похода были новгородцы), что после первого литовского похода Мстислав вернулся в Новгород.

Первый этап авторского редактирования этой части «Истории Российской» отображен в Академическом списке. Текст «Истории» под 1130 г. выглядит здесь так: «6638 (1130). Князь великий Мстислав ходи в Литву, и взем полон много вельми, и возвратися. В то же лето заложил Мстислав церковь святых Богородицы в Пирогошу»⁵⁰. Этот фрагмент принадлежит варианту рукописи, датированному еще до 1741 г.⁵¹ Здесь еще отсутствует авторская идентификация церкви Богородицы в Новгороде, хотя, как это видно из последующего текста, фигурируют два похода на Литву. Первый из них ближе описанию похода в севернорусском летописании, а второй — к летописям Ипатьевской группы.

О том, что среди источников этого сообщения В. Н. Татищева была и летопись Ипатьевской группы, свидетельствует и тот факт, что историк упоминает среди участников похода Мстислава черниговских князей. Об их участии умалчивают и Никоновская, и Радзивилловская летописи, в то время как в Ипатьевской фигурируют Ольговичи и Всеволодко Городенский. Исходя из того, что Татищев не упомянул о его участии в походе, можем утверждать, что имя этого князя отсутствовало в списке летописи, находившейся в его распоряжении, или он снова механически (вслед за сообщением 1116 г.) идентифицировал его как Всеволода Ольговича (снова приведем примечание к статье 1141 г.,

⁵⁰ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 188.

⁵¹ Валк С. Н. О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 23.

где В. Н. Татищев писал, что Всеволодко Городенский был упомянут летописцем единственный раз в связи с его смертью именно под этим годом).

Статья 6649 (1141) г.

Киевская летопись	Радзивилловская и Лаврентьевская летописи	«История Российская»
1141 г.: В се же лѣто преставися Всеволодь Городецкий... ⁵²	1141 г.: Тое же зимы преставися Всеволодько Городецкый князь ⁵³	1141 г.: Преставися князь городецкий Всеволод Давыдович, внук Игорев... ⁵⁴

Для определения источников этого сообщения «Истории Российской» нам кажется полезным снова обратиться к Академическому списку ее второй части. Эта редакция «Истории Российской» написанная «древним наречием», являет собой почти механический свод летописных сообщений и свидетельств других источников, которые позднее послужили источником при составлении второй редакции второй части. Только при «переводе» этой части на близкий к современному историку язык В. Н. Татищев, как считал А. А. Шахматов, значительно переработал источники⁵⁵. Как показало исследование С. Н. Валка, часть листов Академического списка относится к редакции 1741 г., часть же была заменена уже после передачи первой части в Академию⁵⁶. К листам ранней редакции относятся и листы со статьей 6649 (1141) г. Таким образом, они предшествовали авторской редакции второй части «Истории Российской».

Сообщение о смерти Всеволодка помещено здесь в таком виде: «...того же году преставися Всеволод Давыдович городецкий...»⁵⁷ Эта фраза идентична статье летописей Ипатьевской группы, оригинальным является лишь упоминание отчества Всеволодка. В первой редакции второй части текст «Истории Российской» сконструирован по образцу Радзивилловской летописи. Кроме уточнения отчества, добавлено и «внук Игорев». Как свидетельствует каталог разночтений, эта фраза появилась только в Воронцовском списке рукописи второй части⁵⁸. В дополнение заметим,

⁵² Ипатьевская летопись... Стб. 309.

⁵³ Лаврентьевская летопись... Стб. 309; Радзивилловская летопись... С. 111.

⁵⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 154.

⁵⁵ Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. 80–95.

⁵⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 21–24.

⁵⁷ Там же. Т. 4. С. 197.

⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 288.

что в авторском комментарии Татищев уточнил, что «о сем Всеволоде зде токмо упомянуто»⁵⁹. Как нам кажется, о том, что фраза «внук Игорев» появилась не раньше редакции Воронцовского списка, свидетельствует тот факт, что этот комментарий в нем еще отсутствует, но появляется во всех происходящих от него списках — Миллеровском I, Эрмитажном⁶⁰.

Таким образом, мы можем восстановить, как В. Н. Татищевым конструировался текст статьи 1141 г. Источником первой редакции второй «Истории Российской» стала, как мы уже указывали, летопись Ипатьевской группы. Источник отчества Всеволода на данном этапе мы установить не можем и вернемся к этому вопросу ниже. В последующих редакциях второй части этот текст моделировался уже по образцу Радзивилловской летописи, а на этапе подготовки Воронцовского списка Татищев сделал предположение о происхождении этого князя от Давыда Игоревича. Окончательная редакция этого сообщения и комментария к нему появилась уже на этапе беловой копии с правками Татищева. Как удалось определить С. Л. Пештичу, эта копия была снята с Воронцовского списка до внесения в него В. Н. Татищевым правок, вследствие чего пришлось вслед за Воронцовским списком править и беловую копию⁶¹.

Генеалогическое исследование В. Н. Татищева, как оказалось, основывалось не на свидетельствах каких-то утраченных источников, а лишь на догадках самого историка. Интересно, что и это его наблюдение не было систематическим. Ведь историк не обратил внимание на тот факт, что Всеволод Городенский фигурирует в источниках, да и на страницах «Истории Российской», не только под 1141 г.

Статья 6652 (1144) г.:

Киевская летопись	«История Российская»
1144 г.: Всеволод отда двѣ Всеволодковнѣ Володимери внуоцѣ, единою за Володимира за Давидича, а другую за Ярославича за Дюрдя, обѣ единой недѣль... ⁶²	1144 г.: Того ж году Всеволод, великий князь, отдал дву дочерей Всеволода Мстиславича, одну за Владимира Давидовича черниговского, другую за Владимира Ярославича елецкого... ⁶³

⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 267.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 316.

⁶¹ Пештич С. Л. Русская исторнография XVIII в. Л., 1960. С. 24.

⁶² Ипатьевская летопись... Стб. 317.

⁶³ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 160.

В первой редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Татищев приводит текст, максимально приближенный к тексту Ипатьевской летописи: «Тоя же зимы отдаде Всеволод две Всеволодовны, Володимери внуки, едину за Володимера Давыдовича, другую за Володимера Ярославича, в едину неделю»⁶⁴. И снова, как и в предыдущих случаях, этот лист рукописи первой редакции второй части, по наблюдениям С. Н. Валка, принадлежит к ранней редакции 1741 г.⁶⁵, следовательно, он предшествовал соответствующему тексту второй редакции второй части. Единственным отличием от текста Ипатьевской летописи является упоминание вместо Юрия Ярославича Владимира Ярославича (случай, схожий со статьей 1127 г.). При подготовке же второй редакции второй части это сообщение обросло новыми подробностями. Татищев предположил, что речь здесь идет о дочерях Всеволода Мстиславича (что, кстати, совершенно неверно — ведь тогда они не были бы внуками Владимира Мономаха, деда Всеволода), и уточнил, что таинственный Владимир Ярославич был князем елецким. В комментарии к этому сообщению В. Н. Татищев заметил: «Елецких князей родословие в поданных росписях иначе показано, здесь же и ниже оные упоминаются»⁶⁶. Ниже действительно упоминается еще один елецкий князь — Андрей Ростиславич. В статье 1147 г.: «Когда же Святослав (Всеволодович. — А. П.) прибыл в Чернигов, тогда же приехал с Ельца князь Андрей Ростиславич»⁶⁷, а во второй части: «И поиде Святослав к Чернигову. Ту же прииде с Ельца князь Андрей Ростиславич»⁶⁸. Это сообщение, по нашим наблюдениям, заимствовано из Никоновской летописи: «Того же лѣта прииде изъ Рязани съ Елца князь Андрей Ростиславичъ къ Давыдовичемъ въ Черниговъ»⁶⁹. Появление же Владимира Ярославича елецкого в тексте «Истории Российской» объяснить сложно. Судя по авторскому комментарию, В. Н. Татищев сам колебался, как связать этих князей с известным ему родословием князей елецких, которое начиналось от князя Федора Ивановича, участника Куликовской битвы. Ниже историк упоминает Федора и Юрия елецких в связи с событиями 1380–1392 гг., упоминает погромы Ельца татарами 1395 и 1415 гг.⁷⁰

⁶⁴ Там же. Т. 4. С. 200.

⁶⁵ Валк С. Н. О рукописях первой редакции второй части... С. 23.

⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 269.

⁶⁷ Там же. Т. 2. С. 273.

⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 208.

⁶⁹ Патриаршая, или Никоновская летопись... С. 173.

⁷⁰ Татищев В. Н. История Российская... Т. 5. С. 143, 166, 182, 222.

Вопрос о связи «Истории Российской» с Никоновской летописью заслуживает отдельного рассмотрения. Во-первых, В. Н. Татищев первый ввел его в научный оборот, когда в 1736 г. он попал в библиотеку Академии после смерти ее владельца — Феофана Прокоповича⁷¹. Именно по этому списку в 1767–1792 гг. А. Л. Шлёцером и С. Башиловым была подготовлена и первая публикация свода⁷². Тот факт, что составитель этого свода был особенно хорошо осведомлен с историей Рязанского княжества, заметил еще А. М. Насонов⁷³. Как отмечал А. Г. Кузьмин, «одним из наибольших проявлений прорязанской тенденции Никоновской летописи является распространение ее автором понятия „Рязань“ на районы, которые ей в действительности не принадлежали»⁷⁴. Среди таких регионов был и черниговский город Елец, который составитель Никоновской летописи связывал с Рязанским княжеством. Но Б. М. Клосс, в отличие от А. Г. Кузьмина, считает, что это можно объяснить не столько «патриотизмом» автора-рязанца, сколько необходимостью «обосновать права России на земли, которые были предметом спора с Литовским государством»⁷⁵. Так, он переносит некоторые географические реалии XV–XVI вв. на первую половину XII в., когда еще не было устоявшейся границы между Черниговской и Рязанской землями, и само Рязанское княжество еще находилось в сфере влияния Чернигова.

Все же, несмотря на все текстуальные параллели между «рязанскими» сообщениями «Истории Российской» и Никоновской летописью, мы уже отмечали и некоторые различия, новые факты и действующих лиц. У нас нет оснований настаивать на том, что они были придуманы Татищевым, ведь в комментариях к упоминанию Владимира Ярославича Елецкого, как мы уже указывали, он сам жалуется на тот факт, что этот князь никак не вписывается в родословие князей Елецких. К тому же это упоминание так удачно дополняет «елецкие мотивы» Никоновской летописи, что это приводит нас к мысли о существовании общего источника, откуда их заимствовали составитель свода и автор «Истории Россий-

⁷¹ Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 9.

⁷² Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1792. Ч. 1–8.

⁷³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 208–213.

⁷⁴ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 273.

⁷⁵ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XV–XVII вв. М., 1980. С. 101–102.

ской». Среди источников «Истории Российской» В. Н. Татищев упоминает и таинственную «Муромскую топографию», которая «кем сочинена, неизвестно, но многими баснями, и не весьма пристойными, наполнена»⁷⁶. Возможно, что именно эта компиляция XVII (если не XVIII) в. могла сохранить в своем составе более полный вариант рязанского источника Никоновской летописи.

Интересной иллюстрацией «муромских мотивов» «Истории Российской» является упоминание Татищевым князя Игоря Давидовича Муромского, якобы сына Давида Игоревича:

Первая редакция второй части «Истории Российской»	Вторая редакция второй части «Истории Российской»
1150 г. Того же году прииде из Муроми в Киев ко князю великому Юрию князь Игорь Давидович ⁷⁷ .	1150 г. В том же лете приходил в Киев к великому князю Юрию князь Игорь Давыдович, внук Игорев Ярославича ⁷⁸ .

На этом примере хорошо видно, как во второй редакции муромский князь Игорь Давидович под пером Татищева превращается во внука Игоря Ярославича. Вряд ли правомерным в этом месте было бы объяснение, что В. Н. Татищев при подготовке второй редакции «Истории Российской» использовал какой-то новый неизвестный нам источник. Ведь сообщение об Игоре Давидовиче приводится лишь в источниках Никоновской группы и только под предыдущим, 1149 г.: «Того же лета прииде изъ Рязани в Киевъ къ великому князю Юрю Владимеричю князь Игорь Давыдовичъ»⁷⁹. Как это видно, В. Н. Татищевым при подготовке первой редакции был использован источник, близкий к Никоновской летописи, но все же отличный от нее. Кэтим отличиям относятся не только упоминание Муромы вместо Рязани, но и другая дата прихода Игоря Давидовича в Киев⁸⁰. Вывод об использовании историком «Му-

⁷⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 84.

⁷⁷ Там же. Т. 4. С. 223.

⁷⁸ Там же. Т. 2. С. 15.

⁷⁹ Патриаршял, или Никоновская летопись... С. 182.

⁸⁰ Кстати, эти отличия в сообщении Никоновской летописи и «Истории Российской» стали причиной возникновения одного историографического курьеза: на их основе О. М. Рапов нашел двух Игорей Давидовичей: одного — сына Давида Игоревича, а второго — сына муромского князя Давида Святославича (Рапов О. М. Княжеские владения... С. 120–121, 202). Сообщение первой редакции второй части «Истории Российской» О. М. Раповым не было замечено.

ромской топографии» кажется нам логичным. С другой стороны, на примере этого сообщения видно, что ее свидетельства не всегда были идентичными источнику рязанских сообщений Никоновской летописи, которая, как и гипотетическая рязанская летопись, реконструированная в монографии А. Г. Кузьмина, послужила источником поздней муромской компиляции XVII — начала XVIII в.

Впрочем, недавняя статья В. А. Кучкина⁸¹, как нам кажется, убедительно доказала верность подхода Б. М. Клосса к «рязанским» сведениям Никоновской летописи, появившимся, скорее всего, не в результате использования какого-то неизвестного нам рязанского летописного источника, но как целенаправленное редактирование (иногда, правда, основанное на случайных ошибках) летописного текста окружением митрополита Даниила. Таким образом, и «Муромская топография», в свою очередь, могла возникнуть как результат заинтересованной амплификации анонимным муромским автором XVII — начала XVIII столетия текста Никоновской летописи.

* * *

Рассмотренные нами фрагменты «Истории Российской» четко продемонстрировали, что это произведение написано не всегда исключительно по историческим источникам, содержит не только незначительные «ошибки и описки»⁸², но и авторские домыслы, которые в начале XVIII в. в трудах историков еще не было принято четко отмежевывать от свидетельств источников. Сам В. Н. Татищев так описывал свой метод работы над «Историей Российской»: «...где что было недостаточно или неясно дополнил, но теми же словами, какие имеются в манускриптах»⁸³. К сожалению, эти признания Татищева не учитываются историками, которые все оптимистичнее высказываются по поводу «ценности „Истории Российской“ не только как историографического труда, но и как исторического источника»⁸⁴.

⁸¹ Кучкин В. А. Статья 1146/47 г. Никоновской летописи и ее источники // У источника. Вып. 1. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каштанова. М., 1997. Ч. 1. С. 221–262.

⁸² Рапов О. М. Княжеские владения... С. 17.

⁸³ Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 59.

⁸⁴ Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. 1971. М., 1971. С. 262.

Однако проблема оригинальности свидетельств утраченных источников «Истории Российской», на наш взгляд, гораздо шире. С выходом в начале 1960-х гг. фундаментального труда С. Л. Пештича «Русская историография XVIII в.»⁸⁵ и академического издания «Истории Российской» вокруг этого вопроса с новой силой вспыхнула дискуссия. Многочисленные оппоненты, иногда справедливо, упрекали С. Л. Пештича в поверхностном знакомстве с летописными источниками, чрезмерном злоупотреблении мыслью о влиянии политических взглядов В. Н. Татищева на изложение им летописного материала⁸⁶. На новом этапе изучения труда Татищева проблема достоверности его сообщений должна быть рассмотрена в несколько иной плоскости: должен быть поставлен вопрос и о достоверности свидетельств ныне утраченных источников «Истории Российской». Ведь сейчас уже трудно ставить под сомнение факт их существования. «Голицынский манускрипт», судя по материалам дела о конфискации имущества Д. М. Голицына, действительно сберегался в его Архангельской библиотеке⁸⁷. Как Голицынский список, так и Раскольниковы летопись, судя по их описанию у Татищева, несут в себе признаки поздней редакции XVII в., о чем писал касательно Голицынского списка еще А. А. Шахматов⁸⁸. Многочисленные полонизмы, параллели с Хронографом Пантелеймона Кохановского, замеченные В. А. Кучкиным⁸⁹, относят эту летопись к кругу так называемой

⁸⁵ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1960. Часть этой монографии, посвященная творчеству В. Н. Татищева, была написана еще в 1940 г. и подготавливалась к печати в «Ученых записках исторического факультета ЛГУ» под названием «История Российская В. Н. Татищева как исторический источник». Ее рукопись использовал учитель С. Л. Пештича М. Д. Приселков при написании статьи «Летописание Западной Украины и Белоруссии» (Приселков М. Д. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 290).

⁸⁶ См., напр.: Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 214–218; Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 91–109 и др.

⁸⁷ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник. 1978 г. М., 1979. С. 238–253.

⁸⁸ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. XVIII.

⁸⁹ Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве... С. 246–262. Интересно, что труд Пантелеймона Кохановского сберегался в Архангельской библиотеке Д. М. Голицына рядом с «Голицынской» летописью (Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки... С. 243.). Основа этого собрания была заложена в годы киевского воеводства и губернаторства Д. М. Голицына 1707–1718 гг. Нам

западнорусской историографии XVI–XVII вв. Такие же черты присущи и Раскольникову летописцу, в котором, по упоминанию В. Н. Татищева, «многих обстоятельств не находилось, которые в других написаны, и противу тому он содержал обстоятельства такие, которые в прочих ни в одном не написаны, наипаче разговоры и причины дел»⁹⁰. А. П. Толочко относит эти летописи к поздней, конца XVII в. традиции Хлебниковского списка Ипатьевской летописи⁹¹. Примитивный рационализм этих литературно-публицистических исторических произведений очень близок к пониманию истории в XVII в. и к историческим взглядам самого В. Н. Татищева, который, как нам кажется, принадлежал одновременно и к последнему поколению историков эпохи барокко, и к поколению раннего немецкого Просвещения, поколению, за которым только и начала складываться современная историческая наука в России.

Мнение о В. Н. Татищеве как об ученике ранних немецких просветителей — Х. Вольфа, С. Пуфендорфа и, в несколько в меньшей степени, И.-Г. Вальха, Г. Гроция, Г.-В. Лейбница — давно уже устоялось в науке⁹². Однако, его знакомство с немецким Просвещением было несколько поверхностным, образование, в силу объективных обстоятельств, не было систематическим. В не меньшей мере Татищев следовал инерции источников XVI–XVIII вв. Именно *инерции*, поскольку написанная им первая редакция «Истории Российской», составленная исключительно из выписок из источников, пусть и избавлена от многих витиеватых украшений, но в значительной степени сохранила дух и букву барокко, которое в переложении текста на язык XVIII в. проникло и во вторую редакцию. Несколько перефразируя высказывание С. М. Соловьева, еще раз констатируем, что «История Российская» В. Н. Татищева в силу особенностей манеры работы историка является не только последним летописным сводом, но и первым настоящим историческим трудом в России⁹³.

кажется возможным, что «голицынский манускрипт» мог появиться в результате компиляции труда Кохановского с другими летописными источниками.

⁹⁰ Татищева В. Н. История Российская... Т. 1. С. 123.

⁹¹ Толочко О. «Нестор-літописець»: біля джерел однієї історіографічної традиції // Київська старовина. Київ, 1996. № 4/5. С. 27.

⁹² См., например: Пештик С. Л. Русская историография XVIII в. М., 1965. Ч. 2. С. 148; Bercoff G. B. Królestwo słowian. Historiografia Renesansa i Baroku w krajach słowiańskich. Isabelin, Swiat literacki, 1998. S. 240–243 и др.

⁹³ Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. // Соловьев С. М. Собрание сочинений. СПб., [1901]. С. 1346–1347.

К этому поколению историков относились и авторы первого Академического издания Кенигсбергского списка Радзивилловской летописи⁹⁴, на которое, как мы уже упоминали, ссылаются по вопросу о происхождении Всеволода Городенского исследователи генеалогии Рюриковичей. На недостатки этого издания обратили внимание еще его современники. А. Л. Шлёцер охарактеризовал одного из его издателей как не того «человека, от которого можно было бы требовать издания средневековой летописи»⁹⁵. Библиотекарь Академии, человек чрезвычайно загруженный делами, И. К. Тауберт взял на себя дело издания летописи скорее всего из коммерческих соображений. Типография Тауберта бралась за издания исключительно тех книг, сбыт которых был гарантирован; среди книг, изданных им, преобладали популярные немецкие и французские романы, а не научные издания⁹⁶. К таким популярным коммерческим изданиям он отнес и серию публикаций летописей — эту идею ему удалось перехватить у Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова. В свое время Г. Ф. Миллер уже опубликовал перевод отдельных фрагментов Радзивилловской летописи на немецкий язык⁹⁷. Но И. К. Тауберт обратился за помощью к И. С. Баркову, переводчику Академии, более известному как автор непристойных стихов, пьяница и дебошир. До этого Тауберт уже пользовался его услугами при переводе фривольных античных виршей и амурных французских романов. В конце концов Баркова исключили из Университета, а позднее уволили и из Академии⁹⁸.

По свидетельству А. Л. Шлёцера, Тауберт разработал для Баркова своего рода инструкцию по работе с летописью, в которой предлагалось «1) заменять и обновлять старинную орфографию; 2) пропускать целые фрагменты, в которых не было ничего исторического, также и проповеди

⁹⁴ Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. 1: Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. В СПб., при имп. Академии наук, 1767.

⁹⁵ Тут и далее мы используем цитаты П. Пекарского (*Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656), который, в свою очередь, пользовался изданием: A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben. S. 63–66, нам, к сожалению, недоступным.

⁹⁶ *Пекарский П.* История императорской Академии наук... С. 655.

⁹⁷ *Müller G. F.* Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1. Stücken 1–6. SPb.: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1732–1735. Переиздание см.: Th. 1 (Buch 1–3). Offenbach-am-Main: V. Weiß, 1778.

⁹⁸ Барков Иван // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 5. С. 238–239.

с большим количеством библейных цитат...; 3) непонятные места делать по догадкам понятными; устарелые слова, которые вышли из употребления, заменять новыми *ex ingenio*; 4) пропуски обновлять из других сборников»⁹⁹.

Эта инструкция очень близка к принципу работы с летописными источниками В. Н. Татищева, поэтому неудивительно, что его «свод» стал источником заимствований для издателей Радзивиловской летописи. Что интересно, эти издатели так и не воспользовались оригиналом Кенигсбергского списка, который стараниями того же Тауберта в 1761 г. был вывезен из оккупированной Пруссии в Петербург. Несмотря на это, в основу издания 1767 г. была положена копия, снятая в 1713–1716 гг. по приказу Петра I. Об этом свидетельствует, по наблюдениям А. А. Шахматова, и присутствие в этой копии правок карандашом, которые совпадают с особенностями издания 1767 г. На этой копии вычеркнуты отсутствующие в издании места, заменены соответствующие слова, добавлены целые фрагменты, часть из которых аналогична вставкам, заимствованным из Новгородских, Никоновской летописей и «Истории Российской» В. Н. Татищева¹⁰⁰.

Поскольку первый том «Истории Российской» вышел из печати в 1768 г.¹⁰¹, закономерным является вопрос о том, каким образом ее текст мог быть использован для правки Кенигсбергского списка. Как вспоминал Г. Ф. Миллер, который первый опубликовал этот труд В. Н. Татищева, сначала он был вынужден использовать некачественную копию рукописи «Истории Российской», переданную сыном историка Евграфом Васильевичем. Лишь позднее он узнал о еще одной рукописи, переданной В. Н. Татищевым советнику Академии И. Д. Шумахеру для библиотеки Академии. По свидетельству Миллера, этот список после смерти Шумахера был присвоен его зятем И. К. Таубертом¹⁰². С. Н. Валк считал, что это был так называемый Академический (или Уваровский) или максимально близкий к нему список рукописи¹⁰³. Если верить А. Л. Шлё-

⁹⁹ Пекарский П. История императорской Академии наук... С. 657.

¹⁰⁰ Шахматов А. А. Описание рукописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Т. 2: Статьи о тексте и миниатюре рукописи (Общество любителей древней письменности. 1902. Т. 118). С. 13–14.

¹⁰¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., 1768.

¹⁰² Пекарский П. Новые сведения о В. Н. Татищеве. СПб., 1864.

¹⁰³ Валк С. Н. О рукописях первой части «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 67–69. В своей предыдущей публикации мы допустили досадную ошибку, обозначив, со ссылкой на С. Н. Валка, что это был список,

церу, И. К. Тауберту удалось присвоить и написанное им предисловие к этому изданию ¹⁰⁴.

* * *

Вернемся все же к личности Всеволодка Городенского. Отказавшись от безоговорочного использования «Истории Российской» и Радзивилловской летописи издания 1767 г., мы лишаем себя возможности уверенной идентификации. Попробуем рассмотреть несколько возможных версий его происхождения.

Версия 1. *Всеволодко был потомком черниговских Святославичей.* Наиболее вероятной, на первый взгляд, является возможность отождествить его с сыном черниговского князя Давыда Святославича, который упоминается под 1116 и 1124 гг. Ипатьевской летописью. В статье 6632 (1124) г.: «Томъ же лѣтъ ведоша Ляховицю Мюрому за Давыдовича Всеволода» ¹⁰⁵. Всеволод Давыдович стал муромским князем, вероятно, после смерти отца, когда Ярослав Святославич сел на его место в Чернигове. После захвата Чернигова Всеволодом Ольговичем Ярослав был вынужден вернуться в Рязань. Таким образом, Всеволод Давыдович потерял Муром и, в качестве компенсации от Мстислава Владимировича, который изменил своему вчерашнему союзнику, мог получить Городец. Брак с дочерью Болеслава III ¹⁰⁶ состоялся в 1124 г.; Агафья к тому времени могла уже и умереть. Да и имя Всеволод начинает встречаться среди потомков Святослава Ярославича как раз с поколения его внуков.

Однако это привлекательное предположение, которого, как мы показывали выше, первоначально придерживался и сам В. Н. Татищев, опровергается тем фактом, что, по сообщению Ипатьевской летописи под 1144 г., дочери Всеволода Городенского были выданы замуж — одна за Юрия Ярославича из туровских князей, другая — за брата Всеволода Давыдовича Муромского Владимира ¹⁰⁷. Предположение

близкий к Воронцовскому (Плахонин А. Всеволодко Городенский... С. 233), на что нам справедливо указал А. П. Толочко.

¹⁰⁴ Шлецер А. Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Л. Шлецером. СПб., 1809. Т. 1. С. 95–96.

¹⁰⁵ Ипатьевская летопись... Стб. 288.

¹⁰⁶ Baumgarten N. de. Généalogies et mariages... Table IV. S. 18.

¹⁰⁷ Ипатьевская летопись... Стб. 317. Дочь Всеволодка, жена Владимира Давыдовича, позднее, уже овдовев, вышла замуж за половецкого князя Башкорда, случай неслыханный в Древней Руси (Ипатьевская летопись... Стб. 501).

В. Н. Татищева, что отцом невест был Всеволод Мстиславич, как мы уже указывали, не выдерживает критики. Во-первых, тогда они не были бы внуками Владимира Мономаха, а во-вторых, такое вмешательство Всеволода Ольговича во внутренние дела клана Мономашичей кажется нам невозможным.

Поэтому совершенно обоснованно «двѣ Всеволодковнѣ» признаются дочерьми Всеволодка Городенского и Агафьи Владимировны. Таким образом, если бы мы признали Всеволодка сыном Давыда Святославича, пришлось бы предположить возможность брака его дочери с дядей, что, понятно, полностью исключено.

Версия 2. *Всеволодко является потомком туровских Изяславичей.* У этой гипотезы есть много достоинств. Во-первых, Городец лежит на самой границе Турово-Пинского княжества. Хотя, учитывая брак дочери Всеволодка с Юрием Ярославичем, мы не можем отнести его к потомкам Святополка Изяславича, довольно вероятно его принадлежность к потомству Ярополка или Мстислава Изяславичей.

Версия 3. *Всеволодко был сыном Давида Игоревича.* Как это ни удивительно, догадка В. Н. Татищева остается наиболее вероятной версией происхождения этого князя. Эту мысль разделяет и автор этой статьи, хотя и не так безапелляционно, как в предыдущей своей работе¹⁰⁸. В пользу этого предположения свидетельствует имя князя, которое встречается среди потомков Игоря Ярославича, — Всеволодом звали брата Давида Игоревича.

Общепринятой является точка зрения, что Всеволодко был князем Городна на южной границе Турово-Пинского княжества, а следовательно, территориально близкого к отцовской Погорине. Наконец, последним аргументом являются некоторые недостатки других возможных версий.

Однако против этого предположения В. Н. Татищева выступил А. В. Назаренко. В качестве основного контраргумента он привлекает материалы из области древнерусского права, регулирующего практику близкородственных браков: «Тако есть право уне поимание: брата два — то две колене; дети тою — то 3-е колено: дотолє нєлзе поиматися. Внуци тою — 6-е колено: нє лзе же, 7-е и 8-е, то уже достойно поиматися»¹⁰⁹. Каза-

¹⁰⁸ *Плахонін А. Г.* Мстислав, Ігорів онук (кілька зауважень на полях «Хождения игумена Даниїла») // Київська старовина. 1999. № 5. С. 9–16.

¹⁰⁹ Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. / [А. С. Павлов]. 2-е изд. (РИБ. Т. 6) № XIV. Стб. 143.

лось бы, действительно, будучи сыном Давида Игоревича, Всеволодко приходился бы родственником Агафьи в 6-м колене:

Ярослав Мудрый

Всеволод		Игорь
Владимир		Мономах Давыд
Агафья	-	Всеволодко

Впрочем, недаром сам А. В. Назаренко чуть далее осторожно замечает, что «церковное брачное законодательство все-таки иногда нарушалось, а иногда из него делались исключения, санкционировавшиеся церковью. В целом эта проблема остается неисследованной»¹¹⁰. Ведь даже при самом поверхностном знакомстве с браками внутри рода Рюриковичей становится заметным, что браки между родственниками в 6-м колене были широко распространены:

Ярослав Мудрый			Мстислав Владимирович		
Изяслав		Святослав	Ростислав		Изяслав
Святополк		Давид	Рюрик		Мстислав
Анна	-	Святослав	Предслава	-	Роман

Изяслав Ярославич			Мстислав Владимирович		
Ярополк		Святополк	Ростислав	Мария = Всеволод Ольгович	
Глеб Всеславич - Анастасия		Ярослав	Рюрик	Святослав	
Ростислав -		София	Дочь	-	Глеб

К тому же, опираясь на древнерусское церковное право, А. В. Назаренко не познакомился со всем комплексом документов, посвященных регулированию брачных отношений между родственниками. Так, к примеру, в составе относительно позднего, второй половины XV в. Рогожского списка Кормчей, который принадлежит к так называемой Ефремовской редакции, сохранился перевод соответствующего фрагмента из Прохирона «О възбраненіих женитвах» с текстом: «Нъ ни тех в'ноучате, аще и четвертаго боудет степени. От него же степени могут поимати на бракъ»¹¹¹.

¹¹⁰ Назаренко А. В. Городецкое княжество... С. 171–172.

¹¹¹ Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. / [А. С. Павлов]. 2-е изд. (РИБ. Т. 6. № XIV). Стб. 143.

Таким образом, если следовать этим инструкциям, то возможными станут даже браки в пятом колене.

В силу этих обстоятельств считаем, что выводы А. В. Назаренко об экстраординарности браков родственников в 6-м колене несколько преждевременны. Тем более неосторожно только на основании этих выводов пересматривать браки Рюриковичей с европейскими династиями ¹¹².

Таким образом, можем выдвинуть два основных предположения о происхождении Всеволодка Городенского: 1) от Ярополка или Мстислава Изяславичей; 2) от Давида Игоревича.

Окончательная идентификация этого князя усложнена еще и тем, что спорным остается вопрос, князем какого именно Городна (или Городца) был Всеволодка. Летописные списки не дают нам устоявшейся формы названия владения Всеволодка, чередуя в одних и тех же списках названия «Городен» и «Городец». По наблюдениям В. П. Нерознака, замечу далеко не полным, древнерусские летописи приводят такие формы этого названия: «Городень», «Городно», «Городокъ», причем название «Городецъ», например, употребляется по отношению к восьми населенным пунктам ¹¹³. Кроме отождествления удела Всеволодка с Городцом в низовьях Горыни и Стыра, нам кажется вероятной и идентификация его с древнерусским Городном в Черной Руси. Летописные сообщения о походах 1127/1128 и 1131/1132 гг. с одинаковым успехом могут быть отнесены к обоим вариантам локализации этого города.

А. В. Назаренко подошел к вопросу об идентификации Городна с полной категоричностью. Он утверждает, впрочем совершенно верно, что в «припятском» Городне «сколько-нибудь заметного археологического слоя вообще не обнаружилось» ¹¹⁴. Как нам кажется, проблема состоит в том, что локализация «припятского» Городна не пересматривалась со времен Н. П. Барсова, который еще в XIX в. предложил искать его в современном с. Городно Брестской обл. ¹¹⁵, где археологический слой эпохи Древней Руси действительно не обнаружен. Очевидно, что Н. П. Барсов руководствовался исключительно географической близо-

¹¹² Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. С. 559—584.

¹¹³ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 62—63.

¹¹⁴ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 176.

¹¹⁵ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 122. Что интересно, сам Н. П. Барсов называл Всеволодка внуком Давида Игоревича, что, как нам кажется, удачно иллюстрирует степень его знакомства с исторической литературой.

стью и созвучием названия (впрочем, он колебался в точности этого определения). Позднее его предположение без всяких сомнений заимствовало А. М. Андрияшев, П. А. Ивановым, М. С. Грушевским и многими другими исследователями¹¹⁶. Впрочем, первое же наше обращение к своду древнерусских городищ А. В. Кузы дало несколько отличный результат. Неподалеку от с. Городец Ровенской обл. на берегу р. Горынь сохранилось древнерусское городище, при исследовании которого А. П. Раппопортом были собраны материалы X–XII вв.¹¹⁷ По нашим сведениям, систематическое исследование этого городища так и не было произведено.

Локализация «припятского» Городна именно в этом месте выглядит весьма правдоподобно. Однако следует признать, что из наличия древнерусского городища и созвучия довольно распространенного топонима еще не следует, что именно этот город был княжеским столом в XII в.

Еще М. С. Грушевский предположил, что в пределы Городенского княжества входили Степань и Дубровица¹¹⁸. Такое предположение основывается на необходимости наделить княжескими столами многочисленное потомство Всеволодка — Бориса, Глеба, Мстислава. Впрочем, аргументы как за, так и против такого предположения отсутствуют, поскольку ни Степань, ни Дубровица в 1140-е — 1180-е гг. в летописях не упоминаются, а под 1184 г. в Ипатьевской летописи фигурирует князь Глеб Юрьевич Дубровицкий¹¹⁹ — несомненно из линии потомков Изяслава Ярославича. Также довольно расплывчаты в представлении А. В. Назаренко границы Городенского княжества на Немане: «...по косвенным данным позволительно думать, что в его состав входил Волковыйск или даже Новогородок»¹²⁰. Логика этого предположения та же, что и у Грушевского, — географическая близость (и, соответственно, однотипность

¹¹⁶ Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 34; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895. С. 74; Грушевский М. С. Історія України-Руси. Київ, 1892. Т. 2. С. 301–302; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

¹¹⁷ Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. № 899. С. 165. А. В. Куза ссылается на: Ратин О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. С. 35; Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 140. М., 1967. С. 76, 225.

¹¹⁸ Грушевский М. С. Історія України-Руси... Т. 2. С. 302.

¹¹⁹ Ипатьевская летопись... Стб. 631.

¹²⁰ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 184.

археологического материала) и необходимость наличия как минимум трех столов для сыновей Всеволодка.

Казалось бы, детальный анализ политики городенского князя позволит определить местоположение его волости. Однако, как показывают наши наблюдения, базой походов городенских князей с одинаковым успехом могли быть и Городен на Немане, и Городен на Горыни. В походе Мстислава Владимировича на Полоцк в 1127/1128 г. принимали участие наряду с Всеволодком князя Турова, Владимира, Клеческа, Чернигова¹²¹. В походе 1132 г. на Литву принимали участие киевские и черниговские отряды¹²². Сыновья Всеволодка, Борис и Глеб, принимали участие в походе Всеволода Ольговича на Галич в 1144 г. вместе с отрядами черниговских, волынских, переяславского, смоленского князей¹²³. Как участники такой же разношерстной коалиции князей упоминаются Всеволодковичи и в борьбе за Киев в 1150—1151 гг.¹²⁴, походах на половцев 1167¹²⁵, 1170¹²⁶, 1184¹²⁷ гг., походе на Киев коалиции полоцких, туровских, пинских и других князей в 1174 г.¹²⁸ И если городенские князья упоминаются в числе ближайших сторонников волынского и киевского князя Мстислава Изяславича¹²⁹, то этот факт также невозможно использовать как аргумент в пользу того или иного варианта локализации Городенского княжества.

Наиболее перспективными нам кажутся наблюдения А. В. Назаренко над сфрагистическими материалами Западной Руси. Прежде всего они основываются на гипотезе Н. Н. Воронина о принадлежности группы пломб из Дорогочина с изображением св. Симеона Всеволоду Городен-

¹²¹ Ипатьевская летопись... Стб. 292.

¹²² Там же. Стб. 294.

¹²³ Там же. Стб. 315.

¹²⁴ Там же. Стб. 410, 413, 424, 426—427, 433.

¹²⁵ Там же. Стб. 528.

¹²⁶ Там же. Стб. 538.

¹²⁷ Там же. Стб. 631.

¹²⁸ Там же. Стб. 574.

¹²⁹ Там же. Стб. 547—548, 533 и др.

¹³⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.) // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 3. М., 1954. С. 146. По нашим наблюдениям, в источниках встречаются такие пары имен: Всеволод — Даниил (1 раз), Всеволод — Лаврентий (1 раз), Всеволод — Иоанн (1 раз), Всеволод — Кирилл (1 раз), Всеволод — Андрей (1 раз), Всеволод — Гавриил (1 раз), Всеволод — Дмитрий (2 раза), Всеволод — Петр (1 раз), Всеволод — Алек-

скому, христианским покровителем которого, как считал историк, был св. Симеон Богоприимец¹³⁰. Одновременно А. В. Назаренко привлекает найденные в Волковийске печати с изображением св. Симеона и «процветшего» креста на обороте¹³¹. Действительно, довольно соблазнительно связать волковийские печати с Всеволодком. Это тем более привлекательно для нас, что автор данной статьи недавно выдвинул предположение об идентификации владельца печати со схожим изображением «процветшего» креста на обороте и св. Давидом на лицевой стороне, найденной в 1972 г. в Дорогобуже¹³², с Давидом Игоревичем¹³³. Закрепление «процветшего» креста как своеобразного родового знака за возможным потомством Давида Игоревича может опровергнуть устоявшуюся в литературе точку зрения о невозможности причисления «процветшего» креста к родовой геральдической символике средневековой Руси¹³⁴. Тем более что «процветший» крест помещен на оборотной стороне печати с изображением св. Глеба, три экземпляра которой найдены в Киеве, а один в Городне на Немане¹³⁵, которую А. В. Назаренко связывает с Глебом Всеволодовичем; а также на печати с изображением св. Бориса¹³⁶, которую А. В. Назаренко, в свою очередь, связывает с Борисом Всеволо-

сандр (1 раз). Как видно, так и не было выработано стандартное парное крестильное имя к княжескому имени Всеволод. Пару Всеволод — Симеон нам также удалось зафиксировать всего один раз, в Любецком синодике: «Князя Симеона Всеволода черниговского и сына его князя Феодора Святослава, убиенного отъ Литви; княгиню его Ефимию» (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 26). Идентификация этого князя из династии черниговских Ольговичей крайне трудна. Единственно, что можно утверждать с большей или меньшей долей вероятности, действовал он в первой половине XIII в. (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 81–82).

¹³¹ *Зоеруго Я. Г.* Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975. С. 134. Рис. 40, 2; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. Печати X — начала XIII вв. М., 1970. № 326; *Назаренко А. В.* Городенское княжество... С. 185.

¹³² *Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф., Олифер О. М.* Раскопки в Ровенской области // Археологические открытия. 1973 г. М., 1974. С. 320; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. № 3336.

¹³³ *Плахонин А. Г.* Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки) (в печати).

¹³⁴ См., например: *Белецкий С. В.* Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.) // У источника: Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. М., 1997. Ч. 1. С. 103; *Плахонин А. Г.* Давньоруська провінційна династія...

¹³⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. № 333.

¹³⁶ Там же, № 332.

довичем¹³⁷. «Процветший» крест в данном случае мог быть знаком лишь родовым, поскольку, по наблюдениям того же А. В. Назаренко, над клеймами на плинфе древнерусских сооружений Городна на Немане, князьями этого города активно использовались и индивидуальные знаки в форме двузубцев разных видов¹³⁸.

Впрочем, слабым местом всех этих предположений является тот факт, что они основываются изначально на упомянутой нами выше гипотезе Н. Н. Воронина, который сам колебался в возможности соотнесения крестильного имени Симеон с Всеволодком Городенским, и в качестве альтернативы предлагал идентификацию пломб с изображением св. Симеона с волынским епископом Симеоном 20-х—30-х гг. XII в.¹³⁹ А. В. Назаренко такую возможность отвергает, основываясь на спорном предположении о принадлежности Городенского княжества в XII в. к Туровской епархии¹⁴⁰.

Аргументация в пользу происхождения Всеволодка от Ярослава Ярополчича у А. В. Назаренко основывается на интерпретации событий 1116—1117 гг. — борьбы между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем за Волынь. В целом весь период после 1113 г. он характеризует наступлением нового киевского князя на турово-берестейские владения Ярослава Святополчича. В союзе с последним, как счи-

¹³⁷ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 186—187.

¹³⁸ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 185. Впрочем, заметим, что мнение Б. А. Рыбакова об отождествлении клейм в форме дву- и трезубцев с родовыми знаками Рюриковичей, выступавших дарителями при строительстве этих храмов (Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // Советская археология. М.; Л., 1940. Вып. 6. С. 227—257.), как нам кажется, убедительно подверг критике И. М. Хозеров, который среди клейм на кирпичах кладки одного и того же храма выделял по несколько десятков видов дву- и трезубцев, часто одновременно и черниговского и владими́ро-суздальского типов (Хозеров И. М. Памятники зодчества XI—XII вв. в Полоцке // Хозеров И. М. Белорусское и Смоленское зодчество XI—XII вв. Минск, 1994. С. 38—40).

¹³⁹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно... С. 146.

¹⁴⁰ Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 185. С категоричностью этого предположения вряд ли можно согласиться. Так, Я. Н. Шапов, например, считает, что Понеманье в XI в. входило в состав Туровской, а в XII в. — Полоцкой епархии (Шапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1989. С. 35, 49.), что так же недостаточно аргументировано, как и точка зрения А. В. Назаренко. К тому же сам факт находки пломбы волынского епископа в Понеманье еще не свидетельствует о том, что эта территория входила в состав его епархии, как входил Дорогичин хотя бы в XII в., в котором были найдены большинство из упомянутых пломб.

тает А. В. Назаренко, выступил Глеб Всеславич минский, который в 1117 г. «баше воеваль Дръговичи и Случескъ пожегъ»¹⁴¹. «Это значит, — замечает историк, — что Случеск и „дреговичи“ (т. е., очевидно, Туров в том числе) к 1116 г. находились уже под властью Киева»¹⁴². Это далеко не бесспорное утверждение, как нам кажется, нуждается в некоторой аргументации.

Ведь, как справедливо замечал А. К. Зайцев, «указание „вси Дреговичъ“... не охватывает всей этнической территории дреговичей», и далее уточнял, что и в летописной статье 1116 г., и в статье 1149 г. из географического понятия «дреговичи» исключались территории Минской и Туровской волостей. Из этого А. К. Зайцев делал вывод, что «все Дреговичи» есть не что иное, как административная территория с центрами Случеск и Клеческ¹⁴³. Он выдвинул предположение, что на рубеже XI—XII вв. эту волость в условное владение получил Олег Святославич, и после его смерти ее держали его потомки¹⁴⁴.

В целом и текст летописной статьи с описанием похода Мономаха на Глеба Минского 1116/1117 г. подтверждает это предположение А. К. Зайцева: «Володимерь же надѣяся на Бога и на правду поиде къ Смоленску съ сынѣми своими и с Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичи и взя Вячеславъ, Рѣшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ оузя Дрютескъ на щить, а Володимерь самъ поиде къ Смоленску»¹⁴⁵. Итак, во-первых, среди участников похода упоминаются Ольговичи, т. е. возможные пострадавшие от набега Глеба. Во-вторых, Мономах отправился со своей дружиной не к разоренной волости (как поступил бы ее держатель), а к *своему* Смоленску, оставляя отряды союзников действовать неподалеку от их владений. Те, продвинувшись немного на север, взяли Друцк, Оршу и Копысу.

Несомненно, что, как сюзерен Клеческой и Случеской волости, Мономах должен был отреагировать на ущемление интересов его васалов — Ольговичей. Результатом этого и был поход на Глеба Минского, набег которого, скорее всего, был простой грабительской вылазкой. Впрочем, не принадлежали ли эти территории его отцу до того, как

¹⁴¹ Ипатьевская летопись... Стб. 282.

¹⁴² Назаренко А. В. Городенское княжество... С. 180.

¹⁴³ Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 105.

¹⁴⁴ Зайцев А. К. Черниговское княжество... С. 108—109.

¹⁴⁵ Ипатьевская летопись... Стб. 282—283.

Всеслав Брячиславич ввязался в борьбу с Изяславом Ярославичем? В таком случае Глеб, возможно, пытался восстановить отчинные владения за счет Ольговичей, рассчитывая, вероятно, что Мономах не выступит в их поддержку.

Не в пользу возможности союза между Глебом Всеславичем и Ярославом Святополчищем свидетельствуют и некоторые другие обстоятельства. А. В. Назаренко пытается изобразить сам факт выделения удела для Всеволодка из владений Ярослава Святополчича как акт, ему враждебный. Однако же если признать версию происхождения Всеволодка от Ярослава Ярополчича, то следует согласиться с тем, что Глеб Всеславич должен был быть природным союзником Всеволодка. Глеб был женат на дочери Ярослава Ярополчича (сам А. В. Назаренко упоминает, что она умерла в 1158 г. в возрасте 85 лет¹⁴⁶; значит, брак должен был состояться задолго до 1116 г.) и должен был быть заинтересован в союзе с собственным шурином¹⁴⁷. Сам А. В. Назаренко отмечает, что выделение удела Всеволодку состоялось после 1117 г., поскольку он не упоминается среди участников похода на Глеба, — в силу замеченных нами, да и отмеченных А. В. Назаренко возможных близких родственных отношений между Всеволодком и Глебом, вывод довольно странный. К тому же в летописном сообщении о браке Всеволодка и дочери Мономаха Всеволодка еще не назван Городенским, что, вполне очевидно, свидетельствует о том, что Городенское княжество он действительно получил позднее.

Обратим внимание еще на ряд неудобных для А. В. Назаренко обстоятельств. Во-первых, если принять его мысль о том, что выделение волости Всеволодку за счет Ярослава Святополчича было предпринято для ослабления последнего, то мы вынуждены признать, что погорынское Городно также могло быть выделено и из турово-пинских владений Ярослава. Это тем более бы его ослабляло, что северная Погорина находится не в пример ближе к Киеву, в то время как понеманский Городен

¹⁴⁶ Там же. Стб. 492; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 168; *Назаренко А. В.* Городенское княжество... С. 180.

¹⁴⁷ Впрочем, некоторое косвенное свидетельство в пользу близких родственных отношений между Глебом Минским и Всеволодком (как если бы последний действительно был братом Анастасии Ярополковны) имеется. Один из сыновей Глеба носил имя Всеволода — нетипичное явление для полоцких князей XI — первой половины XII в. Впрочем, двое его других сыновей получили имена Ростислава и Володаря — нетипичные как для линии предков Глеба Всеславича, так и их матери — Анастасии Ярополковны.

лежал в землях беспокойных ятвягов и требовал постоянного отвлечения военных сил. Кстати, именно в силу этого обстоятельства вряд ли было бы возможным столь активное участие сыновей Всеволодка в борьбе за Киев в 40-е — 70-е гг. XII в. Понеманье слишком удалено и тем более уязвимо от постоянных набегов ятвягов, для того чтобы регулярно отвлекать княжеские дружины для далеких походов. Во-вторых, если признать, что понеманское Городенское княжество было действительно выделено Всеволодку из Волынской волости Ярослава Святополчича, как это утверждает А. В. Назаренко, то этот факт опровергает все его же собственные аргументы против того, что Понеманье в начале — середине XII в. относилось к волынской епархии.

Дискуссия с А. В. Назаренко можно было бы продолжать еще долго. Ведь вне наших контраргументов осталась еще, к примеру, вероятность принадлежности Понеманья к Полоцкому княжеству. Ипатьевская летопись упоминает городенских князей — потомков Глеба Всеславича Минского¹⁴⁸. Главное для нас, что из всей этой дискуссии возможно пока вынести лишь один вывод: у нас нет убедительных аргументов в пользу окончательной идентификации как самого городенского князя, так и местоположения его княжества. Несмотря на все вышеприведенные аргументы против доводов А. В. Назаренко, автор этой статьи признает как возможность происхождения Всеволодка из линии потомков Изяслава Ярославича, так и вероятность того, что ему принадлежало именно Понеманье. Однако, как нам кажется, историк должен избегать категоричности высказываний — ведь наука вряд ли выиграет от того, что место одной слабо аргументированной теории займет такая же другая. В науке всегда должно оставаться место для сомнений и поисков.

Таким образом, вопрос о происхождении городенской ветви Рюриковичей остается открытым.

¹⁴⁸ Ипатьевская летопись... Стб. 495, 496, 519 и др.

Рис. 1. Свт. Афанасий Великий. Фреска церкви св. Афанасия ту Мусаки 1384/85 г. (Кастория, Греция)

Рис. 2. Святители Афанасий и Кирилл Александрийские. Икона XIV в.
(Гос. Эрмитаж)

Рис. 4. Святители Кирилл Александрийский, Афанасий Великий и Леонтий Ростовский. Икона конца XV в. (Мало-Кириллов монастырь близ Новгорода)

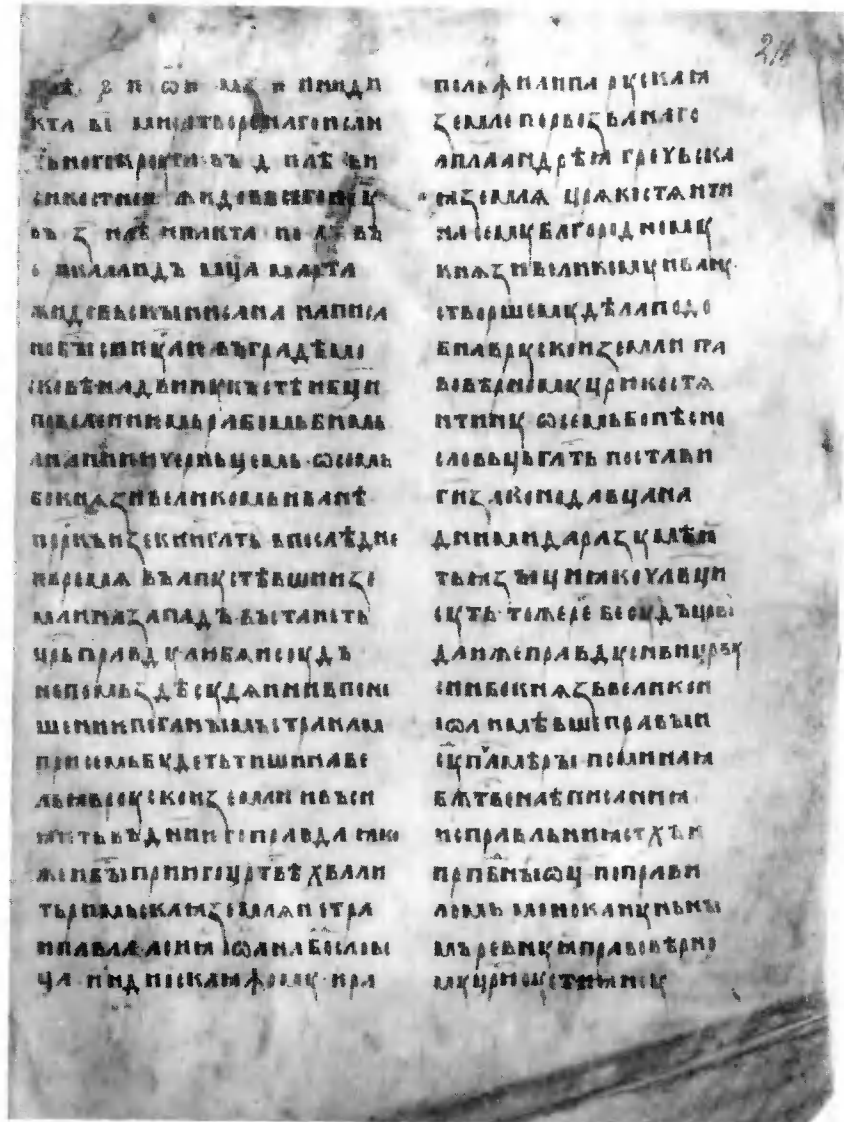

Рис. 1. Запись писцов Мелентия и Прокоши
(БАН. Арх. Ком. № 189. Л. 216).

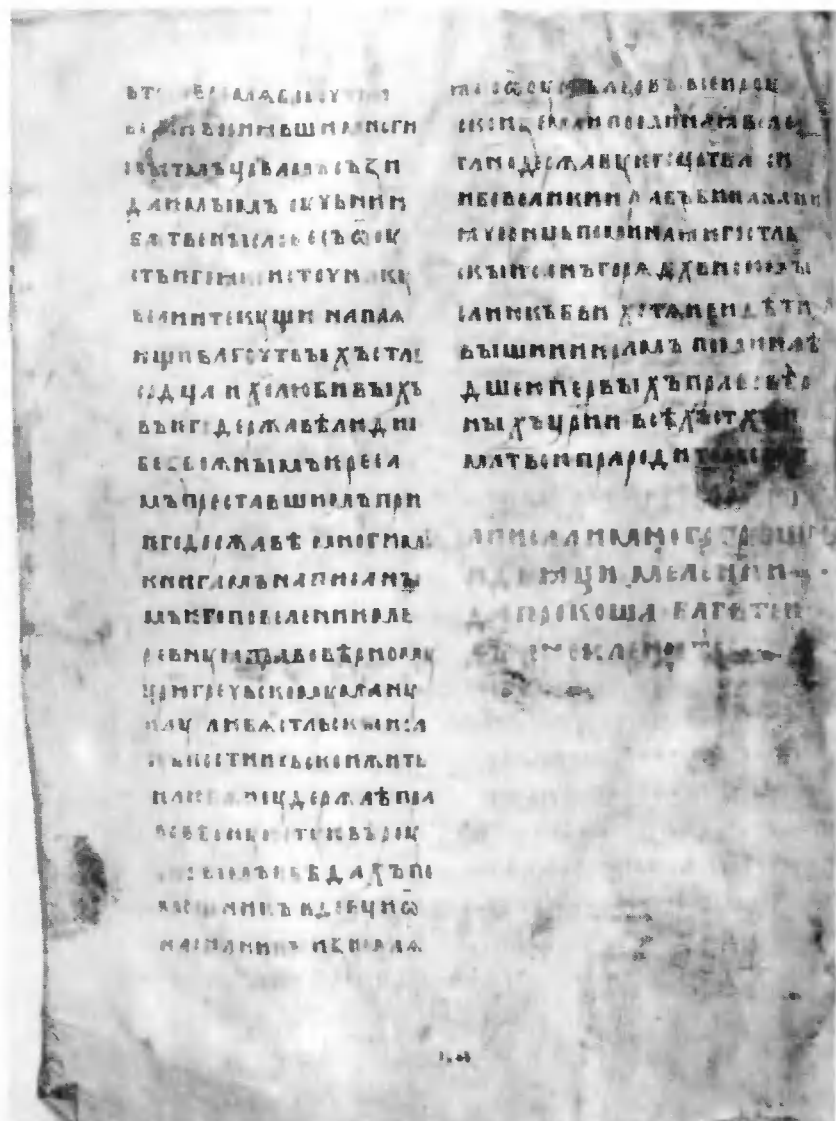

Рис. 2. Запись писцов Мелентия и Прокоши
(окончание; БАН. Арх. Ком. № 189. Л. 216 об.).

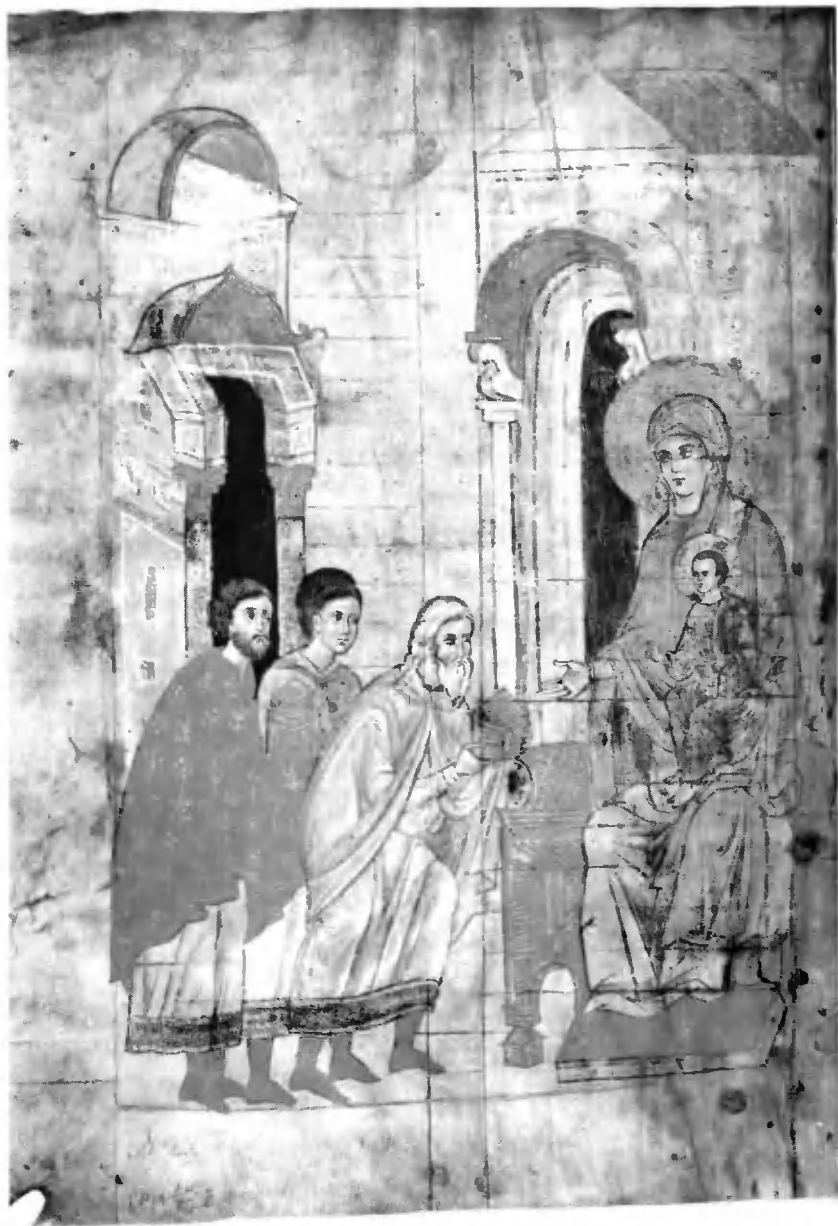

Рис. 3. Поклонение волхвов. Миниатюра Сийского евангелия
(ГРМ. ДР. гр. № 8)

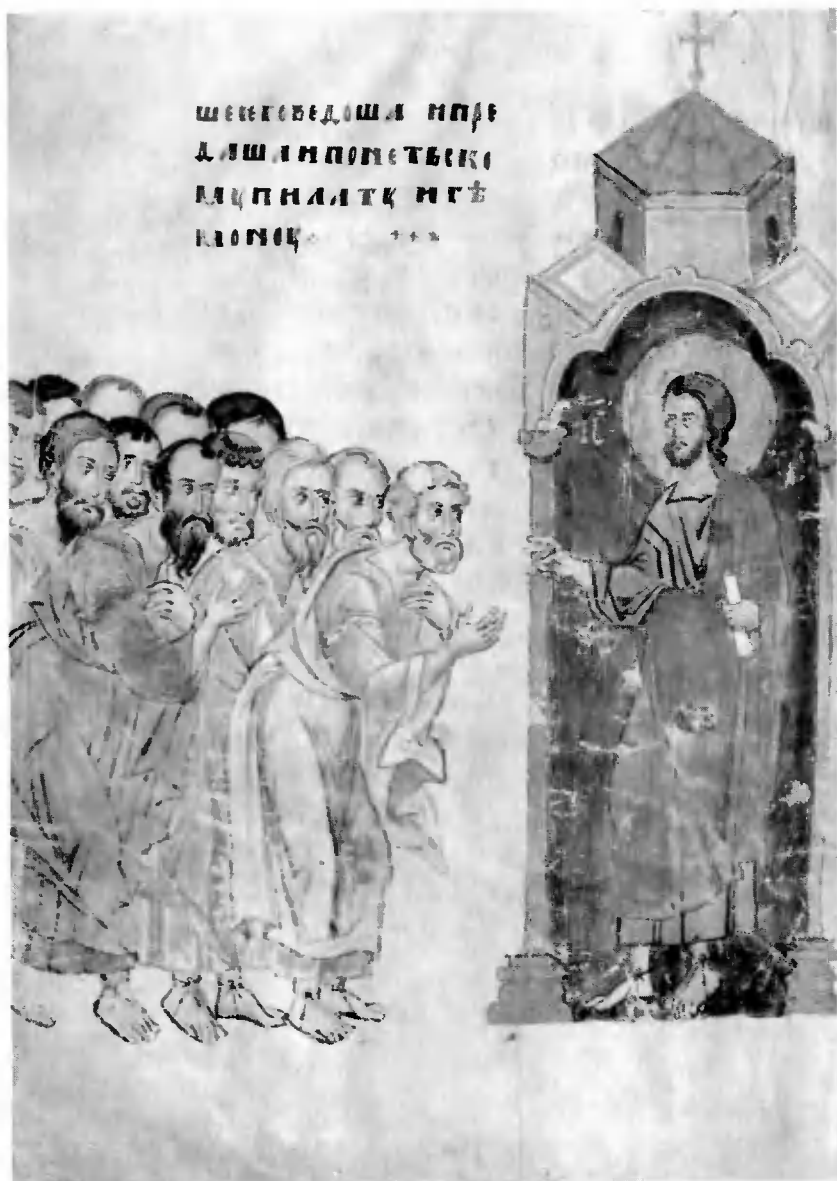

Рис. 4. Отослание апостолов на проповедь. Миниатюра Сийского евангелия (БАН. Арх. Ком. № 189. Л. 172 об.).

Список принятых сокращений

АСЗ	— Акты служилых землевладельцев
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства
БАН	— Библиотека Академии наук
Волок.	— Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) РГБ
ГВНП	— Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономии
ГРМ	— Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
НБКМ	— Народная библиотека «Кирил и Методий». София
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ОИДР	— Отделение истории древностей российских Имп. Академии наук
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства
Погод.	— Собрание М. П. Погодина (ф. 583) РНБ
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАН	— Российская академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека. Москва
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИИР	— Редкие источники по истории России. М., 1977
РНБ	— Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Санкт-Петербург
Син.	— Синодальное собрание (ф. 80370) ГИМ
Син. тип.	— Фонд Библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381) РГАДА
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
Соф.	— Собрание новгородской Софийской библиотеки (ф. 728)
СПб.ДА	— Собрание Санкт-Петербургской Духовной Академии (ф. 573) РНБ
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы

ХАЗУ	— Хорватская Академия наук и искусств (ранее ЈАЗУ). Загреб
Хлуд.	— Собрание А. И. Хлудова (ф. 86795) ГИМ
Чуд.	— Собрание Чудова монастыря (ф. 80370) ГИМ
BZ	— <i>Byzantinische Zeitschrift</i>
CSCbO	— <i>Corpus scriptorum christianorum orientalium</i>
DOP	— <i>Dumbarton Oaks Papers</i>
PG	— <i>Patrologiae cursus completus. Ser. graeca</i> / Ed. J. P. Migne
PO	— <i>Patrologia orientalis</i>
SH	— <i>Subsidia hagiographica</i>
Sinait.	— Библиотека монастыря в мц. Екатерины. Синай
Sinait. georg.	— Собрание грузинских рукописей монастыря в мц. Екатерины. Синай
Sinait. gr.	— Собрание греческих рукописей монастыря в мц. Екатерины. Синай
Vat.	— Ватиканская библиотека
Vat. gr.	— Собрание греческих рукописей Ватиканской библиотеки

Извещение о закрытии временника RUSSIA MEDIAEVALIS

Уважаемые Читатели и Подписчики!

Основанный Джоном Феннелом (†1992, Оксфорд), Людольфом Мюллером (Тюбинген) и Анджеем Поппэ (Варшава), и издаваемый ими с примкнувшим в 1985 г. Эдгаром Хёшем, временник ставил своей основной задачей пересечение мешающих исследователям рубежей, утратившие пришиваемых им ярлыков, соблюдение авторами канонов исследовательского ремесла. В 1973 г. увидел свет первый, в 2002 — десятый том временника, посвященного средневековой Руси, входящего на порог нового времени — в XVI век и забегавшего в XVII столетие. Его заголовок *Russia Mediaevalis* отмечал связь с латиноязычным миром европейского средневековья, стремясь сотрудничать со всеми собратьями по ремеслу, независимо от деливших нас государственных границ и ограничений.

Преодолеванию сложившейся замкнутости служил библиографический отдел временника аннотирующий основную текущую продукцию. Результаты этих усилий не всегда были удовлетворительны из-за уклонения опытных перьев, нескорох на краткие принципиальные оценки. В результате, вместе с запаздыванием, аннотации сводились к изложению содержания, а с 8-ого тома их издание приостановилось. Перспектива их продолжения зависит от решения Восточно-европейского Института в Мюнхене ввести библиографическую информацию в интернет.

Распад СССР и новые возможности публикации в России и в Украине, появление нескольких журналов, посвященных средневековой истории восточных славян (так как «Древняя Русь», «Средневековая Русь», «*Mediaevalia Ucrainica*», «Киевская старина» и др.), позволяет заключить, что *Russia Mediaevalis*, в неполной степени оправдавшая возлагаемые на нее ожидания, перестает быть изданием необходимым. Попытки продлить ее существование ввиду умножения финансовых препятствий оказались тщетны. Пришлось также учесть пенсионный возраст издателей.

Не нам оценивать роль, которую сыграла *Russia Mediaevalis*. Слова благодарности направляем Читателям и всем благоприятным и соучаствовавшим в нашем скромном предприятии.

Мюнхен–Тюбинген–Варшава, на Рождество 2002 г.

Эдгар Хёш Людольф Мюллер Анджей Поппэ

Содержание

Предисловие.....	4
<i>С. Л. Никольский.</i> О дружинном праве в эпоху становления государственности	5
<i>Л. Мюллер.</i> О принципах реконструкции и перевода Несто- ровой летописи.....	49
<i>П. В. Лукин.</i> Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании.....	70
<i>О. В. Лосева.</i> Почитание Афанасия Великого, патриарха Алек- сандрийского, в Византии и в Древней Руси.....	131
<i>А. А. Горский.</i> Судьбы Нижегородского и Суздальского кня- жеств в конце XIV — середине XV в.	140
<i>В. А. Кучкин.</i> Десятские средневековой Руси.....	171
<i>С. М. Каштанов, Л. В. Столярова.</i> Древнейшее московское евангелие и его двинской адресат	252
<i>А. Г. Плахонин.</i> «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей	299
Список принятых сокращений	331

Научное издание

Средневековая Русь

4

Издательство «Индрик»

*Книги издательства «Индрик» можно приобрести
в книжной галерее «НИНА» по адресу:
ул. Б. Якиманка, д. 6
тел. 238-02-69*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: indric@mail.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
21,0 п. л. + 0,5 п. л. вкл. Тираж 800 экз. Заказ № 125

Типография Издательства СПИГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

